

Народо аселение

ISSN 1561-7785

2 . 2024

апрель-июнь

- **УСЛОВИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**
- **ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**
- **МИГРАЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**
- **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

Е Ж Е К В А Р Т А Л Ы Н Ы Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

2024. Том 27. № 2 (апрель-июнь)

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2; EDN: YGUWKW

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д.24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д.32).

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства «Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАК в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук» (категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);

Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);

Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);

Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);

Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);

Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);

Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);

Рыбаковский Л.Л., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);

Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);

Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);

Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);

Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);

Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);

Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);

Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);

Шабунова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);

Ярашева А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г.Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2024.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Заказ № 24143 Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 30.06.2024.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

Population

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2024. Vol. 27. No. 2 (April-June)

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2

**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77–78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V.V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O.A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky L. L., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksanbaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand.Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2024.

© ISESP FCTAS RAS, 2024.

Postal address of the Editorial Board:

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24143. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 30.06.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2024. Том 27. № 2 (апрель-июнь)

УСЛОВИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Локосов В. В., Ярашева А. В., Макаров С. В. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА	4
Фролова Е. В., Тюриков А. Г. МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В ЭКОНОМИКЕ: СПЕЦИФИКА И ОЦЕНКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ	14
Пилипенко И. В., Шнейдерман И. М. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)	26
Долженко Р. А., Долженко С. Б. МОНИТОРИНГ РЫНКА ТРУДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СЕКТОРЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ	41
Берзин Б. Ю., Пышминцева О. А. ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ СОЦИАЛЬНОГО СТРЕССА НА СТЕПЕНЬ АДАПТИРОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА	56

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О. Л. БАЛАНС НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В 1992–2023 ГГ. И ПЕРЕПИСНЫЕ ПОПРАВКИ	71
Секицки-Павленко О. О. ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	83
Липатов В. А., Соломахин А. А., Берзин Д. В., Точилкина Т. Е. АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ НА ОСНОВЕ МНОГОФАКТОРНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ	96
Рыбаковский Л. Л., Фадеева Т. А. РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ТЕНДЕНЦИИ, ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ	111
Синицына Д. А. РОЖДАЕМОСТЬ В ДВУХ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ	125
Трегубов В. Н. ДИНАМИКА ЧАСТНЫХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В РОССИИ, В КОТОРЫХ ПРОЖИВАЛО ПО ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ, В 2002–2020 ГОДАХ	138

МИГРАЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Воробьева О. Д., Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С. ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ: АНАЛИЗ НА УРОВНЕ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП	149
Ананьина Д. А., Кондакова Н. С. МИГРАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ	165
Дорошенко С. В., Санаева О. В. ЭФФЕКТ ГРАНИЦЫ В ОЦЕНКЕ ВЛИЯНИЯ ИММИГРАЦИИ НА НАРКОПРЕСТУПНОСТЬ В РЕГИОНАХ РОССИИ	179

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ — РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ «СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»	194
XIII МЕЖДУНАРОДНАЯ ГРУЗИНСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ, ПАРАДОКСЫ ДОВЕРИЯ И ПОИСКИ ИСТОЧНИКОВ РАЗВИТИЯ	201

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2024. Vol. 27. No. 2 (April-June)

CONDITIONS AND QUALITY OF LIFE

Vyacheslav V. Lokosov, Aziza V. Yarasheva, Svetlana V. Makar SPATIAL DISTRIBUTION OF HUMAN RESOURCES: EDUCATION AND LABOR SPHERES	4
Elena V. Frolova, Aleksandr G. Tyurikov MECHANISMS FOR FORMING TRUST IN THE ECONOMY: SPECIFICS AND ASSESSMENT OF THE FUNCTIONAL STATE	14
Igor V. Pilipenko, Inna M. Schneiderman REGIONAL PRIORITIES IN THE UTILITIES' INFRASTRUCTURE UPGRADING IN RURAL AREAS FOR IMPROVING QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION (PART TWO)	26
Ruslan A. Dolzhenko, Svetlana B. Dolzhenko LABOR MARKET IN THE PROFESSIONAL SEGMENT OF PERSONNEL MANAGEMENT: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS	41
Boris Yu. Berzin, Olga A. Pyshmintseva INFLUENCE OF THE INFORMATION STRESS ON THE DEGREE OF ADAPTATION OF REGION'S POPULATION	56

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Oleg L. Rybakovsky POPULATION BALANCE OF THE REGIONS OF RUSSIA IN 1992–2023 AND CENSUS CORRECTIONS	71
Olga O. Sekicki-Pavlenko REVIEW OF STUDIES ON THE AGE STRUCTURE OF POPULATION IN RUSSIAN LITERATURE.....	83
Viacheslav A. Lipatov, Aleksey A. Solomakhin, Dmitry V. Berzin, Tatiana E. Tochilkina ANALYSIS OF THE ECOLOGICAL VULNERABILITY OF THE KRASNODAR KRAI POPULATION USING A MULTIFACTOR DEMOGRAPHIC MODEL	96
Leonid L. Rybakovsky, Tamara A. Fadeeva FERTILITY OF THE POPULATION OF RUSSIAN REGIONS IN THE LATE 20TH AND EARLY 21ST CENTURIES: TRENDS, FEATURES AND CONSEQUENCES	111
Daria A. Sinitsyna FERTILITY IN TWO CAPITAL CITIES OF RUSSIA	125
Valeriy N. Tregubov DYNAMICS OF PRIVATE HOUSEHOLDS IN WHICH FROM 2002 TO 2020 LIVED ONE PERSON.....	138

MIGRATION: HISTORY AND MODERNITY

Olga D. Vorobyova, Anatoly V. Topilin, Georgy V. Nioradze, Tatiana S. Khrolenko THE RELATIONSHIP BETWEEN MIGRATION AND DEMOGRAPHIC AGING OF THE POPULATION OF THE RF REGIONS: ANALYSIS AT THE LEVEL OF AGE GROUPS	149
Darya A. Ananina, Natalia S. Kondakova MIGRATION TRENDS IN TRANSBAIKALIA: A RETROSPECTIVE ANALYSIS	165
Sveylana V. Doroshenko, Olga V. Sanaeva BORDER EFFECT IN ASSESSING THE IMMIGRATION IMPACT ON DRUG CRIME IN RUSSIAN REGIONS	179

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

VII INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE — RIMASHEVSKAYA READINGS «SAVING RUSSIAN POPULATION: HEALTH, EMPLOYMENT, STANDARDS AND QUALITY OF LIFE»	194
XIII INTERNATIONAL GRUSHIN SOCIOLOGICAL CONFERENCE «RUSSIAN SOCIETY IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY: ADAPTATION PROBLEMS, PARADOXES OF TRUST, AND SEARCH FOR DEVELOPMENT SOURCES»	201

УСЛОВИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-4-13
EDN: ZCFFDY

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА

Локозов В. В.¹, Ярашева А. В.^{1*}, Макар С. В.²

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: baktriana@rambler.ru

Для цитирования:

Локозов В. В., Ярашева А. В., Макар С. В. Пространственное распределение человеческих ресурсов: сферы образования и труда // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 4-13. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-4-13; EDN: ZCFFDY

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы формирования и использования человеческих ресурсов в России. Цель исследования — выявить параметры пространственной взаимосвязи между полученным профессиональным образованием и трудоустройством по обретенной специальности. Объект исследования — соотношение двух сфер социального пространства: 1) сферы образования, где происходит фиксация выбора будущей специальности и получение профессионального образования разного уровня и 2) сферы трудоустройства, которая соответствует, либо не соответствует полученной специальности, и в зависимости от этого влияет на достижимость задачи развития человеческих ресурсов. Эмпирической базой исследования послужили данные Росстата, данные платформ по поиску работы, социологических опросов ВЦИОМ. Показана динамика (2006–2021 гг.) представлений россиян относительно соотношения престижности профессий и их доходности. Проанализировано соответствие выполняемой россиянами работы полученным профессиональным навыкам: когда знания и навыки полученные в процессе образования и закрепления определённого профессионального уровня по конкретной специальности либо реализуются в экономике и способствуют дальнейшему формированию человеческих ресурсов (в большей степени характерно для крупных городов), либо не происходит применения имеющихся знаний в виду трудоустройства по «чужой» специальности. Полученные результаты имеют как теоретическое, так и практическое значение для учёных, исследователей и специалистов, которые занимаются проблемой несоответствия полученной специальности (как знаний и навыков, являющихся существенной частью человеческих ресурсов) и реальной выполняемой работой по профессии, а также для различных органов власти, принимающих участие в решении вопросов социального и экономического характера, в частности: формирования контрольных цифр приёма в учебные заведения и регулирования рынка труда.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, пространственное развитие, экономические ресурсы, уровень образования, сфера трудоустройства, престижные профессии, выбор профессии.

Введение

Важной особенностью человеческих ресурсов, дифференцирующей их, выступают знания, умения и навыки людей, полученные, в первую очередь, благодаря профессиональному обучению. Именно эти характеристики населения дают возможность посредством трудовой деятельности «конвертировать» труд как экономический ресурс в достигнутый уровень благосостояния, социальный статус. Успешность карьерных траекторий детерминирована множеством факторов, по-разному действующих в зависимости от места проживания человека, его способностей, особенностей поведения, установок и склонностей, а также принадлежности к конкретной демографической группе.

Под термином «пространство» в данной статье понимается комплекс тесно взаимосвязанных и пересекающихся между собой «плоскостей», а точнее сфер социальной жизни общества. Рассматриваются две такие плоскости-сферы: образование и труд, в частности, выбор будущей специальности и получение профессионального образования (разного уровня), а также реализация обретенных знаний в трудовой деятельности. Пространственное распределение человеческих ресурсов включает, по мнению авторов, следующие позиции: 1) качественные характеристики населения (возрастные, гендерные, образовательные и др.) и количественные значения этих характеристик для страны в целом, её макрорегионов и регионов; тренды к трансформации качественных пропорций и их обусловленность (например, под влиянием пандемии коронавируса [1], санкционного давления и др.); 2) связанность (зависимость) параметров-характеристик человеческих ресурсов, как в случае их принадлежности одному пространству, так и в контексте различных субпространств (например, оценка гендерного соотношения возрастных когорт, влияние различных факторов на экономическое поведение населения [2] в разрезе регионов, оценка поло-возрастной структуры малоимущего населе-

ния, различия индивидов по доступу к новым технологиям); 3) стратификация населения и специфика поведения (например, трудового, финансового, потребительского) различных социально-доходных групп; 4) территориальные проекции качественных характеристик населения для регионов и макрорегионов страны (уровень занятости трудоспособного населения [3], территориальное распределение трудовых ресурсов, проекция взаимосвязи качества населения и состояния экономики [4]); 5) удельные значения показателей-«свойств» населения (применительно к индивидууму, группам населения, социальным общностям, общества в целом). В связи с тем, что современные подходы к понятию «человеческие ресурсы» сопряжены не только с вопросами «экономической» отдачи от индивида, но и «становления и развития творческой личности» [5], рассмотрим проблему соотношения — полученное образование (база) и трудоустройство по полученной специальности (как возможность реализации этой базы).

Разработанность темы

Среди качественных характеристик населения, играющих базовую роль в вопросах развития общества и отдельного человека, эксперты [6] выделяют характеристики, содержащие показатели человеческого потенциала: продолжительность жизни; образовательный уровень; естественный прирост населения. Дефиницию «человеческие ресурсы» учёные рассматривают: в «качественном разрезе» как тождественную понятию «человеческий потенциал», а в «количественном аспекте» «ресурсы» изучаются, как более широкое понятие, чем «человеческий потенциал» [5, с. 15]. В отношении двух изучаемых сфер пространства — образование и труд — присоединимся к мнению о тождественности данных понятий.

Человеческий потенциал формирует свойства населения как единого целого. Так А. А. Федотов [7] определяет его как совокупность характеристик людей, выступающих в качестве их внутренних воз-

возможностей для реализации и всестороннего развития в соответствии со стремлениями и потребностями. В подходах Н. М. Римашиевой [8, с. 107] к структуризации человеческого потенциала [9, с. 186] выделялись 6 показателей, которые позволяли говорить о различных его аспектах: естественный прирост населения, уровень образования, посещение музеев и театров [10], ожидаемая продолжительность жизни, распространение алкоголизма и наркомании, уровень преступности. Исследования обнаруживают существенное воздействие факторов благосостояния населения на формирование большинства показателей человеческих ресурсов. Среди таких факторов — денежные доходы [11], а также распространение среднего и высшего образования и уровень занятости. Хотя полученные данные [7] говорят о влиянии благосостояния населения на уровень образования, сами по себе профессиональные навыки не оказывают прямое воздействие на повышение денежных доходов. Важно соотношение: полученное образование — реализация человека в трудовой деятельности по полученной специальности.

Весомым аспектом развития человеческих ресурсов являются процессы цифровизации всех сторон жизни общества, и, в первую очередь, сферы образования и труда. При этом учёные отмечают позитивные и негативные моменты относительно последствий данного процесса. Речь идёт о разных уровнях рассмотрения: на уровне общества ускорение цифровизации — позитивно и отождествляется с технологическими волнами прогресса [12]. Но цифровизация, проникшая во все слои и сферы общества, включает и проблемы функционирования основных носителей экономических колебаний — субъектов хозяйствования, например, акционеров [13]. Выделяется также и негативное влияние чрезмерной цифровизации на образование детей [14]. В условиях развития цифровой экономики отмечается усугубление социального расслоения, обусловленное техническими различиями в доступе к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ)

[15], доступностью самих информационных ресурсов, дифференциацией навыков пользователей ИКТ. Всё это оказывает воздействие на ключевую составляющую характеристики человеческих ресурсов — трудовой потенциал, который многие исследователи рассматривают в качестве базовой части всей совокупности человеческих экономических ресурсов. Их пространственное распределение интерпретируется через виды деятельности и территориальную дифференциацию. В частности, трудовые ресурсы рассматриваются как критический фактор развития территорий нового освоения [16]. Интерпретируя пространственные комбинации, отметим пересечение демографического подхода к человеческим ресурсам с социологическим в оценке структуры малоимущего населения России по возрастным группам в исследовании Е. А. Никитиной, Е. А. Мелай, А. В. Сергеевой [17, с. 630].

Результаты исследования

Принятие решения о выборе профессии детерминировано комплексом факторов, связанных с внешними условиями (в первую очередь, ситуацией на рынке труда) и внутренними установками людей. На выбор профессии влияет уровень ее престижа в обществе на данном этапе развития и возможности получения большего дохода от работы в сфере приложения своих трудовых компетенций. Так, по итогам опроса ВЦИОМ¹, в конце 2021 г. в тройку наиболее престижных вошли: работник медицинской сферы (31%), сферы образования (19%), специалист в области компьютерных технологий, IT-технологии (16%). Почти полное соответствие по параметрам «престижность» и «доходность» отмечается только в специальности «Специалист в области компьютерных технологий, IT-технологии» (табл. 1). В остальных случаях (при рассмотрении престижных профессий) наблюдается противоположная ситуация: на-

¹ Опрос 1600 респондентов проведён в сентябре 2021 года. — URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/fbae8d89-3d93-4a09-a1b4-7caa79a590dc/total/3cd8f400-3f9a-4006-bc31-af313b428aae> (дата обращения: 12.12.2023).

Таблица 1
Соответствие представлений о престижности профессии и её доходности, %

Correspondence of the idea of the prestige of a profession and its profitability, %

Table 1

Профессия	Престижные					Доходные				
	2006	2009	2012	2018	2021	2006	2009	2012	2018	2021
Работник медицинской сферы	11	12	12	26	31	5	7	6	12	10
Работник сферы образования	4	4	4	16	19	1	1	1	2	2
Специалист в области компьютерных (IT) технологий	7	6	5	12	16	4	3	2	8	13
Специалист в юридической сфере (юрист, адвокат, прокурор)	28	20	23	14	13	23	14	17	15	11
Политика / органы власти	>1	>1	4	7	9	0	0	0	13	19
Предприниматель, бизнесмен	10	6	5	4	4	20	13	14	11	13

Источник: сайт ВЦИОМ. — URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=353&q_id=40017&date=12.09.2021 (дата обращения: 01.12.2023).

пример, работники сферы здравоохранения и образования определены как престижные, но недоходные.

В современной России важной проблемой выступает несоответствие полученной специальности (как знаний и навыков, являющихся существенной частью человеческих ресурсов) и реальной выполняемой работой по профессии. Анализ данных это-

го показателя по типу населённого пункта проживания россиян (табл. 2) показал: в малых городах и городах-миллионниках наблюдается меньше несоответствия специальности той сфере, в которой человек в настоящее время трудится. В сельских населённых пунктах (особенно с числом населения до 1000 человек) подобное несоответствие более выражено, чем в городах.

Таблица 2

Наличие специальности* и её соответствие выполняемой работе по типу населённого пункта (2022 г.), лица в возрасте 15 лет и более, занятые в экономике (работающих) и имеющие профессию (специальность), подтверждённую дипломом (свидетельством), %

Table 2

Availability of a specialty and its compliance with the work performed by type of settlement (2022), persons aged 15 years or more, engaged in the economy (working) and having a profession (specialty) confirmed by a diploma (certificate), %

Населённые пункты	Работа полностью соответствует полученной специальности	Работа близка к полученной специальности	Работа не соответствует полученной специальности	Не определено
Все населённые пункты	49,1	19,4	31,5	0,1
Городские пункты, всего	50,0	19,9	30,0	0,1
В том числе с населением (тыс. человек): менее 50,0	48,1	17,9	34,0	0,1
50,0–99,9	50,1	20,2	29,7	0,1
100,0–249,9	51,1	19,4	29,4	0,2
250,0–499,9	49,0	18,6	32,2	0,1
500,0–999,9	50,8	18,7	30,4	0,1
1000 и более	50,8	22,0	27,1	0,0

Сельские пункты, всего	45,0	17,3	37,6	0,0
В том числе с населением (человек): 200 и менее	37,4	19,3	43,3	0,0
201–1000	43,1	15,7	41,2	0,1
1001–5000	46,3	18,2	35,5	0,0
более 5000	48,0	17,8	34,2	0,0

*Включая специальности, подтверждённые дипломом (свидетельством) и не приводящие к изменению уровня образования.

Источник: Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2022. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 12.12.2023).

Сравнение результатов обследований 3-х источников (Росстат, HeadHunter и «Работа.ру»), непосредственно имеющих отношение к мониторингу вопросов успешности

трудоустройства выпускников, демонстрируют схожую картину, несмотря на разные опросы (табл. 3).

Сравнение итогов исследований по трудоустройству выпускников по полученной специальности (2019–2020 гг.)

Таблица 3

Table 3

Comparison of employment survey results of graduates in their specialty (2019–2020)

Росстат	HeadHunter	«Работа.ру»
«31% выпускников высших учебных заведений, 43% — колледжей и 50% выпускников ПТУ не работает по полученной специальности»	«Среди работающих соискателей, получивших высшее образование, 41% работают не по специальности. Выше всего эта доля в сфере продаж (70%) и среди административного персонала (64%)»	«40% выпускников российских колледжей и вузов никогда не работали по специальности, указанной в их дипломах»
«По специальности «экономика и управление» — 37%, «социология» — 53%, «педагогика» — 20% трудоустроились не по своей специальности»	«Среди респондентов с высшим образованием, не работающих по специальности, 54% пытались работать по специальности, преимущественно в транспортной сфере и в отрасли производства, но затем уволились. 45% ушли из своей профессии из-за низкой зарплаты, по той же причине 37% соискателей с высшим образованием даже не начинали трудиться в своей сфере»	«64% не работают по профессии, которую получали в училищах или вузах. 50% несколько раз меняли профессию; 25% не меняли ее или меняли лишь однажды; 28% пришлось сменить профессию из-за низких доходов; 13% «эмоционально выгорели» от предыдущего рода деятельности; 10% сменили профессию из-за полученного нового образования»

Источники: 1) Итоги выборочного обследования рабочей силы. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>; 2) Исследование показало, сколько выпускников вузов работают по специальности. — URL: <https://ria.ru/20190902/1558146808.html>; 3) Карьеры разошлись с дипломами в разные стороны. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4492476> (дата обращения: 12.06.2023).

Безусловно, в разных профессиях «уход» от полученной в учебном заведении специальности имеет много причин, и особенно эта дифференциация заметна при рассмотрении отдельных возрастных групп насе-

ления. В одних случаях это изначальный ошибочный (свой или под влиянием родителей) выбор будущей профессии, когда выпускники разочарованы в полученных знаниях или в их уровне и объёме, в дру-

гих — несоответствие образования «изменившимся потребностям рынка труда» [18] или неоправданно завышенные зарплатные притязания, в иных (когда речь идёт уже не о молодёжи, а об опытных работниках) — профессиональное выгорание или «исчезновение» рода занятости (специальности) в условиях перехода к новым информационным технологиям.

Большое значение имеет полученный уровень образования, так, например, выполняемая работа «полностью соответствуют полученной специальности» у 80,2% кадров высшей квалификации (послевузовское образование), не соответствует — у 8,1% (табл. 4).

Таблица 4

Наличие специальности и её соответствие выполняемой работе по уровню образования (2022 г.), у лиц в возрасте 15 лет и более, занятых в экономике (работающих) и имеющие профессию (специальность), подтверждённую дипломом (свидетельством), %

Table 4

Availability of a specialty and its compliance with the work performed by education level, 2022, % for persons aged 15 years or more, employed in the economy (working) and having a profession (specialty) confirmed by a diploma (certificate)

Образование	Полностью соответствующую полученной специальности	Близкую к полученной специальности	Не соответствующую полученной специальности	Не определено
Все	49,1	19,4	31,5	0,1
В том числе высшее, всего	54,9	21,8	23,3	0,1
– кадры высшей квалификации (послевузовское)	80,2	11,4	8,1	0,3
– бакалавриат, специалитет, магистратура	53,9	22,2	23,8	0,0
Неполное высшее	35,7	25,2	39,1	0,0
Среднее	44,5	17,4	38,0	0,1
– в том числе подготовка специалистов среднего звена (среднее специальное)	44,4	19,1	36,4	0,1
– подготовка квалифицированных рабочих, служащих (начальное профессиональное)	44,6	14,3	41,1	0,1
Среднее общее	53,1	19,8	27,2	0,0
Основное общее	47,8	7,1	41,1	4,0

Источник: Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2022. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 01.10.2023).

Анализ динамики представленных в таблице 4 показателей за 2022 г. в сравнении с данными 2020 г.² позволяют сделать вывод об относительной стабильности, характерной для обладателей высшего и среднего

образования, и существенных изменениях для населения с основным общим образованием. Среди последних работу, полностью соответствующую специальности, в 2022 г. имели 47,8% (в 2020 г. — 62,6%), а трудились по профессии, несоответствующей образованию, в 2022 г. — 41,1% (в 2020 г. — 21,9%).

² Итоги комплексного наблюдения условий жизни россиян в 2020 году. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/Files/16.3.xlsx (дата обращения: 01.10.2023).

Успешность трудоустройства зависит как от внешних условий (рынок труда, сложившаяся конъюнктура в вопросе востребованности профессий), так и от компетенций и ценностных установок тех, кто ищет точки приложения своих способностей и профессиональных навыков. Неверный (или вынужденный) выбор профессии, либо трансформация экономической ситуации (за годы обучения) приводят к тому, что выпускники учебных заведений не могут: 1) трудоустроиться; 2) трудоустроиться по своей или смежной специальности; 3) выстроить и спрогнозировать трудовую стратегию (успешную карьеру), реализуя свой потенциал. Если гово-

рять о представителях среднего и старшего возраста, уже имеющих определённый карьерный путь, то на первый план могут выходить экономические и социальные трансформации в обществе, а также комплекс психологических причин.

В целом же, две ёмкие для формирования человеческих ресурсов сферы пространства — полученный уровень образования и трудовая деятельность, исследованные в пересечении друг с другом, представляют собой не только важный компонент самореализации населения (и как способа получения дохода, и как личностного самовыражения индивида), но и являются значимым аспектом пространственного развития человеческих ресурсов нашей страны.

Литература и Интернет-источники

1. **Макар, С. В.** Постпандемийные результаты COVID-2019 для населения: региональные особенности и акценты адаптации пространственного развития / С. В. Макар // Самоуправление. — 2022. — № 5(133). — С. 559–562.
2. **Ярашева, А. В.** Особенности экономического поведения населения в современной России: Монография / А. В. Ярашева, С. В. Макар, С. Б. Решетников. — Beau Bassin : Lap Lambert, 2018. — 58 p. EDN: UUQLMA
3. **Ярашева, А. В.** Региональные проблемы занятости населения: зарплатные притязания / А. В. Ярашева, С. В. Макар // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — Т. 11. — № 3. — С. 94–106. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-3-94-106; EDN: XRGQCL
4. **Рюмина, Е. В.** Качественные характеристики населения и состояния экономики: анализ отдельных групп регионов России / Е. В. Рюмина // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 16–26. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.2. EDN: CLLZZL
5. **Иванова, Т. В.** Взаимосвязь дефиниций «Человеческие ресурсы» и «Человеческий потенциал» / Т. В. Иванова, М. В. Хабаке // Oeconomia et Jus. — 2017. — № 1. — С. 10–17. EDN: YHGZVL
6. **Шамаева, Е. Ф.** О методических подходах к моделированию качества жизни / Е. Ф. Шамаева // Уровень жизни населения регионов России. — 2021. — Т. 17. — № 1. — С. 87–101. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.1.7; EDN: FASAEQ
7. **Федотов, А. А.** Взаимосвязь между человеческим потенциалом и качеством жизни: результаты корреляционного анализа / А. А. Федотов // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 27–35. — DOI: 10.19181/population.2020.23.3.3; EDN: KSBVAP
8. **Римашевская, Н. М.** Человеческий и трудовой потенциал российских регионов / Н. М. Римашевская, Л. А. Мигранова, М. С. Токсанбаева // Народонаселение. — 2014. — № 3. — С. 106–119. EDN: SZIQHZ
9. **Локосов, В. В.** Региональная дифференциация показателей человеческого потенциала / В. В. Локосов, Е. В. Рюмина, В. В. Ульянов // Экономика региона. — 2015. — № 4. — С. 185–196. DOI: 10.17059/2015-4-15; EDN: UYGHAR
10. **Аксьонов, С. Г.** Развитие человеческих ресурсов: социальное и культурное значение / С. Г. Аксьонов, И. Н. Губайдуллина // Юридическая наука: история и современность. — 2022. — № 8. — С. 22–27. EDN: BIYEUV
11. **Гаврилова, А. Ю.** Оплата труда как один из ключевых элементов управления человеческими ресурсами / А. Ю. Гаврилова, Н. С. Хомутишникова, И. В. Шамрина // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. — 2020. — № 1. — С. 469–471. EDN: LKKFGN

12. **Nosova, S.** Digitalization as a New Paradigm of Economic Progress / S. Nosova, A. Norkina, S. Makar [и др.] // Studies in Computational Intelligence. — 2022. — Vol. 1032 SCI. — P. 344–354. EDN: CIYKYM
13. **Delev, J.** Legal aspects of the manners of holding shareholders' assemblies in the conditions of COVID-19 pandemic / J. Delev, M. Najdova // Balkan Social Science Review. — 2021. — Vol. 18. — P. 49–67.
14. **Скворцова, Е. Е.** Интерпретация показателей цифровизации российской системы общего образования / Е. Е. Скворцова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 102–113. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.9. EDN: XLFRNG
15. **Макар, С. В.** Оценка и пространственные закономерности развития инновационной деятельности в регионах России / С. В. Макар, А. М. Носонов // Экономика. Налоги. Право. — 2017. — № 4. — С. 96–106. EDN: ZQOIAВ
16. **Ярашева, А. В.** Влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока / А. В. Ярашева, С. В. Макар // Экономика. Налоги. Право. — 2019. — № 2. — С. 103–114. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114; EDN: CNVJMV
17. **Никитина, Е. А.** Анализ социально-экономического расслоения в российском обществе в условиях цифровизации экономики / Е. А. Никитина, Е. А. Мелай, А. В. Сергеева // Самоуправление. — 2022. — № 5(133). — С. 628–631.
18. **Крошилин, С. В.** Востребованность образовательных услуг контрагентами рынка / С. В. Крошилин, Ж. К. Леонова, Е. И. Медведева. — Коломна : Московский государственный социально-гуманитарный институт, 2015. — 311 с. EDN: VOYPBH

Сведения об авторах:

Локосов Вячеслав Вениаминович, член-корр. РАН, директор, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vvlokos@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3656-2112; РИНЦ AuthorID: 73766.

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; РИНЦ AuthorID: 519466.

Макар Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; РИНЦ AuthorID: 374039.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-4-13

SPATIAL DISTRIBUTION OF HUMAN RESOURCES: EDUCATION AND LABOR SPHERES

Vyacheslav V. Lokosov¹, Aziza V. Yarasheva^{1*}, Svetlana V. Makar²

¹*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

²*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*

**E-mail: baktriana@rambler.ru*

For citation:

Lokosov V. V., Yarasheva A. V., Makar S. V. Spatial distribution of human resources: education and labor spheres. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 4-13. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-4-13 (in Russ.)

Abstract. *The article discusses current issues of the formation and use of human resources in Russia. The purpose of the study is to identify the parameters of the spatial relationship between the received vocational education and employment in the acquired specialty. The object of the study is the relationship between two spheres of social space: 1) the sphere of education, where the choice of a future specialty and the receipt of vocational education at various levels is fixed, and 2) the sphere of employment, which corresponds or does not correspond to the specialty obtained, and depending on this affects the achievability of the task of human resource development. The empirical basis for the study was data from Rosstat, job search platforms, and sociological surveys from Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). There is presented the dynamics (2006–2021) of the Russians' ideas regarding the relationship between the prestige of professions and their profitability. The correspondence of the work performed by Russians with the acquired professional skills was analyzed (by type of settlement and level of education). The conclusion is drawn: the knowledge and skills acquired in the process of education and consolidation of a certain professional level in a specific specialty are either implemented in the economy and contribute to the further formation of human resources (typical of large cities), or the existing knowledge is not used due to employment in the «wrong» specialty. The results obtained have both theoretical and practical significance for scientists, researchers and specialists who deal with the problem of discrepancy between the acquired specialty (as knowledge and skills, which are an essential part of human resources) and the actual work performed in the profession, as well as for various authorities that take part in solving problems of a social and economic nature, in particular: formation of target figures for admission to educational institutions and regulation of the labor market.*

Keywords: *human resources, spatial development, economic resources, field and level of education, employment sphere, prestigious professions, choice of profession.*

References and Internet sources

1. Makar S. V. Postpandemiyanye rezul'taty COVID-2019 dlya naseleniya: regional'nyye osobennosti i aktsenty adaptatsii prostranstvennogo razvitiya [Post-pandemic results of COVID-2019 for the population: regional features and accents of adaptation of spatial development]. *Samoupravleniye [Self-Government]*. 2022. No. 5. P. 559–562. (in Russ.)
2. Yarasheva A. V., Makar S. V., Reshetnikov S. B. Osobennosti ekonomicheskogo povedeniya naseleniya v sovremennoy Rossii [Features of Economic Behavior of the Population in Modern Russia]. Beau Bassin. Lap Lambert Academic Publishing. 2018. 58 p. (in Russ.)
3. Yarasheva A. V., Makar S. V. Regional'nyye problemy zanyatosti naseleniya: zarplatnyye prityazaniya [Regional problems of employment: payroll claims]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]*. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 94–106. (in Russ.)
4. Ryumina E. V. Kachestvennyye kharakteristiki naseleniya i sostoyaniye ekonomiki: analiz otdel'nykh grupp regionov Rossii [Qualitative characteristics of population and the state of the economy: analysis of certain groups of Russian regions]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 16–26. (in Russ.)
5. Ivanova T. V., Khabake M. V. Vzaimosvyaz' definitsiy «Chelovecheskiye resursy» i «Chelovecheskiy potentsial» [Interconnection of definitions «human resources» and «human potential»]. *Oeconomia et Jus*. 2017. No. 1. P. 10–17. (in Russ.)
6. Shamaeva E. F. O metodicheskikh podkhodakh k modelirovaniyu kachestva zhizni [Methodological basis for modeling the quality of life of the population]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2021. Vol.17. No. 1. P. 87–101. (in Russ.)
7. Fedotov A. A. Vzaimosvyaz' mezhdru chelovecheskim potentsialom i kachestvom zhizni: rezul'taty korrelyatsionnogo analiza [Relationship between human potential and quality of life: results of correlation analysis]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 27–35. (in Russ.)

8. Rimashevskaya N. M., Migranova L. A., Toksanbaeva M. S. Chelovecheskiy i trudovoy potentsial rossiyskikh regionov [Human and labor potential of the Russian regions]. *Narodonaselenie [Population]*. 2014. No. 3. P. 106–119. (in Russ.)
9. Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ulyanov V. V. Regional'naya differentsiatsiya pokazateley chelovecheskogo potentsiala [Regional differentiation of human potential indicators]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2015. No. 4. P. 185–196. (in Russ.)
10. Aksenov S. G., Gubaidullina I. N. Razvitiye chelovecheskikh resursov: sotsial'noye i kul'turnoye znachenie [Human resource development: social and cultural significance]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' [Legal Science: History and the Present]*. 2022. No. 8. P. 22–27. (in Russ.)
11. Gavrilova A. Yu., Khomutinnikova N. S., Shamrina I. V. Oplata truda kak odin iz klyuchevykh elementov upravleniya chelovecheskimi resursami [Labor payment one of the key elements of the human resources management system]. *Vestnik Tul'skogo filiala Finuniversiteta [Bulletin of the Tula Branch of the Financial University]*. 2020. No. 1. P. 469–471. (in Russ.)
12. Nosova S., Norkina A., Makar S., Arakelova I., Fadeicheva G. Digitalization as a new paradigm of economic progress. *Studies in Computational Intelligence*. 2022. Vol. 1032 SCI. P. 344–354.
13. Delev J., Najdova M. Legal aspects of the manners of holding shareholders' assemblies in the conditions of Covid 19 pandemic. *Balkan Social Science Review*. 2021. Vol. 18. P. 49–67.
14. Skvortsova E. E. Interpretatsiya pokazateley tsifrovizatsii rossiyskoy sistemy obshchego obrazovaniya [Interpretation of digitalization indicators of the Russian system of general education]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 102–113. (in Russ.)
15. Makar S. V., Nosonov A. M. Otsenka i prostranstvennyye zakonomernosti razvitiya innovatsionnoy deyatel'nosti v regionakh Rossii [Assessment and spatial regularities of the innovative activity development in the regions of Russia]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]*. 2017. No. 4. P. 96–106. (in Russ.)
16. Yarasheva A. V., Makar S. V. Vliyaniye demograficheskikh faktorov na trudovoy potentsial regionov Dal'nego Vostoka [The impact of demographic factors on the labor potential of the Far East regions]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics. Taxes and Law]*. 2019. No. 2. P. 103–114. (in Russ.)
17. Nikitina E. A., Melay E. A., Sergeeva A. V. Analiz sotsial'no-ekonomicheskogo rassloeniya v rossiyskom obshchestve v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [Analysis of the socio-economic stratification in the Russian society in the context of economy digitalization]. *Samoupravleniye [Self-Government]*. 2022. No. 5. P. 628–631. (in Russ.)
18. Kroshilin S. V., Leonova Zh. K., Medvedeva E. I. Vostrebovannost' obrazovatel'nykh uslug kontragentami rynka [Demand for Educational Services by Market Counterparties]. *Kolomna. Moskovskiy gosudarstvennyy sotsial'no-gumanitarnyy institut [Moscow State Social and Humanitarian Institute]*. 2015. 311 p. (in Russ.)

Information about the authors:

Lokosov Vyacheslav Veniaminovich, RAS Corresponding Member, Director, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vvlokos@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3656-2112; Elibrary AuthorID: 73766.

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Full Professor, Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Elibrary AuthorID: 519466.

Makar Svetlana Vladimirovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: svetwn@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1681-8814; Elibrary AuthorID: 374039.

Статья поступила в редакцию 26.12.2023, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-14-25
EDN: HOEOYW

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ В ЭКОНОМИКЕ: СПЕЦИФИКА И ОЦЕНКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

Фролова Е. В.*, Тюриков А. Г.

Финансовый университет при Правительстве РФ
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: efrolova06@mail.ru

Финансирование:

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Для цитирования:

Фролова Е. В., Тюриков А. Г. Механизмы формирования доверия в экономике: специфика и оценка функционального состояния // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 14-25.
DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-14-25; EDN: HOEOYW

Аннотация. Доверие выступает одним из наиболее значимых драйверов развития экономики, обеспечивая рост качества жизни населения и его предпринимательской активности, снижение транзакционных издержек для хозяйствующих субъектов. В статье обосновывается вывод о том, что доверие формируется, с одной стороны, под воздействием информации, знаний, с другой — личной включённости субъекта в коммуникационные и деятельностные практики. Авторы выделяют следующие механизмы формирования доверия в трансформирующихся экономических отношениях: информационно-рефлексивные, коммуникационно-интерпретационные и деятельностные. Информационно-рефлексивные механизмы обеспечивают накопление, систематизацию и персонализацию знаний, ценностей, чувств и смыслов, обуславливающих доверительные взаимодействия в экономических отношениях. Коммуникационно-интерпретационные механизмы — воспроизводство доверия в ходе интериоризации и применения накопленных знаний, усвоенных норм, ценностей в процессе коммуникационного взаимодействия социальных акторов. Деятельностные механизмы реализуют системообразующую функцию в формировании и развитии доверия, обеспечивая трансформацию оценок и восприятия действий «другого» в ходе осуществления совместной деятельности, эффективность которой способствует закреплению сложившихся ожиданий и установок на доверие. Опрос экспертов позволил обозначить наиболее значимые причины дефицита доверия: геополитическая напряжённость, структурные и системные несовершенства внутри самих сфер экономических отношений, влияние санкций на жизнедеятельность общества и работу различных организаций, неопределённость будущего. В статье представлены экспертные оценки функционального состояния механизмов формирования доверия: информационно-рефлексивные (3,04 балла по шкале от 1 до 5), коммуникационно-интерпретационные (2,92), деятельностные (2,8). Детализация ответов экспертов иллюстрирует более высокую роль в формировании доверия информации и смыслов, транслируемых через неофициальные каналы (блоги, социальные сети), института образования, профессиональных сетевых сообществ.

Ключевые слова: доверие, дефицит доверия, экономические отношения, геополитическая напряжённость, механизмы формирования доверия.

Постановка проблемы

Доверие представляет собой один из важнейших феноменов, определяющих специфику социальных отношений, снижение транзакционных издержек в экономике, устойчивость социума, стабильность его горизонтальных и вертикальных связей [1]. Дефицит доверия в обществе зачастую становится причиной нарастания конфликтности, социально-экономической депрессии, расширения границ отчуждения во взаимодействиях социальных субъектов [2]. В современных условиях экономических и политических трансформаций, обострения конкуренции противоречащих друг другу картин мира и социальных смыслов, учёные отмечают нарастание дефицита институционального и межличностного доверия [3].

Инерционный характер процессов формирования и развития доверия обусловлен сложным переплетением ожиданий и мотивационных установок субъектов взаимодействия, влиянием различных детерминант, среди которых особое место занимает специфика национального менталитета, социокультурные традиции общества, его историческое наследие. Ретроспективный анализ российского опыта позволил учёным выделить ряд негативных тенденций, обуславливающих дефицит доверия: политика репрессий 1930-х годов и сформированная на её почве «культура недоверия», «шоковая терапия» и общая «травма перемен» в 1990-е годы. Усиливают негативный фон развития дефицита доверия недостаточная эффективность работы общественных институтов, рост социального неравенства [4].

Кроме того, неоднозначный характер формирования доверия в российском обществе обусловлен действием разноплановых факторов. С одной стороны, особенности российской ментальности связаны с преобладанием коллективных ценностей, общинных идей, приоритизацией социально-значимых целей, ориентацией на интеграцию усилий сообществ ради их достижения. С другой стороны, следует отметить

наличие психологической дистанции между индивидами, в первую очередь, в крупных городах, преобладание микросетевых коммуникаций, социальное отчуждение от деятельности местных органов власти, низкий уровень устойчивости взаимодействий в среднем и дальнем радиусе в противовес родственным, дружеским сообществам с высоким уровнем эмоциональной близости [5]. Пандемия COVID-19 и обусловленные ею требования по самоизоляции, только усилили данный тренд. Как свидетельствуют исследования, эпидемиологические ограничения и социальная дистанция детерминировали рост доверия именно в ближнем радиусе, способствовали повышению значимости горизонтальных связей для личности. Родственники и друзья занимают первые строки рейтинга в «ближнем радиусе» доверия респондентов [6]. Аналогичные данные были получены в результате исследований в Сербии. В частности, учёные констатировали высокий уровень доверия респондентов семье и друзьям (8,7 из 10), умеренный — людям в целом (5,08) и низкий — органам власти (2,45). При этом межличностное доверие рассматривалось как наиболее значимый механизм формирования социального благополучия, снижения уровня неопределённости и тревоги [7].

В дополнение к данным положениям, Т. А. Гужавина и Т. А. Силина делают вывод о формировании дефицита доверия в современном российском обществе, что иллюстрируется ориентацией индивидов на поддержание «сильных связей» в противовес «слабым», неготовностью доверять субъектам, находящимся вне «ближнего радиуса», формированием негативных ожиданий во взаимодействиях «дальнего радиуса». Крайним проявлением кризиса доверия становится «упреждающее поведение» в ответ на негативные ожидания с иллюзорной целью поддержания защиты себя, семьи, ближнего окружения. [8].

Рассматривая специфику формирования доверия в экономических взаимодействиях, учёные отмечают взаимосвязь между конкурентоспособностью национальной экономики и сплочённостью общества,

уровнем доверия [9]. Дефицит доверия инициирует развитие таких негативных тенденций, как сжатие горизонтов планирования, «теневилизация бизнеса, оффшоризация» [10]. «Потрясения доверия» оказывают существенное влияние на деловую активность бизнеса, колебания экономики [11]. Кроме того, в зарубежных исследованиях делается вывод о необходимости создания условий для поддержания потребительского доверия в экономических отношениях. Потребительские расходы домохозяйств, детерминирующие макроэкономические показатели развития государства, имеют тенденцию к сжатию в условиях дефицита доверия [12]. По мнению А.С. Проскуриной, именно доверие является фундаментом устойчивых коммуникаций, прочных деловых связей экономических агентов [13], инвестиционной активности населения [14]. Геополитическая турбулентность, технологические, финансовые и экологические риски [15] актуализируют значимость доверия как одного из факторов снижения неопределённости в экономике.

Динамичность и масштабность процессов цифровизации формирует новые границы и контуры развития доверия. Сетевые взаимодействия, практики удалённого обучения и занятости, обезличенность и множественность коммуникационных связей [16] меняют восприятие и специфику накопления знаний и информации, опыта и осуществления деятельности во взаимодействиях социальных субъектов. Результаты исследований показывают неоднозначную картину влияния новых факторов в условиях цифровизации. О.А. Полюшкевич говорит об устойчивых «связях между развитием страхов, тревог и снижением уровня доверия в постпандемийном цифровом обществе. Так, многовариантность социальных процессов усиливает непрозрачность многих схем социальных интеракций» [17]. В условиях цифрового общества возрастает уровень критичности социальных субъектов, повышаются требования к институциональной открытости государственных институтов [18]. Формирование доверия становится следствием не столько эмоци-

онального восприятия, сколько результатом предварительного обдумывания информации, оценки её надёжности и принятия взвешенного, рационального решения. Опираясь на данные теоретические положения, авторы в своём исследовании выделяют информационно-рефлексивные, включая ценностно-нормативные, механизмы формирования доверия. Как показывают, результаты исследований доверия к некоммерческим организациям, ключевыми факторами его формирования являются следующие: активное информирование об их деятельности, максимальная открытость НКО, финансовая прозрачность [19]. Аналогичные выводы сделаны по результатам исследования оценки доверия к банкам. А.И. Синкевич обращает внимание на роль таких факторов, как доступность информации, финансовые показатели, прозрачность условий [20]

Информационно-рефлексивные механизмы обеспечивают накопление, систематизацию и персонализацию знаний, ценностей, чувств и смыслов, обуславливающих доверительные взаимодействия в экономических отношениях. В данном контексте особое значение приобретает анализ функционирования институтов семьи, образования, религии, СМИ в процессе воспроизводства знаний, приобретаемых в повседневной жизни и в ходе целенаправленной деятельности. Учитывая ориентацию россиян на поддержание доверия в «ближнем радиусе», особую актуальность представляют исследования роли института семьи в формировании доверия.

Помимо информации, следует отметить роль коммуникаций, деятельности и опыта, формирующих взаимные ожидания субъектов по отношению друг к другу. Зарубежные исследователи обращают внимание на эмоциональную составляющую доверия. J. I. Lee, K. T. Dirks и R. L. Campagna сделали вывод о том, что совместно переживаемые и выражаемые индивидами эмоции влияют на доверие, при этом доверие и эмоции, находясь в тесной зависимости, изменяются под воздействием друг друга [21]. В данном контексте особый интерес

представляет философское осмысление доверия как духовного процесса, базирующегося на базисных паттернах коммуникации, надёжности, возникающей в пространстве общения [22]. Социальный диалог, по мнению И. В. Глушко, выступает формой выражения обобщённого доверия, становится механизмом построения успешных взаимодействий между субъектами, обеспечивает переход от когнитивного уровня доверия к деятельностному. В процессе диалоговой коммуникации формируются эмоциональные и нравственные аспекты доверия, снижается уровень отчуждения между социальными акторами [23]. Анализ источников позволяет выдвинуть предположение о значимости коммуникационно-интерпретационных механизмов, обеспечивающих воспроизводство доверия в ходе интериоризации и применения накопленных знаний, усвоенных норм, ценностей в практике коммуникации.

Таким образом, доверие формируется, с одной стороны, под воздействием информации, знаний, а, с другой, личной включённости субъекта в коммуникационные и деятельностные практики. Так, эмпирические данные, характеризующие доверие молодёжи к транспортными шеринг-сервисами, показывают, что принятие решения о пользовании шеринг-услугой, прежде всего, обусловлено информационным (отзывы, рейтинги) и деятельностным (личный опыт) аспектом [24]. Аналогичные результаты получены и в других исследованиях, показывающих, что непосредственная включённость респондентов во взаимодействия с общественными организациями, личный опыт обращения за помощью обусловил более высокий уровень доверия к некоммерческому сектору [25].

На наш взгляд, деятельностные механизмы выполняют системообразующую функцию в формировании и развитии доверия. В ходе осуществления активной деятельности, социальные акторы не только преобразовывают окружающую действительность, но и существенным образом меняют собственные возможности [26], мотивацию к взаимодействию с «другим», его воспри-

ятие и оценки. Подобная трансформация субъективных установок становится фундаментом повышения или снижения уровня доверия. Таким образом, анализ научных источников позволяет систематизировать механизмы формирования доверия, выделив следующие: 1) информационно-рефлексивные; 2) коммуникационно-интерпретационные; 3) деятельностные.

Методы, результаты и обсуждение

Многоаспектность природы доверия и детерминирующих её факторов, а также междисциплинарность проблем дефицита доверия обуславливают сложность использования методологического аппарата для анализа поставленных вопросов. Дополнительные ограничения связаны с трудностями измерения уровня доверия в условиях нестабильности [27]. Ввиду указанных обстоятельств в качестве ключевого метода исследования был определён экспертный опрос¹. В ходе интервью экспертам было предложено назвать сферы экономических отношений, в которых наблюдается значительный дефицит доверия. Результаты интервью позволили выделить следующие сферы: сбережения, цифровая экономика, стадии производственного процесса, международная торговля и логистика, институт собственности, судебная система, бизнес и предпринимательство, трудовые отношения, международные экономические отношения, социальные аспекты в экономике, финансы (страхование, налогообложение, кредитование, пенсионная сфера, инвестирование, валютный рынок).

Опрос экспертов показал, что дефицит доверия ощущается не только во внутренних аспектах экономики страны, но и во внешней среде (международные экономические отношения, международная торговля и логистика). Что касается разрыва логистических цепочек, то опрошенные эксперты

¹ Количество опрошенных экспертов составило 32 человека. Сферы деятельности экспертов: образование, наука, социология и маркетинг, финансы, бизнес, аналитика, IT, общественная деятельность, аграрно-промышленный комплекс, государственная служба, политическая и экономическая экспертиза. Средний стаж работы экспертов в названных сферах – 17 лет.

подчёркивали сложность адаптации бизнеса к новым условиям, объективные ограничения формирования доверия в ситуации неопределённости. Аналогичные выводы сделаны в других исследованиях, например, Е. А. Королёва отмечает, что введение санкций потребовало от поиска новых поставщиков и покупателей, активизации усилий по организации закупок, продаж, выстраиванию логистических маршрутов [28].

Среди основных причин возникновения и присутствия дефицита доверия в упомянутых областях экономики экспертами (далее курсивом выделена прямая речь экспертов) были выдвинуты следующие: 1. Геополитическая напряжённость; 2. Структурные и системные несовершенства внутри самих сфер экономических отношений. (*«Нужно установить правила игры, и чтобы эти правила социального взаимодействия — эти правила в обществе нарушаются за счёт судебной системы, за счёт защиты собственности и так далее. Отсюда недоверие»*); 3. Влияние санкций на жизнедеятельность общества и работу различных организаций (*«Были экономические отношения — Россия имела большой рынок сбыта в Европе по газу, по нефти, а сейчас во многом она этого лишена. Это минус с точки зрения доходов бюджета. Были введены санкции. Эти санкции касаются многих компаний? — Касаются»*); 4. Неопределённость будущего (*«В условиях реформатирования мирового политического порядка происходят кардинальные перемены и в экономических отношениях: обрываются прежние связи, постепенно прорисовываются новые. И даже в рамках новых отношений говорить о доверии не приходится. Почему? — Потому что доверие ещё нужно заслужить, то есть время покажет, насколько сильны эти новые выстроенные сегодня в новых условиях экономические отношения. А сегодня мы находимся на переломе, поэтому мы понимаем, что дефицит доверия здесь колоссальный»*); 5. Международное давление одной группы стран и отказ от сотрудничества с другой.

В рамках исследования была осуществлена экспертная оценка состояния соци-

альных механизмов формирования доверия в современных экономических отношениях. Проведённый анализ научной литературы, иллюстрирующий значимость информации, знаний, коммуникаций и опыта в формировании доверия определил дизайн экспертного опроса, выделение 3 групп социальных механизмов: информационно-рефлексивные (включая ценностно-нормативные); коммуникационно-интерпретационные и деятельностные. При разработке инструментария в каждой из групп механизмов были определены базовые элементы, требующие оценки их функционального состояния. Опираясь на положения институционального подхода, в рамках первой группы (информационно-рефлексивные механизмы), экспертам был предложен перечень механизмов, апеллирующих к специфике воздействия базовых социальных институтов на развитие доверия (семья, образование, официальные и неофициальные СМИ, религия). Основным вектором разработки механизмов в рамках коммуникационно-интерпретационной группы стал учёт цифрового контекста коммуникаций, а также расширение границ сетевых практик взаимодействий в современном обществе. Разработка деятельностных механизмов опиралась на анализ ключевых форм экономических отношений, закрепляющих опыт реализации инициатив и взаимодействий субъектов в сфере экономики.

Формулировка вопроса в экспертном интервью представляла собой просьбу оценить функциональное состояние перечня механизмов в каждом из блоков. Использовалась 5-ти бальная шкала, где 5 — высокая степень, 0 — отсутствует. Средние оценки экспертов представлены в табл. 1. Самый высший средний балл по шкале от 1 до 5 эксперты дали информационно-рефлексивным (включая ценностно-нормативные) механизмам (средняя оценка — 3,04 балла), которые отражают влияние функционирования институтов семьи, образования, религии, СМИ на формирование ценностей индивида, паттернов его поведения, закладывающих установки

на доверие. В структуре информационно-рефлексивных механизмов прослеживается высокий уровень дифференциации оценок функционального состояния наполняющих их элементов. Так, вопреки ожиданиям, ценности и смыслы семьи, по оценкам экспертам, играют меньшую роль в формировании доверия в современных экономических отношениях, по сравнению с информацией, транслируемой через неофициальные каналы (блоги, социальные сети, независимые СМИ) (оценка 2,84 и 3,54 балла соответственно). Детерминантами ослабления функциональной роли института семьи в формировании доверия могут являться следующие негативные явления, отражённые О. В. Устиновой и И. В. Пивоваровой: деформация внутрисемейных отношений и ослабление связей, нарастание разрыва и отчуждения между поколениями отцов и детей, деградация духовной составляющей семейной жизни [29].

Второе место по среднему баллу занимают коммуникационно-интерпретационные механизмы (то есть механизмы, охватывающие практики коммуникации в сетевых сообществах, интерпретационные схемы коммуникаций в процессе формально-опосредованного общения, а также непосредственные интеракции «лицом к лицу» в рамках рутинных практик) — 2,92 балла. Более высокие баллы по формированию доверия у таких механизмов, как профессиональные сетевые сообщества (3,34 балла) и цифровые платформы (3,22 балла). При этом эксперты дали низкие оценки функциональному состоянию территориальным сетевым (2,84) и досуговым (2,26) сообществам. Можно предположить, что достаточно высокий потенциал территориальных сетевых сообществ в практике формирования доверия ограничен доминированием коммуникаций в «ближнем радиусе», отсутствием социально-значимой повестки, низкой мотивацией участников к интеграции для достижения целей устойчивого развития своего города или посёлка.

На третьем месте по оценкам экспертов — деятельностные механизмы (2,80 балла). Данный тип включает практики со-

вместной деятельности в фокусе выстраивания доверительных отношений (например, инициативное бюджетирование, кооперация, государственно-частное партнёрство, sharing economy). Деятельностные механизмы могут рассматриваться в качестве эффективного инструмента развития доверия, конструируя позитивный опыт совместного взаимодействия экономических субъектов. Однако, оценки экспертов показали «слабую» роль деятельностных механизмов формирования доверия в экономических отношениях, что подтверждается другими исследованиями. Например, имеется противоречие между высокой значимостью преимуществ механизма инициативного бюджетирования в оценках населения и недостаточным уровнем готовности к участию в данных практиках [30]. Аналогичным образом прослеживается низкий уровень готовности бизнеса к участию в проектах государственно-частного партнёрства. Избыточные нормы регулирования, ужесточение деятельности контрольно-надзорных органов, наличие бюрократических проволочек в практиках государственно-частного партнёрства [31] лимитируют формирование доверия между государством и бизнесом, не способствуют накоплению подкреплённых позитивных ожиданий и опыта в данных взаимодействиях. Указанными обстоятельствами, на наш взгляд, объясняется низкая функциональная значимость деятельностных механизмов в формировании доверия в экономических отношениях по оценкам опрошенных экспертов.

Заключение

Геополитические трансформации, финансовый кризис, расширение границ неопределённости, обуславливающих формирование дефицита доверия в экономике, актуализируют поиск механизмов его формирования. Анализ научных источников и результатов эмпирических исследований, проводимых в России и за рубежом, позволил систематизировать факторы, формирующие доверие в трансформирующихся экономиче-

ских отношениях. К данным факторам, прежде всего, можно отнести наличие информации, знаний, коммуникации и личную включённость субъекта в практики совместной деятельности. На основании проведённого анализа факторов, авторы в своём исследовании выделяют следующие механизмы формирования доверия: информационно-рефлексивные, коммуникационно-интерпретационные, деятельностные.

Эксперты наиболее высокие баллы поставили информационно-рефлексивным механизмам формирования доверия в экономических отношениях, полагая, что наибольший вес имеют при этом информация и смыслы, транслируемые через неофициальные каналы (блоги, социальные сети, независимые СМИ). В структуре коммуникационно-интерпретационных механизмов эксперты выделили роль профессиональных сообществ, которые благодаря общности смыслов, интеграции стра-

тегических целей своих субъектов позволяют конструировать пространство доверия. Наиболее критичное состояние, по оценке экспертов, характерно в современных условиях для деятельностных механизмов. Учитывая высказанные экспертами мнения о причинах дефицита доверия (неопределённость будущего, геополитическая напряжённость, структурные и системные несовершенства внутри самих сфер экономических отношений) закономерными являются выводы о функциональной слабости деятельностных механизмов формирования доверия. Сокращение горизонтов планирования, разрыв устоявшихся экономических связей, неопределённость будущего не только лимитируют потенциальную готовность субъекта к экономическим взаимодействиям, но и во многом снижают их эффективность, формируя неподкреплённые ожидания, которые приводят к дефициту доверия.

Литература и Интернет-источники

1. **Шабунова, А. А.** Доверие и общественное развитие в России / А. А. Шабунова, Т. А. Гужавина, Т. П. Кожина // Проблемы развития территории. — 2015. — Т. 2. — № 76. — С. 7–19. EDN: ТМОКТЗ
2. **Столяр, В. Ю.** Социально-философский и междисциплинарный дискурс о доверии / В. Ю. Столяр // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2008. — № 77. — С. 176–182. EDN: LADLLN
3. **Биричева, Е. В.** Экзистенциальный смысл доверия / Е. В. Биричева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2023. — Т. 39. — № 1. — С. 4–17. DOI: 10.21638/spbu17.2023.101; EDN: GHXEUZ
4. **Веселов, Ю. В.** Трансформация культуры доверия в России / Ю. В. Веселов, Н. Г. Скворцов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2023. — № 1. — С. 157–179. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2212; EDN: BGVQNG
5. **Фролова, Е. В.** Факторы формирования доверия к местной власти в Российской Федерации на современном этапе / Е. В. Фролова, О. В. Рогач // Ars Administrandi (Искусство управления). — 2022. — Т. 14. — № 4. — С. 719–740. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-4-719-740; EDN: UFMRP1
6. **Гужавина, Т. А.** Доверие в пандемию: сохранить нельзя изменить. А что чувствует регион? / Т. А. Гужавина // Социологическая наука и социальная практика. — 2021. — Т. 9. — № 3. — С. 25–39. EDN: ONQIAN
7. **Jovanović, V.** Well-Being and the Pandemic: Trust in People Matters More Than Trust in Institutions / V. Jovanović, F. Sarracino, M. Lazić, V. Gavrilov-Jerković // Psychological Reports. — 2023. — Vol. 126(2). — P. 674–687. DOI: 10.1177/00332941211061692
8. **Гужавина, Т. А.** Доверие в сетевом взаимодействии / Т. А. Гужавина, Т. А. Силина // Проблемы развития территории. — 2016. — № 6(86). — С. 147–166. EDN: XBSQSN
9. **Калюжнова, Н. Я.** Экономика недоверия (институт доверия и его роль в конкурентоспособности регионов) / Н. Я. Калюжнова // Экономика региона. — 2014. — № 1. — С. 56–65. DOI: 10.17059/2014-1-4; EDN: RWUUQJ

10. **Александрова, О. А.** Обеспечение атмосферы доверия как условие экономического развития / О. А. Александрова // Экономическое возрождение России. — 2019. — № 3(61). — С. 71–81. EDN: AYQIY
11. **Brzoza-Brzezina, M.** International confidence spillovers and business cycles in small open economies / M. Brzoza-Brzezina, J. Kotłowski // Empirical Economics. — 2021. — Vol. 61. — P. 773–798. DOI: 10.1007/s00181-020-01887-3
12. **Ghosh, S.** Consumer Confidence and Consumer Spending in Brazil: A Nonlinear Autoregressive Distributed Lag Model Analysis / S. Ghosh // Arthaniti: Journal of Economic Theory and Practice. — 2021. — Vol. 20(1). — P. 53–85. DOI: 10.1177/0976747919898906
13. **Проскурина, А. С.** Динамический ресурс доверия в экономических отношениях — российский краудфандинг в социальной сфере / А. С. Проскурина // Теория и практика общественного развития. — 2022. — № 8(174). — С. 42–48. DOI: 10.24158/tpor.2022.8.5; EDN: JJAUGU
14. **Гурьянов, П. А.** Институт доверия и институциональные проблемы при построении инновационной экономики в России / П. А. Гурьянов // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». — 2021. — № 3. — С. 35–46. DOI: 10.17586/2310-1172-2021-14-3-35-46; EDN: XJZAAF
15. **Солодовников, С. Ю.** Некоторые актуальные риски, возникающие при межстрановой технологической кооперации в контексте перехода к индустрии 4.0 и роль социального капитала и экономики доверия в их минимизации в республике Беларусь / С. Ю. Солодовников // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. — 2022. — Т. 5. — Ч. 1. — С. 534–536. EDN: REMSJW
16. **Тюриков, А. Г.** Доверие к дистанционному обучению в условиях пандемии: оценки качества образования студентов и преподавателей российских вузов / А. Г. Тюриков, Д. А. Кунижева, Е. В. Фролова, О. В. Рогач // Образование и наука. — 2022. — Т. 24. — № 6. — С. 177–200. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-6-177-200; EDN: NTXRPA
17. **Полюшкевич, О. А.** Доверие в меняющемся мире / О. А. Полюшкевич // Социология. — 2021. — № 2. — С. 87–92. EDN: UPQMKG
18. **Алексеев, М. С.** Доверие населения к органам власти в информационном обществе: теоретико-методологические основы изучения / М. С. Алексеев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2023. — № 71. — С. 177–191. DOI: 10.17223/1998863X/71/17; EDN: IUNVFC
19. **Мерсиянова, И. В.** Доверие населения к НКО / И. В. Мерсиянова // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. — 2014. — № 4. — С. 15–19.
20. **Синкевич, А. И.** Международная практика оценки уровня доверия банкам / А. И. Синкевич // Экономика и банки. — 2021. — № 2. — С. 31–39. EDN: NNTJON
21. **Lee, J. I.** At the Heart of Trust: Understanding the Integral Relationship Between Emotion and Trust / J. I. Lee, K. T. Dirks, R. L. Campagna // Group and Organization Management. — 2023. — Vol. 48(2). — P. 546–580. DOI: 10/1177/10596011221118499
22. **Бикметов, Е. Ю.** Содержательный аспект экзистенции доверия / Е. Ю. Бикметов, А. В. Лукьянов, М. А. Пушкарёва // Манускрипт. — 2018. — № 7(93). — С. 74–78. EDN: XSHJVI
23. **Глушко, И. В.** Амбивалентный характер доверия в коммуникативных социальных практиках современного российского общества / И. В. Глушко // Концепт. — 2018. — № 9. — С. 228–233. EDN: YATTML
24. **Иванова, Я. С.** Доверие студенческой молодёжи к транспортной экономике совместного потребления / Я. С. Иванова, В. П. Антонюк, А. Г. Тюриков // Уровень жизни населения регионов России. — 2023. — Т. 19. — № 2. — С. 272–283. DOI: 10.52180/1999-9836-2023-19-2-10-272-283; EDN: PWYLQC
25. **Трескин, П. А.** Уровень доверия населения Байкальского региона к деятельности общественных организаций / П. А. Трескин // Социология. — 2019. — № 1. — С. 163–166. EDN: DJQZWG

26. **Носкова, О. Г.** Деятельность / О. Г. Носкова // Знание. Понимание. Умение. — 2004. — № 1. — С. 135. EDN: IJUGAV
27. **Вахтина, М. А.** Доверие к государству как фактор повышения его эффективности / М. А. Вахтина // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. — 2011. — Т. 3. — № 3. — С. 57–65. EDN: RMYKUL
28. **Королёва, Е. А.** Экстерналии политики санкционного давления и ее последствия для развития российского малого и среднего бизнеса / Е. А. Королёва // Russian Journal of Economics and Law. — 2023. — Т. 17. — № 3. — С. 515–531. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.3.515-531; EDN: XDGWID
29. **Устинова, О. В.** Преодоление кризиса института семьи в России / О. В. Устинова, И. В. Пивоварова // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2014. — № 1. — С. 78–82. EDN: RZRZDH
30. **Фролова, Е. В.** Инициативное бюджетирование как механизм повышения качества жизни населения / Е. В. Фролова, О. В. Рогащ, П. В. Разов // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 66–77. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.6; EDN: WWGUPF
31. **Пашута, В. Л.** Сложности государственно-частного партнерства и активизации инвестиционной деятельности в России / В. Л. Пашута, В. О. Дубинин // Журнал прикладных исследований. — 2021. — № 1–2. — С. 68–71. EDN: OLBAXI

Сведения об авторах:

Фролова Елена Викторовна, д.соц.н., проф., проф. Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: efrolova06@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8958-4561; РИНЦ AuthorID: 639721.

Тюриков Александр Георгиевич, д.соц.н., проф., руководитель Департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия,

Контактная информация: e-mail: AGTyurikov@fa.ru; ORCID: 0000-0001-8388-9543; РИНЦ AuthorID: 891574.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-14-25

MECHANISMS FOR FORMING TRUST IN THE ECONOMY: SPECIFICS AND ASSESSMENT OF THE FUNCTIONAL STATE

Elena V. Frolova*, Aleksandr G. Tyurikov

Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

*E-mail: efrolova06@mail.ru

Funding:

The article is based on the results of the study carried out under the state assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation:

Frolova E. V., Tyurikov A. G. Mechanisms for forming trust in the economy: specifics and assessment of the functional state. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 14-25. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-14-25 (in Russ.)

Abstract. Trust is one of the most significant drivers of economic development, ensuring an increase in the quality of life of the population and its entrepreneurial activity, and a reduction in transaction costs for business entities. The article substantiates the conclusion that trust is formed, on the

one hand, under the influence of information, knowledge, and, on the other, by subject's personal involvement in communication and activity practices. The authors identify the following mechanisms for formation of trust in the transforming economic relations: information-reflexive, communication-interpretive and activity-based. Information-reflexive and value-normative mechanisms ensure accumulation, systematization and personification of knowledge, values, feelings and meanings that determine trusting interactions in economic relations. Communication and interpretation mechanisms ensure reproduction of trust during internalization and application of accumulated knowledge, learned norms, and values in the process of communication interaction between social actors. Activity mechanisms implement a system-forming function in the formation and development of trust, ensuring transformation of assessments and perceptions of the actions of the «other» in the course of joint activities, the effectiveness of which contributes to consolidation of the existing expectations and attitudes towards trust. A survey of experts made it possible to identify the most significant reasons for the lack of trust: geopolitical tensions, structural and systemic imperfections within the spheres of economic relations themselves, impact of sanctions on the functioning of society and the work of various organizations, and uncertainty of the future. The article presents expert assessments of the functional state of trust formation mechanisms: information-reflexive (3.04 points on a scale from 1 to 5), communication-interpretive (2.92), activity-based (2.8). Details of the experts' answers illustrate a higher role of educational institutions and professional online communities in the formation of trust in information and meanings transmitted through unofficial channels (blogs, social networks, independent media).

Keywords: trust, trust deficit, economic relations, geopolitical tension, mechanisms of trust formation.

References and Internet sources

1. Shabunova A. A., Guzhavina T. A., Kozhina T. P. Doverije i obshchestvennoje razvitije v Rossii [Trust and social development in Russia]. Problemy razvitiya territorii [*Problems of Territory's Development*]. 2015. Vol. 2. No. 76. P. 7–19. (in Russ.)
2. Stolyar V. Yu. Sotsial'no-filosofskij i mezhdisciplinarnyj diskurs o doverii [Sociophilosophical and interdisciplinary discourse on trust]. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena [*Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*]. 2008. No. 77. P. 176–182. (in Russ.)
3. Biricheva E. V. Ekzistentsial'nyj smysl doveriya [Existential sense of trust]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya [*Vestnik of St. Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*]. 2023. Vol. 59. No. 1. P. 4–17. DOI: 10.21638/spbu17.2023.101 (in Russ.)
4. Veselov Yu. V., Skvortsov N. G. Transformatsiya kul'tury doveriya v Rossii [Transformation of the culture of trust in Russia]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*]. 2023. No. 1. P. 157–179. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2212 (in Russ.)
5. Frolova E. V., Rogach O. V. Faktory formirovaniya doveriya k mestnoj vlasti v Rossijskoj Federatsii na sovremennom etape [Factors for building trust in the Russian Federation local governments under modern conditions]. Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) [*Ars Administrandi (The Art of Management)*]. 2022. Vol. 14. No. 4. P. 719–740. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-4-719-740 (in Russ.)
6. Guzhavina T. A. Doverije v pandemiyu: sohranit' nel'zya izmenit'. A chto chuvstvujet region? [Trust in a pandemic: save cannot be changed. What does the region feel?]. Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [*Sociological Science and Social Practice*]. 2021. Vol. 9. No. 3. P. 25–39. DOI: 10.19181/asp.2021.9.3.8431 (in Russ.)
7. Jovanović V., Sarracino F., Lazić M., Gavrilov-Jerković V. Well-being and the pandemic: Trust in people matters more than trust in institutions. *Psychological Reports*. 2023. Vol. 126. No. 2. P. 674–687. DOI: 10.1177/00332941211061692

8. Guzhavina T.A., Silina T.A. Doverie v setevom vzaimodejstvii [Trust in the network cooperation]. *Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]*. 2016. No. 6(86). P. 147–166. (in Russ.)
9. Kalyuzhnova N. Ya. Ekonomika nedoveriya (institut doveriya i jego rol' v konkurentosposobnosti regionov) [Economy of distrust (the institute of trust and its role in the regional competitiveness)]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2014. No. 1. P. 56–65. DOI: 10.17059/2014-1-4 (in Russ.)
10. Aleksandrova O. A. Obespechenije atmosfery doveriya kak uslovije ekonomicheskogo razvitiya [Providing the atmosphere of trust as a condition of economic development]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenije Rossii [Economic Revival of Russia]*. 2019. No. 3(61). P. 71–81. (in Russ.)
11. Brzoza-Brzezina M., Kotłowski J. International confidence spillovers and business cycles in small open economies. *Empirical Economics*. 2021. Vol. 61. P. 773–798. DOI: 10.1007/s00181-020-01887-3
12. Ghosh S. Consumer confidence and consumer spending in Brazil: A nonlinear autoregressive distributed lag model analysis. *Arthaniti: Journal of Economic Theory and Practice*. 2021. Vol. 20. No. 1. P. 53–85. DOI: 10.1177/0976747919898906
13. Proskurina A. S. Dinamicheskij resurs doveriya v ekonomicheskikh otnosheniyakh — rossijskij kraudfundang v sotsial'noj sfere [Dynamic confidence resource in economic relations — Russian crowdfunding in the social sphere]. *Teoriya i praktika obshchestvenogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]*. 2022. No. 8(174). P. 42–48. DOI: 10.24158/tipor.2022.8.5 (in Russ.)
14. Gurianov P. A. Institut doveriya i institucional'nyje problemy pri postrojenii innovatsionnoj ekonomiki v Rossii [Institute of trust and institutional problems in building an innovative economy in Russia]. *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskij menedzhment» [Scientific Journal NRU ITMO. Series «Economics and Environmental Management»]*. 2021. No. 3. P. 35–46. DOI: 10.17586/2310-1172-2021-14-3-35-46 (in Russ.)
15. Solodovnikov S. Yu. Nekotoryje aktual'nyje riski, vznikayushchije pri mezhstranovoj tekhnologicheskoy kooperatsii v kontekste perekhoda k industrii 4.0 i rol' sotsial'nogo kapitala i ekonomiki doveriya v ikh minimizatsii v respublike Belarus' [Some current risks arising from cross-country technological cooperation in the context of the transition to industry 4.0 and the role of social capital and the economy of trust in minimizing them in the Republic of Belarus]. *Bol'shaya Evraziya: razvitije, bezopasnost', sotrudnichestvo [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation]*. 2022. Vol. 5. Part 1. P. 534–536. (in Russ.)
16. Tyurikov A. G., Kunizheva D. A., Frolova E. V., Rogach O. V. Doverije k distantsionnomu obucheniyu v usloviyah pandemii: otsenki kachestva obrazovaniya studentov i prepodavatelej rossijskikh vuzov [Trust in distance learning during the COVID-19 pandemic: Evaluation of the quality of education of students and teachers of Russian universities]. *Obrazovanie i nauka [The Education and Science Journal]*. 2022. Vol. 24. No. 6. P. 177–200. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-6-177-200 (in Russ.)
17. Polyushkevich O. A. Doverije v menyayushchemsya mire [Trust in a changing world]. *Sotsiologiya [Sociology]*. 2021. No. 2. P. 87–92. (in Russ.)
18. Alekseev M. S. Doverije naseleniya k organam vlasti v informatsionnom obshchestve: teoretiko-metodologicheskije osnovy izucheniya [Public trust in the authorities in the information society: theoretical and methodological bases of studying]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]*. 2023. No. 71. P. 177–191. DOI: 10.17223/1998863X/71/17 (in Russ.)
19. Mersyanova I. V. Doverije naseleniya k NKO [Public trust in NPOs]. *Informatsionno-analiticheskij byulleten' o razvitii grazhdanskogo obshchestva i nekommercheskogo sektora v RF [Information and Analytical Bulletin on the Development of Civil Society and the Non-Profit Sector in the Russian Federation]*. 2014. No. 4. P. 15–19. (in Russ.)
20. Sinkevich A. I. Mezhdunarodnaya praktika otsenki urovnya doveriya bankam [International practice of assessing the level of trust in banks]. *Ekonomika i banki [Economy and Banks]*. 2021. No. 2. P. 31–39. (in Russ.)
21. Lee J. I., Dirks K. T., Campagna R. L. At the heart of trust: Understanding the integral relationship between emotion and trust. *Group and Organization Management*. 2023. Vol. 48. No. 2. P. 546–580. DOI: 10.1177/10596011221118499

22. Bikmetov E. Yu., Lukianov A. V., Pushkaryova M. A. Soderzhatel'nyj aspekt ekzistentsii doveriya [Content aspect of the existence of trust]. Manuskript [*Manuscript*]. 2018. No. 7(93). P. 74–78. (in Russ.)
23. Glushko I. V. Ambivalentnyj kharakter doveriya v kommunikativnykh sotsial'nykh praktikakh sovremennogo rossijskogo obshchestva [The ambivalent nature of trust in the communicative social practices of modern Russian society]. Kontsept [*Concept*]. 2018. No. 9. P. 228–233. (in Russ.)
24. Ivanova Ya. S., Antonyuk V. P., Tyurikov A. G. Doverije studencheskoj molodyozhi k transportnoj ekonomike sovmestnogo potrebleniya [Student youth trust in the transport sharing economy]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standard of the Population in the Regions of Russia*]. 2023. Vol. 19. No. 2. P. 272–283. DOI: 10.52180/1999-9836-2023-19-2-10-272-283 (in Russ.)
25. Treskin P. A. Uroven' doveriya naseleniya Bajkal'skogo regiona k deyatel'nosti obshchestvennykh organizatsij [The level of public confidence in the Baikal region in the activities of public organizations]. Sotsiologiya [*Sociology*]. 2019. No. 1. P. 163–166. (in Russ.)
26. Noskova O. G. Deyatel'nost' [Activity]. Znaniye. Ponimaniye. Umeniye [*Knowledge. Understanding. Skill*]. 2004. No. 1. P. 135. (in Russ.)
27. Vakhtina M. A. Doverie k gosudarstvu kak faktor povysheniya ego effektivnosti [Trust in the state as a factor in increasing its effectiveness]. Nauchnyye trudy Donetskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: ekonomicheskaya [*Scientific Works of Donetsk National Technical University. Series: Economic*]. 2011. Vol. 3. No. 3. P. 57–65. (in Russ.)
28. Koroleva E. A. Eksternalii politiki sanktsionnogo davleniya i yeyo posledstviya dlya razvitiya rossijskogo malogo i srednego biznesa [Externalities of the sanctions pressure policy and its consequences for the Russian small and medium business development]. [*Russian Journal of Economics and Law*]. 2023. Vol. 17. No. 3. P. 515–531. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.3.515-531 (in Russ.)
29. Ustinova O. V., Pivovarova I. V. Preodolenije krizisa instituta sem'i v Rossii [Overcoming the family institution crisis in Russia]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika [*News from Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics*]. 2014. No. 1. P. 78–82. (in Russ.)
30. Frolova E. V., Rogach O. V., Razov P. V. Initsiativnoje byudzhetrovaniye kak mekhanizm povysheniya kachestva zhizni naseleniya [Initiative budgeting as a mechanism for raising the quality of life of the population]. Narodonaselenie [*Population*]. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 66–77. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.6 (in Russ.)
31. Pashuta V. L., Dubinin V. O. Slozhnosti gosudarstvenno-chastnogo partnerstva i aktivizatsii investitsionnoj deyatel'nosti v Rossii [Challenges of public-private partnerships and activation of investment activities in Russia]. Zhurnal prikladnykh issledovanij [*Journal of Applied Research*]. 2021. No. 1–2. P. 68–71. (in Russ.)

Information about the authors:

Frolova Elena Viktorovna, Doctor of Sociology, Professor, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: efrolova06@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8958-4561; Elibrary AuthorID: 639721.

Tyurikov Aleksandr Georgievich, Doctor of Sociology, Professor, Head of Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: AGTyurikov@fa.ru, ORCID: 0000-0001-8388-9543; Elibrary AuthorID: 891574.

Статья поступила в редакцию 04.10.2023, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-26-40
EDN: EOQSCH

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)¹

Пилипенко И. В. *, Шнейдерман И. М.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

**E-mail: i-pilipenko@yandex.ru*

Для цитирования:

Пилипенко И. В., Шнейдерман И. М. Региональные приоритеты в модернизации инженерной инфраструктуры в сельской местности для повышения качества жизни населения (часть вторая) // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 26-40. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-26-40; EDN: EOQSCH

Аннотация. В статье рассматривается проблема серьёзного отставания сельских населённых пунктов от городов и поселков городского типа (пгт) России в развитии инженерной инфраструктуры. Для анализа авторами используются шесть показателей из опросов Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения» 2014 г. и 2022 г., отражающих подключение около 18,5 тыс. домохозяйств в сельской местности 82 субъектов РФ (без трёх городов федерального значения) к водопроводу и горячему водоснабжению, наличие современной канализации, туалета, систем отопления и доступа домохозяйств к бытовому газу. В первой части статьи выявлено особое отставание сельских домохозяйств от городских по качеству жизни в части обустройства канализации (на 50,6 п.п. меньше домохозяйств по РФ в целом), современного туалета (на 29,3 п.п.) и горячего водоснабжения (на 21,0 п.п. меньше); лидерство по средним показателям Центрального и Северо-Кавказского федеральных округов (ФО); критическое отставание по развитию инженерной инфраструктуры в сельской местности Сибирского и Дальневосточного ФО и таких субъектов, как республики Саха (Якутия), Коми, Тыва, Карелия, Бурятия, области Амурская, Тюменская и Иркутская, Ненецкий автономный округ (АО) и Красноярский край. В статье построены шесть классификаций с шестью группами субъектов РФ каждая по степени отставания сельских домохозяйств от городов и пгт по рассматриваемым в статье составляющим инженерной инфраструктуры. Во второй части статьи предложена методика и рассчитаны значения сводного индекса отставания инженерной инфраструктуры в сельской местности для 82 регионов РФ. На базе полученных показателей составлена типология, включающая семь типов субъектов РФ, которая может стать основой для определения или корректировки региональных приоритетов государственных программ по обустройству отдельных компонентов инженерной инфраструктуры в сельской местности.

Ключевые слова: инженерная инфраструктура, водоснабжение, водопровод, канализация, отопление, бытовой газ, сельская местность, качество жизни, регионы России.

© Пилипенко И. В., Шнейдерман И. М., 2024.

¹ Первая часть статьи – см. № 1 журнала «Народонаселение» за 2024 год.

Классификации регионов России по шести показателям развитости инженерной инфраструктуры в сельской местности (продолжение)

Распределение регионов РФ в нашей третьей классификации по доле домохозяйств без современной канализации [1] характеризуется ещё большим смещением в сторону менее благоприятных значений, т.к.

43 региона имеют показатели выше среднероссийского уровня. При этом, несмотря на улучшение ситуации в период 2014–2022 гг. в 48 регионах, средний по РФ индикатор снизился только на 2,5% — с 67,5% до 65,0%, а степень рассеивания значений по субъектам РФ даже увеличилась (значение среднеквадратического отклонения выросло за то же время с 24,6% до 26,1%).

Таблица 4

Распределение регионов России по доле домохозяйств в сельской местности без современной канализации, 2022 год

Table 4

Distribution of the Russian regions by the share of households in rural areas with no up-to-date sewage systems in 2022

Доля домохозяйств без современной канализации, %	Субъекты РФ в группе*	Отношение к среднему по регионам
64,95	В среднем по регионам РФ (без городов федерального значения).	1,0
0,00–9,26 6 регионов	Мурманская область, Ямало-Ненецкий АО, Республика Адыгея, Калининградская область, Камчатский край, Ханты-Мансийский АО — Югра.	0,00–0,14
14,52–31,85 6 регионов	Московская, Тульская, Новгородская, Ленинградская области, Еврейская авт. область, Калужская область.	0,22–0,49
33,33–63,53 28 регионов	Ивановская, Сахалинская, Свердловская области, Приморский край, Ярославская, Владимирская области, Красноярский край, Республика Калмыкия, Архангельская, Вологодская, Курганская, Тверская, Магаданская области, Хабаровский край, Смоленская область, Чукотский АО, Томская, Тюменская области, Республика Карелия, Псковская, Амурская области, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Кировская, Костромская, Самарская, Нижегородская области.	0,51–0,98
65,28–75,00 11 регионов	Чувашская Республика, Челябинская, Ульяновская области, Пермский край, Кемеровская, Рязанская области, Чеченская Республика, Краснодарский край, Тамбовская, Саратовская, Пензенская области.	1,01–1,15
75,19–84,66 15 регионов	Иркутская область, Республика Марий Эл, Республика Крым, Белгородская область, Республика Бурятия, Новосибирская, Брянская, Оренбургская, Орловская области, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Татарстан, Республика Мордовия, Республика Коми, Астраханская область, Республика Саха (Якутия).	1,16–1,30
85,19–100,00 16 регионов	Курская, Омская области, Республика Башкортостан, Республика Ингушетия, Липецкая область, Забайкальский край, Ростовская, Воронежская области, Алтайский край, Ставропольский край, Волгоградская область, Республика Тыва, Удмуртская Республика, Ненецкий АО, Республика Алтай, Республика Хакасия.	1,31–1,54

* субъекты РФ расположены в таблице в порядке увеличения доли домохозяйств без современной канализации.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2022.

В соответствии с этим количество регионов в первых двух группах нашей классификации (табл. 4) наименьшее (всего по 6 субъектов РФ) среди шести рассматриваемых нами показателей. Более того, толь-

ко в одном регионе (в Мурманской области) все опрошенные домохозяйства в сельской местности имели доступ к современной канализации, а верхняя граница показателя для первой группы составляет 9,3%,

а для второй — 31,8% (что в два раза меньше среднероссийского уровня). В то же время в третью группу со значениями индикатора от 0,51 до 0,98 от среднего по РФ вошло 28 регионов, а в четвертую с долей домохозяйств без современной канализации от 65,3% до 75,0% — 11 субъектов РФ. Пятая группа с превышением среднего по РФ уровня от 16% до 30% состоит из 15 регионов, а в состав шестой группы вошли оставшиеся 16 регионов почти из всех ФО (кроме Уральского) — из Центрального (Курская область — 85,2%, Липецкая область — 87,0%, Воронежская область — 89,2%), Сибирского (Омская область — 85,6%, Алтайский край — 89,8%, Республика Тыва — 93,5%, Республика Хакасия и Республика Алтай — по 100,0%), Приволжского (Республика Башкортостан — 86,9%, Удмуртская Республика — 96,7%), Северо-Кавказского (Республика Ингушетия — 87,0%, Ставропольский край — 90,7%), Дальневосточного (Забайкальский край — 87,3%), Южного (Ростовская область — 88,5%, Волгоградская область — 91,5%) и Северо-Западного ФО (Ненецкий АО — 100,0%).

Изменение индикатора доли домохозяйств без современного туалета в 2014–2022 гг. характеризовалось позитивной динамикой в 72 из 82 регионов РФ при общем снижении общероссийского показателя с 50,6% до 35,5%. Тем не менее, размах значений по субъектам РФ сократился незначительно (максимум — с 99,1% до 93,5%), а показатель среднеквадратического отклонения по регионам остался почти на том же уровне (22,9% в 2014 г. и 22,6% в 2022 г.).

В первую группу с наивысшим качеством жизни в нашей классификации (табл. 5) входят 6 регионов, в том числе 4 региона (Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО, Мурманская и Магаданская области), где среди респондентов не было домохозяйств без современного туалета, а также Новгородская и Московская области с крайне низкими значениями данного индикатора. Во вторую группу мы включили 13 регионов с показателями в 2,1–6,6 раза ниже среднероссийского уровня, в третью группу — 25 субъектов РФ со значени-

ями от 17,7% до 35,5%, и, таким образом, в 44 из 82 регионов наблюдается ситуация лучше среднего по стране. Ещё 22 региона формируют четвертую группу, где доля домохозяйств без современного туалета варьирует от 36,3% до 51,6%, и 9 субъектов РФ входят в пятую группу с показателями в 1,57–1,86 раза выше среднероссийского уровня. Шестая группа с абсолютным большинством домохозяйств без современного туалета включает 7 регионов — Иркутскую область и Карачаево-Черкесскую Республику (по 71,9%), Республику Алтай (73,3%), Чеченскую Республику (78,3%), Республику Саха (Якутия) (81,0%), Забайкальский край (88,9%), Республику Тыва (93,5%).

Динамика доли домохозяйств в РФ без современной системы отопления в период 2014–2022 гг. отличалась улучшением — с 28,8% до 22,2% при том, что положительные изменения были зафиксированы опросами КОУЖ в 61 из 82 регионах. Тем не менее, степень рассеивания региональных значений изменилась ещё меньше — уменьшилась с 26,2% до 24,3% при отсутствии позитивной динамики в части размаха значений по субъектам РФ.

В нашей классификации по данному показателю (табл. 6) в первую группу входят 7 регионов, где отсутствуют проблемы с подключением к современной системе отопления. Ещё по 22 и 20 регионов были включены во вторую и третью группу со значениями, эквивалентными до одной трети и от 45% до 98% от среднероссийского уровня. Соответственно, в сумме в 49 субъектах РФ наблюдалась более хорошая ситуация, чем по стране в среднем. В четвертую группу вошли 14 регионов, где доля домохозяйств без современной системы отопления достигала от 22,5% до 37,0%, а в пятую группу — 11 субъектов РФ со значениями данного показателя от 42,8% до 63,0%. В шестую группу, аналогично предыдущим классификациям, вошли регионы с худшей ситуацией, где индикаторы были в 3,0–4,5 раза выше средних по РФ значений: Амурская область (67,3%), Республика Коми (68,9%), Иркутская область (79,4%), Республика Бурятия (72,0%), Республика Ха-

Таблица 5

Распределение регионов России по доле домохозяйств в сельской местности без современного туалета, 2022 год

Table 5

Distribution of the Russian regions by the share of households in rural areas with no up-to-date toilet in 2022

Доля домохозяйств без современного туалета, %	Субъекты РФ в группе*	Отношение к среднему по регионам
35,48	В среднем по регионам РФ (без городов федерального значения).	1,0
0,00–1,63 6 регионов	Магаданская, Мурманская области, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО, Новгородская, Московская области.	0,00–0,05
5,39–16,67 13 регионов	Ленинградская область, Камчатский край, Архангельская, Калининградская, Тульская, Ивановская, Ярославская, Костромская, Владимирская области, Ненецкий АО, Еврейская авт. область, Калужская область, Ханты-Мансийский АО – Югра.	0,15–0,47
17,70–35,53 25 регионов	Белгородская, Сахалинская, Вологодская, Липецкая, Свердловская, Саратовская области, Республика Адыгея, Республика Крым, Кабардино-Балкарская Республика, Воронежская область, Краснодарский край, Тверская, Пензенская области, Республика Ингушетия, Курская, Самарская, Астраханская, Кировская области, Алтайский край, Ставропольский край, Ростовская, Оренбургская, Псковская, Рязанская, Нижегородская области.	0,50–0,99
36,30–51,58 22 региона	Волгоградская область, Приморский край, Смоленская, Томская, Брянская, Челябинская, Омская области, Хабаровский край, Орловская область, Республика Коми, Новосибирская область, Республика Татарстан, Тамбовская область, Республика Дагестан, Республика Хакасия, Чувашская Республика, Республика Марий Эл, Республика Северная Осетия-Алания, Пермский край, Ульяновская, Кемеровская области, Республика Мордовия.	1,02–1,46
55,56–66,14 9 регионов	Тюменская область, Республика Карелия, Курганская область, Удмуртская Республика, Республика Башкортостан, Амурская область, Красноярский край, Республика Калмыкия, Республика Бурятия.	1,57–1,86
71,85–93,52 7 регионов	Иркутская область, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай, Чеченская Республика, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Республика Тыва.	2,02–2,64

* субъекты РФ расположены в таблице в порядке увеличения доли домохозяйств без современного туалета.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2022.

касия (78,5%), Забайкальский край (82,0%), Новосибирская область (84,9%) и Республика Тыва (100,0%).

Согласно результатам опросов КОУЖ-2014 и КОУЖ-2022, ситуация с обеспеченностью домохозяйств в сельской местности бытовым газом за 8 лет изменилась мало. Так, доля домохозяйств, не имеющих возможности или необходимости в использовании газа, достигала в 2014 г. 17,9%, а в 2022 г. — 18,1%², причём улучше-

ние было зафиксировано только в 39 из 82 регионов. Разброс значений по субъектам РФ немного увеличился — значение среднеквадратического отклонения выросло с 32,2% в 2014 г. до 33,3% в 2022 году.

Вместе с тем, в нашей классификации по данному показателю (табл. 7) в первую группу, где все респонденты были подключены к сетевому газу, снабжались сжиженным газом или газом в баллонах, вошло больше всего регионов по сравнению с другими пятью индикаторами (13 субъектов РФ). В целом в 51 регионе ситуация с доступом домохозяйств на селе к бытовому газу

² Согласно официальным данным, уровень газификации в стране в настоящее время без учёта снабжения населения сжиженным газом и газом в баллонах составляет 73% [Соловьёва О. Газификация регионов признана экономически нецелесообразной ... // Независимая газета, 08.06.2023: [сайт]. — URL: https://www.ng.ru/economics/2023-06-06/1_8742_gasification.

[html?ysclid=ln7w6u2rzi635103681](https://www.ng.ru/economics/2023-06-06/1_8742_gasification) (дата обращения: 08.09.2023)].

Таблица 6

Распределение регионов России по доле домохозяйств в сельской местности без современной системы отопления, 2022 г.

Table 6

Distribution of the Russian regions by the share of households in rural areas with no up-to-date heating system in 2022

Доля домохозяйств без современного отопления, %	Субъекты РФ в группе*	Отношение к среднему по регионам
22,17	В среднем по регионам РФ (без городов федерального значения).	1,0
0,00 7 регионов	Магаданская, Мурманская области, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО.	0,00
0,93–6,88 22 региона	Ханты-Мансийский АО – Югра, Республика Калмыкия, Республика Татарстан, Кабардино-Балкарская Республика, Оренбургская, Белгородская, Астраханская, Московская, Липецкая, Смоленская, Тульская, Самарская, Пензенская области, Ставропольский край, Волгоградская, Орловская области, Республика Адыгея, Чувашская Республика, Саратовская, Калужская области, Республика Мордовия, Курская область.	0,04–0,31
9,88–21,65 20 регионов	Ульяновская, Брянская, Рязанская области, Карачаево-Черкесская Республика, Воронежская, Ленинградская области, Краснодарский край, Калининградская, Владимирская области, Республика Башкортостан, Омская, Ивановская, Тамбовская области, Алтайский край, Еврейская авт. область, Республика Марий Эл, Республика Саха (Якутия), Новгородская область, Республика Крым, Нижегородская область.	0,45–0,98
22,52–37,04 14 регионов	Республика Дагестан, Ростовская область, Челябинская область, Хабаровский край, Ярославская, Свердловская, Тверская, Кировская, Тюменская, Кемеровская области, Удмуртская Республика, Томская, Сахалинская области, Республика Алтай.	1,02–1,67
42,80–62,96 11 регионов	Приморский край, Вологодская, Костромская области, Камчатский край, Архангельская область, Пермский край, Псковская область, Ненецкий АО, Красноярский край, Республика Карелия, Курганская область.	1,93–2,84
67,28–100,00 8 регионов	Амурская область, Республика Коми, Иркутская область, Республика Бурятия, Республика Хакасия, Забайкальский край, Новосибирская область, Республика Тыва.	3,04–4,51

* субъекты РФ расположены в таблице в порядке увеличения доли домохозяйств без современной системы отопления.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2022.

оказалась лучше, чем в среднем по стране, т.к. во вторую группу входят 23 региона с показателями до 20% от общероссийского уровня, а в третью группу — ещё 15 регионов, где доля домохозяйств без доступа к газу в 1,1–4,1 раза ниже, чем в среднем по РФ. Четвёртая и пятая группы включают соответственно 11 и 10 регионов с показателями, превышающими среднероссийские до 2,5 раз и с 3,2 до 4,0 раз. Шестая группа состоит также из 10 регионов с наибольшей долей домохозяйств без доступа к бытовому газу: Республика Бурятия (83,1%), Мурманская (83,3%), Иркутская (85,6%) и Кемеровская области (88,0%), Республика Тыва (89,8%), Камчатский край (96,3%), Магадан-

ская (98,2%), Сахалинская области (98,8%), Ненецкий и Чукотский АО (по 100,0%)³.

Сводный индекс отставания инженерной инфраструктуры в сельской местности регионов

Для получения обобщающей картины качества жизни в рассматриваемом нами аспекте по субъектам РФ (без городов фе-

³ Централизованные системы газоснабжения отсутствуют в Республике Бурятия, Забайкальском крае, Амурской и Магаданской областях, Еврейской авт. области и в Чукотском АО [Сергеев М. Российский Дальний Восток ждёт обещанной газификации ... // Независимая газета, 31.08.2022: [сайт]. – URL: https://www.ng.ru/economics/2022-08-31/1_8527_gasification.html (дата обращения: 08.09.2023)].

Таблица 7

Распределение регионов России по доле домохозяйств в сельской местности без доступа к бытовому газу, 2022 год

Table 7

Distribution of the Russian regions by the share of households in rural areas with no access to household gas in 2022

Доля домохозяйств без доступа к бытовому газу, %	Субъекты РФ в группе*	Отношение к среднему по регионам
18,13	В среднем по регионам РФ (без городов федерального значения).	1,0
0,00 13 регионов	Астраханская, Белгородская, Брянская, Волгоградская области, Калининградская область, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Республика Татарстан, Саратовская, Тульская, Ульяновская области, Чеченская Республика.	0,00
0,12–3,70 23 региона	Краснодарский край, Ставропольский край, Пензенская область, Республика Дагестан, Тверская, Курская области, Кабардино-Балкарская Республика, Калужская, Новгородская, Липецкая, Ростовская, Оренбургская, Орловская, Смоленская области, Республика Адыгея, Республика Мордовия, Самарская область, Чувашская Республика, Владимирская, Рязанская, Псковская, Воронежская, Ленинградская области.	0,01–0,20
4,27–16,44 15 регионов	Нижегородская область, Республика Марий Эл, Омская, Ивановская, Тамбовская, Ярославская области, Республика Башкортостан, Костромская, Челябинская области, Удмуртская Республика, Московская область, Пермский край, Вологодская область, Республика Крым, Алтайский край.	0,24–0,91
18,52–45,68 11 регионов	Курганская область, Республика Северная Осетия-Алания, Кировская, Тюменская области, Республика Алтай, Республика Карелия, Свердловская область, Республика Хакасия, Новосибирская, Архангельская области, Хабаровский край.	1,02–2,52
57,67–72,22 10 регионов	Республика Саха (Якутия), Ханты-Мансийский АО – Югра, Забайкальский край, Амурская область, Ямало-Ненецкий АО, Красноярский край, Республика Коми, Приморский край, Еврейская авт. область, Томская область.	3,18–3,98
83,07–100,00 10 регионов	Республика Бурятия, Мурманская, Иркутская, Кемеровская области, Республика Тыва, Камчатский край, Магаданская, Сахалинская области, Ненецкий АО, Чукотский АО.	4,58–5,52

*субъекты РФ расположены в таблице в порядке увеличения доли домохозяйств без доступа к бытовому газу.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2022.

дерального значения) и федеральным округам мы построили сводный индекс отставания инженерной инфраструктуры в сельской местности. С целью приведения к единой шкале шести показателей по доле домохозяйств без доступа к водопроводу (I), горячему водоснабжению (II) и современной канализации (III), без современного туалета (IV) и современного отопления (V), без доступа к бытовому газу (VI) мы нормализовали рассчитанные нами данные по стандартной формуле:

$$X' = \frac{X - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad (1)$$

где X — это значение одного из шести показателей для каждого региона, X_{\max} — максимальное значение по данному показателю среди 82 регионов РФ, X_{\min} — минимальное значение по данному показателю среди 82 субъектов РФ, X' — нормализованное значение данного показателя для каждого региона. Расчёт сводного индекса для каждого региона ($Index_{region}$) производился путём суммирования полученных нормализованных данных по каждому из шести показателей по формуле:

$$Index_{region} = X'_I + X'_{II} + X'_{III} + X'_{IV} + X'_V + X'_{VI}, \quad (2)$$

где X'_I — это значение нормализованного показателя региона по доле домохозяйств без доступа к водопроводу, X'_{II} — значение нормализованного показателя по доле домохозяйств без доступа к горячему водоснабжению, X'_{III} — значение нормализованного показателя по доле домохозяйств без доступа к современной канализации, X'_{IV} — значение нормализованного показателя по доле домохозяйств без современного туалета, X'_V — значение

нормализованного показателя по доле домохозяйств без современного отопления, X'_{VI} — значение нормализованного показателя по доле домохозяйств без доступа к бытовому газу. Значения предложенного нами сводного индекса могут варьировать от 0,0 (минимум) до 6,0 (максимум). Полученные результаты расчётов представлены в табл. 8, при этом в дополнение к вычислениям по регионам для обобщения результатов мы также сделали расчёты сводного индекса по федеральным округам.

Таблица 8

Значения шести составляющих и сводный индекс отставания инженерной инфраструктуры в сельской местности в регионах России*

Table 8

Values of six components and the composite index of the utilities' infrastructure underdevelopment in rural areas in regions of the Russian Federation

	Водопровод	Горячее водоснабжение	Современная канализация	Современный туалет	Современное отопление	Бытовой газ	Сводный индекс
	I	II	III	IV	V	VI	Сумма
Российская Федерация	0,14	0,29	0,65	0,38	0,22	0,18	1,86
Центральный ФО	0,08	0,16	0,54	0,21	0,11	0,04	1,14
Белгородская область	0,03	0,12	0,76	0,19	0,02	0,00	1,12
Брянская область	0,06	0,18	0,78	0,42	0,10	0,00	1,55
Владимирская область	0,11	0,17	0,40	0,12	0,13	0,02	0,95
Воронежская область	0,14	0,20	0,89	0,26	0,11	0,03	1,63
Ивановская область	0,09	0,30	0,33	0,11	0,14	0,05	1,03
Калужская область	0,02	0,08	0,32	0,17	0,06	0,01	0,65
Костромская область	0,23	0,22	0,63	0,12	0,44	0,07	1,71
Курская область	0,03	0,14	0,85	0,29	0,07	0,01	1,38
Липецкая область	0,03	0,05	0,87	0,21	0,04	0,01	1,21
Московская область	0,01	0,07	0,15	0,02	0,03	0,12	0,40
Орловская область	0,09	0,28	0,80	0,44	0,05	0,01	1,66
Рязанская область	0,18	0,31	0,73	0,36	0,10	0,03	1,71
Смоленская область	0,17	0,28	0,49	0,42	0,04	0,01	1,41
Тамбовская область	0,12	0,20	0,75	0,48	0,15	0,05	1,75
Тверская область	0,09	0,23	0,48	0,26	0,32	0,01	1,38
Тульская область	0,02	0,08	0,19	0,09	0,04	0,00	0,42
Ярославская область	0,12	0,14	0,38	0,11	0,29	0,06	1,11
Северо-Западный ФО	0,22	0,30	0,36	0,16	0,31	0,20	1,55
Архангельская область	0,44	0,49	0,44	0,06	0,47	0,44	2,35

	Водопровод	Горячее водоснабжение	Современная канализация	Современный туалет	Современное отопление	Бытовой газ	Сводный индекс
	I	II	III	IV	V	VI	Сумма
Вологодская область	0,19	0,28	0,44	0,20	0,43	0,14	1,68
Калининградская обл.	0,01	0,03	0,05	0,08	0,13	0,00	0,30
Ленинградская область	0,15	0,19	0,26	0,06	0,11	0,04	0,80
Мурманская область	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,83	0,83
Ненецкий АО	0,78	0,75	1,00	0,16	0,52	1,00	4,21
Новгородская область	0,07	0,33	0,22	0,02	0,21	0,01	0,85
Псковская область	0,15	0,32	0,57	0,35	0,50	0,03	1,92
Республика Коми	0,47	0,95	0,84	0,44	0,69	0,70	4,09
Республика Карелия	0,59	0,63	0,55	0,61	0,60	0,40	3,37
<i>Южный ФО</i>	<i>0,09</i>	<i>0,16</i>	<i>0,74</i>	<i>0,30</i>	<i>0,14</i>	<i>0,03</i>	<i>1,45</i>
Астраханская область	0,17	0,18	0,85	0,31	0,03	0,00	1,53
Волгоградская область	0,19	0,17	0,91	0,39	0,05	0,00	1,72
Краснодарский край	0,04	0,10	0,74	0,26	0,12	0,00	1,26
Республика Адыгея	0,00	0,04	0,04	0,23	0,05	0,01	0,37
Республика Калмыкия	0,62	0,31	0,44	0,70	0,01	0,00	2,08
Республика Крым	0,00	0,14	0,75	0,24	0,21	0,15	1,50
Ростовская область	0,07	0,25	0,89	0,34	0,23	0,01	1,79
<i>Северо-Кавказский ФО</i>	<i>0,02</i>	<i>0,07</i>	<i>0,76</i>	<i>0,46</i>	<i>0,08</i>	<i>0,02</i>	<i>1,40</i>
Кабардино-Балкарская Респ.	0,01	0,05	0,62	0,24	0,01	0,01	0,95
Карачаево-Черкесская Респ.	0,02	0,15	0,81	0,77	0,10	0,00	1,84
Республика Дагестан	0,05	0,11	0,61	0,49	0,23	0,00	1,48
Республика Ингушетия	0,00	0,01	0,87	0,28	0,00	0,00	1,16
Респ. Сев. Осетия-Алания	0,00	0,00	0,60	0,51	0,00	0,20	1,31
Ставропольский край	0,01	0,08	0,91	0,34	0,05	0,00	1,39
Чеченская Республика	0,00	0,00	0,74	0,84	0,00	0,00	1,58
<i>Приволжский ФО</i>	<i>0,09</i>	<i>0,31</i>	<i>0,76</i>	<i>0,45</i>	<i>0,14</i>	<i>0,05</i>	<i>1,81</i>
Кировская область	0,02	0,26	0,62	0,32	0,33	0,20	1,75
Нижегородская область	0,09	0,24	0,64	0,37	0,22	0,04	1,60
Оренбургская область	0,05	0,30	0,78	0,34	0,02	0,01	1,50
Пензенская область	0,07	0,19	0,75	0,27	0,05	0,00	1,32
Пермский край	0,06	0,38	0,69	0,53	0,48	0,14	2,28
Респ. Башкортостан	0,21	0,45	0,87	0,65	0,14	0,07	2,39
Республика Марий Эл	0,09	0,44	0,75	0,51	0,18	0,04	2,01
Республика Мордовия	0,06	0,18	0,84	0,55	0,06	0,02	1,71
Республика Татарстан	0,04	0,29	0,83	0,47	0,01	0,00	1,64

	Водопровод	Горячее водоснабжение	Современная канализация	Современный туалет	Современное отопление	Бытовой газ	Сводный индекс
	I	II	III	IV	V	VI	Сумма
Самарская область	0,07	0,23	0,63	0,31	0,04	0,02	1,29
Саратовская область	0,07	0,23	0,75	0,23	0,06	0,00	1,33
Удмуртская Республика	0,18	0,47	0,97	0,63	0,35	0,10	2,69
Ульяновская область	0,07	0,44	0,66	0,53	0,10	0,00	1,80
Чувашская Республика	0,10	0,21	0,65	0,50	0,05	0,02	1,54
Уральский ФО	0,16	0,37	0,44	0,38	0,30	0,31	1,96
Курганская область	0,37	0,63	0,47	0,62	0,63	0,19	2,90
Свердловская область	0,10	0,21	0,38	0,22	0,31	0,41	1,63
Тюменская область	0,25	0,68	0,55	0,59	0,33	0,27	2,67
Ханты-Мансийский АО – Югра	0,07	0,16	0,09	0,18	0,01	0,61	1,12
Челябинская область	0,11	0,36	0,66	0,43	0,25	0,09	1,89
Ямало-Ненецкий АО	0,00	0,01	0,01	0,00	0,00	0,67	0,69
Сибирский ФО	0,24	0,48	0,76	0,55	0,48	0,50	3,02
Алтайский край	0,11	0,23	0,90	0,32	0,16	0,16	1,88
Иркутская область	0,70	0,76	0,75	0,77	0,70	0,86	4,54
Кемеровская область	0,10	0,38	0,71	0,55	0,34	0,88	2,96
Красноярский край	0,35	0,61	0,41	0,69	0,57	0,67	3,30
Новосибирская область	0,03	0,51	0,77	0,47	0,85	0,44	3,07
Омская область	0,21	0,40	0,86	0,43	0,14	0,05	2,08
Республика Алтай	0,53	0,62	1,00	0,78	0,37	0,37	3,68
Республика Тыва	0,08	1,00	0,94	1,00	1,00	0,90	4,91
Республика Хакасия	0,29	0,39	1,00	0,50	0,79	0,42	3,38
Томская область	0,09	0,30	0,51	0,42	0,35	0,72	2,40
Дальневосточный ФО	0,41	0,53	0,58	0,55	0,45	0,71	3,24
Амурская область	0,31	0,69	0,59	0,67	0,67	0,67	3,60
Еврейская авт. область	0,17	0,18	0,28	0,16	0,17	0,70	1,66
Забайкальский край	0,61	0,87	0,87	0,95	0,82	0,61	4,74
Камчатский край	0,00	0,06	0,06	0,06	0,44	0,96	1,58
Магаданская область	0,00	0,00	0,48	0,00	0,00	0,98	1,46
Приморский край	0,34	0,49	0,38	0,41	0,43	0,70	2,76
Республика Бурятия	0,38	0,69	0,77	0,71	0,72	0,83	4,10
Респ. Саха (Якутия)	1,00	0,87	0,85	0,87	0,19	0,58	4,34
Сахалинская область	0,01	0,22	0,35	0,20	0,36	0,99	2,12
Хабаровский край	0,43	0,26	0,49	0,44	0,28	0,46	2,37
Чукотский АО	0,00	0,00	0,50	0,00	0,00	1,00	1,50

*без городов федерального значения.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2022.

Наши расчёты свидетельствуют о крайней степени расслоения между регионами по доступу домохозяйств к элементам инженерной инфраструктуры, на что также указывают и агрегированные данные по федеральным округам. Так, разница между значениями сводного индекса лидирующего среди восьми федеральных округов Центрального ФО и занимающего последнее место Дальневосточного ФО составляет 2,83 раза. Наихудший результат Центральный ФО демонстрирует по показателю подключения домохозяйств в сельской местности к современной канализации, значение которого, тем не менее, выше среднего по стране в целом. Все остальные ФО как минимум по одному показателю уступают среднероссийским значениям: Северо-Кавказский и Южный ФО — по подключению домохозяйств к канализации, Северо-Западный ФО — по холодному и горячему водоснабжению, отоплению и использованию бытового газа, Приволжский ФО — по горячему водоснабжению, канализации и наличию современного туалета, Уральский ФО — по холодному и горячему водоснабжению, по отоплению и использованию бытового газа, Дальневосточной ФО — по пяти показателям (кроме горячего водоснабжения), Сибирский ФО — по всем показателям. Лидерами по отдельным показателям являются: по холодному и горячему водоснабжению, по отоплению и использованию бытового газа — Северо-Кавказский ФО, а по наличию современных канализации и туалета — Северо-Западный ФО.

На основе рассчитанного нами для 82 субъектов РФ сводного индекса и классификаций регионов по каждому из шести показателей мы составили типологию субъектов РФ по отставанию инженерной инфраструктуры в сельской местности, включающую семь типов регионов (табл. 9). Первый тип представлен пятью субъектами РФ из Центрального (3 региона), Северо-Западного и Южного ФО (по 1 региону), входящими в основном в первую и вторую группу по большинству показателей, с наиболее благополучной ситуацией на селе. Второй тип — это 18 благополучных регио-

нов из Центрального (7 регионов), Северо-Западного и Северо-Кавказского ФО (по 3 региона), Уральского и Приволжского ФО (по 2 региона), Южного ФО (1 регион) с преимущественно низкими значениями большинства показателей, кроме одного, в связи с чем мы разделили субъекты РФ на пять подтипов. Исходя из общих значений шести показателей по стране, наибольшее количество субъектов РФ включено в подтип 2.3 со значительной долей домохозяйств без подключения к современной системе канализации (10 регионов). По два региона формируют подтипы с относительно низкими показателями доступа домохозяйств к системам холодного и горячего водоснабжения, отопления (подтипы 2.1, 2.2 и 2.4), а также к бытовому газу (подтип 2.5).

Ещё 14 регионов из Северо-Кавказского ФО (4 субъекта РФ), Приволжского, Центрального и Дальневосточного (по 3 региона) и Южного ФО (1 регион), характеризующихся относительно благополучной ситуацией, то есть низкими значениями четырёх составляющих инженерной инфраструктуры из шести, мы объединили в третий тип. Большая часть регионов в этой группе имеет значительное количество домохозяйств в сельской местности без доступа к современной канализации и туалету: Самарская область, Республика Северная Осетия-Алания, Смоленская область, Республика Дагестан, Брянская область, Чеченская Республика, Орловская область, Республика Мордовия, Карачаево-Черкесская Республика. Высокие значения показателей по отсутствию у сельских домохозяйств доступа к современной канализации и бытовому газу демонстрируют Магаданская область и Чукотский АО, к горячему водоснабжению и канализации — Оренбургская область, к водопроводу и канализации — Астраханская область, к современной системе отопления и бытовому газу — Камчатский край.

Четвёртый тип объединяет 7 регионов из Приволжского (3 субъекта РФ), Центрального и Уральского ФО (по 2 субъекта РФ) со средними значениями по большинству показателей. Эти регионы входят пре-

Таблица 9

**Типология регионов России по отставанию инженерной
инфраструктуры в сельской местности**

Table 9

Typology of the Russian regions by underdevelopment of the utilities' infrastructure in rural areas

Тип регионов	Субъекты РФ* (без городов федерального значения)	
1. Благополучные	Калининградская область, Республика Адыгея, Московская, Тульская, Калужская области.	
2. Благополучные с отставанием по одному показателю (2.1–2.5 – подтипы)	2.1. Водоснабжение	Ленинградская область, Ханты-Мансийский АО – Югра.
	2.2. Горячее водоснабжение	Новгородская, Ивановская области.
	2.3. Современная канализация	Кабардино-Балкарская Республика, Владимирская, Белгородская области, Республика Ингушетия, Липецкая область, Краснодарский край, Пензенская, Саратовская области, Курская область, Ставропольский край.
	2.4. Современное отопление	Ярославская, Тверская области
	2.5. Бытовой газ	Ямало-Ненецкий АО, Мурманская область.
3. Относительно благополучные с отставанием по двум показателям	Самарская область, Республика Северная Осетия-Алания, Смоленская, Магаданская области, Республика Дагестан, Оренбургская область, Чукотский АО, Астраханская, Брянская область, Чеченская Республика, Камчатский край, Орловская область, Республика Мордовия, Карачаево-Черкесская Республика.	
4. Регионы со средними значениями показателей	Нижегородская, Свердловская, Рязанская, Тамбовская, Кировская, Ульяновская, Челябинская области.	
5. Со средними значениями и отставанием по одному или двум показателям	Республика Крым, Чувашская Республика, Воронежская область, Республика Татарстан, Еврейская авт. область, Вологодская, Костромская, Волгоградская, Ростовская области, Алтайский край, Псковская область, Республика Марий Эл, Республика Калмыкия, Омская, Сахалинская области.	
6. Со значительным отставанием (выше среднего)	Пермский край, Архангельская область, Хабаровский край, Республика Башкортостан, Томская, Тюменская области, Удмуртская Республика, Приморский край, Курганская, Кемеровская, Новосибирская области.	
7. С сильным отставанием по развитию инженерной инфраструктуры	Красноярский край, Республика Карелия, Республика Хакасия, Амурская область, Республика Алтай, Республика Коми, Республика Бурятия, Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Иркутская область, Забайкальский край, Республика Тыва.	

*субъекты РФ расположены в таблице в порядке увеличения значения сводного индекса отставания инженерной инфраструктуры в сельской местности.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2022.

имущественно в третью и четвертую группу в наших классификациях по отдельным составляющим сводного индекса. И только Ульяновская и Рязанская области входят соответственно в первую и вторую группы по показателю доступности бытового газа, а Кировская область — во вторую группу субъектов РФ по подключению домохозяйств к водопроводу.

Пятый тип — это 15 регионов со средними значениями большинства показателей развитости инженерной инфраструктуры на селе и значительным отставанием по одному — двум показателем, или регионы с достаточно развитыми одним — двумя компонентами благоустройства (например, Республика Крым входит в первую группу регионов по развитости водопровода, а Ре-

спублика Татарстан, Волгоградская область и Республика Калмыкия — в первую группу по доступу домохозяйств к бытовому газу), которые компенсируются другими слабыми значениями используемых нами индикаторов (Воронежская, Волгоградская, Ростовская области, Алтайский край и Омская область входят в шестую группу регионов с низкой долей домохозяйств с подключённой современной системой канализации, Республика Калмыкия — в шестую группу с наименьшими показателями подключения домохозяйств к водопроводу, а Сахалинская область — в шестую группу регионов с самыми низкими значениями по использованию домохозяйствами бытового газа). В этот тип мы включили субъекты РФ из ФО Южного (4 региона), Приволжского (3 региона), Центрального, Дальневосточного, Северо-Западного и Сибирского (по 2 региона).

Шестой тип представлен 11 регионами преимущественно из четвёртой и пятой групп в наших шести классификациях. Исключением является вхождение Пермского края и Новосибирской области во вторую группу субъектов РФ по наличию водопровода и Архангельской области — по наличию у домохозяйств современного туалета. Наоборот, в шестую группу регионов с самыми низкими показателями подключения домов в сельской местности к канализации входят Республика Башкортостан и Удмуртская Республика, по отсутствию современной системы отопления — Новосибирская область, а по отсутствию доступа к бытовому газу — Кемеровская область. В целом данный тип представлен субъектами РФ в Приволжском и Сибирском ФО (по 3 региона), Уральском и Дальневосточном ФО (по 2 региона), а также в Северо-Западном ФО (1 регион).

Регионы, находящиеся преимущественно в пятой — шестой группах в наших классификациях по отдельным компонентам инженерной инфраструктуры, объединены в седьмой тип, включающий 12 субъектов РФ в Сибирском (5 регионов), Дальневосточном (4 региона) и Северо-Западном ФО (3 субъекта РФ). К регионам из пятых

групп по большинству показателей относятся Красноярский край (по всем показателям, кроме канализации), Амурская область (по четырём показателям, кроме канализации и отопления), Республика Бурятия (по четырём показателям, кроме отопления и доступа к бытовому газу), Республика Карелия (по подключению к горячему водоснабжению, современной системе отопления и наличию современного туалета), Республика Коми (по водопроводной системе, горячему водоснабжению и доступу к бытовому газу). Ещё у двух регионов — у Республики Хакасии и Республики Алтай — нахождение в группах номер шесть по двум показателям (по канализации и соответственно по наличию современного отопления и туалета) несколько компенсируется более благоприятными значениями по другим показателям. У других пяти регионов отставание по развитию компонентов инженерной инфраструктуры в сельской местности наиболее серьёзно — Ненецкий АО находится в шестых группах с самыми низкими показателями по наличию водопровода, канализации и доступу к бытовому газу, Республика Саха (Якутия) — по холодному и горячему водоснабжению и по наличию современного туалета, Иркутская область — по подключению к водопроводу, наличию современного туалета, системы отопления и доступу к бытовому газу, Забайкальский край — по всем показателям кроме использования бытового газа, Республика Тыва — по всем показателям кроме подключения к водопроводным системам.

Представленная нами типология регионов по степени отставания инженерной инфраструктуры в сельской местности может стать основой для определения и корректировки приоритетов в рамках реализации федеральных и региональных государственных программ [2–6] по развитию холодного и горячего водоснабжения, водоотведения, обустройству систем отопления и доступа к бытовому газу в сельской местности на региональном уровне с целью повышения качества жизни населения Российской Федерации.

Литература и Интернет-источники

1. **Шнейдерман, И. М.** Модернизация системы водоснабжения и водоотведения в сельской местности как фактор повышения качества жизни населения России / И. М. Шнейдерман, И. В. Пилипенко // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 147–159. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.12; EDN: SZILDL
2. **Бурда, А. Г.** Социальные параметры аграрного сектора Кубани: развитие и количественная оценка взаимосвязей / А. Г. Бурда, С. А. Бурда // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2015. — № 108. — С. 792–816. EDN: TROMTX
3. **Ремизова, А. А.** Влияние уровня газификации на качество жизни сельского населения / А. А. Ремизова, С. А. Нардина // Сибирская финансовая школа. — 2019. — № 5(136). — С. 41–50. EDN: LHKLTR
4. **Фомина, В. Ф.** Оценка комфортности жилищно-коммунальных условий в сельских районах Республики Коми / В. Ф. Фомина, А. В. Фомин // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2019. — № 2(64). — С. 88–105. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X.2.2019.64.88-105; EDN: VNYACW
5. **Гагиев, Н. Н.** Перспективы развития инженерной инфраструктуры сельских территорий / Н. Н. Гагиев, Л. П. Гончаренко, С. А. Сыбачин, А. А. Шестакова // АПК: экономика, управление. — 2021. — № 9. — С. 95–100. EDN: CCAFWX
6. **Петрова, З. К.** Модернизация сельских поселений путём применения инновационных технологий / З. К. Петрова // Academia. Архитектура и строительство. — 2021. — № 4. — С. 86–93. DOI: 10.22337/2077-9038-2021-4-86-93; EDN: HZOLNC

Сведения об авторах:

Пилипенко Игорь Валерьевич, к.геогр.н., МРА (магистр государственного администрирования), зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8108-7253; РИНЦ AuthorID: 133285.

Шнейдерман Инна Моисеевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: imschneiderman@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4507-8464; РИНЦ AuthorID: 653903.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-26-40

REGIONAL PRIORITIES IN THE UTILITIES' INFRASTRUCTURE UPGRADING IN RURAL AREAS FOR IMPROVING QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION (PART TWO)

Igor V. Pilipenko, Inna M. Schneiderman*

Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

**E-mail: i-pilipenko@yandex.ru*

For citation:

Pilipenko I. V., Schneiderman I. M. Regional priorities in the utilities' infrastructure upgrading in rural areas for improving quality of life of the population (Part Two). *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 26–40. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-26-40 (in Russ.)

Abstract. *This article considers the problem of rural areas' significant lagging behind urban territories of the Russian Federation in terms of the utilities' infrastructure development that comprises water supply, sewage systems, heating and gas supply. We use for our analysis six indicators from the Rosstat surveys entitled «The Comprehensive Monitoring of the Living Conditions of the Population» as of 2014 and 2022 reflecting access of ca. 18.5 thousand households in rural settlements of 82 regions of the Russian Federation (excluding three federal cities) to water pipelines, hot water supply, up-to-date sewage systems, availability of up-to-date toilets, heating systems as well as gas supply. Part One of the article shows that the rural households' quality of life is lagging behind that of urban ones most considerably in terms of access to sewage systems (50,6 percentage points (pp) less households across all the country), up-to-date toilets (29,3 pp less) and hot water supply (21,0 pp less). The Central and North Caucasian federal districts are the leaders by average indicators while the Siberian and Far Eastern federal districts critically fall behind the other federal districts by the degree of development of the utilities' infrastructure. The largest gap between urban and rural areas in average terms exists in such regions of the Russian Federation as the Republic of Sakha (Yakutia), the Komi Republic, Irkutsk Oblast, the Nenets Autonomous Okrug, the Republic of Tuva, the Republic of Karelia, the Republic of Buryatia, Amur Oblast, Tyumen Oblast and Krasnoyarsk Krai. In Part One and Part Two of the article, we present six classifications with six groups of regions of the Russian Federation by the degree of lagging of rural settlements behind urban areas by each component of the utilities' infrastructure under consideration. Part Two of the article presents a method and calculations of values of the composite index of the utilities' infrastructure underdevelopment in rural areas for 82 regions of the Russian Federation. Based on the results obtained, we compose a typology encompassing seven types of regions of the Russian Federation that may serve as a foundation for setting or adjusting regional priorities of the state programmes aimed at developing components of the utilities' infrastructure in rural areas.*

Keywords: *utilities' infrastructure, water supply, water pipeline, sewage system, heating, household gas, rural area, rural settlement, quality of life, regions of Russia.*

References and Internet sources

1. Schneiderman I. M., Pilipenko I. V. Modernizatsiya sistemy vodosnabzheniya i vodootvedeniya v sel'skoj mestnosti kak faktor povysheniya kachestva zhizni naseleniya [Upgrading water supply and wastewater collection systems in rural areas as a way to improve quality of life of the population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 147–159. (in Russ.)
2. Burda A. G., Burda S. A. Sotsial'nyje parametry agrarnogo sektora Kubani: razvitije i kolichestvennaya otsenka vzaimosvyazej [Social parameters of agrarian sector of Kuban: Development and quantitative assessment of interrelations]. *Politematicheskij setevoj elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University]*. 2015. No. 108. P. 792–816. (in Russ.)
3. Remizova A. A., Nardina S. A. Vliyanie urovnya gazifikatsii na kachestvo zhizni sel'skogo naseleniya [Influence of the gasification level on the quality of life of rural population]. *Sibirskaya finansovaya shkola [Siberian Finance School]*. 2019. No. 5(136). P. 41–50. (in Russ.)
4. Fomina V. F., Fomin A. V. Otsenka komfortnosti zhilishchno-kommunal'nykh uslovij v sel'skikh rajonakh Respubliki Komi [Evaluation of the comfort of the housing and communal conditions in rural areas of the Republic of Komi]. Sever i rynek: formirovanije ekonomicheskogo poryadka [The North and Market: Forming the Economic Order]. 2019. No. 2 (64). P. 88–105. (in Russ.)
5. Gagiev N. N., Goncharenko L. P., Sybachin S. A., Shestakova A. A. Perspektivy razvitiya inzhenernoj infrastruktury sel'skikh territorij [Prospects for the development of engineering infrastructure in rural areas]. *APK: ekonomika, upravlenije [AIC: Economy, Management]*. 2021. No. 9. P. 95–100. (in Russ.)

6. Petrova Z. K. Modernizatsiya sel'skikh poselenij putem primeneniya innovatsionnykh tekhnologij [Modernization of rural settlements through the use of innovative technologies]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [*Academia. Architecture and Construction*]. 2021. No. 4. P. 86–93. (in Russ.)

Information about the authors:

Pilipenko Igor Valeryevich, Candidate of Geography, MPA (Master of Public Administration), Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8108-7253; Elibrary AuthorID: 133285.

Schneiderman Inna Moiseevna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: imschneiderman@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4507-8464; Elibrary AuthorID: 653903.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-41-55
EDN: ABLTRC

РЫНОК ТРУДА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ: ТЕКУЩИЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Долженко Р. А.*, Долженко С. Б.

Уральский государственный экономический университет
(620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62)

*E-mail: rad@usue.ru

Для цитирования:

Долженко Р. А., Долженко С. Б. Рынок труда в профессиональном сегменте управления персоналом: текущие состояние и перспективы развития // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 41-55. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-41-55; EDN: ABLTRC

Аннотация. Рынок труда активно меняется под воздействием инноваций, трендов, внешних шоковых воздействий. Особенно неоднородны эти процессы в отдельных профессиональных сегментах, обладающих разной степенью лабильности. Одним из важных, и как показало исследование, крупных сегментов является профессиональная сфера управления персоналом. Цель статьи — проанализировать текущее состояние рынка труда в данном профессиональном сегменте, описать характеристики его субъектов и их интересов, выделить перспективы развития и появления новых профессий. Исследование основано на комплексе методов, которые были использованы в ходе реализации мониторинга рынка труда РФ в сегменте управления персоналом за 2019–2021 гг.: анализ данных Headhunter, анализ документов, экспертные интервью, которые были проведены с руководителями и специалистами по управлению персоналом. Исследование показало, что изучаемый сегмент рынка труда представлен трудоспособным занятым населением численностью около 1 млн человек. Качественная и количественная структура данного сегмента изменилась за несколько лет под воздействием внешних факторов, а также развития функции управления персоналом на отечественных предприятиях. Рынок труда в данном сегменте является частично сбалансированным, наблюдается ряд несоответствий в спросе и предложении, но он по-прежнему является рынком работодателя. Пандемия COVID-19 не оказала значительного влияния на данный сегмент рынка труда, это может быть объяснено инерцией работодателей и откатом показателей к доковидному этапу из-за возвращения к обычным режимам работы.

Ключевые слова: рынок труда, управление персоналом, мониторинг рынка труда, спрос и предложение на рынке труда, система профессиональных квалификаций.

Введение

Начало формирования национальной системы квалификаций в 2014 г. запустило комплекс начинаний по актуализации современной системы подготовки кадров и развитию отдельных направлений профессиональной деятельности через их стандартизацию¹. Одной из задач её развития являлось внедрение единого инструментария для проведения мониторинга рынка труда, который позволяет идентифицировать его текущее состояние, направления развития, формулировать решения по воздействию на рынок с целью повышения его эффективности. В «Стратегии развития национальной системы квалификаций РФ до 2030 года» большое внимание уделено задаче проведения исследований рынка труда для мониторинга и прогнозирования потребности экономики и рынка труда в необходимых квалификациях, в том числе по перспективным профессиям².

Данные мониторинги проводятся отдельными советами по профессиональным квалификациям, их результаты должны помочь улучшить качество профессиональных стандартов, определить наиболее востребованные и выявить новые квалификации. Одно из подобных исследований рынка труда в сегменте управления персоналом за период 2019–2021 гг. было проведено авторами статьи с целью понимания перспектив развития рынка труда в сегменте управления персоналом, выработки предложений для субъектов труда (работодателей и работников) для повышения результативности их взаимодействия³.

Теоретические аспекты проведения мониторинга рынка труда в сегменте управления персоналом

Управление персоналом (УП) — относительно новое направление менеджмента, которое сформировалось в нашей стране в конце 1990-х гг. в рамках внедрения зарубежных управленческих практик в ходе перехода к рыночной экономике. В США и Европе этот вид деятельности окончательно оформился к 1980 г. из-за роста потребности бизнеса в увеличении эффективности использования человеческих ресурсов. Именно поэтому за рубежом это профессиональное направление называют «управление человеческими ресурсами» («Human resources management» — отсюда аббревиатура HR, которая используется в бизнесе для обозначения вида деятельности). И действительно, управление человеческими ресурсами — это важнейшее направление в любой зарубежной организации, которое позволяет бизнесу получать необходимые кадры, выстраивать работу с ними, добиваться поставленных целей. В настоящее время среди HR-специалистов отмечается запрос на поиск новых направлений развития профессии, так как в рамках экономических кризисов бизнес пытается ещё сильнее повысить свою эффективность, в том числе за счёт автоматизации, цифровизации и новых подходов к использованию персонала.

Наблюдаемая в последние десятилетия тенденция развития профессий и расширения их функционала приводит к тому, что внутри них формируются отдельные виды профессиональной деятельности, в которых заняты специалисты, выполняющие уникальный набор профессиональных функций и требующих специального опыта и компетенций. Текущая фиксация этих наборов функций осуществляется в составе разрабатываемых профессиональных стандартов. Эти стандарты создаются в рамках советов по профессиональным квалификациям (СПК). Один из таких — СПК по управлению персоналом (УП), в настоящее время его эксперты выделяют 8 профессиональных видов деятельности (обобщённых трудовых функций) в сфере управления персоналом (рис. 1).

¹ Профессиональные стандарты в практике работы с персоналом: учебное пособие / под общей ред. С.Б.Долженко. — Екатеринбург: УрГЭУ, 2021. — 206 с.

² Мониторинг спроса на квалифицированную рабочую силу на рынке труда Российской Федерации. Обзор материалов Национального агентства развития квалификаций // Союз экспертов и консультантов в сфере трудовой миграции «Международный альянс «Трудовая миграция». — 2021.

³ Исследование было проведено в рамках рабочей группы совета по профессиональным квалификациям в области управления персоналом.

Рис. 1. Профессиональные виды деятельности в направлении «управление персоналом» в СПК по УП

Fig. 1. Professional activities in the sphere of «personnel management» developed by the Council for Professional Qualifications in Personnel Management

Источник: профессиональный стандарт «Специалист по управлению персоналом». — URL: <https://classinform.ru/profstandarty/07.003-spetcialist-po-upravlenniu-personalom.html> (дата обращения: 10.11.2023).

Обзор литературы на тему исследования рынка труда страны показал, что данное направление востребовано со стороны науки и бизнеса: по стране в целом [1], по округам [2], регионам [3], в отдельных городах [4]. Учёных интересует возрастной [5; 6] и гендерный состав [7] рынка труда. Есть исследования рассматривающие особенности занятости работников отдельных профессий [8; 9]. Как правило, это описательные работы, в которых рассматриваются данные Росстата либо проводится качественная аналитика ситуации на рынке труда в отдельных сегментах. На наш взгляд, подобные комплексные исследования различных сегментов профессиональной деятельности позволяют оперативно сопоставлять спрос на рынке труда и предложение на рынке образования в части отдельных профессиональных направлений [10; 11], они позволяют получить представление о масштабах сегмента рынка труда, с которым в стратегической перспективе планируют работать центры занятости [12].

Кроме того, исследования проводятся консалтинговыми агентствами по отдельным на-

правлениям: заработные платы в отраслях, новые направления обучения и развития, цифровизация, санкционное давление, дефицит кадров и другим. Системное осмысление эволюции профессиональных квалификаций, факторов, которые ей способствуют, трендов и тенденций в развитии профессий и перспектив появления новых осуществляется избирательно (например, проект «Атлас новых профессий», который в разных вариантах пытается «вытянуть» рынок труда через представление вариантов профессий, которыми он должен быть насыщен исходя из прогнозируемого будущего). При этом институциональные ограничения и «воля рынка труда» к самосохранению не учитываются. Более правильным будет системный вариант оценки перспектив развития профессий через анализ текущей ситуации, тенденций, сдерживающих сил, которыми выступают ключевые субъекты рынка труда (работники, работодатели и государство в лице СПК). Рассмотрим методологию и результаты исследования, которое было проведено нами в конце 2022 г. в рамках мониторинга рынка труда по заказу СПК по УП.

Методология исследования рынка труда в сегменте управления персоналом

Цель исследования — проанализировать состояние рынка труда в профессиональном сегменте УП за период с 2019 по 2021 гг., описать характеристики его субъектов и их интересов, выделить перспективы развития и появления новых профессий. Объектом исследования выступили работодатели, работники, система образования. Предметом исследования являются интересы субъектов труда в профессиональном сегменте управления персоналом, отражённые в данных опросов, платформы Headhunter (далее — НН), Росстата. Основные задачи исследования: 1) сбор информации посредством экспертного опроса о качественных характеристиках рынка труда в части востребованных квалификаций и изменений на рынке труда, определение изменения тенденций спроса на квалификации; 2) сбор информации посредством экспертного опроса о реализуемых направлениях и профилях подготовки в области УП; 3) анализ трендов и экспертных мнений в части трансформации профессионального сегмента «Управление персоналом».

Основные источники информации, использованные в ходе анализа: 1) экспертный опрос (2021) руководителей и специалистов подразделений по работе с персоналом. Были опрошены представители 98 организаций, в которых реализуется управление персоналом в рамках отдельного структурного подразделения; 2) экспертный опрос (2021) представителей вузов и центров дополнительного образования, реализующих образовательные программы по направлению «управление персоналом». Были опрошены представители 110 образовательных организаций, что составляет около 60% структур, в которых ведётся обучение в сфере УП; 3) обработка данных вакансий и резюме, представленных НН. Были проанализированы данные 224 тыс. активных вакансий по направлению УП и 563 тыс. резюме в этой профессиональной области с 2019 по 2021 гг.; 4) экспертный опрос (2021) руководителей предприятий, проведённый «Национальным агентством

развития квалификаций» (НАРК) совместно с СПК. В опросе приняли участие представители 825 организаций.

Результаты исследования рынка труда в сегменте управления персоналом

В качестве основного способа определения численности работников, занятых в сфере УП, мы использовали усреднённый норматив доли HR-специалистов к общей численности персонала. Его значение было определено с помощью качественного (интервью экспертов) и количественных методов исследования (опросы, анализ и сопоставление данных). Базой для анализа выступили результаты опроса предприятий (2021), проведённого НАРК совместно с СП, в котором приняли участие 825 организаций. Для репрезентативности выборки респонденты отбирались квотно, согласно данным о количестве предприятий в зависимости от размера (малые, средние, крупные), для определения их доли использовались данные Росстата об общем количестве предприятий в РФ и количестве малых и средних предприятий за период. Благодаря анкетным данным крупные предприятия, в свою очередь, распределялись по численности персонала на 2 группы: крупные (с численностью до 10 тыс. работников) и сверхкрупные (с численностью более 10 тыс. работников). В каждой категории были определены средние значения доли численности HR-специалистов в общей численности персонала (рис. 2).

Наименьшая доля HR-специалистов (1,26%) наблюдается у крупного бизнеса с общей численностью от 1001 до 10 тыс. человек. Для малого и среднего бизнеса она составляет 1,53%. Среднее значение, рассчитанное с учётом распределения респондентов — 1,35%. Сопоставление данной доли с результатами оценок по зарубежным компаниям проведёнными профессиональным сообществом SHRM (рис. 3) показало, что в отечественной практике этот норматив в целом меньше, почти в 2 раза (среднее значение в зарубежных компаниях составляет 2,57%), но при этом сохраняется тенденция — чем меньше численность персонала организации, тем выше в ней удельный вес HR-специалистов.

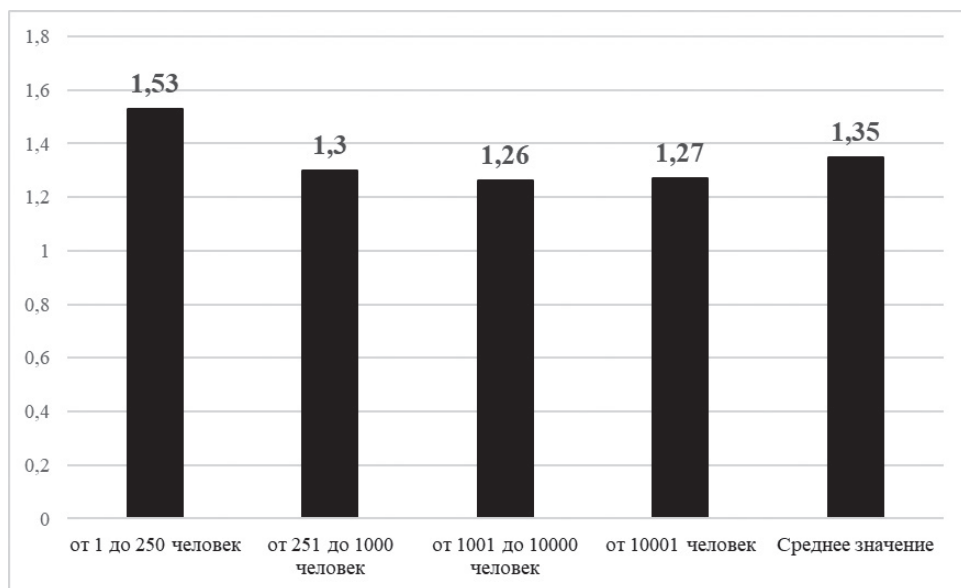

Рис. 2. Доля HR-специалистов в общей численности персонала в зависимости от размера организации, %

Fig. 2. Share of HR specialists in the total number of personnel depending on the size of the organization, %

Источник: составлено авторами.

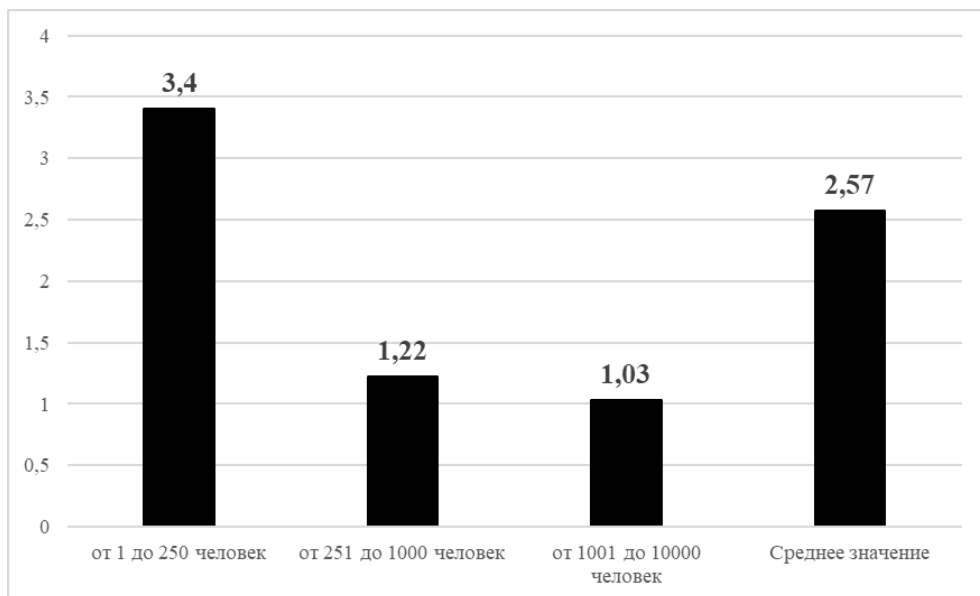

Рис. 3. Доля специалистов по управлению персоналом к общей численности персонала в зависимости от размера компании по данным исследования SHRM, %

Fig. 3. The share of HR specialists in the total number of personnel depending on the size of the company according to SHRM research, %

Источник: Erik van Vulpen. The Optimal HR to Employee Ratio. — URL: <https://www.aihr.com/blog/hr-to-employee-ratio/> (дата обращения: 10.11.2023).

В нашей работе для расчёта численности HR-специалистов мы использовали норматив 1,35%. Используя экстраполяцию данных на количество предприятий и общую численность их персонала, была определена прогнозируемая численность работников, занятых в сфере управления персоналом — около 1 млн человек

Для оценки структуры профессиональной сферы УП были использованы данные НН о вакансиях и резюме в сегменте «Управление персоналом» в период с января 2019 г. по май 2021 г., в которые вошли 224 тыс. вакансий и 563 тыс. резюме. На рис. 4 представлено распределение запроса работодателей на конкретные виды деятельности, изложенные в вакансиях.

Анализ вакансий показал, что за несколько лет возросло значение рекрутинга как вида деятельности внутри HR-блока, что связано с актуализацией темы быстрого подбора в условиях кадрового дефицита. При этом запросы на людей в ряде направлений деятельности в сфере HR остались почти неизменными (например, учёт кадров, оплата труда). Это важно, так как, согласно мнению экспертов, легко автоматизируемые за счёт ИТ-технологий направления деятельности в HR, в ближайшие годы будут сокращаться: среди них кадровый документооборот, оплата труда и другие виды деятельности. Данные показывают, что этого не происходит.

Рис. 4. Распределение долей вакансий в зависимости от вида деятельности по направлению УП со стороны работодателей в 2019–2021 годах
 Fig. 4. Distribution of shares of vacancies depending on the type of activity in HR by employers in 2019–2021

Источник: рассчитано по данным Headhunter.

Зафиксируем некоторые результаты анализа вакансий. Работодатели склонны искать работников для типично офисного формата работы, им нужны работники с опытом и, как правило, конкретным функционалом. При этом усиливается актуальность вахтового метода работы, особенно в добываю-

щей промышленности (в 1% вакансий указан вахтовые условия работы). Распределение вакансий в динамике по месяцам за 2 года приведены на рис. 5. В 2019 и 2020 гг. мы наблюдаем общий сезонный спад спроса в конце года. Рисунок показывает, что несмотря на санкции и пандемию за анализируемый

период увеличивалось количество вакансий в сегменте «Управление персоналом», что говорит о способности рынка труда к быстрому

восстановлению после внешних угроз, вызванных пандемией коронавируса и санкционным давлением.

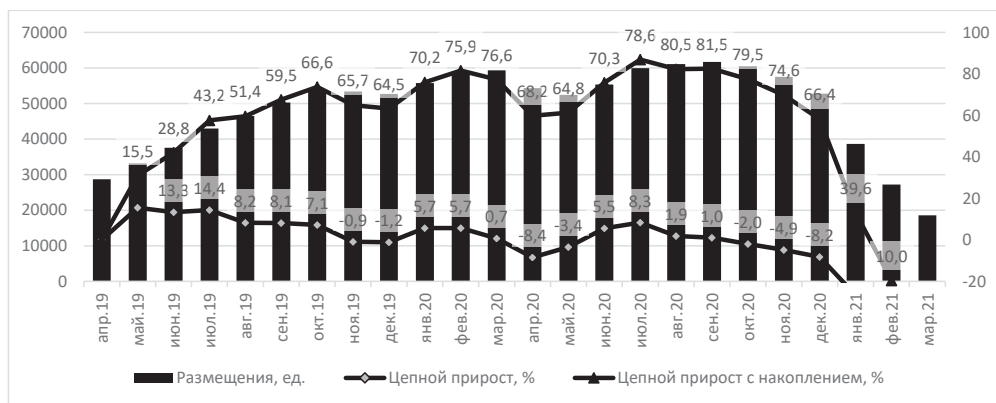

Рис. 5. Динамика публикации вакансий в сегменте УП за 2019–2021 годы

Fig. 5. Dynamics of publication of vacancies in the «Human Resources Management» segment for 2019–2021

Источник: рассчитано по данным Headhunter.

Для анализа предложения со стороны соискателей работы нами были использованы данные о резюме в сегменте «Управление персоналом» за изучаемый период (563 тыс. резюме). Половозрастная структура соискателей работы в HR-сфере приведена в табл. 1. Как видно из таблицы HR-специалисты — это в основном лица женского пола, но при этом лишь 13,9% представительниц заявляет о готовности занять руководящую должность в сфере УП. В то же время минимум 25% мужчин ищут работу на управленческие позиции.

Особый интерес уже не первый год представляет оценка гендерного состава руководителей и специалистов сегмента «Управление персоналом». Данный анализ проведён по результатам экспертного опроса в 2021 г. среди руководителей и специалистов, представляющих порядка 100 организаций, в которых функция «Управление персоналом» выделена как отдельный вид профессиональной деятельности. Доля женщин по-прежнему преобладает в общей численности HR-специалистов (с 2016 по 2021 гг. доля выросла с 81,5 до 84,1%). Вместе с тем, доля женщин, за-

нятых на руководящих позициях к общей численности женщин профессионального сегмента, по-прежнему не высока и ниже (в 3,1 раза в 2016 г. и в 2,5 раза в 2021 г.), чем доля мужчин-руководителей к общей численности мужчин. При этом есть тренд на сокращение разрыва между долей женщин, занятых на руководящих позициях, к общей численности женщин в профессиональном сегменте и соответствующей доли мужчин.

На рис. 6 приведено распределение видов деятельности в резюме HR-специалистов, которые заполняют соискатели. Как видно из рисунка повышенный спрос на специалистов по подбору персонала, выявленный ранее, не соотносится с предложениями со стороны соискателей (37% вакансий ориентированы на поиск рекрутеров, но только 21% кандидатов позиционирует себя в данном качестве). Сравнение с данными на рис. 4 говорит о том, что предложение на рынке труда более изменчиво за счёт разных факторов по сравнению с предложением с точки зрения изменения долей желающих работать в тех или иных направлениях HR-деятельности.

Таблица 1

Половозрастная структура соискателей в сегменте в 2019–2021 годах

Table 1

Age and gender structure of applicants in the segment in 2019–2021

Группа	Значения за период 2020–2021 гг., единиц	Доля, %	Значения за период 2019–2020 гг., единиц	Доля, %	Отклонение относительно периодов (прирост), %
женщин всего, человек	284022	81,6	169098	79,0	68,0
женщин на руководящую роль, человек	39584	13,9	21372	12,6	85,2
средний возраст женщин всего, лет	35		37		-5,4
средний возраст женщин на руководящую роль, лет	39		40		-2,5
мужчин всего, человек	63898	18,4	44863	21,0	42,4
мужчин на руководящую роль, человек	17911	28,0	11281	25,1	58,8
средний возраст мужчин всего, лет	35		36		-2,8
средний возраст мужчин на руководящую роль, лет	39		41		-4,9

Источник: рассчитано по данным Headhunter.

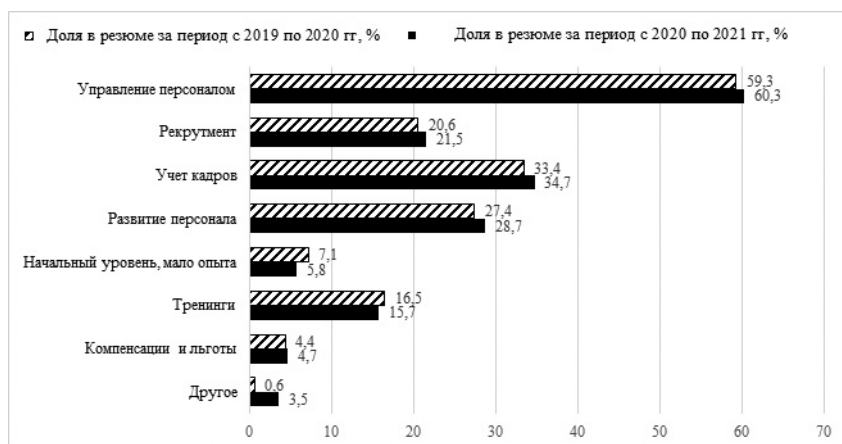

Рис. 6. Распределение резюме HR-специалистов в зависимости от вида деятельности по направлению УП за 2019–2021 гг., %

Fig. 6. Distribution of resumes of HR specialists depending on the type of HR for 2019–2021, %
Источник: рассчитано по данным Headhunter.

Таким образом, в период 2020–2021 гг. на фоне критического увеличения пула резюме заметен прирост доли соискателей с солидным опытом, которому не сопутствуют ожидаемые в случае «органического» накопления стажа переходы в иные возрастных категориях. Тем не менее, прирост именно этой категории не столь драматичен, как можно было ожидать: возрастные «предпочтения» при высвобождении прослеживаются, но не являются единствен-

ным источником пополнения базы резюме, активных в периоде. «Пандемийный след» прослеживается и в разрезе желаемого соискателями графика работы. Заметно повышение спроса на работу в удалённом формате или с гибким графиком в 2020–2021 гг., прирост составил, соответственно, 7,5% и 4,2%. Тем не менее, соискатели в сегменте «Управление персоналом» твёрдо ориентированы на типовое взаимодействие с работодателем. Однако это не озна-

чает, что соискателей интересует лишь полноформатное сотрудничество — в 2020–2021 гг. кандидаты отмечали возможность проектной или частичной занятости совокупно на 6% чаще.

В отношении количественных разрывов представим интегральную табл. 2. Наибольшее количество претендентов на вакансию в обоих периодах сопутствует специализации «Тренинги», немного отстают от них «Организация обучения персо-

нала» и «Кадровый документооборот», однако в целом сегмент не является высококонкурентным и кардинально перегретым со стороны предложения. Наоборот, в 2019–2020 гг. наблюдалась выраженная нехватка кандидатов для закрытия вакантных должностей. Отдельно была сделана оценка отражения в запросах работодателей актуальных нормативов, изложенных в профессиональных стандартах СПК по УП. На сегодня разработано четыре таких стандарта (табл. 3).

Таблица 2

Соотношение количества резюме на 1 вакансию в сегменте «Управление персоналом» в разрезе специализаций в 2019–2021 годах

Table 2

Ratio of the number of resumes per 1 vacancy in the «Human Resources Management» segment by specialization in 2019–2021

Специализация	Количество резюме за период 2020–2021 гг., единиц	Количество резюме за период 2019–2020 гг., единиц	Отклонение, относительно периодов (прирост), %
Другое	1,8	0,8	109,6
Оплата труда и стимулирование	1,4	0,8	71,3
Тренинги	3,5	2,0	77,0
Начальный уровень, без опыта	1,1	0,8	40,5
Организация обучения персонала	2,9	1,6	78,0
Кадровый документооборот	3,0	1,8	67,6
Подбор персонала	1,4	0,9	63,8
Управление персоналом	3,0	1,8	68,2

Источник: рассчитано по данным Headhunter.

Таблица 3

Перечень профессиональных стандартов, разработанных Советом по профессиональным квалификациям в области управления персоналом

Table 3

List of professional standards developed by the Council for Professional Qualifications in Personnel Management

Название профессионального стандарта	Реквизиты приказа Минтруда об утверждении профессионального стандарта		Срок действия последней версии
	Первичное принятие	Актуализация	
Специалист по управлению персоналом	Приказ Минтруда России от 06.10.2015 N 691н	Приказ Минтруда России от 09.03.2022 N 109н	01.09.2022–01.09.2028
Консультант в области управления персоналом	Приказ Минтруда России от 04.04.2022 N 197н	-	01.09.2022–01.09.2028
Специалист по экономике труда	Приказ Минтруда России от 17.11.2020 N 795н	-	02.01.2021 – срок окончания не установлен
Специалист по подбору персонала (рекрутёр)	Приказ Минтруда России от 09.10.2015 N 717н	В процессе актуализации	22.11.2015 – срок окончания не установлен

Источник: составлено авторами.

Проведённый анализ возможных наименований должностей, представленных в четырёх профессиональных стандартах, разработанных СПК по УП, совокупно предлагается 74 уникальных наименования должностей в рамках обобщённых трудовых функций (далее — ОТФ). Если не отсеивать пересекающиеся либо «сквозные» наименования (например, в случае менеджера по персоналу), то всего можно говорить о 95 позициях, что отражает общий уровень разнообразия и наличие устойчивых ролей, понимаемых всем рынком. Однако данные из базы вакансий НН сообщают нам, что работодатели использовали за 2 года 7017 уникальных вариантов, причём применение иностранной терминологии встречается почти в 65% этих вариантов. Таким образом, применимость наименований должностей из числа предлагаемых стандартами в сегменте «Управление персоналом» составляет около 39% (упоминание 87 тыс. наименований должностей из числа предлагаемых ПС в 224 тыс. вакансиях).

По итогам анализа можно сделать вывод, что наиболее вариабельными в части применения наименований должностей являются ОТФ «Деятельность по обеспечению персоналом» — ввиду собственных трендов в позиционировании ролей и моде, привносимой из других сегментов, и «Деятельность по организации труда и оплаты персонала» — ввиду дальнейших внутренних процессов специализации и кооперации труда.

Основные выводы исследования и направления развития сегмента рынка труда

Исследование показало, что в сфере УП работает около 1 млн человек. Изучаемый сегмент рынка труда оказался достаточно гибким к изменениям, при этом работодатели как субъекты труда выступают в качестве консервативной части, а работники предпочитают новые форматы работы. Даже в среднесрочной перспективе 3–5 лет сфера УП изменяется как количественно, так и качественно. Увы, но HR-сфера явля-

ется не конкурентной для соискателей работы, по состоянию на 2022 г. в среднем на 1 вакансию приходится 3 резюме, причём большая часть предлагаемых резюме низкого качества, с небольшим опытом, узким коридором компетенций. При этом в вакансиях растёт запрос на конкретные профессиональные навыки и опыт проведения проектов и достижения показателей.

Опрос представителей вузов показал, что они видят увеличение спроса на профильных выпускников вузов со стороны бизнеса. Предприятия готовы брать на работу практикантов со 2–4 курса бакалавриата, более активно вовлекаться в образовательные процессы, проводить мастер-классы, организовывать экскурсии на предприятия. Эта тенденция находит отражение и в резюме, среди них увеличилась доля тех соискателей HR-работы, которые не обладают стажем и опытом работы в данной профессиональной сфере. Для понимания тенденций в этой области необходимо дополнительное исследование системы образования, включающее анализ содержания образовательных программ, их соответствия требованиям профессиональных стандартов, данных о количестве и качестве обучающихся по профилю. При этом нужно учитывать, что часть из них не будет работать по специальности.

Внешнее потрясение на рынке труда в виде пандемии COVID-19 через несколько лет перестало негативно сказываться на профессиональном сегменте. Анализ вакансий показал, что запросы работодателей существенно не изменились, несмотря на запросы работников в сохранении комфортных дистанционных и гибких форматов занятости (запрос на дистант у соискателей работы HR-специалистов за 2 года вырос на 7,5%, на гибкий график — на 4%), которые вошли в обиход работы в связи с пандемией. Более того, многие ковидные послабления отменяются сейчас назад, работодатели устанавливают жёсткие требования к наличию работника на рабочем месте в офисе, особенно если речь идёт о профессиях, предусматривающих личное взаимодействие с коллегами, что характер-

но и для HR-специалистов. Работники оказались готовы к изменениям и новациями в сфере работы больше, чем работодатели, которые демонстрируют консерватизм в предоставлении гибких режимов труда. Для работников важны возможности дополнительного заработка и управления собственной занятостью.

В 2021 г. вырос поток на рынок труда кандидатов с многолетним опытом в сфере управления персоналом, это может быть объяснено проектами оптимизаций, которые последовали вслед за пандемией и необходимостью повысить эффективность работы. Прошёл небольшой лаг с момента пандемии, ухода в дистант и оптимизационными решениями, после которого кандидаты начали выходить на рынок труда. Какие ещё моменты могут повлиять на развитие рынка труда в сегменте управления персоналом? С точки зрения экспертов, которые были нами опрошены в ходе интервью, наибольшее влияние могут оказать следующие моменты.

1. На развитие профессий в сфере управления персоналом продолжают оказывать влияние автоматизация процессов и функций, переориентация специалистов с вопросов кадрового документооборота на удовлетворение запросов бизнеса, стремление к повышению собственной квалификации и готовность к изменениям.

2. В 2020–2021 гг. сферу работы с персоналом, как и многие другие аспекты жизни изменила пандемия коронавируса и предпринятые шаги по самоизоляции, однако эти изменения оказались много меньше ожидаемым, как и те, которые в той или иной мере были связаны с пессимистичными заявлениями о «вымирании» профессии со стороны экспертов. Результаты нашего исследования показали, что пессимистические настроения оказались безосновательными. Многие работники и работодатели видят и используют новые возможности, уверены в своих силах для решения экстраординарных задач и использования новых технологий.

3. Сферу управления персоналом ожидает усиление новых направлений деятельно-

сти, в первую очередь связанных с информационными технологиями, внутренними коммуникациями и оптимизационными решениями, приносящими экономический эффект для организации.

4. Следует помнить, что влияние специалистов по УП не ограничивается только работниками. Все большее значение имеет семья (домохозяйство), её окружение. Именно поэтому некоторые компании переходят от «управления персоналом» к «управлению людьми», включая ближайшее окружение работников. Бесспорно, любая организация оказывает воздействие на территорию, на которой она действует, как внутри определённой географической локации, так и рынка. Успешные компании учитывают перспективные аспекты своей деятельности и стараются оказать воздействие на детские сады, школы, университеты, больницы, досуговые места, понимая, что это влияние имеет стратегическое воздействие и будет отражаться на поколениях людей, которые с первых лет жизни видят образы, цвета, логотипы конкретной компании.

В рамках проведённого исследования нами было проанализировано как выглядит рынок труда в профессиональном сегменте управления персоналом, какие подфункции в нем сходят на нет, какие развиваются. По итогам анализа можно сделать вывод о перспективах развития профессии, в частности от том, что управление персоналом активно развивается, находится на пике жизненного цикла квалификации и в ближайшие годы будет обрастать новым функционалом. С одной стороны развиваются профессиональные стандарты, которые представляют собой ориентиры в профессии для обычных предприятий, с другой — сама профессия очень гибко трансформируется под воздействием различных факторов: шокирующих событий (пандемия, санкционное давление, частичная мобилизация и др.), модных тем в сфере HR (вовлечённость, грейды, модели компетенций и др.), а также системных изменений тру-

довой деятельности в рамках разворачивания отдельных трендов (цифровизация, автоматизация, повышение эффективности для бизнеса). На наш взгляд, подобные исследования нужно продолжить, так как для них характерен высокий информационный потенциал результатов и их применимость для разработки планов действий по адапта-

ции рынка труда и развитию рынка образования. Но для этого необходим комплексный характер оценок, а также расширение круга респондентов с включением в него основных получателей результатов работы HR-функции — руководителей и собственников компаний.

Литература и Интернет-источники

1. **Долженко, Р. А.** Анализ рынка труда в сегменте «управление персоналом» / Р. А. Долженко // ЭКО. — 2018. — № 8(530). — С. 161–179. EDN: UVPLSC
2. **Долженко, Р. А.** Спрос и предложение HR-специалистов на рынке труда РФ и Уральского федерального округа в зеркале данных HeadHunter / Р. А. Долженко, А. В. Назаров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2019. — Т. 13. — № 1. — С. 41–52. EDN: ZAETCX
3. **Долженко, Р. А.** Спрос и предложение на рынке труда Свердловской области в сегменте «управление персоналом» / Р. А. Долженко // Региональная экономика: теория и практика. 2019. — Т. 17. — № 5(464). — С. 975–989. EDN: FZEBVK
4. **Абрамов, А. П.** Социально-экономические показатели рынка труда и занятости в городе Курске: динамика и перспективы роста / А. П. Абрамов, Ф. А. Габриков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2019. — Т. 9. — № 2(31). — С. 180–187. EDN: VPUYQT
5. **Кот, В. В.** Молодёжный сегмент рынка труда: специфика, мониторинг, основные направления регулирования / В. В. Кот, А. Г. Кузьмина // Вектор экономики. — 2016. — № 5(5). — С. 58. EDN: XBOENP
6. **Гневашева, В. А.** Аспекты социально-экономического моделирования процесса воспроизводства рабочей силы молодёжного сегмента рынка труда / В. А. Гневашева, С. В. Рязанцев, В. А. Безверный // Аллея науки. — 2018. — Т. 1. — № 4(20). — С. 294–299. EDN: XOHMEX
7. **Шершова, Л. В.** Модель регулирования рынка труда через включение гендерных приоритетов / Л. В. Шершова, М. В. Малаховская. — Томск, 2013. — 183 с. EDN: TISPJP
8. **Сагалаков, Е. И.** ИТ-модель инструмента прогнозирования подготовки кадров для высокотехнологичных предприятий в условиях реиндустриализации региональной экономики / Е. И. Сагалаков, В. И. Соловьев // Вестник НГУЭУ. — 2016. — № 1. — С. 274–284. EDN: TLBLHE
9. **Ливинская, В. А.** Анализ компетенций рынка труда IT-сферы / В. А. Ливинская, М. А. Шалухова // Вестник Белорусско-Российского университета. — 2022. — № 2(75). — С. 86–94. EDN: ELLKFL
10. **Мосиенко, Н. Л.** Мониторинг выпускников вуза: варианты оценки результативности обучения / Н. Л. Мосиенко, Т. Ю. Черкашина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2014. — Т. 14. — № 1. — С. 127–140. EDN: RXSAUL
11. **Харькин, В. В.** Инструментальные и методические аспекты сегментации региональных рынков труда с применением квалификационных характеристик / В. В. Харькин // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). — 2019. — Т. 10. — № 3. — С. 408–428. EDN: RWJEHO
12. **Забелина, О. В.** Формирование системы мониторинга и прогнозирования рынка труда как условие перехода к новой модели службы занятости населения / О. В. Забелина // Труд в современной российской экономике: социальное измерение. Сборник научных статей IV Санкт-Петербургского международного форума труда (Санкт-Петербург, 27–28 февраля 2020 г.). — Санкт-Петербург: СПбГУ, 2021. — С. 180–201. EDN: TDLYJB

Сведения об авторах:

Долженко Руслан Алексеевич, д.э.н., доцент, проф., Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: rad@usue.ru; ORCID: 0000-0003-3524-3005; PИHЦ AuthorID: 617562.

Долженко Светлана Борисовна, к.э.н., доцент, зав. кафедрой, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: ginsb@ya.ru; ORCID: 0000-0002-7658-516X; PИHЦ AuthorID: 148831.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-41-55

LABOR MARKET IN THE PROFESSIONAL SEGMENT OF PERSONNEL MANAGEMENT: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Ruslan A. Dolzhenko*, Svetlana B. Dolzhenko

Ural State University of Economics
(62 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620144)

*E-mail: rad@usue.ru

For citation:

Dolzhenko R. A., Dolzhenko S. B. Labor market in the professional segment of personnel management: current state and development prospects. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 41-55. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-41-55 (in Russ.)

Abstract. *Labor market is a complex system of interacting entities pursuing their goals within a framework that exists within strict normative boundaries. At the same time, it is actively changing under the influence of innovations, trends, and external shocks. These processes are especially heterogeneous in separate professional segments that have different degrees of liability. One of the important and, as the study showed, large segments is the professional sphere of personnel management. The purpose of the article is to analyze the current state of the labor market in this professional segment, describe the characteristics of its subjects and their interests, and highlight the prospects for development and emergence of new professions. The study is based on a set of methods that were used during the implementation of monitoring of the Russian labor market in the personnel management segment for 2019–2021: analysis of Headhunter data, expert interviews, analyses of documents, expert interviews with managers and personnel management specialists. The study showed that the studied segment of the labor market is represented by able-bodied employed population of about 1 million people. The qualitative and quantitative structure of this segment has changed over several years under the impact of external factors, as well as development of the personnel management function at domestic enterprises. The labor market in this segment is partially balanced, there are several discrepancies in supply and demand, but it is still an employer's market. The COVID-19 pandemic did not have a significant impact on this segment of the labor market; this can be explained by the inertia of employers and a rollback of indicators to the pre-COVID stage due to the return to normal operating modes.*

Keywords: *labor market, personnel management, labor market monitoring, supply and demand in the labor market, system of professional qualifications.*

References and Internet sources

1. Dolzhenko R. A. Analiz rynka truda v segmente «upravljenije personalom» [Analysis of the labor market in the «personnel management» segment]. EKO [ECO]. 2018. No. 8(530). P. 161–179. (in Russ.)
2. Dolzhenko R. A., Nazarov A. V. Spros i predlozhenije HR-spetsialistov na rynke truda RF i ural'skogo federal'nogo okruga v zerkale dannyh HeadHunter [Demand and supply of HR specialists in the labor market of the Russian Federation and the Ural Federal District reflected in the HeadHunter data]. Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Ekonomika i menedzhment [Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management]. 2019. Vol. 13. No. 1. P. 41–52. (in Russ.)
3. Dolzhenko R. A. Spros i predlozhenije na rynke truda Sverdlovskoj oblasti v segmente «upravljenije personalom» [Supply and demand in the segment of personnel management: Evidence from the Sverdlovsk Oblast labor market]. Regional'naja ekonomika: teorija i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]. 2019. Vol. 17. No. 5(464). P. 975–989. (in Russ.)
4. Abramov A. P., Gavrikov F. A. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli rynka truda i zanjatosti v gorode Kurske: dinamika i perspektivy rosta [Socio-economic indicators of labor market and employment in Kursk: dynamics and prospects of growth]. Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Ekonomika. Sotsiologija. Menedzhment [Proceedings of the Southwest State University. Economics, Sociology and Management]. 2019. Vol. 9. No. 2(31). P. 180–187. (in Russ.)
5. Kot V. V., Kuzmina A. G. Molodezhnyj segment rynka truda: spetsifika, monitoring, osnovnyje napravlenija regulirovanija [The youth segment of the labor market: specifics, monitoring, main regulations]. Vektor ekonomiki [Vector of Economy]. 2016. No. 5(5). P. 58. (in Russ.)
6. Gnevasheva V. A., Ryazantsev S. V., Bezverbny V. A. Aspekty sotsial'no-ekonomicheskogo modelirovanija protsessa vosproizvodstva rabochej sily molodezhnogo segmenta rynka truda [Aspects of socio-economic modeling of the process of reproduction of labor in the youth segment of labor market]. Alleja nauki [Alley of Science]. 2018. Vol. 1. No. 4 (20). P. 294–299. (in Russ.)
7. Shershova L. V., Malakhovskaya M. V. Model' regulirovanija rynka truda cherez vključenije gendernykh prioritetov [Model of Labor Market Regulation through the Inclusion of Gender Priorities]. Tomsk. 2013. – 183 p. (in Russ.)
8. Sagalakov E. I., Solovyov V. I. IT-model' instrumenta prognozirovaniya podgotovki kadrov dlja vysokotekhnologichnyh predpriyatij v uslovijah reindustrializatsii regional'noj ekonomiki [IT model forecasting tools training for high-tech companies in the regional economy reindustrialization]. Vestnik NGUeU [Vestnik NSUEM]. 2016. No. 1. P. 274–284. (in Russ.)
9. Livinskaya V. A., Shalukhova M. A. Analiz kompetentsij rynka truda IT-sfery [Analysis of competencies of labor market the IT sphere]. Vestnik Belorussko-Rossijskogo universiteta [Bulletin of the Belarusian-Russian University]. 2022. No. 2(75). P. 86–94. (in Russ.)
10. Mosienko N. L., Cherkashina T. Yu. Monitoring vypusknikov vuza: varianty otsenki rezul'tativnosti obuchenija [Monitoring of university alumni: performance evaluation of learning]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Social and Economic Sciences]. 2014. Vol. 14. No. 1. P. 127–140. (in Russ.)
11. Harkin V. V. Instrumental'nyje i metodicheskie aspekty segmentatsii regional'nykh rynkov truda s primenenijem kvalifikatsionnykh harakteristik [Instrumental and methodological aspects of the segmentation of regional labor markets using qualification characteristics]. MIR (Modernizatsija. Innovatsii. Razvitije) [MIR (Modernization. Innovation. Research)]. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 408–428. (in Russ.)
12. Zabelina O. V. Formirovanije sistemy monitoringa i prognozirovaniya rynka truda kak uslovije perekhoda k novej modeli sluzhby zanjatosti naselenija [Formation of a system of monitoring and forecasting of the labor market as a condition for the transition to a new model of the employment service]. Trud v sovremennoj rossijskoj ekonomike: sotsial'noje izmerenije. [Labor in the Modern Russian Economy: The Social Dimension]. Proceedings of the IV St. Petersburg International Labor Forum. (February 27–28, 2020). St. Petersburg. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet [Saint-Petersburg State University]. 2021. P. 180–201. (in Russ.)

Information about the authors:

Dolzhenko Ruslan Alekseevich, Doctor of Economics, Associate Professor, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: rad@usue.ru; ORCID: 0000-0003-3524-3005; Elibrary AuthorID: 617562.

Dolzhenko Svetlana Borisovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Head of Department, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: ginsb@usue.ru; ORCID: 0000-0002-7658-516X; Elibrary AuthorID: 148831.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-56-70
EDN: IYVOQQ

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СТРЕССА НА СТЕПЕНЬ АДАПТИРОВАННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Берзин Б. Ю., Пышминцева О. А.*

*Институт экономики Уральского отделения РАН
(620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29)*

**E-mail: pyshmintseva.oo@uiec.ru*

Финансирование:

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по государственному заданию Института экономики Уральского отделения РАН на 2024–2026 гг. № 0327–2024–0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Для цитирования:

Берзин Б. Ю., Пышминцева О. А. Влияние информационного стресса на степень адаптированности населения региона // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 56-70. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-56-70; EDN: IYVOQQ

Аннотация. В последние годы наблюдается увеличение социального стресса и напряжения в обществе в результате высокого информационного давления из-за ряда негативных социально-экономических событий, таких как пандемия COVID-19, санкционное давление, экономическая нестабильность и рост цен в стране, психологическая перегрузка населения из-за высокой динамики жизни. Информационная волна может влиять не только на внешнее поведение людей, но и вызывать к жизни деструктивные поведенческие технологии, обострять существующие болезни и способствовать появлению новых. Статья посвящена исследованию влияния усиления информационного стресса на ухудшение здоровья населения. Авторами раскрывается сущность понятия «информационный стресс», который является важным фактором, влияющим на успешность процессов адаптации в современном обществе. Рассмотрены механизмы изменения поведения населения (адаптивность, стрессоустойчивость и тревожность), направленные на успешную реализацию жизнедеятельности человека в современном мире. На этой основе разработана методика оценки уровня воздействия информационного стресса, стрессоустойчивости населения в регионах с использованием суммарного индекса тревожности и интегрального индекса социально значимых заболеваний (впервые и повторно установленные психические расстройства, алкоголизм и алкогольный психоз, наркомания). Проведена типология регионов по уровню тревожности населения, его стрессоустойчивости к информационным событиям в стране. Выделены три типа регионов: дезадаптированные, адаптирующиеся и адаптированные. В 2022 г. большинство регионов (55) относились к адаптирующимся регионам со средним уровнем заболеваемости при среднем уровне тревожности. К адаптированным отнесено всего 7 регионов, в основном регионы Северного Кавказа, к дезадаптированным — 12 регионов. Наиболее дезадаптированными регионами являются Москва, Пермский край, Архангельская область, Республика Карелия. Основные результаты исследования могут быть использованы при разработке мероприятий в области укрепления общественного здоровья.

Ключевые слова: тревожность, информационный стресс, стрессоустойчивость, адаптация, социальный стресс, социально значимые заболевания.

© Берзин Б. Ю., Пышминцева О. А., 2024.

Введение

В современных условиях все более актуальным становится изучение поведения людей под воздействием средств массовой информации (СМИ). Распространение и доступность информации посредством социальных сетей, появление интернета в отдалённых регионах страны, их относительная автономность вынуждают исследовать систему факторов, способствующих или, наоборот, препятствующих влиянию информации на массовое сознание во многом определяющим реакцию населения на социально-экономические и социально-политические изменения в стране. В свою очередь познание массовых процессов позволяет сформулировать те или иные управленческие решения, адекватные реальной ситуации.

СМИ оказывают воздействие на эмоциональный мир человека, его мышление, на отдельные действия и поступки. Отсутствие информации, или, наоборот, её переизбыток оказывает негативное влияние на людей, вызывает неадекватные реакции на происходящие события. Особую роль в изучении массовых настроений играют исследовательские центры, осуществляющие мониторинг социально-психологического самочувствия населения. Благодаря этому становится возможной выработка практических рекомендаций по снижению напряжённости в отдельных регионах, осуществлению мер по снижению уровня социального стресса, формирование эффективных способов и стратегий адаптации. Среди этих центров для целей нашего исследования особый интерес представляет агентство «КРОС», которое с 2019 г. регулярно замеряет суммарный индекс тревожности во всех регионах России и устанавливает рейтинг тревожности россиян по регионам на основе анализа средств массовой информации и социальных сетей.

Рейтинг тревог (как стресс-факторов, определяющих тревожность) в 2020 г. возглавляла информация о пандемии (страх заражения и последствия), затем социально-экономическая проблематика, изменение

привычного уклада жизни. Суммарный индекс тревожности в 2020 г. вырос на 22% по сравнению с 2019 г. (с 4696 до 5735 медиаюнга¹). В 2021 г. в центре внимания оставалась пандемия, обострение международной обстановки. Наиболее тревожной новостью явилось введение QR-кодов. Самыми «тревожными» регионами стали Москва и Санкт-Петербург, в ТОП-10 вошли также Свердловская и Тюменская области. В 2022 г. основными информационными поводами для тревоги стали специальная военная операция (СВО), инфляция, уход из России иностранных компаний. В 2023 г. в перечень тревог населения России стали диверсии, ход СВО, рост цен, природные катаклизмы, законодательная инициатива в отношении абортот. Новым тревожным сигналом прозвучали опасения россиян по поводу выхода искусственного интеллекта из-под контроля человека². Средний суммарный индекс тревожности в 2023 г. снизился почти в 2 раза по сравнению с 2022 г., что свидетельствует об адаптированности населения к отмеченным проблемам в целом, беспокойство стали вызывать частные вопросы.

Теоретический обзор

Важнейшим фактором, влияющим, а подчас и определяющим, процессы адаптации в современном обществе выступает социальный стресс, который возникает в процессе взаимодействия между людьми [1]. Это реакция личности на происходящие изменения в мире, социально-экономическом и информационном пространствах, в профессиональной деятельности и семье, на миграционные процессы и экологические угрозы, военные конфликты и перенаселённость больших городов [2]. Среди этих факторов, влияющих на поведение и адаптацию населения, важное место занимает информационный стресс. Он возникает под воздействием экстремального

¹ Медиаюнг (MIng) – единица измерения воспроизводства тревоги и её проникновения в СМИ и социальных сетях.

² Национальный индекс тревожности // КРОС. – URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/> (дата обращения: 10.01. 2024).

значения информационных сообщений, их смысла [3]. В качестве стресс-фактора рассматривается влияние на психику человека зависимости от информации (её перенасыщенности или недостаточности).

В зарубежной литературе используется термин «информационная перегрузка» [4]. К ней относят избыточное число сообщений одного содержания, переизбыток (или недостаток) информации в целом, и количество негативных передач [5]. Источниками обычно выступают СМИ, социальные сети, разнообразие слухи, различного рода реклама. Как и любой стресс, информационное воздействие может проявляться на физиологическом, психологическом и социальном уровне. Он влияет на мотивацию, эмоции, волевую регуляцию и когнитивные способности. На поведенческом уровне он проявляется как страх и беспокойство, затруднённая концентрация сознания, беспорядочность в действиях, депрессивные состояния. Иногда причиной может выступать отсутствие источника (средства) информации (например, гаджета) [6]. Стресс либо стимулирует развитие личности и общества, либо вынуждает выстраивать психологическую защиту или приводит к различного рода расстройствам здоровья и болезням, то есть происходит адаптация личности и больших групп населения к новой ситуации, выстраиваются оптимальные жизненные стратегии, формируется совладающее поведение [7]. В противном случае доминируют процессы дезадаптации, нарушается система ценностей и регуляция социальных процессов в обществе [8].

В процессе совладания с социальным стрессом у человека формируются механизмы адаптивного поведения, направленные на успешную реализацию целей и задач его деятельности. К ним можно отнести адаптивность, стрессоустойчивость и личностный адаптационный потенциал. Адаптивность позволяет объединить, интегрировать в некую целостность все свойства и качества личности, помогает ей максимально эффективно использовать их при адаптации в меняющихся условиях жизнедеятельности. Характер жизнедеятельности

определяет специфику адаптивности и её структуру: мотивационный, когнитивный, эмоциональный, социальный и поведенческий компоненты [9]. Уровень развития каждого компонента весьма индивидуализированы «Я-концепцией» индивида и характеризуют как эффективность деятельности в той или иной сфере, так и степень её удовлетворённости субъектом, способствует установлению оптимального взаимодействия с окружающей средой.

Адаптивность показывает степень подготовленности личности к внешним (поведенческим) и внутренним (психологическим) преобразованиям, способствующим сохранению и развитию взаимоотношений с внешним миром [9, с. 10]. Адаптивность можно рассматривать как интегральное свойство личности, способствующее оптимальному состоянию личности в тот или иной период. По этим состояниям можно определять степень приспособления к изменяющимся условиям, уровень удовлетворённости этим (эмоциональное самочувствие), успешность личностного самоопределения [10]. В условиях сложной экономической и международной обстановки особое значение приобретает стрессоустойчивость. Под стрессоустойчивостью обычно понимается возможность индивида противостоять происходящим переменам и выполнять цели своей повседневной деятельности, эмоциональная устойчивость и способность контролировать свои эмоции [11], либо способность эффективно решать задачи в условиях повышенной напряжённости. Некоторые исследователи относят стрессоустойчивость к особенностям темперамента как свойства индивида успешно достигать поставленных целей благодаря оптимальному использованию ресурсов психической энергии [12]. Наиболее полным, на наш взгляд, является представление стрессоустойчивости как интегративного свойства личности, сочетающего когнитивные, эмоциональные, волевые и мотивационные структуры, позволяющие оптимально достигать намеченные цели в экстремальной ситуации [13]. Это определение успешно дополняется включением в него меха-

низмов психологической защиты. Высокая стрессоустойчивость в научной литературе объясняется низким уровнем нервно-психического напряжения, повышенной мотивацией в достижении результата, эмоциональной устойчивостью и низкой тревожностью, адекватной самооценкой [14].

С. И. Кудинов с коллегами в ходе исследования проблем самоактуализации личности пришёл к выводу, что людям с высоким уровнем стрессоустойчивости присуща психоэмоциональная устойчивость к раздражителям слабой и средней выраженности, способность выдерживать физические нагрузки и стресс средней силы, они толерантны, действуют обдуманно, для них характерна уверенность в своих возможностях, у них высокий уровень самоактуализации [15]. А. Л. Церковский указывал на важность таких предикторов как сила нервной системы, инертность и подвижность, уравновешенность нервной системы, темперамент и тревожность. Роль гендера проявляется в различии влияния стресса на мужчин и женщин: лучшая его переносимость объясняется физиологической и биохимической спецификой женщин, призванных обеспечить стабильность в передаче гендерных особенностей, в отличие от роли мужчин в привнесении изменчивости. При этом А. Л. Церковский считает, что значение гендерного начала определяется особенностями стрессовой ситуации, задачами деятельности и личностными ресурсами, прежде всего, уровнем мотивации и социальными установками личности, стилем совладающего поведения [16].

Мы рассматриваем адаптацию как процесс взаимодействия индивида с внешней средой, в ходе которого человек удовлетворяет свои потребности, тем или иным образом изменяя себя и окружающую его действительность. Благодаря адаптации устанавливается оптимальный режим взаимодействия среды и индивида. Помимо процесса, А. Г. Маклаков рассматривает адаптацию как психическое состояние, свойство живого организма, предполагающее определенный уровень развития адаптационных способностей, личностного меха-

низма регуляции и зависящее от структуры личности — от особенностей нервной системы, темперамента, эмоциональных и волевых характеристик, а также от самооценки, уровня конфликтности, нравственных качеств и степени ориентированности на принятые нормы поведения [17]. Для более точной характеристики адаптивности А. Г. Маклаковым и С. Т. Посоховой было введено понятие «адаптационный потенциал личности» [17; 18]. Чем выше уровень развития психологических свойств индивида, тем успешнее проходит процесс адаптации личности к разнообразным факторам окружающей среды. Личностный адаптационный потенциал — интегральная характеристика возможностей человека в процессе адаптации, стержень личности, мера преодоления обстоятельств личностью и мера её усилий в этой ситуации [19]. А. М. Богомолов выделяет несколько уровней адаптационного потенциала, которые характеризуют способность личности к внутренним изменениям: индивидуальный (психофизические характеристики и когнитивные компоненты), субъектно-деятельностный (навыки, умения и способности) и личностный — в него входят мотивационные и коммуникативные компоненты [20]. С. Т. Посохова выделяет несколько структур, образующих личностный адаптационный потенциал: биопластический — генетически обусловленные ресурсы; биографический — история жизни конкретного индивида; психический и личностно-регулятивный компоненты; творческие ресурсы личности [21].

Как следует из приведённых источников, многие исследователи выделяют тревожность как фактор, прямо влияющий на степень приверженности к стрессу, а, следовательно, непосредственным образом влияющий на уровень адаптации личности к происходящим изменениям в окружающем мире. Тревожность является природно-обусловленной характеристикой индивида — это реакция на опасность, в той или иной степени она свойственна всем людям. Высокая тревожность присуща лицам со слабой нервной системой, повышенной чувствительностью и эмоциональной воз-

будимостью [22]. Выделяются обычно ситуативная и личностная тревожность, критерии выделения: роль внешней среды и свойство личности. Ситуативная тревожность адекватна, когда она своевременна, в конкретной ситуации и уменьшается или исчезает под влиянием изменений во внешней обстановке. На психологическом уровне тревожность ощущается как беспокойство, напряжение и выражается в состоянии неопределённости, бессилия, незащищённости [23].

Важным элементом, влияющим на уровень тревожности, выступает локус контроля, ощущение способности контролировать происходящее. При этом невозможность контроля формулирует состояние беспомощности, вызывает тревогу. Тревожность может быть вызвана также представлением о степени справедливости общественного устройства, заниженной самооценкой. Так, например, в начале XXI в. в связи с изменениями, происшедшими в Восточной Европе (распад «Варшавского блока», смена экономической модели), в восточно-европейских странах была зафиксирована умеренная депрессия, в 2 раза превышающая по своему уровню депрессию в государствах Западной Европы, смертность мужчин среднего возраста выросла в 4 раза [24]. Подобная тенденция наблюдалась и в России после происшедших в ней социально-экономических изменений: повысилась смертность трудоспособного населения, заболеваемость во всех классах болезней. Причина — кардинальная смена ценностей, утрата мотивации, сокращение доходов, значительное снижение личной безопасности [25; 26].

Материалы и методы

Оценить влияния информационного стресса на здоровье населения авторами разработана методика оценки по степени адаптированности населения к информационному стрессу. Она состоит из нескольких этапов. На первом этапе произведён отбор показателей, характеризующих общественное здоровье и информационный стресс: 1) детерминантами информацион-

ного стресса был выбран качественный показатель — суммарный индекс тревожности³. Суммарный индекс тревожности, разработанный агентством «КРОС», авторами выбран, поскольку он показывает доминирующие в обществе тревоги и фобии, формируемые СМИ и жизненным опытом россиян. Суммарный индекс тревожности состоит из Медиа индекса (оценка присутствия выявленной тревожности в СМИ) и Соцмедиа индекса (оценка присутствия выявленной тревожности в соцмедиа), что позволяет оценить суммарное присутствие тревожности в аудиториях СМИ и соцмедиа; 2) детерминантами стрессоустойчивости населения выбраны показатели социально значимых заболеваний, а именно — заболеваемость с диагнозами психическое расстройство, алкоголизм и алкогольный психоз, наркомания (впервые установлено и повторно).

На втором этапе с целью сопоставимости показателей проведена нормализация показателей методом нормирования, который рассчитывается по формуле:

$$X = \frac{x - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}}, \quad (1)$$

где x — текущее значение преобразуемого показателя; x_{\min} , x_{\max} — самое худшее и самое лучшее значение преобразуемого показателя, встречающееся за анализируемый период.

Интегральный индекс социально значимых заболеваний населения рассчитывается как среднее арифметическое значение 6 частных индексов, по формуле:

$$I_{ssd} = \frac{I_{BD} + I_{reBD} + I_{AP} + I_{reAP} + I_{DA} + I_{reDA}}{6}, \quad (2)$$

где I_{ssd} — интегральный индекс социально значимых заболеваний; I_{BD} — индекс заболеваемости с впервые в жизни установленным диагнозом психического расстройства и расстройствами поведения; I_{reBD} — индекс больных психическими

³ Национальный индекс тревожности // КРОС. — URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/> (дата обращения: 10.01.2024).

расстройствами, повторно госпитализированных в течение года; I_{AP} — индекс заболеваемости с впервые в жизни установленным диагнозом алкоголизма и алкогольного психоза; I_{reAP} — индекс больных алкоголизмом, повторно госпитализированных в течение года; I_{DA} — индекс заболеваемости с впервые в жизни установленным диагнозом наркомании; I_{reDA} — индекс больных наркоманией, повторно госпитализированных в течение года.

На третьем этапе была проведена группировка регионов по интегральному индексу социально значимых заболеваний и суммарному индексу тревожности. Разделение регионов на группы проводилась с помощью статистических инструментов. Для каждого показателя рассматриваются среднее значение (\bar{x}) и среднее квадратичное отклонение показателя (σ). Выделены 3 группы регионов по данным индексам: 1) высокий уровень индекса (А) — регионы, в которых значение показателя выше ($\bar{x} + \sigma$); 2) средний уровень индекса (В) —

регионы, в которых значения показателя варьируется в диапазоне $[\bar{x} - \sigma; \bar{x} + \sigma]$, что свидетельствует о среднем значении показателей; 3) низкий уровень индекса (С) — регионы, в которых значение показателя ниже $\bar{x} - \sigma$.

Следующим этапом было сведение сгруппированных регионов по двум индексам в матрицу, в результате которой была создана типология регионов по степени адаптированности к информационному стрессу (рис. 1): 1) Адаптированные: 1.1. Низкий уровень заболеваемости при низком и среднем уровне тревожности (СВ и СС); 2) Адаптирующиеся: 2.1. Низкий и средний уровень заболеваемости при высоком уровне тревожности (СА и ВА); 2.2. Средний уровень заболеваемости при низком и среднем уровне тревожности (ВС и ВВ); 3) Дезадаптированные: 3.1. Высокий уровень заболеваемости при среднем и высоком уровне тревожности (АВ и АА); 3.2. Высокий уровень заболеваемости при низком уровне тревожности (АС).

Рис. 1. Матрица, определяющая типологию стрессоустойчивых регионов к информационному стрессу

Fig. 1. Matrix defining the typology of stress-resistant regions to information stress
 Примечание: А — высокий уровень индекса, В — средний уровень, С — низкий уровень.
 Источник: составлено авторами.

Исследование проводилось на основе данных Росстата о социально-экономическом положении регионов России, а также данных о суммарном индексе тревожности по регионам РФ, приводимых агентством «КРОС». Анализ проводился по данным за 2019–2022 гг. в период активного воздействия экзогенных факторов, та-

ких как экономические санкции недружественных стран и их последствия на экономику страны, пандемия COVID-19.

Результаты исследования

Динамический анализ среднего значения суммарного индекса тревожности

по стране в период с 2019 по 2022 гг. показал, что наблюдается интенсивный рост показателя: за анализируемый период он вырос в 13 раз. При этом к 2022 г усилилась неоднородность среди регионов по показателю, коэффициент вариации в 2022 г. достиг 76,7% (табл. 1). Сравнительный анализ показателей социально значимых заболеваний выявил, что регионы тоже были неравномерно распределены, в особенности высоких коэффициент вариации наблюдается по психическим заболеваниям и алкоголиз-

му. Более однородны регионы по заболеваемости, связанной с наркоманией. На фоне нарастания информационного стресса, ухудшения социально-экономического положения в регионах растёт доля повторных заболеваний психическими расстройствами с 20,3% в 2019 г. до 21,3% в 2022 г., алкоголизмом — с 24,1% до 26,2%, наркоманией — с 23,4% до 27,1%. Таким образом, растёт число людей, дезадаптированных к новым реалиям, испытывающих информационный стресс.

Таблица 1

Статистическая характеристика показателей интегрального индекса социально значимых заболеваний и суммарного индекса тревожности

Table 1

Statistical characteristics of the indicators of integral index of socially significant diseases and total anxiety index

Показатели	Среднее значение				Коэффициент вариации			
	2019	2020	2021	2022	2019	2020	2021	2022
Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом психического расстройства и расстройствами поведения на 100 тыс. населения, человек	302,05	247,98	277,54	294,16	50,65	46,59	45,86	45,47
Доля больных психическими расстройствами, повторно госпитализированных в течение года, %	20,29	19,71	21,81	21,29	34,53	39,15	43,31	40,60
Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом алкоголизма и алкогольного психоза на 100 тыс. населения, человек	65,49	51,99	61,49	60,35	58,08	72,22	87,33	74,96
Доля больных алкоголизмом, повторно госпитализированных в течение года, %	24,06	25,35	26,19	26,95	44,53	41,05	40,64	45,22
Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом наркомании на 100 тыс. населения, человек	9,16	7,42	8,29	8,15	18,36	15,07	22,59	21,67
Доля больных наркоманиями, повторно госпитализированных в течение года, %	23,77	23,27	25,68	27,07	16,44	18,36	18,08	18,35
Суммарный индекс тревожности	19,63	32,06	60,59	258,23	55,6	47,8	69,9	76,7

Источник: Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом психического расстройства и расстройствами поведения на 100 тыс. населения // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41707>; Доля больных психическими расстройствами, повторно госпитализированных в течение года // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43865>; Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом алкоголизма и алкогольного психоза на 100 тыс. населения // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41703>; Доля больных алкоголизмом, повторно госпитализированных в течение года // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43856>; Заболеваемость с впервые в жизни установленным диагнозом наркомании на 100 тыс. населения // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/41701>; Доля больных наркоманиями, повторно госпитализированных в течение года // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43857>; Национальный индекс тревожности // КРОС. — URL: <https://www.cros.ru/ru/exploration/research/> (дата обращения: 10.01.2023).

Отметим, что в 2020 г. наблюдается снижение всех показателей социально значимых заболеваний в связи с объявленным карантинном из-за пандемии COVID-19. Причиной снижения данных показателей, несмотря на рост информационного стресса, связано с недоступностью товаров, пагубно влияющих на здоровье население, ограничением социальных связей. Исходя из корреляционного анализа, теснота свя-

зи между показателями значительно менялась в среднем по России. Также есть прямая и значимая связь между социальными болезнями и степенью урбанизации территории, корреляционная связь варьировалась в диапазоне с 0,383 до 0,517 (табл. 2). Это подтверждает, что чем более урбанизирована территория, тем больше складываются тесные социальные связи и доступность к алкоголю и наркотикам.

Таблица 2

Коэффициенты тесноты связи между интегральным индексом социально-значимых заболеваний, суммарным индексом тревожности и долей городского населения ($p < 0,01$)

Table 2

The coefficients of the closeness of the relationship between integral index of socially significant diseases, total index of anxiety and the proportion of urban population ($p < 0,01$)

Детерминанты	Значение коэффициента тесноты корреляционной связи по годам			
	2019	2020	2021	2022
Суммарный индекс тревожности	0,209	0,194	0,172	0,149
Доля городского населения	0,383	0,517	0,444	0,492

Источник: составлено авторами.

Корреляционная связь между социальными заболеваниями и суммарным индексом тревожности слабая, но значимая. При этом если рассматривать с лагом в один год, то связь усиливается, поскольку информационный стресс не сразу отражается на постановке диагноза и имеет отложенный эффект. В более спокойный 2019 г. информационный фактор имел более тесную связь, в кризисные годы усиливалось влияние других факторов: теснота социальные связей населения, уровень жизни населения.

Для выявления стрессоустойчивых регионов была проведена типология регионов по уровню адаптированности к информационному стрессу. Было выделено 3 типа регионов: адаптированные, адаптирующиеся и дезадаптированные. Адаптированные регионы — это те, в которых наблюдается низкий уровень социально значимых заболеваний и низкий уровень тревожности. К ним относятся часть регионов Северного Кавказа. В основном это связано с нацио-

нальной и религиозной особенностью данных регионов. Лидером в данной группе являются республики Ингушетия и Калмыкия. В данных регионах низкий уровень урбанизации, соответственно, низкий уровень информационного и социального стресса (табл. 3). В 2020 и 2021 гг. резко увеличилось количество стрессоустойчивых регионов (13 и 12), к ним присоединилась регионы из Сибирского и Дальневосточного ФО. Однако в 2022 г. ряд регионов (области Белгородская и Курская, республики Алтай и Бурятия) перешли в категорию адаптирующихся, поскольку в них уровень заболеваемости остался практически на том же уровне, но вырос уровень тревожности. Из-за роста суммарного индекса тревожности, рос и информационный стресс у населения в данных регионах, что возможно вызовет рост заболеваемости в будущих периодах, или население справится с информационным стрессом и адаптируется к ситуации, не вызвав роста социально значимых заболеваний.

Таблица 3

Типология регионов по степени адаптированности к информационному стрессу

Table 3

Typology of regions according to the degree of adaptation to information stress

Группа	Подгруппа*	Год	Кол-во	Субъекты РФ
Адаптированные	Низкий уровень заболеваемости при низком уровне тревожности	2019	7	Белгородская область, края Ставропольский и Краснодарский, республики Адыгея, Калмыкия, Дагестан, Хакасия
		2020	13	Области Белгородская, Курская и Сахалинская, республики Адыгея, Калмыкия, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Чеченская, Хакасия, Алтай и Бурятия, края Ставропольский и Камчатский
		2021	12	Области Белгородская, Курская, Липецкая и Астраханская, республики Адыгея, Калмыкия, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Чувашская, Алтай и Бурятия, Ставропольский край
		2022	7	Республики Адыгея, Калмыкия, Ингушетия и Чеченская, Ставропольский край, ХМАО, Еврейская АО
Адаптирующиеся	Низкий и средний уровень заболеваемости при высоком уровне тревожности	2019	10	Республика Коми, области Московская, Мурманская, Свердловская, Челябинская, Иркутская, Новосибирская, края Красноярский и Забайкальский, город Санкт-Петербург
		2020	5	Город Санкт-Петербург, края Краснодарский и Красноярский, области Свердловская и Новосибирская
		2021	11	Ненецкий АО, области Ярославская, Вологодская, Новгородская, Свердловская и Тюменская, Республика Крым, Краснодарский край, ХМАО, города Санкт-Петербург и Севастополь
		2022	11	Области Белгородская, Брянская, Курская, Ярославская и Вологодская, республики Коми, Алтай и Бурятия, Забайкальский край, города Санкт-Петербург и Севастополь
Деадаптированные	Высокий уровень заболеваемости при среднем и высоком уровне тревожности	2019	11	Области Орловская, Рязанская, Тверская, Магаданская и Архангельская, Ненецкий АО, Пермский край, Приморский край, город Москва, Чукотский АО, Республика Карелия,
		2020	6	Области Московская и Магаданская, Приморский край, Еврейская АО, город Москва, Чукотский АО
		2021	12	Области Тверская, Архангельская, Ленинградская, Курганская, Челябинская и Магаданская, город Москва, республики Карелия и Удмуртская, края Пермский и Алтайский, Еврейская АО
		2022	11	Области Смоленская, Тверская, Архангельская и Ленинградская, республики Карелия, Северная Осетия-Алания и Удмуртская, края Пермский, Алтайский и Хабаровский, город Москва
	Высокий уровень заболеваемости при низком уровне тревожности	2019	2	Чеченская Республика, Челябинская область
		2020	8	республики Карелия и Крым, области Архангельская и Ленинградская, АО Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Чукотский, Пермский край
		2021	4	Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Чукотский АО
		2022	1	Сахалинская область

*В таблицу не вошла подгруппа «адаптирующиеся регионы со средним уровнем заболеваемости при среднем уровне тревожности».

Источник: составлено авторами.

Самая многочисленная группа — адаптирующиеся регионы со средним уровнем заболеваемости при среднем уровне тревожности. В 2019–2020 гг. в данную группу входили 54 региона, в 2021 г. — 49 регионов, а в 2022 г. — 55 регионов. В 2019 г. группа дезадаптированных регионов состояла из 13 регионов, 2020 г. — 14, 2021 г. — 16 и 2022 г. — 13 регионов. В 2022 г. 11 регионов входили в подгруппу дезадаптированных с высоким уровнем заболеваемости и высоким уровнем тревожности и 1 регион (Сахалинская область) в подгруппу дезадаптированных регионов с высоким уровнем заболеваемости и низким уровнем тревожности.

Наиболее дезадаптированными регионами являются Москва, Пермский край, Архангельская область, Республика Карелия. Москва на протяжении всего анализируемого периода является лидером по уровню информационного стресса, население непрерывно живёт в стрессе. А высокий уровень интегрального индекса социально значимых заболеваний был не за счёт первично заболевших алкоголизмом, наркоманией или психическими расстройствами, а за счёт роста повторных заболеваний — часть населения, находившаяся в стадии ремиссии, не выдерживает нарастающий стресс и снова заболевает. В Республике Карелия на фоне высокого информационного стресса высок уровень заболеваемости психическими расстройствами, при этом в 2022 г. наблюдается резкий рост заболеваемости и впервые установленной, и повторной. В Пермском крае и Архангельской области на фоне высокого уровня тревожности высока заболеваемость психическими расстройствами, при этом растёт доля повторных заболеваний. Население данных регионов никак не может адаптироваться к новым реалиям жизни.

Отметим три региона с положительной динамикой — Чукотский АО, Магаданская область и Ненецкий АО, которые за 4 года смогли перейти из дезадаптированных регионов с высоким уровнем социально значимых заболеваний в адаптирующиеся со средними уровнями заболеваемости

и тревожности. В Чукотском АО снижение интегрального индекса социально значимых заболеваний произошло за счёт снижения заболеваемости психическими расстройствами и повторных заболеваний алкоголизмом. В этом АО на протяжении многих лет работала региональная программа «Предупреждения и борьба с заболеваниями социального характера», одна из подпрограмм которой была направлена на профилактику и лечение заболеваний, связанных с алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией. На смену данной программе пришел федеральный проект «Укрепление общественного здоровья». Несмотря на динамику снижения заболеваемости, Чукотский АО по-прежнему лидер по заболеваемости алкоголизмом, но при этом уровень тревожности невысокий. Объяснение можно найти в его удалённости от Центральной России. В Магаданской области снижение интегрального индекса социально значимых заболеваний произошло за счёт снижения заболеваемости психическими расстройствами, в особенности существенно сократилось доля повторных заболеваний. В Ненецком АО снижение интегрального индекса социально значимых заболеваний произошло за счёт снижения количества больных психическими расстройствами и снижения доли повторных обострений. Однако Ненецкий АО по-прежнему лидер по данному заболеванию. В регионе наблюдается снижение больных алкоголизмом.

В «Стратегии государственной политики РФ в области охраны и укрепления здоровья» предусмотрен приоритет снижения уровня заболеваемости по классам болезней, распространение которых несёт угрозы жизни и здоровью населения, которое отражает мониторинг уровня информационного стресса среди населения и тенденции изменения социально значимых заболеваний. В дезадаптированных и адаптирующихся регионах необходимо рекомендовать: 1) ослабить негативный информационный фон; 2) усилить мероприятия в региональных и муниципальных программах по формированию приверженности здоро-

вому образу жизни у населения; 3) формирования среды для ведения здорового образа жизни, как для детей, так и для взрослых; 4) увеличить эфирное время для научно-образовательных и просветительских программ по здоровому образу жизни; 5) снизить доступность товаров пагубно влияющих на здоровье.

Оценка результативности институциональных механизмов в области укрепления здоровья в рамках определённых временных интервалов, будет определяться снижением количества дезадаптированных регионов, снижением среднего значения показателей социально значимых заболеваний и информационного стресса.

Заключение

Исследование проблем стресса и адаптации, проведённое в статье, позволяет, хотя и не в полной мере, показывать состояние адаптированности населения, вызванное таким фактором, как информационный стресс. Информационная волна, как свидетельствует анализ, может влиять не только на внешнее поведение людей, но и вызывать к жизни деструктивное поведение, обострять существующие болезни и способствовать появлению новых.

Психологическая наука давно занимается изучением проблем адаптации человека к изменяющемуся миру, но до сих пор отсутствует единый подход к пониманию механизма адаптации, к сущностному разделению понятий «адаптированность», «стрессоустойчивость» и «личностный адаптационный потенциал», что мешает сосредоточить внимание на более углублённом изучении проблемы. Таким направлением могло бы стать, по мнению Т. С. Посоховой, исследование личностной адаптации человека, объединяющее различные аспекты жизнедеятельности индивида — выбор целей и контроль за их осуществлением, преодоление барьеров на пути к их достижению, мобилизация и оптимальное использование психических, физических и социальных ресурсов личности [21].

Исследование также показало необходимость создания во всех регионах страны центров изучения социального самочувствия населения, выявления факторов, влияющих на стрессоустойчивость россиян, уровень их адаптированности. Одной из функций подобных центров могло стать проведение различного рода тренингов, снижающих уровень тревожности и позволяющих лучше адаптироваться людям к существующим реалиям.

Литература и Интернет-источники

1. **Kaplan, H. B.** Reciprocal relationships between life events and psychological distress/ H. B. Kaplan, K. R. Damphousse // *Stress Medicine*. — 1997. — Vol. 13. — P. 75–90.
2. **Fisher, Sh.** Stress, life change, context and risk of disease / Sh. Fisher // *Stress and Emotion: Anxiety, Anger, and Curiosity*. — 1995. — Vol. 15. — P. 13–32.
3. **Бодров, В. А.** Информационный стресс / В. А. Бодров. — Москва : ПЕР СЭ.– 2000. — 352 с.
4. **Bawden, D.** The dark side of information: overload, anxiety and other paradoxes and pathologies / D. Bawden, L. Robinson // *Journal of Information Science*. — 2009. — Vol. 35(2). — P. 180–191.
5. **Misra, S.** Psychological and Health Outcomes of Perceived Information Overload / S. Misra, D. Stokols // *Environment and Behavior*. — 2012. — Vol. 44 (6). — P. 737–759.
6. **Yang, H. J.** Factors affecting smart phone web-dependence anxiety for the travelers / H. J. Yang, Y. L. Lay // *International Journal of Information and Communication Technology*. — 2016. — Vol. 8(4). — P. 389–404.
7. **Руденский, Е. В.** Концептуальные основы психологии адаптирующейся личности. Введение в психологическую теорию социального функционирования личности / Е. В. Руденский — Новосибирск : Изд-во Институт психологии личности, 1997. — 205 с. EDN: NJVJPG

8. **Тан, Л.** Social and individual risk factors for suicide ideation among Chinese children and adolescents: A multilevel analysis / Л. Тан, Т. Xia, С. Reece // International Journal of Psychology. — 2018. — Vol. 53 — No. 2. — P. 117–125. DOI: 10.1002/ijop.12273
9. **Лодде, О. А.** Психологический анализ понятия адаптивности личности / О. А. Лодде // Современные проблемы науки и образования. Материалы Международной научно-практической конференции (Кишинёв, 30 июля 2019 г.). — Нефтекамск : Научно-издательский центр «Мир науки», 2019. — С. 137–141. EDN: MJXQLK
10. **Василенко, Е. А.** Социальный стресс и его влияние на социально-психологическую адаптацию личности: монография / Е. А. Василенко — Челябинск : Южно-Уральский научный центр РАО, 2019. — 272 с. EDN: XJKQZZ
11. **Аминев, Н. А.** О физиологической природе связей между эмоциональной устойчивостью и свойствами нервной системы человека / Н. А. Аминев, С. А. Изюмова // Вопросы психологии. — 1978. — № 5. — С. 128–135. EDN: ХОНАРЛ
12. **Марищук, В. Л.** Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса: [Учеб. пособие] / В. Л. Марищук, В. И. Евдокимов — Санкт-Петербург : Сентябрь, 2001. — 259 с.
13. **Зильберман, П. Б.** Эмоциональная устойчивость оператора / П. Б. Зильберман // Очерки психологии. — 2000. — № 2. — С. 149–155.
14. **Небылицын, В. Д.** Избранные психологические труды / В. Д. Небылицын — Москва : Педагогика, 1990. — 408 с.
15. **Кудинов, С. И.** Индивидуальные особенности проявления стрессоустойчивости в контексте самоактуализации личности / С. И. Кудинов, С. С. Кудинов, А. В. Михеева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: акмеология образования. Психология развития. — 2017. — Т. 6. — Вып. 4(24). — С. 341–348. DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-4-341-348; EDN: ZWZDSB
16. **Церковский, А. Л.** Современные взгляды на проблему стрессоустойчивости / А. Л. Церковский // Вестник Витебского государственного медицинского университета. — 2011. — Т. 10. — № 1. — С. 6–19.
17. **Маклаков, А. Г.** Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А. Г. Маклаков // Психологический журнал. — 2001. — Т. 22. — № 1. — С. 16–24.
18. **Посохова, С. Т.** Психология адаптирующейся личности / С. Т. Посохова — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ, 2001. — 240 с.
19. **Леонтьев, Д. А.** Личностное в личности. Личностный потенциал как основа самодетерминации / Д. А. Леонтьев // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ имени М. В. Ломоносова. Вып. 1. / Под ред. Б. Братуся и Д. А. Леонтьева. — Москва : Смысл, 2002. — С. 56–65.
20. **Богомолов, А. М.** Личностный адаптационный потенциал в контексте системного анализа / А. М. Богомолов // Психологическая наука и образование. — 2008. — № 1. — С. 67–73
21. **Посохова, С. Т.** Адаптационный потенциал личности / С. Т. Посохова // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. — 2010. — № 1. — С. 35–39. EDN: SGQSEN
22. **Ильин, Е. П.** Дифференциальная психология профессиональной деятельности / Е. П. Ильин — Москва : Питер, 2008. — 452 с.
23. **Мэй, Р.** Смысл тревоги / Р. Мэй — Москва : Независимая фирма «Класс», 2011. — 384 с.
24. **Меллер-Леймкюллер, А. М.** Стресс в обществе и расстройств, связанные со стрессом в аспекте гендерных различий / А. М. Меллер-Леймкюллер // Социальная и клиническая психиатрия. — 2004. — Т. 14. — № 4. — С. 5–11.
25. **Величковский, Б. Т.** Социальный стресс, трудовая мотивация и здоровье / Б. Т. Величковский // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской Академии медицинских наук. — 2005. — № 2. — С. 24–36. EDN: KZZFVD

26. **Шафиркин, А. В.** Влияние социального стресса и психоэмоциональной напряжённости на здоровье мужчин трудоспособного возраста в России/ А. В. Шафиркин, А. С. Штемберг // Вестник Российского государственного медицинского университета. — 2013. — № 5–6. — С. 27–34. EDN: ULLWHN

Сведения об авторах:

Берзин Борис Юрьевич, д.филос.н., проф., ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

Контактная информация: e-mail: berzin.byu@uiec.ru; PИНЦ AuthorID: 680913.

Пышминцева Ольга Александровна, младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

Контактная информация: e-mail: pyshmintseva.oa@uiec.ru; ORCID: 0000-0002-5710-9459; PИНЦ AuthorID: 518015.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-56-70

INFLUENCE OF THE INFORMATION STRESS ON THE DEGREE OF ADAPTATION OF REGION'S POPULATION

Boris Yu. Berzin, Olga A. Pyshmintseva*

*Institute of Economics of the Ural Branch RAS
(29 Moskovskaya str., Ekaterinburg, Russia, 620014)*

**E-mail: pyshmintseva.oa@uiec.ru*

Funding:

The article was prepared within the framework of the State assignment to the Institute of Economics of the Ural Branch RAS for 2024–2026, No. 0327–2024–0009 «Mechanisms for regulating the economic behavior of the population in the context of structural changes»

For citation:

Berzin B. Yu., Pyshmintseva O. A. Influence of the information stress on the degree of adaptation of region's population. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 56-70. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-56-70 (in Russ.)

Abstract. *In recent years, there has been an increase in social stress and tension in society as a result of high information pressure due to a number of negative socio-economic events, such as the Covid-19 pandemic, sanctions, economic instability and rising prices in the country, psychological overload of the population due to high life dynamics. The information wave can influence not only the external behavior of people, but also bring to life destructive behavioral technologies, exacerbate existing diseases and contribute to the emergence of new ones. The article is devoted to the study of the impact of increased information stress on the deterioration of public health. The authors highlight the essence of the concept of «information stress», which is the most important factor influencing the success of adaptation processes in modern society. The mechanisms of changing the behavior of the population (adaptability, stress resistance and anxiety) aimed at the successful realization of human life in the modern world are considered. On this basis, a methodology has been developed to assess the level of exposure to information stress, stress tolerance of the population in regions using the total anxiety index and the integral index of socially significant diseases (newly and repeatedly diagnosed mental disorders, alcoholism and alcoholic psychosis, drug addiction). The typology of regions according to the level of anxiety of the population, stress resistance to information events in the country is carried out. There are identified three types of regions: maladapted, adapting and adapted regions. In 2022, most regions (55) were classified as adapting regions with average incidence rate and average level of anxiety. Only 7 regions were classified as adapted regions, mainly the regions of the North Caucasus. 12 regions were classified as maladapted. The most maladjusted regions are Moscow, Perm*

Krai, Arkhangelsk Oblast, and the Republic of Karelia. The main results of the study can be used in development of measures in the field of public health promotion.

Keywords: anxiety, information stress, stress tolerance, adaptation, social stress, socially significant diseases.

References and Internet sources

1. Kaplan H. B., Damphousse K.R. Reciprocal relationships between life events and psychological distress. *Stress Medicine*. 1997. Vol. 13. P. 75–90.
2. Fisher Sh. Stress, life change, context and risk of disease. *Stress and Emotion: Anxiety, Anger, and Curiosity*. 1995. Vol. 15. P. 13–32.
3. Bodrov V. A. Informatsionnyj stress [*Information Stress*]. Moscow. PER SE. 2000. 352p. (in Russ.)
4. Bawden D., Robinson L. The dark side of information: overload, anxiety and other paradoxes and pathologies. *Journal of Information Science*. 2009. Vol. 35(2). P. 180–191.
5. Misra S., Stokols D. Psychological and health outcomes of perceived information overload. *Environment and Behavior*. 2012. Vol. 44(6). P. 737–759.
6. Yang H. J., Lay Y. L. Factors affecting smart phone web-dependence anxiety for the travelers. *International Journal of Information and Communication Technology*. 2016. Vol. 8(4). P. 389–404.
7. Rudensky E. V. Kontseptual'nyje osnovy psikhologii adaptiruyushchejsya lichnosti. Vvedeniye v psikhologicheskuyu teoriyu sotsial'nogo funkcionirovaniya lichnosti [*Conceptual Foundations of Psychology of an Adapting Personality. Introduction to the Psychological Theory of Social Functioning of Personality*]. Novosibirsk. Institut psikhologii lichnosti [Institute of Personality Psychology]. 1997. 205 p. (in Russ.)
8. Tan L., Xia T., Reece C. Social and individual risk factors for suicide ideation among Chinese children and adolescents: A multilevel analysis. *International Journal of Psychology*. 2018. Vol. 53(2). P. 117–125. DOI: 10.1002/ijop.12273
9. Lodde O. A. Psikhologicheskij analiz ponyatiya adaptivnosti lichnosti [Psychological analysis of the concept of personality adaptability]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [*Modern Problems of Science and Education*]. Proceedings of the international research and practice conference (Kishinev, 30 July 2019). Neftekamsk. Mir nauki [The World of Science]. 2019. P. 137–141. (in Russ.)
10. Vasilenko E. A. Sotsial'nyj stress i jego vliyanije na sotsial'no-psikhologicheskuyu adaptatsiyu lichnosti [*Social Stress and Its Impact on the Socio-Psychological Adaptation of Personality*]. Chelyabinsk. 2019. 272 p. (in Russ.)
11. Aminev N. A., Izyumova S. A. O fiziologicheskoy prirode svyazey mezhdru emotsional'noj ustojchivost'yu i svoystvami nervnoj sistemy cheloveka [On the physiological nature of the connections between emotional stability and the properties of the human nervous system]. *Voprosy psikhologii* [*Issues of Psychology*]. 2000. No. 5. P. 128–133. (in Russ.)
12. Marishchuk V. L., Evdokimov V. I. Povedeniye i samoregulyatsiya cheloveka v usloviyakh stressa [*Human Behavior and Self-Regulation under Stress*]. Textbook. St. Petersburg. Sentyabr' [Publishing house September]. 2001. 259 p. (in Russ.)
13. Zilberman P. B. Emotsional'naya ustojchivost' operatora [Emotional stability of the operator]. *Ocherki psikhologii* [*Essays on Psychology*]. 2000. No. 2. P. 149–155. (in Russ.)
14. Nebylitsyn V. D. Izbrannyye psikhologicheskije trudy [*Selected Psychological Works*]. Moscow. Pedagogika [Pedagogy]. 1990. 408 p. (in Russ.)
15. Kudinov S. I., Kudinov S. S., Mikheeva A. V. Individual'nyje osobennosti proyavleniya stressoustojchivosti v kontekste samoaktualizatsii lichnosti [Individual characteristics of stress resistance in the context of self-actualization of personality]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [*Izvestiya of Saratov University. A New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*]. 2017. Vol. 6. No. 4(24). P. 341–348 DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-4-341-348 (in Russ.)

16. Tserkovsky A. L. Sovremennyye vzglyady na problemu stressoustojchivost' [Modern views on the problem of stress resistance]. Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta [Vitebsk Medical Journal]. 2011. Vol. 10. No. 1. P. 6–19. (in Russ.)
17. Maklakov A. G. Lichnostnyj adaptacionnyj potentsial: jego mobilizatsiya i prognozirovaniye v ekstremal'nykh usloviyakh [Personal adaptive potential: its mobilization and prognostication in extreme conditions]. Psikhologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. 2001. Vol. 22. No. 1. P. 16–24. (in Russ.)
18. Posokhova S. T. Psikhologiya adaptiruyushhejsya lichnosti [Psychology of an Adapting Personality]. St. Petersburg. RGPU [Herzen University]. 2001. 240 p. (in Russ.)
19. Leontiev D. A. Lichnostnoje v lichnosti. Lichnostnyj potentsial kak osnova samodeterminatsii [Personal in personality. Personal potential as the basis of self-determination]. Uchenyye zapiski kafedry obshhej psikhologii MGU im. M. V. Lomonosova [Scientific Notes of the Department of General Psychology of Lomonosov Moscow State University]. Issue 1. Eds. B. Bratus and D. A. Leontiev. Moscow. Smysl [Essence]. 2002. P. 56–65. (in Russ.)
20. Bogomolov A. M. Lichnostnyj adaptatsionnyj potentsial v kontekste sistemnogo analiza [Personal adaptive potential in the context of system analysis]. Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye [Psychological Science and Education]. 2008. No. 1. P. 67–73. (in Russ.)
21. Posokhova S. T. Adaptatsionnyj potentsial lichnosti. [Adaptive potential of personality]. Zdorov'je — osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya [Health — the Base of Human Potential: Problems and Ways to Solve Them]. 2010. No. 1. P. 35–39. (in Russ.)
22. Ilyin E. P. Differentsial'naya psikhologiya professional'noj deyatel'nosti [Differential Psychology of Professional Activity]. Moscow. 2008. 432 p. (in Russ.)
23. May R. Smysl trevogi [The Meaning of Anxiety]. Transl. from English. Moscow. Klass [Class]. 2011. 384 p. (in Russ.)
24. Moeller-Leimkuehler A. M. Stress v obshchestve i rasstrojstva. svyazannyje so stressom v aspekte gendernykh razlichij [Stress in society and disorders related to stress in terms of gender differences]. Sotsial'naya i klinicheskaya psixhiatriya [Social and Clinical Psychiatry]. 2004. Vol. 14. No. 4. P. 5–11. (in Russ.)
25. Velichkovsky B. T. Sotsial'nyj stress, trudovaya motivatsiya i zdorov'je [Social stress, work motivation and health]. Byulleten' Vostochno-Sibirskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj Akademii meditsinskikh nauk [Bulletin of the East Siberian Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences]. 2005. No. 2. P. 24–36. (in Russ.)
26. Shafirkin A. V., Stemberg A. S. Vliyanije sotsial'nogo stressa i psikhoemotsional'noj napryazhonnosti na zdorov'je muzhchin trudosposobnogo vozrasta v Rossii [The impact of social stress and psycho-emotional tension on the health of working age men in Russia]. Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta [Bulletin of Russian State Medical University]. 2013. No. 5–6. P. 27–34. (in Russ.)

Information about the authors:

Berzin Boris Yurievich, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: berzin.byu@uiec.ru; Elibrary AuthorID: 680913.

Pyshmintseva Olga Aleksandrovna, Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: pyshmintseva.oa@uiec.ru; ORCID: 0000-0002-5710-9459; Elibrary AuthorID: 518015.

Статья поступила в редакцию 18.01.2024, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-71-82
EDN: HGRXPV

БАЛАНС НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В 1992–2023 ГГ. И ПЕРЕПИСНЫЕ ПОПРАВКИ

Рыбаковский О. Л.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
(117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5)

E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования:

Рыбаковский О. Л. Баланс населения регионов России в 1992–2023 гг. и переписные поправки // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 71–82. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-71-82; EDN: HGRXPV

Аннотация. Построен демографический баланс регионов России за 1992–2023 гг. с учётом и выделением суммарных поправок переписей населения России 2002, 2010 и 2021 годов. Эти поправки добавили к текущему учёту населения России около 4,3 млн человек. На региональном уровне поправки были в три раза выше, суммарно по абсолютной величине 13,1 млн человек. К одной части регионов страны было добавлено 8,7 млн человек, у другой части отняли 4,4 млн человек. Для большинства регионов страны эти поправки носили «миграционное происхождение». На региональном уровне 4,3 млн человек — поправки из-за рубежа и уточнение частично отсутствовавшего в 1990-х- начале 2000-х гг. текущего учёта в нескольких Северо-Кавказских республиках, а 8,7 млн человек — две половины по 4,35 млн человек межрегионального миграционного прироста и убыли. В статье выделены группы регионов по темпам роста либо сокращения численности постоянного населения за 32 постсоветских года, а также по структуре компонент демографического баланса и направленности переписных поправок (положительных либо отрицательных). Соотношение компонент демографического баланса и демографических поправок, как правило, взаимосвязано. Если регион является межрегиональным миграционным реципиентом федерального либо локального уровня, то переписные поправки у него положительные. Если же регион имеет негативную демографическую ситуацию, является основным межрегиональным миграционным донором страны, то переписные поправки у него, как правило, отрицательные. Переписи населения РФ усугубляют картину дифференциации демографического развития территорий России. Всё большая её часть концентрируется в нескольких макрорегионах и локальных центрах Европейской части страны, продолжается оголение Европейского Севера и Азиатской части, прежде всего, Дальнего Востока.

Ключевые слова: постоянное население регионов России, демографический баланс, общий, естественный и миграционный прирост населения, поправки переписей населения.

Постановка проблемы

Развитие народонаселения постсоветской России продолжает идти тремя путями. Помимо двух классических путей — воспроизводства населения и миграции — это развитие продолжается за счёт присоединения новых территорий и перехода их жителей в состав постоянного населения и граждан России. Помимо этих трёх путей рост численности постоянного населения России идёт и за счёт перманентно положительных переписных поправок. Они возникают, возможно, из-за того, что в текущей учёт миграции не попадают некоторые страты межгосударственных иммигрантов, а также межрегиональных мигрантов. Либо в переписной учёт населения постсоветской России включают квази-постоянных жителей и даже «мёртвые души», которые возникают, как правило, из административных источников либо со слов родственников. Эти «источники переписных приписок» представляют собой: 1) результат двойного-тройного учёта одних и тех же людей, но в разных местах (например, учёт военнослужащих по месту их дислокации и, иногда (со слов родственников), по постоянному месту жительства [1]), учёт вынужденных переселенцев как по месту их временной регистрации, так и по месту постоянного жительства, а также часто и по месту реального проживания¹; 2) учёт определённых категорий населения по административным источникам как живых, хотя они уже умерли в других местах² [2, с. 15]; 3) учёт в качестве постоянного населения временных мигрантов, зарегистри-

рованных по месту пребывания с нахождением в них менее 9 месяцев³; 4) по выражению Е. М. Андреева: «артефакты⁴, следствия неполной сопоставимости переписей» [2, с. 14–15].

Переписями населения РФ эти страты «обналичиваются» и добавляются к численности постоянного населения России. Вследствие данных процедур за три постсоветских переписи к данным текущего учёта численности постоянного населения России добавлено около 4,3 млн человек, или 3% от её численности населения на середину рассматриваемого постсоветского периода (1992–2023 гг.). Несостыковки текущего и переписного учёта усугубляются регулярными изменениями порядка учёта постоянного населения и постоянной миграции в России. [3, с. 189–194; 4, с. 13]. Этому также способствуют: противоречивый характер взаимодействия МВД (ранее ФМС — Федеральной миграционной службы) с Росстатом, подчинённости (ведомственная зависимость) Росстата и «архаичная технология сбора первичных данных» [5; 6, с. 69].

Ведущие специалисты по миграционному учёту в России и чиновники Росстата, тем не менее, продолжают считать, что переписи населения остаются основным источником данных «о численности международных и внутренних мигрантов в России, и до создания регистра населения их значение останется большим» [7, с. 130]. Другие специалисты, напротив, утверждают, что последние две переписи РФ нуждаются в корректировке: «расхождение между переписью 2021 г. и оценкой по данным текущего учёта в детских и пожилых возрастах связано в значительной мере с неточностью переписей. За детские возраста ответственна перепись 2021 г., за пожилые — 2010 г. ... перепады величины расхождений

¹ «Северо-Кавказский регион...высоки риски двойного учёта... Второй риск — некачественное проведение переписи, когда цифры просто рисуются» // Зубаревич Н. В. Считать население Москвы по-прежнему сложно. — URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2011/03/28/schitat_naselenie_moskvu_poprezhnemu_slozhno?ysclid=lsbt8cbm4u897137234 (дата обращения: 08.02.2024).

² Судя по всему, как и счётчики переписей, недобросовестные выдвиженцы во власть также иногда пользуются административными источниками для фиктивного сбора подписей, в результате чего их выдвижение порою подерживают те же «мёртвые души» // ЦИК назвал число «мёртвых душ» в подписях Б.Надеждина. — URL: <https://lenta.ru/news/2024/02/08/v-tsik-nazvali-chislo-mertvyh-dush-v-podpisyah-nadezhдина/?ysclid=lsd2t5lze271346300> (дата обращения: 08.02.2024).

³ Это касается в большей степени последней переписи 2021 г., так как с 2011 г. мигранты, временно пребывающие сроком более 9 месяцев в РФ, относятся Росстатом к постоянному населению страны.

⁴ Здесь — недостоверный результат научного исследования, возникающие из-за дефектов метода исследования или ошибок экспериментатора // Большая Российская Энциклопедия (в 30 т.). — Москва: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2005. — Т. 2. — С. 283.

выглядят очень странно и вызывают недоверие к данным переписи» [2, с. 16].

По нашему мнению, на вопрос, какой из двух учётов постоянного населения и постоянной миграции населения в России сейчас лучше, можно ответить фразой И. В. Сталина: «оба хуже». И началось это ухудшение с переходом на западную методологию учёта лишь постоянного населения в переписях, а также введения (с институтом регистрации) в 1993 г. двух категорий: регистрации по постоянному месту жительства и регистрации по месту пребывания, их различным толкованием, перманентными исправлениями, дополнениями и улучшениями Росстатом и МВД (ФМС) РФ.

Объект данного исследования — население 84-х⁵ регионов России по состоянию на 1 января 2024 г. (по четырём новым регионам России: Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области — демографическая информация пока отсутствует). Предмет исследования — динамика населения регионов России с начала 1992 г. до начала 2024 г., её компоненты с выделением суммарных поправок трёх переписей населения РФ. Основной целью исследования является выявление на региональном уровне основных компонент динамики населения России за весь постсоветский период и обоснование их уровней, а также соотношения компонент между собой.

Для чего это надо? Дело в том, что для подавляющего большинства регионов России, за исключением нескольких северо-кавказских республик, все эти поправки имеют «миграционное происхождение». После очередной переписи населения Росстат меняет оценки численности населения за весь межпереписной период. По последней переписи — это период с 2011 по 2021 годы. Так как естественный прирост достаточно точен и поправкам почти не подлежит, то автоматически меняется лишь внешний для регионов миграционный прирост.

На региональном уровне разнести поправки на две составляющие — межгосударственный и межрегиональный миграционный прирост, к сожалению, корректно не представляется возможным. И при анализе миграционной ситуации в стране в целом либо в её отдельных регионах приходится пользоваться текущими данными по межрегиональной и межгосударственной миграции. Но общие итоговые выводы по обоим потокам для характеристики демографической ситуации в целом приходится давать с учётом переписных поправок. Вследствие чего в подобном анализе либо возникает путаница, либо приходится проводить анализ по двум рядам показателей: по текущим данным и по данным с учётом переписных поправок.

Таким образом, для выработки эффективной регионально-дифференцированной демографической политики России и успешного решения её задач необходима полная система показателей воспроизводственных и миграционных процессов в регионах страны. Эту систему предоставляет текущая статистика Росстата, но регулярно исправляемые после переписей населения данные такой системы выстроить не позволяют. И решаемая в статье задача по выделению переписных поправок позволяет помочь исследователям более полно и объективно характеризовать демографическую ситуацию в регионах страны как с учётом «живых» текущих, так и исправленных переписями данных. Исследование основано на данных официальной российской статистики — Росстата⁶. По Республике Крым и городу Севастополю информация Росстата даётся с 2015 года.

Методика пересчёта поправок переписей населения РФ 2002, 2010 и 2021 годов

В «Демографических ежегодниках России» имеются текущие данные на начало и на конец тех лет, в которых проводились все три

⁵ Ненецкий АО рассматривается вместе с Архангельской областью как один регион. Тюменская область берётся отдельно по трём непересекающимся частям: Ханты-Мансийский АО — Югра (ХМАО), Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО) и Тюменская область без АО.

⁶ Все расчёты в тексте сделаны по данным Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 23.01.2024).

переписи населения РФ. Также есть помесячные данные о естественном приросте⁷ и миграционном приросте⁸ за данные годы. Эти данные, правда, через несколько месяцев после окончания года корректируются, но незначительно. Например, по 2021 г. такая корректировка для естественного прироста составила всего 0,06%. Если данные по миграционному приросту Росстат приводит в настоящее время, как обычно, с пропорциональным пересчётом, то надо вернуть их к исходному уровню, опираясь на величины годового миграционного прироста по текущим данным. Критические моменты переписей (00:00 часов) по дню различны: в 2002 г. это 9 октября, в 2010 г. — 14 октября, в 2021 г. — 1 октября. Поэтому текущие данные о естественном приросте и миграционном приросте за октябрь 2002 г. и 2010 г. пересчитываются пропорционально количеству дней. Таким образом по всем трём проведённым постсоветским переписям населения РФ рассчитываем переписные исправления на федеральном и региональном уровнях.

Например, для переписи населения 2021 г. (ВПН-2020) имеем следующее. Естественный прирост за 2021 г. до 1 октября равен — 675,7 тыс. человек, или 64,8% годового. Миграционный прирост за 2021 г. до 1 октября равен 268,2 тыс. человек, или 62,4% годового. Общий прирост за 2021 г. до 1 октября, следовательно, равен — 407,5 тыс. человек. Численность постоянного населения России по текущим данным Росстата на 1 января 2021 г. составляла 146171,0 тыс. человек. Расчётная численность постоянного населения России по текущим данным Росстата на 1 октября 2021 г. тогда равна: $146171,0 - 407,5 = 145763,5$ тыс. человек. Численность постоянного населения РФ, «находившегося на территории страны», согласно окончательным итогам ВПН-2020⁹, составила на 1 октября 2021 г. 147182,1 тыс. человек. Разница между пе-

реписной и текущей величинами $147182,1 - 145763,5 = 1418,6$ тыс. человек. Это и есть поправка переписи населения РФ 2021 г. для страны в целом.

Можно не использовать помесячные данные, как это, например, делали отдельные исследователи по переписи населения 2010 г., и пересчитать годовой текущий естественный прирост и миграционный прирост пропорционально количеству дней до переписи либо после неё, и даже не учитывать 13 дней октября [2, с. 12]. Либо вообще не делать корректировку на октябрь и воспользоваться текущими и пересчитанными данными Росстата на начало 2021 г., как это сделали другие исследователи [8, с. 15], но их оценка — ещё более грубая. В данном исследовании учитывались помесячные данные, т.к. и в естественном приросте, и в миграционном приросте имеется заметная сезонность. Вследствие этого и результаты переписных поправок в целом по стране и по регионам различаются у нас и у цитируемых исследователей.

Баланс населения России в целом за 1992–2023 годы

До начала рассматриваемого периода, с последней советской переписи населения 12 января 1989 г. до начала 1992 г. постоянное население России (РСФСР, РФ) выросло со 147,0 до 148,3 млн человек. Этот рост шёл как за счёт естественного прироста (1,0 млн человек), так и миграционного прироста (0,3 млн человек). С начала 1992 г., то есть практически с момента образования РФ, в стране началась депопуляция, которая, за исключением нескольких лет середины 2010-х гг., продолжается и в настоящее время.

За 32 года с начала 1992 г. до начала 2024 г. численность постоянного населения России в целом сократилась всего на 2,1 млн человек — со 148,3 до 146,2 млн человек. Но это незначительное сокращение (порядка 1,5% численности населения 1992 г.) имело не две, как обычно, а четыре компоненты, и лишь одна из них (естественный прирост) была отрицательной (–16,8 млн чело-

⁷ Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_11-2023.htm (дата обращения: 23.01.2024).

⁸ ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/46162> (дата обращения: 23.01.2024).

⁹ Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 23.01.2024).

век), но перевесила три остальных. Включение Росстатом в демографическую статистику России Крыма (Республики Крым и города Севастополя) с начала 2015 г. добавило к численности населения России одновременно 2,3 млн человек. Миграционный прирост РФ за 32 года по текущим данным составил 8,1 млн человек. Поправки трёх постсоветских переписей населения РФ составили в сумме +4,3 млн человек (по переписи населения 2002 г.: +1,8, 2010 г.: +1,1, 2021 г.: +1,4 млн человек). Получается следующий демографический баланс РФ за 32 года (с начала 1992 г. до начала 2024 г.) в млн человек: 2,1 (ОП) = -16,8 (ЕП) +2,3 (Крым) +8,1 (МП) +4,3 (3 ПН), где ОП — общий (итоговый) прирост населения; ЕП — естественный прирост по текущим данным; МП — миграционный прирост по текущим данным; ПН — суммарные поправки трёх переписей населения РФ.

Суммарные расхождения по всем регионам по переписи населения РФ 2002 г. составили: плюс 3,7 — минус 1,9 млн человек (суммарно по абсолютной величине около 5,6 млн человек). По переписи 2010 г. аналогичные расхождения составили плюс 2,4 — минус 1,3 млн человек (суммарно по абсолютной величине около 3,7 млн человек). По переписи 2021 г. аналогичные расхождения составили: плюс 2,6 — минус 1,2 млн человек (суммарно по абсолютной величине около 3,8 млн человек). На региональном уровне сумма погрешностей текущего и переписного учёта численности постоянного населения регионов России по итогам трёх постсоветских переписей населения составила 13,1 млн человек (около 9% от средней за рассматриваемый период численности населения). При этом часть регионов имела отрицательную коррекцию (в сумме 4,4 млн человек), другие — положительную (в сумме 8,7 млн человек).

По знаку суммарных переписных поправок (положительные либо отрицательные), темпам роста за 32 года и соотношению между собой текущих компонент демографического баланса регионы России делятся на несколько групп. Первая группа — это лидеры демографического развития Рос-

сии: регионы, которые, несмотря на значительный уровень депопуляции в них, в целом за 32 года постсоветского периода развития либо имели устойчивый рост численности постоянного населения, либо, как минимум, имели незначительные его потери (табл. 1).

С начала 1992 г. до начала 2024 г. численность постоянного населения «Московского макрорегиона» [9] (Московская область и город Москва) с учётом переписных поправок выросла на 6,3 млн человек, несмотря на естественную убыль в 2,1 млн человек. Более скромная, но по сути схожая ситуация с «Ленинградским макрорегионом» (Ленинградская область и город Санкт-Петербург): рост численности постоянного населения на 1,0 млн человек, несмотря на естественную убыль в 1,2 млн человек. А также с «Краснодарским макрорегионом» (Краснодарский край и Республика Адыгея): рост численности постоянного населения на 1,2 млн человек, несмотря на естественную убыль в 0,6 млн человек. Три данных макрорегиона являются «основными миграционными реципиентами» [10] России, прежде всего, межрегиональными.

Остальные регионы из табл. 1 — это «локальные межрегиональные миграционные реципиенты» [10] России, имеющие положительное сальдо межрегиональной миграции в обмене с основной массой «межрегиональных миграционных доноров страны» [10], а также с соседними либо ближайшими¹⁰ российскими регионами, за исключением основных миграционных реципиентов страны. Азиатская часть России в табл. 1 предоставлена лишь двумя регионами (Новосибирской и Томской областями), которые, благодаря социально-экономическому развитию и срединному нахождению на путях миграционных потоков внутри страны, сумели сохранить за 32 года свою численность населения почти на прежнем уровне. Белгородская область после начала специальной военной операции и обстрелов с украинской стороны начала терять население в межрегиональном миграционном обмене населением. Калужская об-

¹⁰ в случае с Калининградской областью.

Таблица 1

**Компоненты демографического баланса отдельных регионов
России (первая группа) за 1992–2023 гг. в целом, тыс. человек**

Table 1

Components of demographic balance of some regions
of Russia (first group) for 1992–2023 as a whole, thousand people

Регион	Отношение населения на 01.01.2024 к населению на 01.01.1992*, %	Есте- ственный прирост* за 32 года	Мигра- ционный прирост* за 32 года	Поправки переписей 2002, 2010 и 2021 гг. в сумме
Город Москва	148	-828	2004	3114
Московская область	130	-1269	1954	1306
Краснодарский край	123	-554	1306	345
Ленинградская область	122	-473	635	207
Калининградская область	116	-135	254	20
Ставропольский край	115	-186	270	295
Республика Адыгея	114	-45	76	30
Город Санкт-Петербург	113	-685	766	546
Республика Татарстан	108	-148	316	135
Белгородская область	107	-258	334	20
Республика Башкортостан	102	-171	121	115
Новосибирская область	101	-281	302	14
Калужская область	99	-236	164	65
Самарская область	97	-514	313	77
Томская область	97	-63	33	-12
Ростовская область	96	-712	280	241

*по текущим данным.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

ласть — единственный регион из окружения Московского макрорегиона, сохраняющая свою численность населения под действием центростремительных сил Москвы благодаря эффективной экономической политике и близости к столице.

Вторая небольшая группа регионов схожа с первой лишь по одному признаку — численность их постоянного населения за 32 года выросла (табл. 2). В отличие от первой группы естественный прирост в данных регионах России был положительным в сумме за 32 года, но миграционный прирост был положительным лишь в ХМАО, на «юге Тюменской области» (Тюменской области без АО), а также (незначительно) в Республике Алтай. Все эти регионы находятся в Азиатской части России, и переписные поправки по ним отрицательны в сумме за 32 года. Лишь Республика Тыва

в данной группе регионов является межрегиональным миграционным донором России. Общий прирост Тюменской области в целом с учётом переписных поправок за 32 года составил 730 тыс. человек.

Третья и последняя группа регионов России, где численность постоянного населения за 32 года выросла, это 6 республик Северного Кавказа (табл. 3). Переписные прибавки по отдельным республикам Северного Кавказа России вызывают много вопросов у экспертов. В частности, отмечается, что «Перепись 2010 г. как бы утвердила уже имевшее место завышение численности населения Дагестана ..., то есть если в 2002 г. численность была завышена искусственно, то при переписи 2010 г. эта операция была повторена» [1]; «По мнению многих экспертов ... было бы гораздо правдоподобнее допустить, что при переписи 2002 г. произведе-

Таблица 2

**Компоненты демографического баланса отдельных регионов России
(вторая группа) за 1992–2023 гг. в целом, тыс. человек**

Table 2

Components of demographic balance of some regions of Russia (second group) for 1992–2023 as a whole, thousand people

Регион	Отношение населения на 01.01.2024 к населению на 01.01.1992*, %	Естественный прирост* за 32 года	Миграционный прирост* за 32 года	Поправки переписей 2002, 2010 и 2021 гг. в сумме
АО Ханты-Мансийский – Югра	133	329	126	-14
Тюменская область (без АО)	120	8	237	25
Ямало-Ненецкий АО	106	139	-40	-71
Тюменская о область (с АО)	124	476	323	-60
Республика Тыва	110	95	-56	-7
Республика Алтай	107	28	5	-19

*по текущим данным.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

Таблица 3

**Компоненты демографического баланса отдельных регионов России
(третья группа) за 1992–2023 гг. в целом, тыс. человек**

Table 3

Components of demographic balance of some regions of Russia (third group) for 1992–2023 as a whole, thousand people

Регион	Рост населения на 01.01.2024 к населению на 01.01.1992*, раз	Естественный прирост* за 32 года	Миграционный прирост* за 32 года	Поправки переписей 2002, 2010 и 2021 гг. в сумме
Республика Дагестан	1,7	960	-252	635
Кабардино-Балкарская Республика	1,2	91	-83	120
Карачаево-Черкесская Республика	1,1	24	-54	70
Республика Северная Осетия-Алания	1,0	25	-84	45
Республика Ингушетия с 1995 г.**	2,6	184	X	-129
Чеченская Республика с 2003 г.**	1,4	525	X	428

*по текущим данным.

**без учёта недостающей информации о естественном и миграционном приросте.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

дено искусственное завышение численности ряда народов и населения республики [Дагестан] в целом» [1].

У прочих регионов России за 32 года существования в постсоветский период численность постоянного населения, так или иначе, уменьшилась. Самое большое сокращение произошло в регионах Европейско-

го Севера и на окраинах Дальнего Востока, в основных межрегиональных миграционных донорах РФ (табл. 4).

Почти все территории из таблицы 4 помимо миграционной убыли имели и естественную убыль населения, а отрицательные переписные поправки лишь усугубляли картину демографической ситуации в них.

Таблица 4

**Компоненты демографического баланса отдельных регионов России
(четвёртая группа) за 1992–2023 гг. в целом, тыс. человек**

Table 4

Components of demographic balance of some regions of Russia (fourth group) for 1992–2023 as a whole, thousand people

Регион	Сокращение населения на 01.01.2024 к населению на 01.01.1992*, раз	Естественный прирост* за 32 года	Миграционный прирост* за 32 года	Поправки переписей 2002, 2010 и 2021 гг. в сумме
Чукотский АО	3,2	5	-91	-18
Магаданская область	2,8	-9	-179	-48
Мурманская область	1,8	-57	-282	-170
Республика Коми	1,7	-57	-266	-202
Камчатский край/область	1,6	-6	-123	-59
Архангельская область**	1,6	-184	-191	-197
Сахалинская область	1,6	-50	-152	-60
Еврейская АО	1,5	-17	-42	-15
Курганская область	1,5	-160	-91	-110
Кировская область	1,5	-298	-60	-169
Республика Карелия	1,5	-132	0	-143

*по текущим данным.

**включая Ненецкий АО¹.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата.

¹ Ненецкий АО отдельно: поправки по трём переписям: –5 тыс. человек. Численность постоянного населения сократилась за 32 года с 53 до 42 тыс. человек, несмотря на естественный прирост в 5 тыс. человек.

Общая убыль в 13-ти, как правило, небольших по численности населения территориях из табл. 4 за 32 года превысила с учётом переписных поправок 4,1 млн человек. Кировская область хоть и не относится к регионам Крайнего Севера, но, тем не менее, примыкает к таким регионам и также является основным межрегиональным миграционным донором России, также как и Курганская область Уральского федерального округа (ФО).

Численность постоянного населения 14-ти областей Центрального ФО, за исключением ранее рассмотренных Московского макрорегиона, Белгородской и Калужской областей, за 32 года в целом с учётом переписных поправок сократилась в 1,1–1,5 раза. Их совокупная естественная убыль за этот период составила почти 5 млн человек. Она распределялась примерно пропор-

ционально численности населения данных регионов. Миграционный прирост по текущим данным лишь на четверть компенсировал эту убыль. Поправки по трём переписям населения были положительными лишь в областях Тульской, Липецкой и Воронежской (95, 35 и 78 тыс. человек соответственно). Рязанская и Владимирская области поправок практически не имели (плюс 8 и 4 тыс. человек соответственно). В остальных областях поправки были отрицательными: Тверская (–66 тыс. человек), Тамбовская (–41 тыс.), Костромская и Ивановская (по –82 тыс.), Смоленская (–33 тыс.), Орловская (–43 тыс.), Брянская (–29 тыс.), Курская и Ярославская (по –60 тыс. человек).

Численность постоянного населения областей Псковской, Новгородской и Вологодской Северо-Западного ФО, входящих в окружение Ленинградского макрореги-

она, схожа по своей динамике и структуре компонент с 14-тью областями Центрального ФО. Численность каждой из этих трёх территорий за 32 года в целом с учётом переписных поправок сократилась в 1,3 раза. Поправки по трём переписям населения у них были отрицательными (-33, -18 и -32 тыс. человек соответственно). Их совокупная естественная убыль за период составила почти 0,7 млн человек.

Сходная ситуация и в 8 субъектах Приволжского ФО. Кроме приграничной Саратовской области (+44 тыс. человек), суммарные переписные поправки у всех отрицательные: Пензенская область (-33 тыс. человек), Нижегородская (-79 тыс. человек), Ульяновская (-57 тыс. человек), Чувашская Республика (-66 тыс. человек), Оренбургская область (-155 тыс. человек), Удмуртская Республика (-77 тыс. человек), Республика Марий Эл (-13 тыс. человек). Численность их постоянного населения за 32 года в целом с учётом переписных поправок сократилась в 1,1–1,2 раза, а совокупная естественная убыль за этот период составила почти 2,4 млн человек. Схожа с Саратовской областью ситуация в Волгоградской области Южного ФО, суммарные переписные поправки по которой были +153 тыс. человек, а естественная убыль за 32 года составила свыше 400 тыс. человек, а численность постоянного населения с учётом суммарных переписных поправок сократилась в 1,1 раза. Иная ситуация в Республике Мордовия, где суммарные переписные поправки составили +12 тыс. человек, сокращение численности населения за 32 года было в 1,3 раза при естественной убыли в 177 тыс. человек и миграционной убыли в 31 тыс. человек.

Оставшиеся не рассмотренными регионы России находятся в основном в Азиатской части России. Численность их постоянного населения за 32 года с учётом переписных поправок незначительно, но сократилась. Суммарные переписные поправки у одних были отрицательные и составили: Республика Бурятия: -21 тыс. человек, Челябинская область: -32 тыс. человек, Республика Хакасия: -32 тыс. человек, Республика Саха (Якутия): -16 тыс. человек, Красно-

ярский край: -94 тыс. человек, Свердловская область: -130 тыс. человек. Естественный прирост за 32 года был лишь в республиках Бурятия (42 тыс. человек) и Саха (Якутия) (178 тыс. человек). Суммарная естественная убыль у остальных составила около 1,3 млн человек. Численность постоянного населения каждого из данных регионов за 32 года с учётом переписных поправок сократилась в 1,1 раза. Положительным миграционный прирост по текущим данным за рассматриваемый период был лишь в Челябинской области и Свердловской области, где находится значительная часть военно-промышленного комплекса России, а также в Республике Хакасия (плюс 135, 174 и 21 тыс. человек соответственно). Сходная с республиками Бурятия и Саха (Якутия) ситуация имела место в Республике Калмыкия, суммарные переписные поправки по которой составили минус 13 тыс. человек, естественный прирост за 32 года — плюс 23 тыс. человек, а численность постоянного населения с учётом суммарных переписных поправок сократилась в 1,2 раза.

Суммарные переписные поправки у других оставшихся не рассмотренными регионов РФ также были отрицательными, но более существенными. Они составили: Приморский край (-92 тыс. человек), Хабаровский край (-101 тыс. человек), Алтайский край (-189 тыс. человек), Пермский край (-180 тыс. человек), Кемеровская область (-91 тыс. человек), Иркутская область (-188 тыс. человек), Омская область (-90 тыс. человек). Их численность постоянного населения за 32 года с учётом суммарных переписных поправок сократилась в 1,2–1,3 раза. Помимо того, что суммарная естественная убыль у них составила за 32 года около 1,9 млн человек, так ещё и миграционная убыль за тот же период по текущим данным превысила 0,6 млн человек. В Республике Крым и Севастополе с начала 2015 г. до начала 2024 г. численность постоянного населения с учётом переписных поправок 2021 г. (+25 тыс. и +35 тыс. человек) выросла на 1% и на 41%. Суммарная естественная убыль у них составила за 9 лет 84 и 14 тыс. человек соответственно.

Суммарные поправки трёх переписей населения РФ, носящие по большей части миграционное происхождение, усугубляют картину демографической дифференциации регионов страны, увеличивая численность населения крупных экономически развитых территорий, расположенных преимущественно в Европейской части страны, и уменьшая численность прочих, неблагоприятных в демографическом плане территорий.

Если переписи населения считать более точным инструментом учёта населения, чем текущий учёт, то переписные поправ-

ки, с одной стороны, увеличивают общую численность постоянного населения России в целом, но, с другой стороны, усиливают неравномерность заселения её огромной территории. В условиях практически не прекращающейся депопуляции в большинстве регионов, это продолжает осложнять для РФ проблемы геополитического характера. Если считать, что переписи населения РФ лишь ухудшают текущий учёт, имеют значительное количество искажений, неправомερных добавок и так далее, как считают некоторые исследователи [1; 2], то возникает резонный вопрос, — зачем их тогда вообще проводить?

Литература и Интернет-источники

1. **Андреев, Е. М.** О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации / Е. М. Андреев // Вопросы статистики. — 2012. — № 11. — С. 21–35. EDN: PFBVMP
2. **Андреев, Е. М.** Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учёта населения и переписей предыдущих лет / Е. М. Андреев, Е. В. Чурилова // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10. — № 3. — С. 4–20. DOI: 10.17323/demreview.v10i3.17967; EDN: XYZSBL
3. **Миграционные** процессы в России. / под. ред. В. В. Локосова и Л. Л. Рыбаковского. — Москва: Экон-информ. — 2014. — 383 с. EDN: YTKYRZ
4. **Рыбаковский, О. Л.** Возрастная структура населения регионов России в начале XXI века: компоненты формирования / О. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 4–15. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1; EDN: JIZLYM
5. **Чудиновских, О. С.** Административная статистика международной миграции: источники, проблемы и ситуация в России / О. С. Чудиновских // Вопросы статистики. — 2016. — № 2. — С. 32–46. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-2-32-46; EDN: VOBURV
6. **Чудиновских, О. С.** О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами / О. С. Чудиновских, А. В. Степанова // Демографическое обозрение. — 2020. — Т. 7. — № 1. — С. 54–82. DOI: 10.17323/demreview.v7i1.10820; EDN: CGSRIL
7. **Чудиновских, О. С.** Региональный семинар по статистике миграции для стран СНГ / О. С. Чудиновских // Вопросы статистики. 2021. — Т. 28. — № 4. — С. 128–135. DOI: 10.34023/2313-6383-2021-28-4-128-135 EDN: YTGCKL
8. **Ванькина, И. Н.** Территориальные различия между данными текущего учёта населения и результатами Переписи-2020 / И. Н. Ванькина, Ю. А. Симагин, Д. Д. Мургузалиева // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 15–25. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.2; EDN: CWEMMD
9. **Рыбаковский, О. Л.** Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет: монография / О. Л. Рыбаковский; ФНИСЦ РАН. — Москва: ФНИСЦ РАН, 2022. — 471 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021; EDN: CCHKVJ
10. **Рыбаковский, О. Л.** Миграция населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа / О. Л. Рыбаковский. — Москва: Экон-Информ, 2008. — 287 с. EDN: QOPJBJ

Сведения об авторе:

Рыбаковский Олег Леонидович, д.э.н., зав. лабораторией, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; PИHЦ AuthorID: 424430.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-71-82

POPULATION BALANCE OF THE REGIONS OF RUSSIA IN 1992–2023 AND CENSUS CORRECTIONS

Oleg L. Rybakovsky

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS
(24/35 korpus 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

E-mail: 1246185@mail.ru

For citation:

Rybakovsky O. L. Population balance of the regions of Russia in 1992–2023 and census corrections. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 71–82. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-71-82 (in Russ.)

Abstract. Demographic balance of the regions of Russia for 1992–2023 is constructed, taking into account and highlighting the amendments of the 2002, 2010 and 2021 population censuses of Russia. At the regional level, the adjustments were three times higher, with a total of 13.1 million people in absolute terms. 8.7 million people were added to one part of the country's regions, 4.4 million people were taken away from the other. For most regions of the country these amendments were of «migratory origin.» At the regional level, 4.3 million people are corrections from abroad and clarification of the current population records partially missing in the 1990s and early 2000s in several North Caucasian republics, and 8.7 million people are two halves of 4.35 million people of the interregional migration increase and decline. The article identifies groups of regions according to the growth or decrease in the number of resident population for 32 post-Soviet years, as well as according to the structure of the components of demographic balance and the direction of census corrections (positive or negative). As a rule, correlation between the components of demographic balance and demographic adjustments is interrelated. If a region is an interregional migration recipient at the federal or local level, then, as a rule, its census corrections are positive. If a region has a negative demographic situation and is the main interregional migration donor of the country, then its census corrections are negative. Population censuses in the Russian Federation only exacerbate the picture of differentiation in the demographic development of Russia's territories. More and more people are concentrated in a few macro-regions and local centers of the European part of the country, and the European North and the Asian part of the county, primarily the Far East, continue to be exposed.

Keywords: permanent population of Russia's regions, demographic balance, general, natural and migratory population growth, population census corrections.

References and internet sources

1. Andreev E. M. O tochnosti rezul'tatov rossijskih perepisej naseleniya i stepeni doveriya k raznym istochnikam informatsii [On accuracy of Russian population censuses results and level of confidence in different sources of information]. *Voprosy statistiki [Statistical Issues]*. 2012. No. 11. P. 21–35. (in Russ.)
2. Andreev E. M., Churilova E. V. Rezul'taty Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2021 goda v svete

- statistiki tekushchego uchota naseleniya i perepisey predydushchikh let [The results of the 2021 All-Russian Population Census in the light of civil registration statistics and censuses of previous years]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*]. 2023. Vol. 10. No. 3. P. 4–20. DOI: 10.17323/demreview.v10i3.17967 (in Russ.)
3. Migratsionnyye protsessy v Rossii [*Migration Processes in Russia*]. Eds. V. V. Lokosov, L. L. Rybakovsky. Moscow. Ekon-Inform. 2014. 383 p. (in Russ.)
 4. Rybakovsky O. L. Vozrastnaya struktura naseleniya regionov Rossii v nachale 21 veka: komponenty formirovaniya [The age structure of the population of the regions of Russia at the beginning of the 21st century: components of the formation]. Narodonaselenie [*Population*]. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 4–15. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1 (in Russ.)
 5. Chudinovskikh O. S. Administrativnaya statistika mezhdunarodnoy migratsii: istochniki, problemy i situatsiya v Rossii [Administrative statistics of international migration: sources, problems and situation in Russia]. Voprosy statistiki [*Statistical Issues*]. 2016. No. 2. P. 32–46. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-2-32-46 (in Russ.)
 6. Chudinovskikh O. S., Stepanova A. V. O kachestve federal'nogo statisticheskogo nablyudeniya za migratsionnymi protsessami [On the quality of federal statistical observation of migration processes]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*]. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 54–82. (in Russ.)
 7. Chudinovskikh O. S. Regional'nyy seminar po statistike migratsii dlya stran SNG [Regional seminar on migration statistics for CIS countries]. Voprosy Statistiki [*Statistical Issues*]. 2021. No. 28(4). P. 128–135. (in Russ.)
 8. Vankina I. N., Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D. Territorial'nyye razlichiya mezhdru dannymi tekushchego uchota naseleniya i rezul'tatami Perepisi-2020 [Territorial differences between the data of the current population registration and the results of the 2020 Census]. Narodonaselenie [*Population*]. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 15–25. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.2 (in Russ.)
 9. Rybakovsky O. L. Zakonomernosti i osobennosti mezhregional'nykh migratsionnykh svyazey naseleniya Rossii za 50 let [*Patterns and Features of Interregional Migration Relations of the Russian Population for 50 Years*]. Moscow. FNISTS RAN [Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS]. 2022. 471 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021 (in Russ.)
 10. Rybakovsky O. L. Migratsii naseleniya mezhdru regionami: problemy metodologii i metodiki analiza [*Migration between Regions: Issues of Methodology and Analysis Techniques*]. Moscow. Ekon-Inform. 2008. 287 p. (in Russ.)

Information about the author:

Rybakovsky Oleg Leonidovich, Doctor of Economics, Head of Laboratory, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e- mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; Elibrary AuthorID: 424430.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-83-95
EDN: CZCUZV

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Секицки-Павленко О. О.

Институт экономики Уральского отделения РАН
(620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29)

E-mail: pavlenko_ola@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено в рамках НИР по государственному заданию Института экономики Уральского отделения РАН на 2024–2026 годы. № 0327-2024-0009.

Для цитирования:

Секицки-Павленко О. О. Обзор исследований возрастной структуры населения в отечественной литературе // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 83-95. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-83-95; EDN: CZCUZV

Аннотация. В статье представлен обзор отечественных исследований в области возрастной структуры населения за период с 2000 по 2022 годы. В работе были поставлены задачи по определению темпов и динамики научных публикаций, выявлению перечня основных научных организаций и ведущих периодических изданий, изучающих и публикующих работы по возрастной структуре населения. Кроме того, в задачи исследования входило определение основных векторов исследований, выявление авторов вносящих наибольший вклад в осмысление вопросов возрастной структуры. Эмпирическую базу составили статьи, размещённые на платформе «eLIBRARY.ru». Исследование проводилось с помощью библиометрического анализа, как одного из универсальных инструментов изучения информационного, научного потока. Общій объём выборки составил 2248 научных статей. Выявлено, что большая часть публикаций (42%) относится к области «Медицина и здравоохранение». Динамика публикационной активности по теме «возрастная структура населения» демонстрирует тенденцию роста. Количество научных работ по теме «возрастная структура населения» за 22 года увеличилось в 72 раза. Составлен перечень ведущих в области возрастной структуры. Среди изданий лидерами по количеству публикаций являются журналы «Социальные аспекты здоровья населения» (65 статей) и «Медико-социальные проблемы инвалидности» (40 статей). Также установлен список научных организаций, активно участвующих в исследованиях возрастной структуры населения, лидер среди них — Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (82 статьи). Определены основные специалисты в области исследования возрастной структуры населения. Выделены четыре главные направления исследований (старение населения, медицинское направление, региональное, миграционное). Результаты данной работы могут быть использованы для информационного обеспечения специалистов, занимающихся вопросами возрастной структуры, для усиления научной коммуникации между учёными различных специальностей и для совершенствования деятельности научных организаций.

Ключевые слова: возрастная структура населения, библиотека eLIBRARY, научный журнал, статья, публикация, библиометрический анализ.

© Секицки-Павленко О. О., 2024.

Введение

Глубокие и масштабные преобразования социально-экономической и культурной систем, а также накопленный ранее демографический потенциал, послужили основой для кардинальных изменений возрастной структуры населения России. Эти изменения и связанные с ними проблемы ставят перед научным сообществом задачи фундаментального и прикладного характера в области влияния возрастной структуры населения на дальнейшее развитие общества. Сложность и многогранность такого феномена как возрастная структура населения предопределяет необходимость участия ряда наук, каждая из которых привносит новые концептуальные подходы и уникальный методический инструментарий, расширяя проблемное поле научных исследований. Вопросы возрастной структуры населения неизменно находятся в фокусе внимания таких дисциплин как экономика, демография, социология, политология, медицина, история и др. Одним из способов оценки научного знания является его публикация в журнале. В современном мире любая научная информация считается недействительной, если она не опубликована. Научный журнал представляет собой не только средство для хранения и передачи научной информации, но также играет важную роль в формировании научного авторитета, эволюции профессионального и научного вклада и выполняет функцию контроля качества научной работы [1].

Целью настоящей статьи является обзор научных исследований (статей в научных журналах) в области возрастной структуры населения, проводившихся в России в период с 2000 по 2022 годы. Представленный обзор должен послужить основой, как для будущих исследований, так и связующим звеном между самими исследователями. Кроме того, он открывает возможность знакомства зарубежных читателей с работами российских учёных.

Данные и методы

Алгоритм исследования научных публикаций по теме «возрастная структура населения» осуществлялся в несколько этапов:

1. В качестве площадки исследования автором была выбрана электронная библиотека eLIBRARY, которая является крупнейшей русскоязычной библиотекой научной периодики и располагает широким набором функций для поиска и анализа информации. По состоянию на май 2023 г. библиотека eLIBRARY содержала более 38 млн научных публикаций и патентов¹.

2. На втором этапе был сформирован информационный массив публикаций. Базу исследования составили научные статьи, опубликованные за период 2000–2022 годов. Поисковый запрос был ограничен словосочетанием «возрастная структура населения» в названии публикации и в ключевых словах. Исходя из того, что исследование возрастной структуры носят междисциплинарный характер, было необходимо установить лимит на число научных дисциплин, изучающих возрастную структуру населения, и запрос был ограничен следующими науками: демография, социология, экономика, медицина. Из поиска были исключены биология, педагогика, психология и другие. Общий объём сформированного статистического массива научных публикаций по теме «возрастная структура населения» составил 2248 научных статей.

3. Далее, используя автоматическую систему фильтров электронного портала, была произведена группировка научных статей по следующим критериям: год публикации, тематические рубрики, ключевые слова, журналы, научные организации, авторы статей. Группировка статей, согласно заданным критериям, позволила: 1) оценить динамику и масштаб публикаций по теме «возрастная структура населения»; 2) определить наиболее актуальные направления исследований, связанных с возрастной структурой населения; 3) выявить ведущие российские журналы, публикующие

¹ О проекте eLibrary.ru. – URL: https://www.elibrary.ru/elibrary_about.asp (дата обращения: 19.05.2023).

статьи по вопросам возрастной структуры; 4) составить перечень российских научных организаций, занимающихся проблематикой возрастной структуры населения; 5) выявить авторов, внёсших существенный вклад в современные исследования возрастной структуры населения.

4. После, сформированные на портале eLIBRARY статистические отчёты были экспортированы в программу Microsoft Excel. Это позволило произвести обработку данных, построить соответствующие решению исследовательских задач таблицы и графики для последующего анализа.

В качестве инструментария исследования, кроме методов эмпирического анализа и описательной статистики, был применён библиометрический анализ. Данный метод позволяет оценивать информационный массив с учётом постоянно возрастающего числа публикаций, даёт возможность определить конкурентоспособность научного направления, организации или автора, позволяет понять актуальность исследуемой

проблематики. Некоторые учёные отмечают, что метод библиометрического анализа является способом вхождения исследователя в проблему [2].

Результаты

За период с 2000 по 2022 г. общее число отечественных научных трудов по теме «возрастная структура населения» составило 2248 публикаций. Из них 375 статей (16,6%) составляют публикации, размещённые в журналах, входящих в базы Web of Science или Scopus. Число авторов, рассматривающих проблематику возрастной структуры населения — 5002 исследователя. Особенностью динамики публикационной активности по теме «возрастная структура населения» является её выраженная тенденция к росту. Число статей в период с 2000 по 2022 г. возросло в 72 раза — с 3 до 216 статей. Пик публикационной активности пришёлся на 2021 г., когда число публикаций составило 261 (рис. 1.)

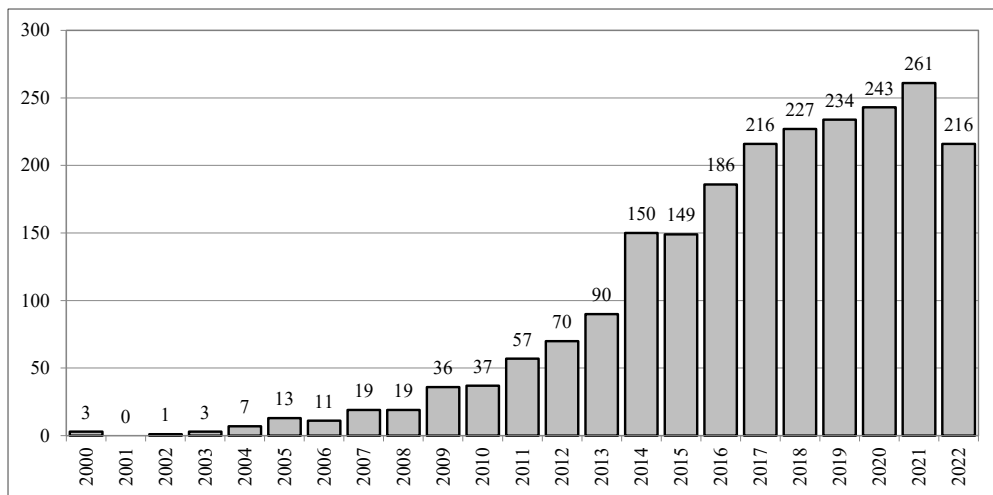

Рис. 1. Динамика числа публикаций, посвящённых теме «возрастная структура населения», в базе данных eLIBRARY в 2000–2022 годах

Fig. 1. Dynamics of the number of publications on the topic «age structure of the population» in the eLIBRARY database for 2000–2022

Источник: составлено автором на базе сформированной электронной подборки портала «elibrary.ru».

Такое увеличение числа статей обусловлено несколькими причинами. Во-первых, проведение с 2007 г. активной демографической политики со стороны государства, вынуждает научное сообщество обращать внимание на развитие демографических процессов и структур. Поскольку возрастная структура населения является базовой демографической характеристикой любой популяции, это объясняет возросший научный интерес к данной теме. Во-вторых, усиливающая тенденция старения населения, как в России, так и в большинстве развитых стран вызывает исследовательский интерес у специалистов различных областей знаний. Старение населения является ярко выраженной частью общей трансформации возрастной структуры населения, что опять же обуславливает увеличение числа публикаций. В-третьих, развитие российских наукометрических систем и внедрение с 2005 г. библиографической базы данных РИНЦ способствовали росту числа статей как за счёт увеличения доли научных журналов, так и за счёт попадания этих журналов в наукометрическую базу. В-четвёртых, изменение требований к деятельности научных работников обусловило необходимость в усилении их публикационной активности, что привело к росту количества статей.

Необходимость распределения научных статей по тематическим рубрикам вызвана междисциплинарным характером темы «возрастная структура населения». За исследуемый период подавляющее число публикаций относится к тематической рубрике «Медицина и здравоохранение». Их доля в общем объёме статей составила 42% или 945 статей (табл. 1). На втором месте после «Медицины и здравоохранения» находится рубрика «Экономика и экономические науки». Доля статей экономического характера, посвящённых теме «возрастная структура населения», составила 30,4% (685 статей). На третьем и четвёртом месте по численности и удельному весу располагаются рубрики «Демография» и «Социология». С 2000 по 2022 г. число статей по теме «возрастная структура населения» в рамках данных тематических рубрик составило 7,2% и 6,0% соответственно. Пятое место занимает тематическая рубрика «История. Исторические науки». Число публикаций, посвящённых «возрастной структуре населения», в рамках этой рубрики составило 108 статей или 4,8%. Удельный вес публикаций, рассматривающих возрастную структуру населения в рамках иных тематических рубрик, не превышает 10%.

Таблица 1

Распределение числа публикаций, посвящённых теме «возрастная структура населения», по тематическим рубрикам в 2000–2022 годах

Table 1

Distribution of the number of publications on the topic «age structure of the population» by thematic headings in 2000–2022

Тематическая рубрика	Число публикаций	Доля публикаций (%)
Медицина и здравоохранение	945	42,0
Экономика. Экономические науки	685	30,4
Демография	162	7,2
Социология	137	6,0
История. Исторические науки	108	4,8
Другие рубрики	211	9,6
Всего	2248	100

Источник: составлено автором на базе сформированной электронной подборки портала «elibrary.ru».

Распределение статей по ключевым словам из подборки «возрастная структура населения» показывает различную тематическую направленность публикаций. Наиболее часто встречающееся ключевое слово — «смертность» (в 233 статьях), на втором месте стоит его английский эквивалент «mortality» (в 190 статьях). На третьем месте «заболеваемость» — это упоминание встречается в ключевых словах в 189 статьях. Следующими по частоте являются словосочетания «возрастная структура населения» — в 167 статьях и «population» — в 155 статьях. Присутствие слов и словосочетаний на английском языке (которые являются дословными переводами уже содержащихся в подборке слов и словосочетаний на русском языке) свидетельствует, на наш взгляд, как о выходе русскоязычных статей на международный уровень, так и об изменении требований к публикационной деятельности отечественных научных журналов. Большинство из них содержат необходимость перевода аннотации и ключевых слов статьи на английский язык. Именно это и обусловило наличие значительного числа английских слов и словосочетаний в ключевых словах статей, посвящённых возрастной структуре населения.

Перечень российских периодических научных изданий, в которых освещаются вопросы возрастной структуры населения, очень широк. В нашей подборке насчитывается более 900 журналов, опубликовавших в течении 2000–2022 гг. статьи на данную тему. Можно выделить 20 ведущих научных изданий, в которых статьи, касающиеся возрастной структуры населения, публикуются регулярно и их количество за исследуемый период превышает 10 статей (табл. 2).

Из 20 журналов 19 (95%) входят в «перечень ВАК», 6 журналов (30%) — «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», «Народонаселение», «Здравоохранение Российской Федерации», «Успехи геронтологии», «Профилактическая медицина», «Здоровье населения и среда обитания» — помимо «перечня ВАК» состоят в базах Web of Science или Scopus. Лидером по числу публикаций, ка-

сающихся возрастной структуры населения, является журнал «Социальные аспекты здоровья населения» (65 статей). Подобный, медико-социальный контекст проблематики возрастной структуры содержится также в журналах «Медико-социальные проблемы инвалидности», «Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики», «Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины», «Здравоохранение Российской Федерации», «Успехи геронтологии», «Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии», «Медико-социальная экспертиза и реабилитация», «Профилактическая медицина», «Здоровье населения и среда обитания».

Экономическая и региональная составляющая в исследованиях возрастной структуры населения представлена в журналах: «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», «Экономика и предпринимательство», «Уровень жизни населения регионов России», «Проблемы развития территории», «Региональная экономика: теория и практика». Среди журналов демографической и социально-экономической направленности, публикующих статьи по возрастной структуре населения, ведущие места на протяжении многих лет занимают журнал «Народонаселение» и электронный журнал «Демографическое обозрение». Публикации в таких журналах как «Современные проблемы науки и образования» и «Фундаментальные исследования», отражают остроту вопросов, связанных с возрастной структурой населения и подчёркивают междисциплинарный характер исследований.

За период с 2000 по 2022 г. более 600 научных организаций принимали участие в исследованиях возрастной структуры населения. Безусловным лидером в этом списке является Федеральный научный исследовательский социологический центр (ФНИСЦ) РАН, в котором общее число публикаций по теме «возрастная структура населения» составляет 82 статьи, то есть за последние 22 года в этой организации публико-

Таблица 2

Распределение числа публикаций, посвящённых теме «возрастная структура населения» по научным журналам в 2000–2022 годах

Table 2

Distribution of the number of publications on the topic «age structure of the population» in scientific journals in 2000–2022

№	Название журнала	Число публикаций	Город
1	Социальные аспекты здоровья населения	65	Москва
2	Медико-социальные проблемы инвалидности	40	Москва
3	Современные проблемы науки и образования	31	Москва
4	Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики	27	Москва
5	Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины	20	Москва
6	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	20	Вологда
7	Народонаселение	19	Москва
8	Демографическое обозрение	18	Москва
9	Здравоохранение Российской Федерации	17	Москва
10	Успехи геронтологии	17	Санкт-Петербург
11	Уровень жизни населения регионов России	16	Москва
12	Фундаментальные исследования	16	Москва
13	Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии	15	Москва
14	Медико-социальная экспертиза и реабилитация	15	Москва
15	Вопросы статистики	14	Москва
16	Экономика и предпринимательство	12	Москва
17	Профилактическая медицина	12	Москва
18	Проблемы развития территории	12	Вологда
19	Здоровье населения и среда обитания	11	Москва
20	Региональная экономика: теория и практика	11	Москва

Источник: составлено автором на базе сформированной электронной подборки портала «elibrary.ru».

валось в среднем по 3–4 статьи в год. Второе место занимает Центральный НИИ организации и информатизации здравоохранения с 66 статьями. Третье место принадлежит НИУ «Высшая школа экономики», в котором было опубликовано 63 статьи по исследованию возрастной структуры населения.

В территориальном разрезе публикационной активности научных организаций, вошедших в число лидирующих, занимает Москва. Такое распределение не случайно — оно, на наш взгляд, отражает концен-

трацию научных и образовательных ресурсов России именно в столице. Остальные регионы страны представлены одной научной организацией. Число работ российских авторов, тематический вектор изучения возрастной структуры населения и основные соавторы представлены в табл. 3. При формировании списка ведущих исследователей в области возрастной структуры мы исходили из условия, что число научных работ автора по данной проблематике должно составлять более 10 статей.

Таблица 3

Распределение числа публикаций, посвящённых теме «возрастная структура населения» по авторам, соавторам и направлениям исследований в 2000–2022 годах

Table 3

Distribution of the number of publications on the topic «age structure of the population» by authors, co-authors and areas of research in 2000–2022

Ф.И.О. автора	Число статей	Основные соавторы	Направления исследований возрастной структуры населения	
Барсуков Виталий Николаевич	21	О. Н. Калачикова А. А. Шабунова В. Г. Доброхлеб	Старение населения. Трудовая активность старших поколений. Социально-экономические риски старения. Здоровье населения старших возрастов. Эйджизм.	
Доброхлеб Валентина Григорьевна	13	Н. М. Римащевская В. Н. Барсуков	Качество жизни старшего поколения. Региональные особенности старения населения. Вопросы возрастной структуры в контексте демографического перехода.	
Пузин Сергей Никифорович	20	М. А. Шургая, Л. С. Идрисова Г. Э. Погосян С. С. Меметов.	Медико-социальные аспекты инвалидности различных возрастных групп населения. Возрастная структура смертности. Демографическая политика по снижению смертности в определённых возрастах. Возрастные факторы риска смертности. Вопросы избыточной смертности. Возрастные особенности нарушения здоровья.	
Шургая Марина Арсеньевна	20	С. Н. Пузин Л. С. Идрисова Г. Э. Погосян С. С. Меметов		
Сабгайда Тамара Павловна	20	А. Е. Иванова В. Г. Семёнова А. Н. Эделева С. В. Рязанцев		
Иванова Алла Ефимовна	15	Т. П. Сабгайда В. Г. Семёнова Г. Н. Евдокушкина А. В. Зубко А. Ю. Михайлов		
Самородская Ирина Владимировна	19	С. А. Бойцов В. Ю. Семёнов		
Бойцов Сергей Анатольевич	13	И. В. Самородская В. Ю. Семёнов		
Семёнова Виктория Георгиевна	11	Т. П. Сабгайда А. Е. Иванова Г. Н. Евдокушкина В. Г. Запороженко Н. С. Гаврилова А. В. Зубко		
Запарий Наталья Сергеевна	15	А. Ю. Пайков Е. Е. Ачкасов С. Н. Пузин		
Попова Лариса Алексеевна	12	Е. Н. Зорина М. А. Шишкина		Выраженный региональный аспект динамики демографических процессов и влияние возрастной структуры на процессы рождаемости и смертности в регионе. Старение населения. Роль возрастной структуры в социально-экономическом развитии региона. Возрастная структура в вопросах демографической безопасности.
Берова Фаризат Жамаловна	11	М. Х. Эндреева		
Мкртчян Никита Владимирович	11	Л. Б. Карачурина	Возрастная структура миграционных потоков и её влияние на возрастную состав принимающего общества. Взаимосвязь возрастного профиля мигрантов и направления миграции.	

Источник: составлено автором на базе сформированной электронной подборки портала «elibrary.ru».

Среди направлений исследований возрастной структуры можно выделить 4 основных.

1. Возрастная структура рассматривается с позиции старения населения и связанных с ним проблем социального и экономического характера. В России лидерами данного направления исследований являются В. Н. Барсуков и В. Г. Доброхлеб. В научных трудах этих авторов подробно изложены теоретические основы старения населения, представлен критический анализ существующих демографических теорий и концепций, рассматривающих старение населения [3]. Исследуется региональная специфика старения, как в России, так и за рубежом [4]. Поднимаются проблемы эйджизма, гендерного неравенства [5; 6] вопросы трудовой активности старшего поколения, его востребованность на рынке труда [7] и другие социально-экономические последствия старения населения.

2. Второе направление исследований носит выраженный медицинский характер. Возрастная структура изучается в контексте здоровья населения. Среди представителей этого направления: С. Н. Пузин, М. А. Шургая, Т. П. Сабгайда, А. Е. Иванова, И. В. Самородская, С. А. Бойцов, В. Г. Семёнова, Н. С. Запарий и другие. Научный интерес указанных выше учёных сосредоточен на возрастных факторах риска смертности от различных заболеваний [8; 9]. На возрастной структуре инвалидности [10; 11] и нарушениях здоровья населения, на медико-социальных аспектах инвалидности различных возрастных групп [12]. Также рассматриваются проблемы возрастного профиля смертности и потерянных лет жизни при преждевременной смертности [13], исследуются факторы искажения структуры причин смерти. Проводится оценка эффективности демографической политики в области снижения смертности различных возрастных групп [14].

3. Третье направление исследований возрастной структуры населения можно обозначить как региональное. Возрастная структура при этом выступает как неотъемлемый компонент демографическо-

го и социально-экономического развития региона. В этом направлении лидерами по числу публикаций являются Л. А. Попова и Ф. Ж. Берова. Так в работах Л. А. Поповой рассматриваются вопросы активного долголетия и старения населения северных территорий [15; 16]. В трудах Ф. Ж. Беровой прогнозируется развитие возрастной структуры населения Кабардино-Балкарской Республики [17], анализируется роль возрастной структуры в социально-экономическом развитии региона [18]. Исследуются вопросы взаимосвязи возрастной структуры и демографической безопасности.

4. Вектор исследований возрастной структуры населения сфокусирован на вопросах миграции. Весомый вклад в данное направление внесён Н. В. Мкртчяном. Данный учёный, большое внимание уделяет возрастной структуре миграционных потоков и её влиянию на возрастной состав принимающего общества. Указывает на взаимосвязь возрастного профиля мигрантов и направления миграции [19]. Отмечает крайнюю неоднородность регионов России в зависимости от возрастного состава миграционных потоков [20].

Выводы

На основании проведённого исследования можно сделать следующие выводы.

1. Изучение возрастной структуры населения в 2000–2022 гг. в России носит междисциплинарный характер. Это выражается в разной направленности периодических изданий и в широком круге учреждений и авторов, занимающихся вопросами возрастной структуры.

2. Подавляющее большинство исследований относятся к сфере медицины и здравоохранения, а также к экономике. Рассмотрение феномена возрастной структуры в рамках таких научных дисциплин как демография и социология в разы меньше.

3. Самая высокая доля и число публикаций посвящено анализу возрастной структуры с позиции смертности, инвалидности и здоровья населения. Ограниченное число работ по взаимосвязи возрастной струк-

туры и социально-экономического развития страны и отдельных её регионов. Слабо раскрыты вопросы последствий трансформации возрастной структуры населения. Из возможных последствий изменения возрастной структуры подробно рассматривается только проблемы связанные со старением населения.

4. Единичным числом представлены публикации, исследующие возрастную структуру в контекстах репродуктивного поведения, рождаемости, брачности, разводимости, образования, рынка труда, уровня жизни, экономической безопасности, математического моделирования.

5. Отечественный поток публикаций в период 2000–2022 гг. имеет тенденцию к росту. Самое большое число статей было опубликовано в 2017–2021 гг. (1181 статья или 52,5% от общего числа публикаций). Это связано как с усилением актуальности обращения научного сообщества к проблематике возрастной структуры в связи с усилением процесса старения населения, так с и расширением российских наукометрических систем и повышением требований к деятельности работников науки.

6. Значительное участие в исследовании вопросов, связанных с возрастной структурой населения, принадлежит организациям, находящимся в Москве, что объясняется высокой концентрацией образовательного, научного и финансового потенциала столицы страны.

7. Отличительной особенностью исследованной возрастной структуры в период 2000–2022 гг. является незначительное число работ, направленных на теоретическое осмысление изменений возрастной структуры населения, и демографических, социально-экономических и культурных проблем, связанных с этой трансформацией. Исключение составляют работы В.Г.Доброхлеб, В.Н.Барсукова, Н.В.Мкртчяна.

Возрастная структура населения выступает одновременно как результат общественного развития и как фундамент будущей динамики демографических и социально-экономических процессов. В этой связи исследование возрастной структуры представляются крайне актуальными, особенно в вопросах реализации демографической политики. В представленной статье автором реализована возможность проведения библиометрического анализа, где в качестве информационного фронта выступают публикации по теме «возрастная структура населения». В статье отражены основные направления отечественных исследований в области возрастной структуры. Выявлены наиболее продуктивные организации, журналы и авторские коллективы. Полагаем, что проведённое исследование позволит повысить качество информационного обеспечения специалистов и оптимизировать поиск научной информации по проблемам возрастной структуры населения.

Литература и Интернет-источники

1. **Иваницкая, Е. В.** Статья как элемент научной коммуникации: особенности формирования научного авторитета в международном сообществе / Е. В. Иваницкая // Научный редактор и издатель. — 2018. — Т. 3. — № 1–2. — С. 44–51. DOI: 10.24069/2542-0267-2018-1-2-44-51; EDN: YBRTRJ
2. **Даринская, Л. А.** Библиометрический анализ как способ вхождения в проблему исследования (на примере понятия «самостоятельная работа студентов») / Л. А. Даринская, А. С. Гуслина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. — 2010. — № 3. — С. 71–79. EDN: NBPSON
3. **Доброхлеб, В. Г.** Демографические теории и региональный аспект старения населения / В. Г. Доброхлеб, В. Н. Барсуков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 6. — С. 89–103. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.6; EDN: YMWXGQ
4. **Доброхлеб, В. Г.** Старение населения в России и Китае: особенности и социально-экономические риски / В. Г. Доброхлеб, В. Н. Барсуков // Уровень жизни населения регионов России. — 2020. — Т. 16. — № 4. — С. 36–48. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.4.3; EDN: FKAAPM

5. **Барсуков, В. Н.** Причины и последствия конфликта поколений как социальной проблемы «стареющих» государств / В. Н. Барсуков // Социальное пространство. — 2016. — № 5(7). — С. 4. EDN: XEHFFF
6. **Доброхлеб, В. Г.** Демографическое старение в аспекте гендерных проблем современной России / В. Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 2. — С. 5–13. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.1; EDN: ZYNURF
7. **Доброхлеб, В. Г.** Уровень образования пожилых людей как фактор востребованности на рынке труда России / В. Г. Доброхлеб // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. — 2017. — № 2–3. — С. 5–15. DOI: 10.26653/2076-4650-2017-2-3-5-15; EDN: ZHGQRX
8. **Сабгайда, Т. П.** Изменение структуры смертности от болезней органов пищеварения в условиях пандемии COVID-19 в Москве / Т. П. Сабгайда, А. Н. Эделева // Социальные аспекты здоровья населения. — 2022. — Т. 68. — № 4. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-4-1; EDN: QZHRAD
9. **Бойцов, С. А.** Сравнение показателей смертности в субъектах РФ: роль возрастной структуры населения / С. А. Бойцов, И. В. Самородская // Менеджер здравоохранения. — 2014. — № 4. — С. 13–19. EDN: SCXL MN
10. **Пузин, С. Н., Шургая, М. А.** Возрастная структура и уровень повторной инвалидности вследствие злокачественных новообразований взрослого населения в Российской Федерации в динамике за 2005–2014 гг. / С. Н. Пузин, М. А. Шургая, Т. А. Мутева [и др.] // Российский онкологический журнал. — 2015. — Т. 20. — № 6. — С. 34–38. EDN: VKGOIZ
11. **Запарий, Н. С.** Интенсивность повторной инвалидности вследствие болезней системы кровообращения среди взрослого населения в федеральных округах Российской Федерации за 2016–2019 гг. / Н. С. Запарий, А. П. Русакевич, А. В. Гречко [и др.] // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. — 2020. — № 4. — С. 68–78. DOI: 10.17238/issn1999-2351.2020.4.68-78; EDN: LHEXOH
12. **Мячина, О. В.** Медико-социальные аспекты общей и первичной инвалидности детского населения, проживающего на урбанизированной территории / О. В. Мячина, И. Э. Есауленко, С. Н. Пузин [и др.] // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. — 2018. — Т. 21. — № 1–2. — С. 60–64. DOI: 10.18821/1560-9537-2017-21-1-60-64; EDN: YOVTML
13. **Бойцов, С. А.** Смертность и потерянные годы жизни в результате преждевременной смертности от болезней системы кровообращения / С. А. Бойцов, И. В. Самородская // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. — 2014. — Т. 13. — № 2. — С. 4–11. DOI: 10.15829/1728-8800-2014-2-4-11; EDN: SDUOAJ
14. **Иванова, А. Е.** Оценка демографической политики по снижению смертности на региональном уровне в России / А. Е. Иванова, А. Ю. Михайлов // Социальные аспекты здоровья населения. — 2017. — № 5(57). — С. 1. EDN: ZSVYFB
15. **Попова, Л. А.** Северный вариант российской модели демографического старения / Л. А. Попова, Е. Н. Зорина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — № 2(26). — С. 111–125. EDN: QDFFAF
16. **Попова, Л. А.** Особенности демографического старения северных регионов России / Л. А. Попова // Регион: Экономика и Социология. — 2013. — № 1(77). — С. 23–40. EDN: PVVFPN
17. **Берова, Ф. Ж.** Результаты прогноза динамики возрастной структуры населения КБР / Ф. Ж. Берова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2009. — № 6(32). — С. 18–26. EDN: LKORGB
18. **Берова, Ф. Ж.** Возрастная структура населения и её роль в социально-экономическом развитии региона / Ф. Ж. Берова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2020. — № 1(93). — С. 3–10. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-1-93-3-10; EDN: OTXQEW
19. **Карачурина, Л. Б.** Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности / Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян // Демографическое обозрение. — 2016. — Т. 3. — № 4. — С. 47–65. EDN: YNVXQH

20. **Мкртчян, Н. В.** Возрастная структура населения России и её влияние на внутреннюю миграцию / Н. В. Мкртчян // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2015. — Т. 13. — С. 209–221. EDN: VBCJND

Информация об авторе:

Секички-Павленко Ольга Олеговна, младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: pavlenko_ola@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1370-8724; ПИНЦ AuthorID: 517990.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-83-95

REVIEW OF STUDIES ON THE AGE STRUCTURE OF POPULATION IN RUSSIAN LITERATURE

Olga O. Sekicki-Pavlenko

*Institute of Economics of the Ural Branch RAS
(29 Moskovskaya str., Ekaterinburg, Russia, 620014)*

E-mail: pavlenko_ola@mail.ru

Funding:

The article was carried out as a part of the research work under the state assignment to the Institute of Economics of the Ural Branch RAS for 2024–2026. No. 0327-2024-0009.

For citation:

Sekicki-Pavlenko O. O. Review of studies on the age structure of population in Russian literature. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 83-95. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-83-95 (in Russ.)

Abstract. *The article provides a review of scientific research in the field of the age structure of population conducted in Russia from 2000 to 2022. The empirical basis consists of articles published on the website elibrary.ru. The study was conducted using bibliometric analysis, which is one of the most useful tools for studying information flow. The total sample size was 2248 scientific articles. It was found out that most of the publications (42%) belong to the field of medicine and health. Dynamics of the publication activity on the age structure of population demonstrated an upward trend. In the period 2000–2022 the number of scientific articles in this field increased by 72 times. The leaders in the number of publications are the journals «Social Aspects of Public Health» (65 publications) and «Medical and Social Issues of Disability» (40 articles). The leader among the scientific organizations actively studying the age structure of population is the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS) with 82 works. The main specialists in the field of the age structure of population have been identified. Four main areas of research are identified (population aging, medical sphere, regional issues, migration). The results of this study can be used to improve the information support of specialists involved in studying the age structure of population, strengthen the scientific communication between researchers in various fields and improve the work of scientific organizations.*

Keywords: *population age structure, eLIBRARY, scientific journal, article, publication, information flow, bibliometric analysis.*

References and Internet sources

1. Ivanitskaya E. V. Statya kakelement nauchnoj kommunikatsii: osobennosti formirovaniya nauchnogo avtoriteta v mezhdunarodnom soobshestve [Article as the element of scientific communication: specifics of scientific authority formation in the international community]. Nauchnyj redactor I izdatel [Science Editor and Publisher]. 2018. Vol. 3. No. 1–2. P. 44–51. DOI: 10.24069/2542-0267-2018-1-2-44-51 (in Russ.)
2. Darinskaya L. A., Guslina A. S. Bibliometricheskij analiz kak sposob vkhozheniya v problemu issledovaniya (na primere ponyatiya «samostoyatel'naya rabota studentov») [Bibliometric analysis as a way of addressing a research issue (on the example of the concept of «independent work of students»)]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika [Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy]. 2010. No. 3. P. 71–79. (in Russ.)
3. Dobrokhleb V. G., Barsukov V. N. Demograficheskiye teorii i regionalnyj aspekt stareniya naseleniya [Demographic theories and the regional aspect of population ageing]. Ekonomicheskije i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2017. Vol. 10. No. 6. P. 89–103. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.6 (in Russ.)
4. Dobrokhleb V. G., Barsukov V. N. Starenije naseleniya v Rossii i Kitae: osobennosti i sotsialno-ekonomicheskije riski [Population aging in Russia and China: features and socio-economic risks]. Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2020. Vol. 16. No. 4. P. 36–48. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.4.3 (in Russ.)
5. Barsukov V. N. Prichiny i posledstviya konflikta pokolenij kak sotsialnoj problemy «stareyushchikh» gosudarstv [Causes and consequences of intergenerational conflict as a social problem of «ageing» countries]. Sotsialnoje prostranstvo [Social Area]. 2016. No. 5(7). P. 4. (in Russ.)
6. Dobrokhleb V. G. Demograficheskoje starenije v aspekte gendernykh problem sovremennoj Rossii [Demographic aging in the aspect of gender problems in modern Russia]. Narodonaselenie [Population]. 2020. No. 23 (2). P. 5–13. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.1 (in Russ.)
7. Dobrokhleb V. G. Uroven obrazovaniya pozhilykh lyudej kak factor vostrebovanosti na rynke truda Rossii [The level of education of elderly people as a factor of demand on the labor market in Russia]. Nauchnoje obozrenije. Seriya 1: Ekonomika i pravo [Scientific Review. Series 1: Economics and Law]. 2017. No. 2–3. P. 5–15. DOI: 10.26653/2076-4650-2017-2-3-5-15 (in Russ.)
8. Sabgayda T. P., Edeleva A. N. Izmenenije struktury smertnosti ot boleznej organov pishchevareniya v usloviyakh pandemii COVID-19 v Moskve [Changes in structure of mortality from digestive diseases during the COVID-19 pandemic in Moscow]. Sotsialnyje aspekty zdorovya naseleniya [Social Aspects of Population Health]. 2022. Vol. 68. No. 4. P. DOI: 10.21045/2071-5021-2022-68-4-1 (in Russ.)
9. Boitsov S. A., Samorodskaya I. V. Sravnenije pokazatelej smertnosti v subektakh RF: rol vozrastnoj struktury naseleniya [Comparison of mortality indexes in subjects of the Russian Federation: role of population's age structure]. Menedzher zdavoohraneniya [Manager of Healthcare]. 2014. No. 4. P. 13–19. (in Russ.)
10. Puzin S. N., Shurgaya, M. A. Muteva T. A., et. al. Vozrastnaya struktura i uroven povtornoj invalidnosti v sledstvije zlokachestvennykh novoobrazovaniy vzroslogo naseleniya v Rossijskoj Federatsii v dinamike za 2005–2014 gg. [Age structure and level of re-recognized disability due to cancer in adult population in the Russian Federation in dynamics in 2005–2014]. Rossijskij onkologicheskij zhurnal [Russian Journal of Oncology]. 2015. No. 20(6). P. 34–38. (in Russ.)
11. Zapary N. S., Rusakevich A. P., Grechko A. V., et. al. Intensivnost povtornoj invalidnosti vsledstviye boleznej sistemy krovoobrashcheniya sredi vzroslogo naseleniya v federalnykh okrugakh Rossijskoj Federatsii za 2016–2019 gg [The intensity of repeated disability due to diseases of the blood circulation system among the adult population in the federal districts of the Russian Federation for 2016–2019]. Vestnik Vserossijskogo obshchestva spetsialistov po mediko-sotsialnoj ekspertize, reabilitatsii i reabilitacionnoj industrii [Bulletin of the All-Russian Society of Specialists in Medical and Social Expertise, Rehabilitation and the Rehabilitation Industry]. 2020. No. 4. P. 68–78. DOI: 10.17238/issn1999-2351.2020.4.68-78 (in Russ.)

12. Myachina O. V., Esaulenko L. E., Puzin S. N., et. al Mediko-sotsialnyje aspekty obshchej i pervichnoj invalidnosti detskogo naseleniya, prozhivayushhego na urbanizirovannoj territorii [Medico-social aspects of the general and primary disability in children population living in the urbanized area]. Mediko-sotsialnaya ekspertiza i reabilitatsiya [Medico-Social Expertise and Rehabilitation]. 2018. Vol. 21. No. 1–2. P. 60–64. DOI: 10.18821/1560-9537-2017-21-1-60-64 (in Russ.)
13. Boitsov S. A., Samorodskaya I. V. Smertnost i poteryannye gody zhizni v rezultate prezhdevremennoj smertnosti ot boleznej sistemy krovoobrasheniya [Mortality and lost years of life as a result of cardiovascular premature deaths]. Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika [Cardiovascular Therapy and Prevention]. 2014. Vol. 13. No. 2. P. 4–11. DOI: 10.15829/1728-8800-2014-2-4-11 (in Russ.)
14. Ivanova A. E., Mikhailov A. Yu. Otsenka demograficheskoy politiki po snizheniyu smertnosti na regionalnom urovne v Rossii [Assessment of population policy aimed at reducing mortality at the regional level in Russia]. Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya [Social Aspects of Population Health]. 2017. No. 5(57). P. 1. (in Russ.)
15. Popova L. A., Zorina E. N. Severnyj variant rossijskoj modeli demograficheskogo stareniya [Russian model of population ageing (in the case of the Northern regions)]. Ekonomicheskije i sotsialnyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2013. No. 2(26). P. 111–125. (in Russ.)
16. Popova L. A. Osobennosti demograficheskogo stareniya severnyh regionov Rossii [Peculiar demographic aging in Northern regions of Russia]. Region: Ekonomika i Sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]. 2013. No. 1(77). P. 23–40. (in Russ.)
17. Berova F. Zh. Rezultaty prognoza dinamiki vozrastnoj struktury naseleniya KBR [The results of forecasting the dynamics of age structure of the population of the KBR]. Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN [News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center RAS]. 2009. No. 6(32). P. 18–26. (in Russ.)
18. Berova F. Zh. Vozrastnaya struktura naseleniya i jejo rol v sotsialno-ekonomicheskom razvitii regiona [Age structure of the population and its role in the socio-economic development of the region]. Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN [News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center RAS]. 2020. No. 1(93). P. 3–10. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-1-93-3-10 (in Russ.)
19. Karachurina L. B., Mkrtychyan N. V. Mezhrefionalnaya migratsiya v Rossii: vozrastnyje osobennosti [Interregional migration in Russia: age characteristics]. Demograficheskije obozrenije [Demographic Review]. 2016. Vol. 3. No. 4. P. 47–65. (in Russ.)
20. Mkrtychyan N. V. Vozrastnaya struktura naseleniya Rossii i jejo vliyanije na vnutrennyuyu migratsiyu [Age structure of Russia's population and its influence on internal migration]. Nauchnye trudy: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Works — Institute of Economic Forecasting RAS]. 2015. Vol. 13. P. 209–221. (in Russ.)

Information about the author:

Sekicki-Pavlenko Olga Olegovna, Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: pavlenko_ola@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1370-8724; Elibrary AuthorID: 517990.

Статья поступила в редакцию 16.06.2023, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-96-110
EDN: OUXBJU

АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ НА ОСНОВЕ МНОГОФАКТОРНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Липатов В. А.*, Соломахин А. А., Берзин Д. В., Точилкина Т. Е.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

*E-mail: viacheslav.lipatov@fulbrightmail.org

Для цитирования:

Липатов В. А., Соломахин А. А., Берзин Д. В., Точилкина Т. Е. Анализ экологической уязвимости населения Краснодарского края на основе многофакторной демографической модели // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 96-110. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-96-110; EDN: OUXBJU

Аннотация. Статья анализирует экологическую уязвимость населения на территории Краснодарского края, который сильно подвержен речным наводнениям в бассейне реки Кубань. Актуальность исследования определяется тем фактом, что уязвимость населения к наводнениям и другим опасным процессам мало изучена отечественными специалистами, занимающимися социально-экологической тематикой. Авторы апробируют Многофакторную демографическую модель экологической уязвимости (МДМЭУ), конечным итогом которой является карта уязвимости населения модельных субъектов (муниципалитетов) Краснодарского края. Разработан алгоритм анализа уязвимости. Во-первых, производится выбор переменных и их вычисление. Во-вторых, формируется междисциплинарная матрица экологической уязвимости. В-третьих, полученные количественные показатели, рассчитанные по единой методике для каждого модельного субъекта, группируются, и создаётся карта уязвимости населения десяти модельных субъектов, ранжированных по трём уровням (высокий, средний и низкий). Модель включает факторы демографический (возраст, включая лиц в возрасте до 19 и старше 65 лет, доля лиц с ограниченными возможностями здоровья, тип занимаемого жилого помещения и состав домохозяйства, отсутствие знакомства с местом проживания, а также плотность населения) и социально-экономический (доля низкодоходной группы, жилищные условия, телекоммуникации и уровень образования). Выявлены как наиболее уязвимые районы и муниципалитеты, так и группы населения (пожилые, лица с ограниченными возможностями здоровья, проживающие в индивидуальном доме и домохозяйства, состоящие из одного человека в индивидуальном доме). Полученные результаты увеличат эффективность мер по снижению ущерба от наводнений со стороны органов власти и организаций, занимающихся чрезвычайными ситуациями, демографической политикой, пространственным планированием и градостроительной деятельностью, здравоохранением и социальной защитой.

Ключевые слова: качество жизни, экологический риск, Краснодарский край, экономико-демографическая модель, проблемы здравоохранения и социального обслуживания, экологически уязвимые группы населения.

Введение

В глобальном масштабе ежегодные демографические и социально-экономические потери от стихийных бедствий, включая наводнения, пожары, засухи, штормы, землетрясения, в период с 1980 по 2015 гг. колебались от 120 до 350 млрд долларов США [1]. В мире в конце XX — начале XXI вв. наблюдается тенденция к значительному увеличению ущерба от наводнений. Поэтому предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций, вызванных наводнениями, в настоящее время являются приоритетной задачей устойчивого развития общества. Поскольку изменение климата приводит к увеличению количества проливных дождей, интенсивному таянию снега и ледников, катастрофические речные наводнения будут происходить чаще. В связи с этим актуальность новых методов, в том числе основанных на междисциплинарном методологическом подходе, не вызывает сомнения.

В России наводнения случаются ежегодно, в некоторых регионах по несколько раз в год. Площадь потенциально опасных территорий составляет 400 тыс. км² [2]. Под угрозой затопления в стране находятся более 700 городов, тысячи сельских населённых пунктов, сотни тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий [3]. Повышает уровень экологических рисков и уязвимости населения преимущественное расселение россиян по берегам рек, озёр и морей [4]. Высокий уровень экологических рисков связан как с количественным ростом численности населения и его плотности на данных территориях, так и с изменением структурных характеристик, включая гендерные аспекты [5] и проблемы здравоохранения и социального обслуживания уязвимых групп населения [6]. Последние масштабные наводнения произошли в апреле 2024 г. на территории Оренбургской, Курганской и Тюменской областей. Например, для чрезвычайной ситуации в бассейне реки Урал Правительство РФ установило федеральный уровень реагирования: оказались затоплены более 6 тыс. жилых домов, 9 тыс. приусадебных участков

и 40 низководных мостов; было эвакуировано более 4 тыс. человек, в том числе около 900 человек в возрасте до 19 лет¹.

На юге России в течение последних 20 лет последствиями масштабных наводнений стали гибель более чем 440 человек, количество пострадавших составило более 486 тыс. человек, а экономический ущерб превысил 1,2 млрд долларов США (табл. 1). Причём, все они затронули территорию Краснодарского края, где основными типами наводнений являются речные и ливневые (или залповые) — причиной их возникновения являются ливневые дожди и талые воды.

В целом на территории Краснодарского края встречаются различные типы наводнений, включая гидрометеорологические, тектонические и техногенные. В северо-восточной части этого региона особенностью рек являются летние и осенние паводки в сочетании с сезонным половодьем весной. На урбанизированных территориях значительные по площади подтопления обусловлены мощными склоновыми стоками, связанными с ливневыми осадками и смерчами. В юго-западной части региона, доходящей до побережий Азовского и Чёрного морей, круглогодично бывают паводки. Наводнения на морских побережьях и в речных дельтах вызываются ветровыми нагонами [3]. Однако, благоприятный климат, развитые экономика и социальная инфраструктура региона привлекают различные группы населения: Краснодарский край относится к регионам с постоянным ростом населения в течение всего постсоветского периода (один из 12 таких в стране) [7]. Рост населения особенно заметен в крупных городах, в том числе в Краснодаре.

Прогноз на будущее неблагоприятен. Уровень риска наводнений будет увеличиваться вследствие опасностей, вызванных глобальным потеплением, включая изменение уровня моря, колебания сезонных температурных режимов и режима осадков, усиление штормовых явлений на море и вспышками смерчей [8], а также ростом уязвимости населения в результате про-

¹ Новости Главного управления МЧС России по Оренбургской области. – 2024. – URL: <https://56.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti> (дата обращения: 17.04.2024).

Таблица 1

Основные наводнения на юге России в 2002–2021 годах

Table 1

Major floods in Southern Russia from 2002 to 2021

Год	Регионы	Речные бассейны	Тип наводнения	Причина возникновения	Погибшие, человек	Получившие травмы, человек	Экономический ущерб, тыс. долл. США
2002	Края Краснодарский и Ставропольский; республики Адыгея, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Чеченская	Кубань, Малка, Баксан, Терек, Кардоник, Аргун, Сунжа, Лаба, Белая, Уруп и Фарс	ливневое	ливневые дожди	117	330613	450000
2002	Краснодарский край		речное	талые воды	1	3000	64970
2002	Краснодарский край		речное	ливневые дожди	82	49500	32000
2004	Краснодарский край	Чамлык, Окард	речное	ливневые дожди		500	4962
2005	Краснодарский край		речное	ливневые дожди	19		
2010	Краснодарский край		речное	ливневые дожди	23	45214	66000
2011	Республика Адыгея, Краснодарский край		речное	ливневые дожди		10669	21015
2012	Краснодарский край		ливневое		172	31410	600000
2012	Края Краснодарский и Ставропольский; области Астраханская, Волгоградская Ростовская; республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия – Алания, Чеченская		речное	ливневые дожди	7	1120	
2013	Краснодарский край		речное	ливневые дожди	4	1500	
2015	Краснодарский край	Херота	речное		1	1500	
2018	Краснодарский край				8	11303	
2021	Краснодарский край	Херота, Мацеста		ливневые дожди	8	138	
Итого					442	486467	1238947

Источник: составлено авторами на основе данных Центра исследований эпидемиологии бедствий (база данных Em-Dat). — URL: <https://doc.emdat.be/docs/data-structure-and-content/emdat-public-table/> (дата обращения: 07.04.2024).

гнозной положительной динамики численности [7]. Для изучения этих рисков и их возможной нейтрализации был сформирован международный научный коллектив, который разрабатывает новое для отечественной науки направление демографии стихийных бедствий при интеграции демографии, экономики и других общественных наук с физической географией, гидрологией, геологией. Результаты исследований учёных можно увидеть в ряде статей [9; 10].

В исследовании была использована модифицированная зарубежная «Многофакторная демографическая модель экологической уязвимости» (МДМЭУ) к речным наводнениям и данные Всероссийских переписей населения. Цель исследования заключается в том, чтобы определить эффективность МДМЭУ для изучения российских территорий с наибольшим количеством уязвимых групп населения. Задачи соответствуют следующим исследовательским вопросам: а) какие уязвимые группы населения к речным наводнениям преобладают в Краснодарском крае? б) каково пространственное распределение данных уязвимых групп? Для апробирования методики было выбрано десять модельных субъектов

в пределах Краснодарского края. Численность населения исследуемой территории представлена в табл. 2.

За последние 20 лет методы анализа экологической уязвимости сильно изменились: внимание уделяется анализу уязвимых групп населения, в том числе влиянию возраста [11], инвалидизации [12], типа жилья [13], плотности населения [14], уровня дохода [15] и образования [16] на социальный и экономический ущерб от стихийных бедствий. Ряд отечественных исследователей отмечают, что анализ и оценка уязвимости населения к наводнениям должна основываться на демографических и социально-экономических данных, характеризующих подвижность населения, его состав и возраст [17], но на практике этого не происходит [9]. В целом прогноз социальных потерь и ущерба в России проводится редко [18–21].

На сегодняшний день важной задачей является переход к анализу и прогнозу на основе демографических показателей и процессов экономико-демографического моделирования, а также междисциплинарного подхода. Последний включает, с одной стороны, подходы географии и гидрологии, а, с другой стороны, экономики, социологии и демогра-

Основные характеристики исследуемой территории

Таблица 2

Table 2

Krasnodar Krai model subjects: main characteristics

Муниципалитет	Численность населения по данным переписей, тыс. человек			Плотность населения в 2021 г., человек на 1 км ²
	2002	2020	2021	
ГО Краснодар	791,4	832,5	1204,9	1432
ГО Армавир	211,8	208,1	206,8	741
Кавказский район	124,5	125,2	118,3	96
Крымский район	127,2	132,1	130,9	82
Тимашёвский район	107,2	106,1	106,2	70
Усть-Лабинский район	115,4	112,9	102,7	68
Славянский район	130,3	129,6	128,7	59
Лабинский район	102,3	101,8	91,7	49
Апшеронский район	95,0	98,9	98,7	40
ГО Горячий Ключ	51,6	57,3	66,3	38
Итого	1856,8	1904,6	2255,1	106

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата. — URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/31079>; <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst03/DBInet.cgi?pl=8006001#Bottom> (дата обращения: 07.04.2024).

фии. Например, в процессе анализа экологической уязвимости населения важна экспертиза гидрологов для отбора демографических переменных из всех, представленных во Всероссийских переписях населения.

Методы исследования

Для анализа экологической уязвимости населения к речным наводнениям был разработан специальный алгоритм (рис. 1). Анализ осуществляется с помощью модели МДМЭУ, которая учитывает демографические и социально-экономические показатели и процессы, включая возрастной состав, структуру семей и домохозяйств,

пространственное расселение, тип жилья, владение средствами телекоммуникации и знакомство с местом проживания. Модель включает 2 фактора (демографический и социально-экономический), 9 тем (возраст, инвалидность, бедность и другие) и 12 переменных (люди в возрасте более 65 лет; инвалиды; плотность населения; домохозяйства, состоящие из одного человека в индивидуальном доме и подобные).

Авторы адаптировали зарубежные методы анализа и оценки экологической уязвимости населения к специфическим условиям России. Подробная их классификация и описание, а также примеры карт уязвимости населения [22] послужили основой для

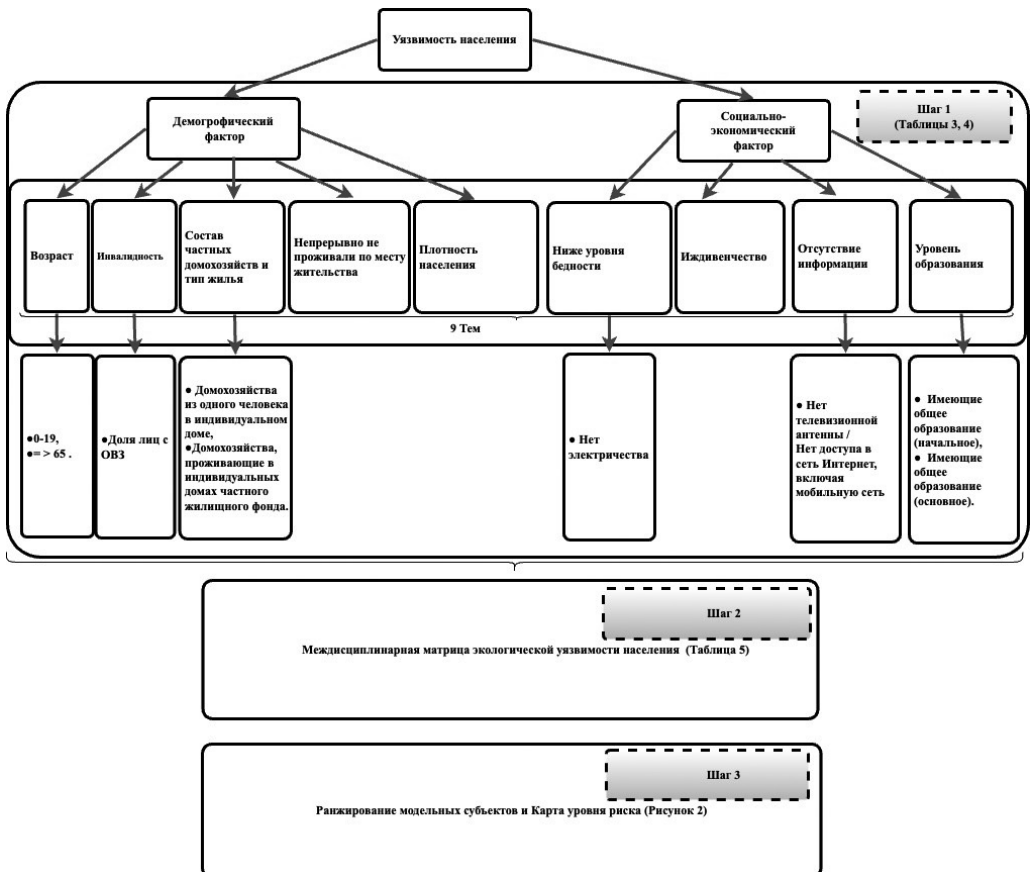

Рис. 1. Алгоритм анализа экологической уязвимости населения к наводнениям

Fig. 1. Population flood vulnerability analyzing algorithm

Источник: идея авторов.

выбора метода, который наиболее подходит для анализа отечественных демографических и социально-экономических данных. Методология восточноевропейских специалистов по оценке уязвимости [23] внесла вклад при формировании алгоритма анализа, создании междисциплинарной матрицы и ранжирования модельных субъектов. Ориентиром для отбора тем и переменных модели МДМЭУ стал отечественный и зарубежный опыт измерения уязвимости населения к природным и техногенным опасностям, наработанный Институтом окружающей среды и безопасности человека Университета ООН [19] и государственным органом по управлению здравоохранением и социальной защитой [24]. Итоговый выбор источников данных, факторов, тем и переменных модели, а также детализация алгоритма и окончательных форм предоставления результатов анализа разработаны авторами.

Модель МДМЭУ состоит из трёх Блоков (рис. 1). Последовательно переходя от одного к другому, производится анализ уязвимости населения на исследуемой территории,

состоящей из десяти модельных муниципалитетов Краснодарского края (табл. 2) — это городские округа Краснодар, Армавир и Горячий Ключ, муниципальные районы Кавказский, Крымский, Уст-Лабинский, Славянский, Лабинский и Апшеронский, включая города Краснодар, Армавир, Кропоткин, Крымск, Усть-Лабинск, Тимашёвск, Славянск-на-Кубани, Лабинск, Апшеронск и Горячий Ключ. Объект исследования ограничен данными городскими округами и районами, поскольку они являются густонаселёнными со значительным потенциалом роста и сильно подвержены речным наводнениям. Большинство последних происходят в бассейне реки Кубань.

Блок 1 включает в себя выбор переменных и их вычисление. 11 переменных были рассчитаны на основе показателей Всероссийских переписей населения (табл. 3). Калькуляция переменной плотности населения (v_7) также использует открытые данные регистрационного учёта земельного фонда (табл. 2). Введём следующие обозначения переменных для проведения соответствующих расчётов (табл. 3).

Таблица 3

Описание переменных

Table 3

Description of variables

Фактор	Тема	Название переменной	Обозначение переменной
Демографический	Возраст	0–19 лет	V_1
		≥ 65 лет	V_2
	Инвалидность	Доля лиц с ОВЗ	V_3
	Состав частных домохозяйств и тип жилья	Домохозяйства из одного человека в индивидуальном доме	V_4
		Домохозяйства, проживающие в индивидуальных домах частного жилищного фонда	V_5
	Отсутствие знакомства с местом проживания	Частные домохозяйства, которые меняли место жительства	V_6
	Плотность населения	Плотность населения	V_7
Социально-экономический	Ниже уровня бедности	Отсутствие электричества	V_8
	Иждивенчество	Доля иждивенцев	V_9
	Телекоммуникации / Отсутствие информации	Отсутствие телевизионной антенны в 2010 г. / Нет мобильной телефонной связи в 2021 г.	V_{10}
		Уровень образования для людей в возрасте ≥15 лет	Начальное общее образование (1–4 классы)
	Основное общее образование (5–9 классы)		V_{12}

Источник: идея авторов.

Следующие формулы используются при анализе уязвимости в каждом модельном субъекте:

$$v1(2010) = \frac{p_{2010}}{tp_{2010}} * 100\%, \quad (1)$$

$$v6(2002) = \frac{plih_{2002}}{tp_{2002}} * 100\%, \quad (2)$$

$$v8(2020 / 2021) = \frac{nms_{2020 / 2021}}{tnh_{2020 / 2021}} * 100\%, \quad (3)$$

$$v12(2020 / 2021) = \frac{tp_{2020 / 2021}}{lfa_{2021}}, \quad (4)$$

где p_{2010} — численность населения в возрасте 0–19 лет в 2010 г., tp_{2010} — общая численность населения в 2010 г., $plih_{2002}$ — население, проживающее в индивидуальных домах в 2002 г., tp_{2002} — общая численность населения в 2002 г., $nms_{2020 / 2021}$ — нет мобильной телефонной связи в 2020/2021 гг., $tnh_{2020 / 2021}$ — общая численность домохозяйств в 2020/2021 гг., $tp_{2020 / 2021}$ — общая численность населения в 2020/2021 гг., lfa_{2021} — площадь земельного фонда в 2021 году.

Вышеприведённые формулы (1–4) описывают схему вычисления 12 переменных. При этом необходимо отметить, что переменная $v5$ калькулируется по данным трёх переписей населения, а остальные — по переписям только 2010 и 2021 годов. Развитие цифровых технологий привело к тому, что калькуляция переменной $v10$ основывается на разных показателях из двух переписей. В 2010 г. анализируются доли населения, у которого отсутствовала телевизионная антенна, а в 2020/2021 гг. — те, у кого нет мобильной телефонной связи. Все переменные равнозначно взвешены.

Блок 2 модели МДМЭУ — разработка матрицы, когда производится ранжирование полученных количественных показателей, рассчитанных по единой методике индивидуально для каждого модельного субъекта. В результате было выделено три группы субъектов — с высоким, средним и низким уровнем уязвимости населения к наводнениям. Основным критерием отнесения мо-

дельного субъекта к той или иной группе служит количество критических значений вышеуказанных переменных относительно их средних значений.

Блок 3 ранжирует субъекты с точки зрения социальной уязвимости и определяет территории с наибольшим количеством уязвимого населения. В результате было выделено три группы субъектов: высокий, средний и низкий уровень уязвимости населения к наводнениям. Отнесение субъекта к той или иной группе основывается на количестве критических значений вышеуказанных переменных относительно их максимальных, минимальных и средних значений. Блок 3 направлен на создание оперативных тематических карт для визуализации ранжирования модельных субъектов Краснодарского края по уровню экологической уязвимости.

Результаты

С помощью вычислительного аппарата по формулам (1–4) Блок 1 определяет модельные субъекты, где проживает максимальное количество уязвимых групп. Процесс и результат выделения трёх групп субъектов (с высоким, средним и низким уровнем уязвимости населения к наводнениям) визуализирован посредством изменения фона ячеек (табл. 4).

Блок 2 модели МДМЭУ предполагает создание матрицы для анализа уязвимости (табл. 5), в основе которой анализ переменных из табл. 4 с максимальным негативным изменением в сравнении со средними значениями выборки из десяти модельных муниципалитетов. В качестве иллюстрации проанализируем первую переменную $v1$. Её отклонения от средних значений минимальны, и она не визуализирована в табл. 4 и не представлена в табл. 5. Средние значения переменных $v2$ и $v3$ изменяются более существенно, что представлено посредством изменения фона ячеек. Ранжирование каждого модельного субъекта производится по значениям столбца матрицы «Итого» по всем переменным и выделяет три группы субъектов с высоким, средним и низким уровнем уязвимости населения к наводнениям.

Таблица 4

**Анализ экологической уязвимости населения к речным наводнениям,
% от численности населения / числа домохозяйств**

Table 4

River flood ecological social vulnerability analysis, % of populations / households

Муниципалитет	Год	Демографический фактор						Социально-экономический фактор				
		v1	v2	v3	v4	v5	v6	v8	v9	v10	v11	v12
Апшеронский район	2002	-	-	-	-	72,2	-	-	-	-	-	-
	2010	22,1	15,3	4,1	13,5	75,7	11,6	0,8	26,8	14,6	8,3	16,0
	2021	21,6	17,3	2,4	6,4	74,6	9,1	6,1	25,2	22,9	0,5	12,5
ГО Армавир	2002	-	-	-	-	36,6	-	-	-	-	-	-
	2010	22,8	13,7	4,6	7,6	36,1	9,4	12,4	30,2	21,1	4,4	10,9
	2021	20,8	13,3	2,1	3,1	42,3	5,6	16,3	22,5	40,7	1,3	5,3
ГО Горячий Ключ	2002	-	-	-	-	36,8	-	-	-	-	-	-
	2010	22,3	14,1	3,3	12,4	60,5	19,2	2,8	27,5	12,3	6,7	11,8
	2021	18,7	21,1	2,0	5,5	62,3	19,7	11,1	22,3	23,4	0,2	6,3
Кавказский район	2002	-	-	-	-	58,3	-	-	-	-	-	-
	2010	21,7	15,4	4,1	11,0	57,1	9,7	3,4	6,4	10,9	7,8	12,1
	2021	21,7	18,2	2,7	6,0	63,5	6,2	7,7	23,9	26,6	0,5	8,6
ГО Краснодар	2002	-	-	-	-	23,7	-	-	-	-	-	-
	2010	20,1	13,4	4,1	4,0	24,0	12,7	8,5	27,4	23,9	2,7	7,2
	2021	18,9	13,5	1,3	1,6	20,4	12,9	26,2	21,4	53,9	0,3	6,3
Крымский район	2002	-	-	-	-	73,0	-	-	-	-	-	-
	2010	22,2	14,4	3,5	14,4	73,0	15,4	2,4	8,9	7,9	7,6	14,7
	2021	22,4	17,7	2,7	6,8	75,2	12,3	4,5	24,8	17,1	0,4	8,4
Лабинский район	2002	-	-	-	-	73,2	-	-	-	-	-	-
	2010	23,3	15,6	3,7	15,1	73,2	11,3	2,5	8,4	8,3	9,0	14,1
	2021	22,3	19,2	2,2	10,4	79,9	5,3	6,7	24,5	24,6	0,5	8,4
Славянский район	2002	-	-	-	-	63,9	-	-	-	-	-	-
	2010	22,4	13,9	3,5	11,7	61,2	12,9	2,2	9,9	7,4	7,5	15,1
	2021	21,1	17,5	2,2	5,6	68,0	10,0	6,0	23,9	13,8	0,4	8,0
Тимашёвский район	2002	-	-	-	-	68,3	-	-	-	-	-	-
	2010	21,9	13,9	3,4	12,4	68,5	13,6	1,6	9,0	5,5	7,2	15,7
	2021	20,0	18,0	2,3	8,5	77,5	6,6	9,7	22,3	27,7	0,6	8,2
Усть-Лабинский район	2002	-	-	-	-	75,4	-	-	-	-	-	-
	2010	20,7	14,6	3,7	16,7	82,0	12,4	1,6	7,1	6,2	8,3	15,0
	2021	21,0	18,4	2,8	9,0	83,9	8,4	2,9	24,0	14,4	0,5	6,5

Источник: составлено авторами на основании данных Росстата. — URL: <https://23.rosstat.gov.ru/folder/31079>; <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst03/DBInet.cgi?pl=8006001#Bottom> (дата обращения: 07.04.2024).

Таблица 5

**Расчётная матрица экологической уязвимости населения
для модельных муниципалитетов**

Table 5

The calculated matrix of social vulnerability for the model subjects

Муниципалитет	Демографический фактор						Социально-экономический фактор				Итого (уровень)
	V ₂	V ₃	V ₄	V ₅	V ₆	V ₇	V ₈	V ₁₀	V ₁₁	V ₁₂	
ГО Краснодар					+	+	+	+			4 (высокий)
ГО Армавир						+	+	+	+		4 (высокий)
Кавказский район	+	+									2 (низкий)
Крымский район		+	+	+	+						4 (высокий)
Тимашёвский район			+								1 (низкий)
Уст-Лабинский район	+	+	+	+							4 (высокий)
Славянский район											0 (низкий)
Лабинский район	+		+	+							3 (средний)
Апшеронский район		+		+						+	3 (средний)
ГО Горячий Ключ	+				+						2 (низкий)
Сумма по уязвимым группам	4	4	4	4	3	2	2	2	1	1	

Источник: идея авторов.

Плотность населения (v7) была рассчитана ранее (табл. 2). Сравнение отношений фактической плотности каждого модельного субъекта к разнице между максимальной и минимальной плотностью для данной выборки свидетельствует о том, что ГО Краснодар и ГО Армавир — наиболее уязвимые муниципалитеты. Так, максимальное значение данного соотношения имеет ГО Краснодар, и оно во всех годах проведения переписей населения равно 1,0. Отношение для ГО Армавир составляет в 2002 г. 0,83, в 2010 г. — 0,78, в 2021 г. — 0,53. Отношение для Кавказского района (в котором расположен город Кропоткин), третьего по плотности населения муниципалитета, ниже 0,13 для всех переписей.

Анализ 12 переменных двух факторов уязвимости, приведённый в табл. 5, установил высокий уровень уязвимости для ГО Армавир и Краснодар, районов Крымского и Усть-Лабинского, которые имеют 4 существенно отрицательно изменяемых переменных. Славянский, Тимашёвский и Кавказский районы, а также ГО Горячий Ключ имеют низкий уровень с количеством подобных переменных от 0 до 2. Остальные два муниципалитета попадают в группу со средним уровнем уязвимости. Табл. 5 также показывает, что на территории Краснодарского края проживают следующие уязвимые группы населения: пожилые, лица с ограниченными возможностями здоровья (инвалиды), проживающие в индивидуальном доме и домохозяйства,

состоящие из одного человека в индивидуальном доме. Об этом свидетельствуют значения последней строки табл. 5 «Всего по уязвимым группам», равные 4 для четырёх переменных.

В заключительном Блоке 3 была построена карта уязвимости модельных субъектов Краснодарского края посредством геоинформационной системы QGIS (рис. 2).

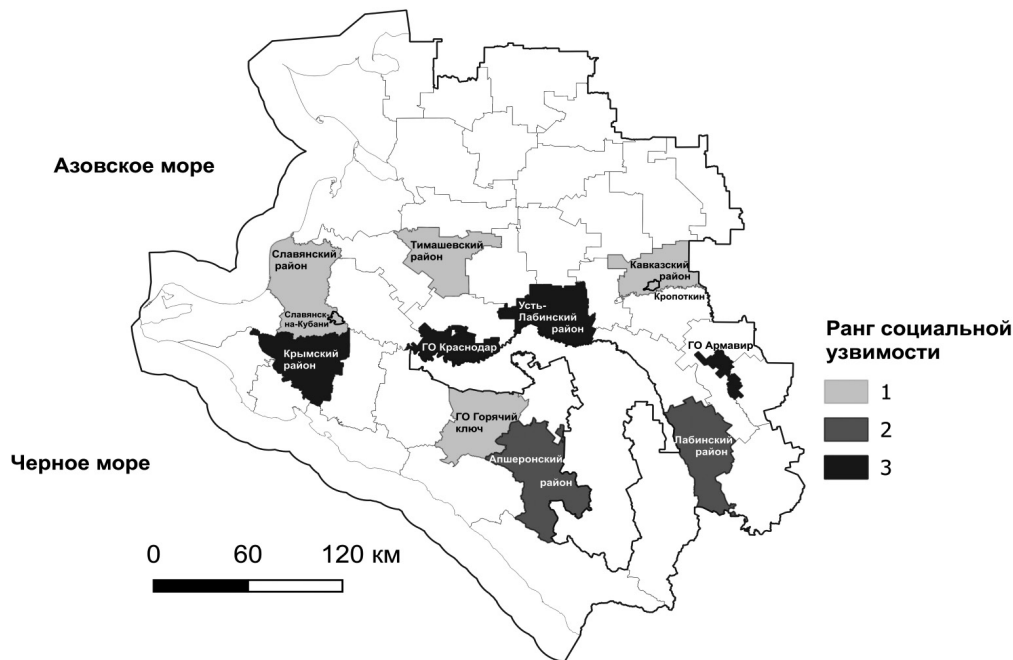

Рис. 2. Карта ранжирования модельных муниципалитетов Краснодарского края по уязвимости населения: 1 — низкий; 2 — средний; 3 — высокий уровень уязвимости
Fig. 2. Social vulnerability ranking map of Krasnodar Krai model subjects. 1st rank — the low level of vulnerability; 2nd rank — the medium level of vulnerability; 3rd rank — the high level of vulnerability

Источник: идея авторов.

Заключение

В России снижение риска наводнений требует единого междисциплинарного подхода, учитывающего инженерные аспекты и демографическое измерение. Доминирование технических подходов препятствует разработке концепций, методологий и эмпирических решений, направленных на устойчивое развитие общества.

Актуальная модель МДМЭУ, которая учитывает особенности технических и общественных научных дисциплин, продемонстрировала свою эффективность. Новая модель, основанная на модифицированном зарубежном многофакторном анализе уяз-

вимости к наводнениям, показала свою надёжность при апробации на модельных муниципалитетах Краснодарского края. Данные Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2021 гг. и другие статистические источники позволяют выявить наиболее уязвимые слои населения по выбранным переменным. Предлагаемая междисциплинарная матрица анализа уязвимости является универсальной и может быть использована для других территорий, подверженных наводнениям и иным стихийным бедствиям.

В результате проведённого анализа было выявлено, что городские округа Армавир и Краснодар, муниципальные райо-

ны Крымский и Усть-Лабинский нуждаются в проведении мероприятий, направленных на максимальное снижение уровня уязвимости населения к речным наводнениям. Апшеронский и Лабинский муниципальные районы имеют второй по значимости приоритет в Краснодарском крае.

Полученную оперативную карту можно использовать для повышения эффективности принятия управленческих решений, прежде всего, в наиболее уязвимых муниципалитетах Краснодарского края для снижения риска бедствий от наводнений и формирования населения со стороны го-

сударственных органов и организаций, занимающихся здравоохранением и социальной защитой, демографической политикой, градостроительной деятельностью и управлением чрезвычайными ситуациями. В дальнейшем необходимы исследования с целью актуализации и интеграции данных глобальной базы данных Em-Dat в России. Предполагается, что следующим этапом апробации МДМЭУ будет ранжирование районов, расположенных в прибрежной морской зоне Краснодарского края и российской части бассейна реки Урал.

Литература и Интернет-источники

1. **Osipov, V. I.** Biosphere and environmental safety / V. I. Osipov. Springer International Publishing AG, 2019. — 53 p. DOI: 10.1007/978-3-319-91259-2; EDN: YBRHWP
2. **Воробьев, Ю. Л.** Катастрофические наводнения начала XXI века. Уроки и выводы / Ю. Л. Воробьев, В. А. Акимов, Ю. И. Соколов — Москва : ДЭКС-ПРЕСС, 2003. — 352 с. EDN: UCTFUX
3. Атлас природных и техногенных опасностей и рисков чрезвычайных ситуаций. Российская Федерация. Южный федеральный округ / под общей ред. С. К. Шойгу. — Москва : Дизайн. Информация. Картография, 2007. — 384 с.
4. **Гордин, И. В.** Застройка побережий: социо-эколого-экономическая специфика / И. В. Гордин, Е. В. Рюмина // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 4. — С. 50–60. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.5; EDN: SLRZII
5. **Потравная, Е. В.** Гендерные особенности восприятия экологических проблем коренными народами Севера России / Е. В. Потравная // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 2. — С. 72–84. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.7. EDN: QSVOOU
6. **Будилова, Е. В.** Влияние демографических и социально-экономических факторов на популяционное здоровье населения / Е. В. Будилова, М. Б. Лагутина, Л. А. Мигранова // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — № 3. — С. 80–92. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00028; EDN: NXOLUX
7. **Бородина, Т. Л.** Место приграничных регионов в типологии региональной динамики населения России в постсоветский период / Т. Л. Бородина // Сборник материалов по итогам XXXII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС (Псков, июнь 2015 г.) / отв. ред. В. Стрелецкий. — Москва : Эслан, 2016. — С. 52–65. EDN: XHKFBX
8. **Kostianaia, E. A.** Regional Climate Change Impact on Coastal Tourism: A Case Study for the Black Sea Coast of Russia / E. A. Kostianaia, A. G. Kostianoy // Hydrology. — 2021. — Vol. 8. — No. 3. — URL: <https://www.mdpi.com/journal/hydrology> (дата обращения: 01.10.2023). DOI: 10.3390/hydrology8030133; EDN: LJQQIR
9. **Мавлянова, Н. Г.** Трансграничные проблемы преодоления стихийных бедствий в международных региональных организациях евразийского региона / Н. Г. Мавлянова, В. А. Липатов, О. Р. Юлдашев // Проблемы прогнозирования. — 2018. — № 3(168). — С. 122–131. EDN: YNJSLB
10. **Lipatov, V.** Flood hazards, social vulnerability and societal risks in Russia / V. Lipatov, N. Mavlyanova, J. Tiefenbacher // Environment, Development and Sustainability. — 2023. — URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10668-023-03410-x> (дата обращения: 01.10.2023). DOI: 10.1007/s10668-023-03410-x
11. **Prohaska, T. R.** Impact of Natural Disasters on Health Outcomes and Cancer Among Older Adults / T. R. Prohaska, K. E. Peters // The Gerontologist. — 2019. — Vol. 59. — No. S1. — P. 50–56. DOI: 10.1093/geront/gnz018

12. **Stough, L. M.** People with Disabilities and Disasters / L. M. Stough, I. Kelman // Handbook of Disaster Research. — Springer, 2017. — P. 225–242. DOI: 10.1007/978-3-319-63254-4_12
13. **Ревич, Б. А.** Экологические приоритеты и здоровье: социально уязвимые территории и группы населения / Б. А. Ревич // Экология человека. — 2010. — № 7. — С. 3–9. EDN: MТВУКН
14. **Ha, H.** A practical approach to flood hazard, vulnerability, and risk assessing and mapping for Quang Binh province, Vietnam / H. Ha, Q. D. Bui, H. D. Nguyen, B. T. Pham, T. D. Lai, C. Luu // Environment, Development and Sustainability. — 2023. — Vol. 25. — P. 1101–1130. DOI: 10.1007/s10668-021-02041-4
15. **Kostyuchenko, Y. V.** Robust algorithm of multi-source data analysis for evaluation of social vulnerability in risk assessment tasks / Y. V. Kostyuchenko, D. Movchan, I. Kopachevsky, Y. Bilous // SAI Intelligent Systems Conference (IntelliSys). — London, 2015. — P. 944–949. DOI: 10.1109/IntelliSys.2015.7361256
16. **Nakamura, R.** Quantitative Evaluation of Flood Control Measures and Educational Support to Reduce Disaster Vulnerability of the Poor Based on Household-level Savings Estimates / R. Nakamura, A. Kawasaki // Economics of Disasters and Climate Change. — 2022. — Vol. 6. — P. 355–371. DOI: 10.1007/s41885-022-00112-y
17. **Рагозин, А. Л.** Социальная и экологическая уязвимость / А. Л. Рагозин // Природные опасности России. Том 6. Оценка и управление природными рисками / ред. А. Л. Рагозин. — Москва : КРУК, 2003. — С. 118–120.
18. **Порфирьев, Б. Н.** Экономика природных катастроф / Б. Н. Порфирьев // Мир новой экономики. — 2015. — № 4. — С. 21–40. EDN: VPBIPT
19. **Земцов, С.** Социально-экономическая оценка риска наводнений в прибрежных зонах Азово-Черноморского побережья Краснодарского края / С. Земцов, И. Крыленко, Н. Юмина // Сборник материалов по итогам семинара «Природные и социальные риски в береговой зоне Чёрного и Азовского морей» (Москва, 16–19 июня 2012 г.) / ред. К. Колтерманн, С. Добролюбов, Н. Алексеевский. — Москва : Триумф, 2012. — С. 86–96. EDN: VLXFVD
20. **Падалко, Ю.** Социально-экономическая уязвимость населения и хозяйства регионов российской части бассейна реки Урал от наводнений / Ю. Падалко // Успехи современного естествознания. — 2016. — № 12–2. — С. 439–443. EDN: XIQEUN
21. Влияние глобальных климатических изменений на здоровье населения российской Арктики / гл. ред. Б. А. Ревич. — Москва : Представительство ООН в РФ, 2008. — 25 с. EDN: QLSUYZ
22. **Burton, C.** Social Vulnerability: Conceptual foundations and geospatial modeling. / C. Burton, S. Rufat, E. Tate // Vulnerability and Resilience to Natural Hazards / eds. S. Fuchs, T. Thaler. — Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2018. — Pp. 53–81.
23. **Katic, K.** Developing Croatia-specific methodology for assessing social vulnerability / K. Katic // Understanding Risk Forum 2016 (Venice, 18 May 2016). — URL: <https://understandrisk.org/wp-content/uploads/Comparable-social-vulnerability-profiling-Case-study-Croatia.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).
24. **Lehnert, E. A.** Spatial exploration of the CDC’s Social Vulnerability Index and heat-related health outcomes in Georgia / E. A. Lehnert, G. Wilt, B. Flanagan, E. Hallisey // International Journal of Disaster Risk Reduction. — 2020. — Vol. 46. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9345528/> (дата обращения: 17.04.2024). DOI: 10.1016/j.ijdr.2020.101517

Сведение об авторах:

Липатов Вячеслав Анатольевич, к.полит.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: viacheslav.lipatov@fulbrightmail.org; ORCID: 0000-0003-2717-2833; РИНЦ AuthorID: 619308.

Соломахин Алексей Александрович, к.э.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: AASolomakhin@fa.ru; ORCID: 0009-0009-6150-8821; РИНЦ AuthorID: 178190.

Берзин Дмитрий Викторович, к.физ.-мат.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: berzin@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7010-0726; РИНЦ AuthorID: 274028.

Точилкина Татьяна Евгеньевна, к.тех.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ttoch@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5729-3826; РИНЦ AuthorID: 541594.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-96-110

ANALYSIS OF THE ECOLOGICAL VULNERABILITY OF THE KRASNODAR KRAI POPULATION USING A MULTIFACTOR DEMOGRAPHIC MODEL

Viacheslav A. Lipatov*, Aleksey A. Solomakhin,
Dmitry V. Berzin, Tatiana E. Tochilkina

Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prosp., Moscow, Russia, 125167)

*E-mail: viacheslav.lipatov@fulbrightmail.org

For citation:

Lipatov V. A., Solomakhin A. A., Berzin D. V., Tochilkina T. E. Analysis of the ecological vulnerability of the Krasnodar Krai population using a multifactor demographic model. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 96-110. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-96-110 (in Russ.)

Abstract. *In a global context, the complex concept of disaster risk, vulnerability and risk has changed over the past twenty years. However, its methods and models are being developed at different levels in foreign countries and Russia. In this article, the authors examine current issues related to assessing the environmental vulnerability of Russians during river floods in the South. An example of ten model subjects from Krasnodar Krai located in the Kuban River basin is used to test the Multifactor Demographic Environmental Vulnerability Model. Vulnerability assessment algorithm consists of three interconnected blocks: variable selection and calculation; developing a ranking matrix for obtained quantitative indicators, calculated individually for each model subject (municipality) using a unified methodology and creating a cartographic spatial model ranking the environmental vulnerability of the model subjects. The QGIS geographic information system was used to create a cartographic model of the spatial distribution of vulnerable population groups. There are two factors in the model: demographics (including persons aged 0 to 19 years and those aged 65 and older, and persons with disabilities, i.e., the proportion of disabled individuals, type of residential premises occupied and household composition, and lack of familiarity with the location of residence) and socioeconomics (low-income groups, dependents, telecommunications, and level of education). Areas (Armavir and Krasnodar municipalities, Krymsk and Ust-Labinsk rayons) and populations (elderly, individuals with disabilities, and one-person households in an individual house, and households in an individual house) that are most vulnerable were identified. The results obtained may contribute to improving the efficiency of management decisions at the county level taken by emergency management authorities, demographic policy, spatial planning and urban development, health, and social protection, to reduce the risk of disasters from floods.*

Keywords: *quality of life, environmental risk, riverine floods, Krasnodar Krai, geoinformation mapping, economic and demographic model, health and social care issues.*

References and Internet sources

1. Osipov V. I. *Biosphere and Environmental Safety*. Springer International Publishing AG. 2019. 53 p. DOI: 10.1007/978-3-319-91259-2
2. Vorobyov Yu. L., Akimov V. A., Sokolov Yu. I. Katastraficheskie navodneniya nachala XXI veka. Uroki i vyvody [Catastrophic Floods of the Early 21st Century. Conclusions and Lessons]. Moscow. DEKS-PRESS. 2003. 352 p. (in Russ.)
3. Atlas prirodnyh i tekhnogennyh opasnostej i riskov chrezvychajnyh situacij. Rossijskaya Federaciya. Yuzhnyj federal'nyj okrug [Atlas of Natural and Man-Made hazards and Risks of Emergency Situations in the Russian Federation]. Ed. S. K. Shoygu. Moscow. Dizajn. Informaciya. Kartografiya [Design. Information. Cartography]. 2007. 384 p. (in Russ.)
4. Gordin I. V., Ryumina E. V. Zastrojka poberezhij: socio-ekologo-ekonomicheskaya specifika [Development of coasts: socio-ecologic-economic specifics]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 4. P. 50–60. DOI: 10.19181/population.2020.23.4.5 (in Russ.)
5. Potravnaya E. V. Gendernye osobennosti vospriyatiya ekologicheskikh problem korennyimi narodami Severa Rossii [Gender-specific perceptions of environmental problems by the indigenous peoples of the North of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 73–84. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.7 (in Russ.)
6. Budilova E. V., Lagutin M. B., Migranova L. A. Vliyanie demograficheskikh i social'no-ekonomicheskikh faktorov na populyacionnoe zdorov'e naseleniya [Impact of the demographic and socio-economic factors on the population health]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. Vol. 22. No. 3. P. 80–92. DOI: 10.19181/1561-7785-2019-00028 (in Russ.)
7. Borodina T. L. Mesto prigranichnyh regionov v tipologii regional'noj dinamiki naseleniya Rossii v postsovet'skij period [The place of border regions in the typology of regional population dynamics in Russia in the post-Soviet period]. *Sbornik materialov po itogam XXXII ezhegodnoj sessii ekonomiko-geograficheskoy sekcii MARS [Proceedings of XXXII Annual Session of the Economic-Geographical Section of the International Academy of Regional Development and Cooperation (MARS)]*. Pskov, June 2015]. Ed. V. Streletsky. Moscow. Eslan. 2016. P. 52–65. (in Russ.)
8. Kostianaia E. A., Kostianoy A. G. Regional climate change impact on coastal tourism: A case study for the Black Sea Coast of Russia. [Hydrology]. 2021. Vol. 8. No. 3. Available at: <https://www.mdpi.com/journal/hydrology> (Accessed: 1 October 2023). DOI: 10.3390/hydrology8030133
9. Mavlyanova N. G., Lipatov V. A., Yuldashev O. R. Transboundary problems of overcoming natural disasters for international regional organizations in the Eurasian Region. [Studies on Russian Economic Development]. 2018. Vol. 29. No. 3. P. 322–328. DOI: 10.1134/S1075700718030097 (in Russ.)
10. Lipatov V., Mavlyanova N., Tiefenbacher J. Flood hazards, social vulnerability and societal risks in Russia. *Environment, Development and Sustainability*. 2023. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10668-023-03410-x> (Accessed: 1 October 2023). DOI: 10.1007/s10668-023-03410-x
11. Prohaska T. R., Peters K. E. Impact of natural disasters on health outcomes and cancer among older adults. *The Gerontologist*. 2019. Vol. 59. No. S1. June 2019. P. 50–S56. DOI: 10.1093/geront/gnz018
12. Stough L. M., Kelman I. People with disabilities and disasters. *Handbook of Disaster Research*. Springer. 2017. P. 225–242. DOI: 10.1007/978-3-319-63254-4_12
13. Revich B. A. Ekologicheskie prioritety i zdorov'e: social'no uyazvimye territorii i gruppy naseleniya [Environmental priorities and public health: socially vulnerable territories and population groups]. *Ekologiya cheloveka [Human Ecology]*. 2010. Vol. 7. P. 3–9. (in Russ.)
14. Ha H., Bui, Q. D., Nguyen H. D., Pham B. T., Lai T. D., Luu C. A practical approach to flood hazard, vulnerability, and risk assessing and mapping for Quang Binh province, Vietnam. *Environment, Development and Sustainability*. 2023. Vol. 25. P. 1101–1130. DOI: 10.1007/s10668-021-02041-4
15. Kostyuchenko Y. V., Movchan D., Kopachevsky I., Bilous. Y. Robust algorithm of multi-source data analysis for evaluation of social vulnerability in risk assessment tasks. *SAI Intelligent Systems Conference (IntelliSys)*. London. 2015. P. 944–949. DOI: 10.1109/IntelliSys.2015.7361256
16. Nakamura R., Kawasaki A. Quantitative evaluation of flood control measures and educational support to reduce disaster vulnerability of the poor based on household-level savings estimates. *Economics of Disasters and Climate Change*. 2022. Vol. 6. P. 355–371. DOI: 10.1007/s41885-022-00112-y

17. Ragozin A. L. Socialnaya i ekologicheskaya uyazvimost [Social and environmental vulnerability]. Prirodnye opasnosti Rossii. Tom 6. Ocenka i upravlenie prirodnyimi riskami [Russia's Natural Hazards. Volume 6. Natural Risk Assessment and Management]. Ed. A. L. Ragozin. Moscow. KRUK. 2003. P. 118–120. (in Russ.)
18. Porfiriev B. N. Ekonomika prirodnykh katastrof [The economy of natural disasters]. Mir novoy ekonomiki [The World of New Economy]. 2015. Vol. 4. P. 21–40. (in Russ.)
19. Zemtsov S., Krylenko I., Yumina N. Socialno-ekonomicheskaya ocenka riska navodnenij v pribrezhnykh zonah Azovo-Chernomorskogo poberezhya Krasnodarskogo kraja [Socio-economic assessment of flood risk in coastal zones of the Azov-Black Sea coast of Krasnodar Krai]. Sbornik materialov po itogam seminarov «Prirodnye i socialnye riski v beregovoj zone Chernogo i Azovskogo morej [Proceedings of the seminar «Natural and Social Risks in the Coastal Zone of the Black and Azov Seas». Moscow, 16–19 June 2012]. Eds. K. Koltermann, S. Dobrolyubova, N. Alekseevsky. Moscow. [Triumph]. 2012. P. 86–96. (in Russ.)
20. Padalko Yu. Socialno-ekonomicheskaya uyazvimost naseleniya i hozyajstva regionov rossijskoj chasti bassejna r. Ural ot navodnenij [The socio-economic vulnerability of the Russian part of the Ural river basin to floods]. Uspehi sovremennogo estestvoznaniya [Advances in Current Natural Sciences]. 2016. No. 12–2. P. 439–443. (in Russ.)
21. *Climate Change Impact on Public Health in the Russian Arctic*. Ed. B. Revich. Moscow. United Nations Office in the Russian Federation. 2008. 25 p.
22. Burton C., Rufat S., Tate E. Social vulnerability: Conceptual foundations and geospatial modeling. *Vulnerability and Resilience to Natural Hazards*. Eds. S. Fuchs, T. Thaler. Cambridge, UK. Cambridge University Press. 2018. P. 53–81.
23. Katic K. Developing Croatia-specific methodology for assessing social vulnerability. In: K. Katic. *Understanding Risk Forum 2016*. Venice, 18 May 2016. Available at: <https://understandrisk.org/wp-content/uploads/Comparable-social-vulnerability-profiling-Case-study-Croatia.pdf> (Accessed: 17 April 2024).
24. Lehnert E. A., Wilt G., Flanagan B., Hallisey E. Spatial exploration of the CDC's Social Vulnerability Index and heat-related health outcomes in Georgia. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 2020. Vol. 46. DOI: 10.1016/j.ijdr.2020.101517

Information about authors:

Lipatov Viacheslav Anatolievich, Candidate of Political Science, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: viacheslav.lipatov@fulbrightmail.org; ORCID: 0000-0003-2717-2833; Elibrary AuthorID: 619308.

Solomakhin Aleksey Aleksandrovich, Candidate of Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: AASolomakhin@fa.ru; ORCID: 0009-0009-6150-8821; Elibrary AuthorID: 178190.

Berzin Dmitry Viktorovich, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: berzin@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7010-0726; Elibrary AuthorID: 274028.

Tochilkina Tatiana Evgenievna, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ttoch@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5729-3826; Elibrary AuthorID: 541594.

Статья поступила в редакцию 07.10.2023, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-111-124
EDN: PEYBVC

РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ТЕНДЕНЦИИ, ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Рыбаковский Л. Л., Фадеева Т. А.*

*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1)*

**E-mail: fadeevatoma@gmail.com*

Для цитирования:

Рыбаковский Л. Л., Фадеева Т. А. Рождаемость населения регионов России в конце XX – начале XXI вв.: тенденции, особенности и последствия // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 111-124. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-111-124; EDN: PEYBVC

Аннотация. Развал СССР и трансформации многих сфер социально-экономической жизни в той или иной мере повлияли на демографические процессы в России. Но, в отличие от миграции и смертности, на уровень и динамику рождаемости значительно повлияли и чисто демографические факторы — две демографические волны, возникшие вследствие спада рождаемости в 1942–1944 гг. и в результате проведения активной демографической политики в 1980-е годы. В 1990-е гг. произошло существенное сокращение основных параметров, определяющих и абсолютные, и относительные показатели рождаемости, а также повозрастные показатели рождаемости, что и стало основными причинами сокращения рождаемости в 1990-е годы. В статье показано, что сокращение суммарных коэффициентов рождаемости (СКР) происходило с разной интенсивностью в разных регионах России. Анализ изменений показывает, что чем значительнее была величина СКР в 1990 г., тем больше она сократилась к концу 1990-х годов. И наоборот, чем меньше были показатели в регионах, тем незначительнее изменились их величины. Установлено, что если в 1990 г. в 3/4 всех регионов страны СКР превышали величину 1,8, то к 1999 г. в результате повсеместного сокращения, их основная масса переместилась к минимальным значениям. Дан детальный анализ региональной структуры СКР, показаны сокращение показателей в 1990-е гг. и увеличение в начале XXI в., взаимосвязи уровней СКР с размерами сокращения или увеличения. В регионах центральной части России произошло относительно большее, чем в среднем по стране, сокращение СКР. Это сказалось на числах рождений в регионах коренной России, сократилась их доля в населении России. Другим отрицательным явлением было сокращение СКР в восточных районах страны, особенно на Дальнем Востоке, что также отразилось на национальных интересах России.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая волна, суммарный коэффициент рождаемости, смертность, повозрастные показатели рождаемости, демографическая политика.

Детерминанты нисходящей динамики рождаемости населения России в 1990-е годы

В 1991 г. произошёл развал Советского Союза. С этого времени, по крайней мере, десятилетие происходила замена социально-экономического уклада, хозяйственных и иных форм общественного развития советского общества на противоположный по характеру экономического базиса капиталистический уклад. Вместе с заменой общенародной собственности на средства производства и трансформацией других сфер социальной жизни сформировался капиталистический общественный строй и вместе с ним в той или иной мере коммерциализировались функционирование государственного здравоохранения и высшего образования, обеспечение населения жильём и многое другое.

Не осталась в стороне и демографическая сфера. Вслед за преобразованием миграционных процессов, главным в которых явилась замена межреспубликанских перемещений международными и увеличение в них этнической составляющей, то есть на первом этапе масштабным притоком в Россию русских и других её титульных народов из бывших советских республик, а теперь государств, входящих в новое зарубежье, наступили радикальные изменения и в других демографических областях, в частности в смертности и рождаемости. У произошедшего в начале 1990-х гг. резкого увеличения смертности (в 1994 г. число умерших по сравнению с 1990 г. увеличилось на 580 тыс. человек или на 26%) практически была одна причина, а именно крушение социалистического общественного уклада и его болезненная для многих групп населения замена капиталистическим укладом [1, с. 5]. Все это на первых порах сопровождалось кризисом в экономике, падением объёмов производства и уровня жизни населения, ростом масштабов формально признанной безработицы, ломкой и перестройкой институтов социального обслуживания населения и так далее. К примеру, численность полностью безработных в Рос-

сии в 1991 г. составила 61,9 тыс. человек, в 1993 г. — 835,6 тыс., а в 2005 г. достигла 1830 тыс., причём большую часть (1200 тыс. или 2/3) составили женщины¹. Вместе с ростом безработицы шло и падение уровня жизни населения, что было связано и с сокращением занятости населения, и снижением производства продовольственных товаров. Последнее во многом определялось сокращением объёмов животноводства. Только за один 1993 г. количество крупного рогатого скота уменьшилось на 9%, свиней — на 16%, овец и коз — на 15%². В целом официальный уровень бедности в самом провальном по уровню смертности 1994 г. (1–2 кварталы) составил 25%³. На росте чисел умерших и соответственно сокращении ожидаемой продолжительности жизни сказались ухудшение всех условий жизни. Некоторой частью граждан России все это воспринималось как полная безысходность (прямой путь к суициду)⁴. В начале 1990-х гг. также небывалых масштабов и остроты достигла криминальная ситуация в стране.

Происходившие преобразования в стране отразились не только на экономике и социальной сфере, но затронули семейную и духовную жизнь россиян, что в той или иной мере повлияло на репродуктивные контингенты, численность и структуру возрастных групп, показатели рождаемости. Однако, в отличие от трансформации миграций, обусловленной, главным образом, развалом общей страны СССР, и от роста смертности, масштабы которой детерминировались преимущественно заменой старых социально-экономических условий новыми, ещё не созревшими и не осознанными гражданами страны как становящимися в их жизни столь же постоянными, как и исчезнувшие советские формы жизни, на уровень и динамику рождаемости зна-

¹ Демографический ежегодник Российской Федерации 1993. Стат. сб. — Москва: Госкомстат России, 1994. — С. 70, 115.

² Российский статистический ежегодник 1994. Стат. сб. — Москва: Госкомстат России, 1994. — С. 772.

³ Российский статистический ежегодник 1994. Стат. сб. — Москва: Госкомстат России, 1994. — С. 761.

⁴ Там же. С. 50.

чительно повлияли и чисто демографические факторы. Речь идёт прежде всего о тех колебаниях в динамике рождаемости, которые были вызваны двумя демографическими волнами: одной (впадины), возникшей вследствие резкого спада рождаемости в 1942–1944 гг., а второй (теперь уже гребень) — в результате проведения активной демографической политики в 1980-е годы.

Показатели рождаемости населения регионов России и их сокращение в 1990-е годы

В 1990-е гг. произошло одинаковое сокращение основных параметров, определяющих и абсолютные, и относительные показатели рождаемости (табл. 1).

В 1999 г. число родившихся у всех женщин относительно последнего советского года (1990 г.) уменьшилось до 61,1%. На такую же величину сократилась и число родившихся у женщин в возрасте 20–34 года, и СКР (61,2%). Такое уменьшение чисел родившихся и СКР в разные части 1990-х годов не было одинаковым: в большей мере снижение указанных показателей приходилось на первые три года постсоветского периода. Так в течение 1991–1993 гг. число родившихся уменьшилось почти на 610 тыс., что из 774,2 тыс., приходящихся на 1991–1999 гг. составляет 78,8%. Остальное сокращение (21,2%) относится к шести последующим годам (1994–1999 гг.). К тому же в эти годы дважды сокращение рождаемости прерывалось его небольшим ростом

Таблица 1
Основные показатели рождаемости населения России в 1990–1999 годах

Table 1

Main indicators of the birth rate of the Russian population in 1990–1999

Год	Все родившиеся, тыс. человек	В том числе в возрастных группах (лет), тыс. человек				Рождаемость в возрастных группах (лет), на 1000 женщин			СКР
		20–24	25–29	30–34	20–34	20–24	25–29	30–34	
1990	1988,9	727,6	537,3	309,6	1574,5	156,5	93,1	48,2	1,892
1991	1794,6	675,9	451,6	268,4	1395,9	145,9	82,7	41,5	1,732
1992	1587,6	622,2	373,9	224,2	1220,3	132,9	72,4	34,9	1,547
1993	1379,0	560,9	309,2	180,1	1050,2	119,1	63,7	28,8	1,369
1994	1408,2	577,7	313,1	177,9	1068,7	119,4	66,8	29,4	1,394
1995	1363,8	561,8	309,4	171,1	1042,3	112,7	66,5	29,5	1,337
1996	1304,6	537,9	306,1	165,2	1009,2	105,5	65,5	30,1	1,270
1997	1259,9	507,8	308,6	162,4	978,8	98,0	64,8	31,2	1,218
1998	1283,3	515,1	324,9	164,2	1004,2	98,1	66,7	33,1	1,232
1999	1214,7	488,9	317,8	154,6	961,3	91,8	63,7	32,2	1,157

Источники: Демографический ежегодник России 2008. Стат. сборник. — Москва: Росстат, 2008. — С. 69; Демографический ежегодник России 2013. Стат. сборник. — Москва: Росстат, 2013. — С. 134, 144.

(1994 и 1998 гг.). Примерно такая же картина наблюдалась и с динамикой СКР: за три первых года величина этого показателя уменьшилась на 0,523, а остальное сокращение составило 0,212 (71,2% и 28,8%), причём в те же 1994 и 1998 гг. этот показатель возрастал.

На изменение повозрастных показателей рождаемости, относящимся к женщи-

нам, составляющим возрастные группы 20–24, 25–29 и 30–34 года, от которых зависит основная часть СКР, повлияли два фактора: реальное изменение уровней рождаемости в этих возрастах, а также вовлечение в репродуктивный процесс меньшего числа лиц, составляющих эти возрастные группы. До этого женщины указанных трёх возрастных групп были наиболее продуктивными.

На их вместе взятую долю в 1990 г. приходилось 79,2% всех рождений, в 1995 г. — 76,4% и в 1999 г. — 79,1%. Вместе с тем, внутри общей группы их доли не оставались постоянными. Так, если в 1995 г. доля возрастной группы 20–24 года в общем числе лиц в возрасте 20–34 года составляла 53,9%, то в 1999 г. она сократилась до 50,8%, а доля группы в 25–29 лет, наоборот, увеличилась с 29,7% до 33,1%. В том же 1999 г. показатель рождаемости возрастной группы 20–24 года превышал аналогичный группы 25–29 лет на 44%. Изменение соотношений между уровнями рождаемости этих возрастных групп и их численностями в 1990-е гг., сокращение тех и других в это десятилетие (в 1999 г. значение показателя в группе 20–24 года — 63% к уровню 1989 г., в группе 25–29 лет — 69% и в группе 30–34 года — 59%) отрицательно сказалось на общих числах рождений, негативная динамика которых, как уже отмечалось, продолжалась вплоть до 1999 года.

Очевидно, что такая динамика чисел рожавшихся, не только «заслуга» сокращения повозрастных показателей, но и следствие того, что в 1999 г. по сравнению с 1990 г. численность женщин в возрасте 20–34 года суммарно уменьшилась на 613 тыс. человек. К тому же из числа женщин наиболее активного репродуктивного возраста значительная часть в силу разных обстоятельств временно исключила себя из воспроизводственного процесса. Речь идёт, прежде всего, о «челноках». Как уже говорилось, в 1990-е гг. резко ухудшилась экономическая ситуация в стране, что породило отсутствие рабочих мест для сотен тысяч граждан с разным социальным статусом. Вместе с этим появилась возможность заниматься легальным предпринимательством в условиях громадного дефицита товаров широкого потребления и в целом низкого уровня жизни не только безработного, но и занятого населения. Все это способствовало вовлечению широких слоёв граждан сравнительно молодых возрастов в массовую торговлю ширпотребом. По разным оценкам, не менее 10 млн человек занимались этим так называемым «челночным» бизнесом, кото-

рый осуществлялся путём оптовых закупок вещей за рубежом с целью их последующей реализации в России. Товары везли во многие регионы страны (например, из Польши в Калининградскую область). В Москве начали расти оптовые рынки, в их числе «Лужники», «Измайловский» и многие другие. Лишь постепенное повышение уровня жизни населения, происходившее с конца 1990-х гг., а также насыщение рынка потребительскими товарами со стороны крупного и среднего бизнеса, привело к затуханию этой индивидуальной деятельности.

В эти же годы в России стал сокращаться участвующий в воспроизводственном процессе контингент в связи с выездом молодых женщин на заработки за границу. Согласно данным С.В. Рязанцева, в 1990-е гг. только в Западной Европе занимались проституцией свыше 0,5 млн женщин, выехавших из государств, возникших на постсоветском пространстве [2]. Очевидно, что доля России в их числе была не самая низкая. По грубым прикидкам, этим «бизнесом» было занято примерно 3–4% численности российских женщин, находившихся в возрасте 18–24 года. Сюда же надо добавить выезд женщин за рубеж в связи с выходом замуж за иностранцев. Следует добавить, что размах проституции не обошёл и Россию, что также исключало часть (десятки если не сотни тысяч) женщин репродуктивного возраста из процесса воспроизводства населения. Словом, повозрастные показатели рождаемости в 1990-е гг. зависели не только от репродуктивной активности женщин, притом в возрастных группах моложе 30 лет, но и от того, что часть женщин этих групп, включалась в расчёты повозрастной рождаемости, реально в ней не участвуя.

Резюмируя происшедшее в 1990-е гг. сокращение рождаемости, повторим его основные величины, которые были в 1990 г. и стали в 1999 г., а также различия между этими величинами. Число рождений, составлявшее в 1990 г. 1988,9 тыс. человек, в 1999 г. составило 1214,7 тыс., то есть стало меньше на 774,2 тыс. (61,1%), СКР сократился с 1,892 до 1,157 (61,2%), численность

рождений у женщин в возрасте 20–34 года уменьшилась с 1574 тыс. детей до 961 тыс. (61,2%), в том числе в возрасте 20–24 года — 67,2%, 25–29 лет — 59,1% и 30–34 года — 49,9%. В этот период произошло и уменьшение показателей рождаемости в этих возрастных группах: в группе 20–24 года — до 58,7%, в группе 25–29 лет — до 68,4% и в группе 30–34 года — до 73,0%. Такая динамика сказалась на изменении различий в повозрастных показателях рождаемости этих групп. Если величины сокращения рождаемости по трём возрастным группам, происшедшее в 1990-е гг., взвесить на их численности в 1990 г., то окажется, что оно составило в 1999 г. относительно 1990 г. 64,8%. Это показывает, что на причины сокращения чисел родившихся, как и других показателей повлияло снижение повозрастных показателей рождаемости, правда меньшее, чем влияние других факторов. Следовательно, сокращение числа женщин репродуктивного возраста в 1990-е гг. — это следствие демографической волны, возникшей в период 1942–1944 гг., исключение из воспроизводственного процесса большей доли этой возрастной группы, чем это было раньше (в 1980-е гг.), а также снижение значений повозрастных показателей рождаемости [3, с. 60].

Сокращение чисел родившихся, как, собственно, и СКР, что более точно характеризует этот процесс, в 1990-е гг. происходило с разной интенсивностью в регионах России. Регионы в начале 1990-х гг., как, впрочем, и в любое другое время, существенно различались по величине СКР. Минимальные величины приходились на столичные регионы: Санкт-Петербург (1,40), Москву (1,42) и Московскую область (1,44). В свою очередь максимальные величины (2 и более) были у нескольких северокавказских республик. В частности, в республике Дагестан (3,07) и Чечено-Ингушской (2,84), а также в находящихся в Восточной Сибири республиках Тыва (3,22) и Алтай (2,52). В среднем по России этот показатель как уже говорилось, составлял 1,89.

Поскольку для 1990 г. были статистически доступны данные о СКР в 78 субъек-

тах РФ, то, соответственно, можно вычислить их изменение к этому году в таком же числе регионов. Все эти регионы разбиты на 4 группы. Первая — с минимальным сокращением СКР в 1991–1999 гг. (от -0,46 до -0,7) — таких 18. Вторая группа: от -0,71 до -0,75 — их 19. Третья группа: от -0,76 до -0,85 — их 20. И четвёртая группа с максимальными сокращения СКР (-0,86 и сильнее) — таких регионов 21.

К первой группе относится Москва, где СКР в 1999 г. оказался меньше единицы (0,93). К уровню 1990 г. он уменьшился на -0,49. Это же произошло и в Московской области: СКР сократился на -0,46 и оказался равным 0,98. В Ленинградской области этот показатель достиг примерно такой же величины (0,97), но сократился на -0,69. Ещё значительно уменьшился СКР в Санкт-Петербурге (до 0,86). В результате сокращения СКР, его величина в Тульской и Ярославской областях составила 1,0, в Мурманской области она едва превышала 1,06, в Нижегородской и Воронежской областях — 1,09, в Тверской области — 1,13, в Тамбовской и Томской областях — 1,15 и 1,16 и так далее.

Вторая группа также разнообразна по составу, хотя в ней преобладают регионы Центрального федерального округа (ФО) — их 7 (а вместе с Северо-Западным ФО — 9, то есть примерно половина). Остальные 10 относятся к Сибири, Поволжью, Уралу и другим частям России. В эту группу попали и регионы с высокими исходными СКР: республики Саха (Якутия) — 2,46 и Удмуртская — 2,04; Пермский край и Тюменская область вместе с АО — 1,99, Костромская область — 1,93 и Алтайский край — 1,91. Во всех этих субъектах РФ за 1991–1999 гг. исходные СКР сократились на близкие величины от 0,71 до 0,75. На такие же величины произошло сокращение СКР и в тех регионах, где их исходные значения не превышали 1,9. Но для этих регионов оказалось достаточным сокращение СКР на 0,71–0,75, чтобы у их части этот показатель в 1999 г. оказался ниже 1,1. Так, в областях Пензенской, Орловской и Рязанской СКР в 1999 г. составлял по 1,09; Владимирской обла-

сти — 1,07, Ростовской области — 1,06, Калужской области — 1,05, Самарской области — 1,02, а в Ивановской области — даже 0,99. В остальных регионах этой группы СКР стал ниже 1,2. Столь низкие показатели оказались во всех семи регионах Центрального ФО.

В третью группу попали 10 регионов, в которых в 1990 г. СКР составляли 2 и более. Среди этих регионов 3 республики Северного Кавказа, 3 — Поволжья, и одна — Сибири. Кроме того, сюда входят 4 области, по одной из четырёх ФО (Северо-Западного, Южного, Приволжского и Уральского). Наименьшие потери от сокращения СКР понесли республики Алтай (СКР уменьшился на -0,78 и в 1999 г. составил 1,74), Башкортостан (сократился на -0,76 и стал 1,42), Северная Осетия-Алания (-0,8 и 1,43), а также Татарстан (-0,76 и 1,29). В остальных республиках и двух областях СКР сократился на 0,8 и более, опустившись ниже 1,22. Исключения составили только Курганская и Астраханская области, где хотя СКР и сократился на -0,8 и на -0,83, но сохранил свою величину в первом случае в 1,35 и во втором — в 1,30. Во всех остальных регионах этой группы, а это представители Северо-Западного ФО (Новгородская и Калининградская области), Южного ФО (Волгоградская область), Приволжского ФО (Республика Мордовия, области Ульяновская и Саратовская), Сибирского ФО (области Новосибирская и Кемеровская), а также Центрального ФО (области Белгородская и Смоленская) СКР в 1990-е гг. сократился до 1,07–1,15, причём в Смоленской области — даже до 0,99. Регионы этой третьей группы, если не брать во внимание те из них, у которых в 1990 г. СКР были выше 2, оказались в таком же плачевном положении, как и две предыдущие группы.

Четвёртая группа, несмотря на сравнительно значительное сокращение СКР во входящих в неё регионах, сохранила своё более благополучное положение по сравнению с регионами, входящими в другие группы. В 1990 г. среди входящих в эту группу регионов в 18 СКР составлял величину 2 и выше, и ещё в трёх этот показатель был

1,97–1,99. Самые высокие значения СКР были в республиках Тыва — 3,22 (в 1991–1999 гг. он сократился на -1,36), Дагестан — 3,07 (сократился на -1,2), Калмыкия — 2,66 (-1,04), Бурятия — 2,49 (-1,03), Кабардино-Балкарская — 2,45 (-1,16), Хакасия — 2,27 (-1,02), а также в Еврейской АО — 2,4 (-1,17). В остальных, начиная с Забайкальского края, СКР у которого был 2,48 и заканчивая Сахалинской областью (2,0) этот показатель уменьшился менее, чем на единицу. На такие же величины сократились СКР в Хабаровском и Приморском краях, а также Омской области, где эти показатели в 1990 г. составляли 1,99; 1,97 и 1,98. Четвёртая группа, включает также три республики Северного Кавказа, две — Поволжья, 3 — Сибири, а также три региона Дальнего Востока, 2 — Сибири и по одному Центрального, Северо-Западного, Уральского, Южного и Северо-Кавказского ФО. В результате сокращения СКР, их величины в семи из указанных регионов, стали меньше, чем 1,25.

Анализ распределённых по четырём группам регионов России в зависимости от происшедших в 1991–1999 гг. изменений к исходному уровню их СКР, позволяет сделать ряд важных выводов. Первый из них в том, что чем значительнее была величина СКР в 1990 г., тем в большей мере она сократилась к концу 1990-х годов. В свою очередь, чем меньше были эти показатели, тем незначительнее изменились их величины. Напомним, что самая большая величина СКР была в Республике Тыва (3,22) и ей же досталось наибольшее его сокращение (1,36), тогда как наименьшие значения этих показателей и их уменьшение пришлось на Москву (1,42 и -0,49) и Московскую область (1,44 и -0,46).

Второй вывод состоит в том, что в 1991 г., с которым ведутся сравнения, у 3/4 всех регионов СКР превышали величину в 1,8. В частности, СКР равный 1,81–1,9 был в 17-ти регионах, 1,91–2,0 — в 14-ти и 2,01 и выше — в 27-ми (включая СКР, превышающие отметку 3 — таких 2 региона). В то же время регионов с величинами СКР, меньшими 1,7, было всего 10. В 1999 г. в результате повсеместного сокращения СКР, их ос-

новная масса переместилась ближе к минимальным значениям. Тех регионов, где СКР были меньше 1,3, стало свыше 4/5. Кроме того, один регион имел СКР равный 1,62 (Республика Калмыкия), два — имели 1,71 (Республика Саха (Якутия)) и 1,74 (Республика Алтай), а также у двух регионов этот показатель составлял 1,86 и 1,87 (соответственно в республиках Хакасия и Дагестан. В 1999 г. не было вообще показателей больших не только 2,0, но даже 1,9. Если в 1991 г. минимальным значением СКР было 1,4, то в 1999 г. у 8 регионов значения не превышали единицу. Наименьшие размеры сокращения СКР пришлось на регионы, где этот показатель был на наиболее низком уровне. Так, в Москве СКР сократился на 0,31 (был 1,24); в Санкт-Петербурге — на 0,37 (1,23), в Томской области — на 0,26 (1,42), в Мурманской области — на 0,37 (1,43), в Ярославской области — на 0,48 (1,48). Два региона в результате сокращения СКР оказались в худшем положении. Это Ивановская область, у которой СКР составляла 1,55, сократился на 0,56, что опустило его в 1999 г. на уровень 0,99. То же произошло и со Смоленской областью — здесь СКР в 1991 г. был

1,64, то есть, как и в других регионах группы, но сократившись на 0,65, стал, также как и в Ивановской области, 0,99.

Региональная динамика рождаемости в России в первые годы XXI века

До распада СССР Россия была в полосе сравнительного демографического благополучия. Ещё в 1990 г. СКР более 2-х вместе с равными 1,91–1,99 составляли $\frac{3}{4}$ всех региональных показателей, при том, что средний по стране был равен 1,892, то есть находился на уровне 1960–1970-х гг. [4, с. 15]. Но наступившее и продолжавшееся девять лет постсоветского времени, названного «лихими девяностыми», неуклонное сокращение чисел родившихся и суммарных коэффициентов рождаемости по всей территории России, привели к демографическому кризису. Лишь с наступлением нового века ситуация в сфере рождаемости стала постепенно улучшаться. 1999 г. оказался последним годом процесса катастрофического сокращения рождаемости в России, хотя на эту роль претендовал и 1998 г. (табл. 2).

Таблица 2
Основные показатели рождаемости населения России в 1999–2006 годах

Table 2

Main indicators of the birth rate of the Russian population in 1999–2006

Год	Все родившиеся, тыс. человек	В том числе в возрастных группах (лет), тыс. человек				Рождаемость в возрастных группах (лет), на 1000 женщин			СКР
		20–24	25–29	30–34	20–34	20–24	20–24	25–29	
1999	1214,7	488,9	317,8	154,6	961,3	91,8	63,7	32,2	1,157
2000	1266,8	506,0	343,1	167,2	1016,3	93,6	67,3	35,2	1,195
2001	1311,6	510,8	363,8	181,2	1055,8	93,1	70,2	38,0	1,223
2002	1397,0	535,1	393,9	202,1	1131,1	95,7	75,1	41,7	1,286
2003	1477,3	546,8	415,2	217,7	1179,7	95,1	78,3	44,1	1,319
2004	1502,5	557,8	434,1	232,4	1224,3	93,4	80,2	45,9	1,340
2005	1457,4	529,0	426,6	234,1	1189,7	86,8	77,9	45,5	1,287
2006	1479,6	531,0	434,3	244,4	1209,7	85,8	78,2	46,8	1,296

Источники: Демографический ежегодник России 2008. Стат. сборник. — Москва: Росстат, 2008. — С. 69; Демографический ежегодник России 2013. Стат. сборник. — Москва: Росстат, 2013. — С. 95, 132–133.

За предыдущие 9 лет (1991–1999 гг.) числа родившихся, как и СКР, уменьшились относительно 1990 г. соответственно на 750 тыс. и на 1,157. С 2000 г. начался непрерывный рост показателей рождаемости, обусловленный в существенной мере завершением демографической волны и последствий увеличения повозрастных показателей рождаемости в результате осуществления мер, принятых для этой цели в 1981 году. Этот процесс продолжался вплоть до 2006 г., в который были приняты новые меры стимулирования рождений, начавшие осуществляться с 2007 г. [5]. За прошедшие шесть лет после 1999 г., когда числа родившихся и СКР достигли своего минимума, к 2006 г. они заметно возросли: число родившихся — на 265 тыс. человек и СКР — на 0,139.

Число рождённых в возрастной группе 20–24 года в 2006 г. возросло к уровню 1999 г. до 108,6%, в группе 25–29 лет — до 136,7% и в группе 30–34 года — до 158,1%. За это же время показатели численности женщин в этих группах изменились так: 20–24 года — сократились до 93,5%, 25–29 лет увеличились до 122,8% и группы 30–34 — до 145,3%. В результате вновь произошло заметное уменьшение различий между повозрастными показателями основных трёх групп репродуктивной части населения. В 1999 г. рождаемость в группе 25–29 лет составляла к рождаемости в группе 20–24 года 69,4%, а в 2006 г. — уже 91,1%. В свою очередь рождаемость в группе 30–34 года составляла к уровню показателей в группе 25–29 лет соответственно 52,3% и 59,8%. Сокращение различий в повозрастных показателях, происходящее за счёт более быстрого их роста в группах 25–29 лет и 30–34 года, привело к изменению вклада каждой из этих трёх групп в общую численность рождений. Так, ещё в 1999 г. на долю рождений в возрастной группе в 20–24 года приходилось 50,8%, тогда как на лиц в возрасте 25–29 лет — 33,1% и в возрасте 30–34 годы — 16,1%. За шесть лет (2000–2006 гг.) доля первой группы снизилась до 43,9%, тогда как второй увеличилась до 35,9%, а третьей группы — до 20,2%.

Ещё в 1990-е гг. (в частности, в 1997 г.) численность женщин в возрасте 20–24 года составляла более 1/3 среди женщин в возрасте 20–34 года, и имела к тому же самую высокую повозрастную рождаемость. По сути, эта группа определяла общее число рождений. В начале XXI в. это положение заметно изменилось, потому что теперь возрастная рождаемость в этой группе ненамного отличалась от подобной в группе 25–29 лет (на 9 процентных пунктов (п.п.), тогда как в 1999 г. — почти на 31 п.п.). К тому же доля этой возрастной группы в общем числе женщин в возрасте 20–34 года в 2006 г. осталась почти такой же, какой была раньше (снизилась менее, чем на 1 п.п.). В начале нового столетия это произошло также и с повозрастной рождаемостью в группе 15–19 лет. Численность лиц этой группы увеличилась в 2002 г. относительно 1997 г. примерно на 1,2 млн человек и превысила численность возрастной группы 20–24 года более чем на 600 тыс. Произошедшее падение рождаемости, начавшееся в 1991 г. и продолжавшееся 9 лет, радикально изменило распределение СКР по группам, как и динамику рождаемости в 2000–2006 гг. (табл. 3).

Как уже говорилось, в 1990 г. на долю регионов с СКР, превышающими 1,8, приходилось $\frac{3}{4}$ всех субъектов РФ. В 1999 г. в 65 регионах из учтённых 79, СКР были ниже 1,4. В 8 регионах СКР были ниже единицы, в 17-ти — 1,1 и ещё у 20-ти — 1,2. А регионов с СКР, превышающими не то, что 2, а и больше 1,9, не было вовсе. Регионов с максимальными значениями СКР, находившимися в вилке 1,8–1,9, было всего 2.

Начавшееся с 2000 г. медленное, но неуклонное почти повсеместное увеличение СКР, хотя и не радикально, но заметно изменило распределение этих показателей по группам. В 2006 г. величины СКР в 61 регионе из 83 оставались на уровне 1,4 и ниже. Но в этом году не было уже регионов с СКР около 1 и ниже (за исключением Ленинградской области, где этот показатель был 1,03). Ещё в 17-ти регионах СКР был меньше 1,21. Вообще распределение регионов России с различными значени-

Таблица 3
Динамика распределения регионов России с разными значениями СКР в 1990–2006 годах

Table 3

Dynamics of TFR distribution by main groups in 1990, 1999 and 2006

Группы СКР	Количество регионов, единиц		
	1990 г.	1999 г.	2006 г.
До 1,2 включительно	X	49	19
1,21–1,3	X	16	24
1,31–1,4	1	4	18
1,41–1,6	3	4	12
1,61–1,8	14	4	6
1,81–1,9	17	2	X
1,91–2,0	14	X	1
2,1 и более	29	X	3
Всего регионов	78	79	83

Источники: Демографический ежегодник Российской Федерации 1993. Стат. сб. — Москва: Госкомстат России, 1994. — С. 74–82; Демографический ежегодник России 2002. Стат. сб. — Москва: Росстат, 2002. — С. 61–102.

ями СКР в 2006 г. выглядело так: к группе со значением показателей от 1,0 до 1,1 относился один регион (Ленинградская область), от 1,1 до 1,20 включительно было 17 регионов (среди которых Тульская область — СКР равен 1,1, Санкт-Петербург — 1,11 и т.д.). Вообще в этой группе, оказалось помимо Тульской, ещё 7 регионов Центрального ФО, что вместе с Московской областью составляет половину всех субъектов РФ, входящих в этот федеральный округ. К группе от 1,21 до 1,3 относилось ещё 6 из оставшихся 9-ти регионов Центрального ФО. Большую долю в этой группе составляют также регионы Сибири и Дальнего Востока (их было 6) и регионы Приволжского ФО (их также 6). В группе от 1,31 до 1,4 было также 6 регионов Сибири и Дальнего Востока, 4 региона Поволжья, 2 региона Центрального ФО и так далее. Таким образом, в 2006 г. в группы регионов с наиболее низкими СКР входило 17 из 18 регионов Центрального ФО (18-й — Москва), 12 из 21 региона Сибирского и Дальневосточного ФО, 13 регионов из 14 в Поволжье, а также по несколько — из Северо-Западного, Уральского и Южного ФО.

СКР с наиболее значительными величинами распределялись по группам так:

к группе с СКР 1,61–1,7 относилось 4 региона, причём из числа тех, у которых в 1990 г. этот показатель превышал отметку в 2. Сюда входили республики Дагестан с СКР 1,64 (в 1990 г. был 3,07), Ингушетия — 1,65, Калмыкия — 1,69 (2,66) и Бурятия — 1,7 (2,49). По сути, группу составили регионы, имевшие в 1990 г. наиболее высокие СКР. Регионов с СКР в 1,71–1,8 было два: Республика Саха (Якутия) — 1,73 (в 1990 г. — 2,46) и Ненецкий АО — 1,8 (данные по нему за 1990 г. отсутствуют). В Республике Алтай СКР составлял 1,93 (в 1990 г. — 2,52) и ещё в трёх регионах этот показатель превышал 2: в Республике Тыва — 2,06 (3,22), Чукотском АО — 2,14 (2,09) и Чеченской Республике — 2,77 (в 1990 г. вместе с Республикой Ингушетия — 2,84). Из всех регионов, у которых в 1990 г. СКР превышали отметку 2, лишь Чукотский АО не только вернул утраченную величину, но и превысил её на 0,05. Больше всех потеряла Республика Дагестан — 1,43. Для сравнения, у Республики Тыва, имевшей в 1990 г. самый высокий СКР — 3,22, его величина в 2006 г. была на 1,16 меньше. В 12 регионах СКР были от 1,41 до 1,6. Сюда входили 3 республики Северного Кавказа (Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-

Алания и Кабардино-Балкарская), 6 регионов Сибири и Дальнего Востока (три из них числятся в Уральском ФО — Тюменская область с АО). Таким образом, величины СКР в 2006 г., несмотря на их весьма существенное сокращение в 1991–1999 гг., оказались высокими во всех 6 республиках Северного Кавказа и в четырёх из пяти республик Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, высокие СКР были в некоторых северных регионах (АО Ненецкий, Ханты-Мансийский — Югра (ХМАО), Ямало-Ненецкий и Чукотский).

В отличие от периода с 1991–1999 гг., когда у всех без исключения регионов произошло сокращение СКР, в 2000–2006 гг. прирост этого показателя к 1999 г. был у преобладающего большинства субъектов РФ. В двух регионах (Тамбовской и Курганской областях) в 2006 г. СКР остался на уровне 1999 г. (1,15 и 1,35) и ещё в 5-ти этот показатель в 2000–2006 гг. уменьшился: в республиках Ингушетии (на 0,79), Дагестане (на 0,23), Татарстане (на 0,04) и, на совсем на небольшую величину (0,01) в Башкортостане и в Ставропольском крае. Остальные регионы по величине сокращения СКР распределились так: от 0,01 до 0,1 включительно — 22, от 0,11 до 0,2–35 и от 0,21 до 0,3–16 регионов. Наименьшие величины в первой группе оказались в 8 регионах Поволжья, в 5 регионах ЦФО, в 4 — Сибири и Дальнего Востока и остальные по одному-два — Северо-Западном, Северо-Кавказском и Южном ФО (всего 5). Наиболее низкие показатели сокращения были в Саратовской области и Республике Саха (Якутии) — по 0,02, в Алтайском крае, Томской, Воронежской и Курской областях — по 0,03, Республики Марий Эл — 0,04, а также Республике Мордовия и Брянской области — по 0,05.

Больше всего во второй группе было представителей Сибири и Дальнего Востока, их, вместе с Ямало-Ненецким АО, 13, ещё 9 регионов входят в Центральный ФО. Большое количество регионов было из Северо-Западного ФО (6), а также по несколько из Приволжского, Южного и Уральского ФО (всего 7). В 18 регионах этой группы прирост СКР в 2006 г. относительно 1999 г. был

меньше или равнялся среднему приросту по России, который составил 0,14 (0,139). В остальных 17-ти регионах прирост был больше среднего, в частности, в Новосибирской, Кемеровской и Новгородской он превышал средний на 0,05, а в Республике Тыва — даже на 0,06.

В третью группу входят регионы с наибольшими приростами СКР. В этой группе все приросты СКР в 2006 г. сравнительно сильно превышали средний уровень по России, от 1,5 (Свердловская, Астраханская, Вологодская области, Приморский край) до 2 раз (Кабардино-Балкарская Республика, ХМАО, Ульяновская область). В группе три региона Дальнего Востока, три — Центрального ФО, в том числе Москва и одноименная область, три — Уральского ФО (Свердловская и Тюменская области, а также ХМАО), по две из Северо-Западного (в том числе Санкт-Петербург) и Приволжского ФО, а также по одному региону Сибири, Северного Кавказа и Южного ФО. Отметим, что в группе с наибольшими приростами СКР в 2000–2006 гг. оказались три региона, у которых в 1999 г. эти показатели были самыми низкими (в Санкт-Петербурге величина СКР в 1999 г. составляла 0,86, а в 2006 г. стала 1,11, в Москве соответственно 0,93 и 1,16, в Московской области — 0,98 и 1,19).

Из общего распределения приростов СКР в 2006 г. по сравнению с 1999 г. выпадают два региона: это Республика Ингушетия, у которой вместо прироста была убыль, причём на весьма существенную величину 0,79, а также в Чукотский АО, где прирост составил 0,73 (больше пяти средне-российских приростов). Для Чукотки объяснение простое: к 2006 г. население округа сократилось относительно 1995 г. примерно вдвое, а по отношению к 1990 г. — в 3,2 раза. В 1990 г. на Чукотке проживало 162 тыс., а в 2006 г. — всего 51 тыс. человек, среди них 1/3 составляли чукчи и другие малочисленные народы Севера. За истекшее время свыше 110 тыс. из числа прошлого населения покинули АО. Это сразу увеличило СКР и, соответственно, его прирост к 2006 году.

Заклучение

Анализ региональной структуры СКР, сокращения этих показателей в 1990-е гг., как и их увеличение в начальные годы XXI в., взаимосвязи их уровней с размерами сокращения или увеличения, все это носит исключительно познавательный характер, тогда как «привязка» этих аспектов к географии регионов, составу их населения и другим характеристикам представляет уже большой практический интерес. В частности, различное сокращение величин СКР в группах регионов, сходных геополитическим положением, свидетельствует о результативности демографического развития страны. К сожалению, в 1990-е гг. заметно ухудшилась демографическая ситуация в ряде групп регионов страны. Прежде всего, в регионах центральной части России произошло относительно большее, чем в среднем по стране, сокращение СКР. Это, естественно, сказалось на числе рождений в регионах коренной части России, с которой начиналось формирование единого русского государства. В 1999 г. в двух регионах этой части России СКР стали ниже 1, правда, уже в 2000 г. этот показатель в Смоленской и Ивановской областях был 1,03 и 1,04 и эти два региона, вместе ещё с 10 составили группу из 12 субъектов РФ, у которых СКР не превышал 1,15. Ещё в 5 регионах СКР был 1,16–1,22. Все они вместе являются 17 регионами Центрального ФО. Результатом происшедшего снижения значений СКР стало сокращение доли Центрального ФО (без Москвы и одноименной области) в количестве рождений: в 1991 г. доля 16 регионов Центрального ФО составляла 13,1%, а в 1999 г. — 12,9%. Сократилась и численность населения этих регионов. Численность населения уменьшилась за это время по России на 0,1%, а этих регионов — на 4%. То же произошло и с титульным населением этой части России, то есть с русскими. По России их численность уменьшилась до 96,7% от численности 1990 г., тогда как в этой группе регионов — до 87,5%, и вместо 22,4% как это было до распада СССР, доля русских от всех

русских в стране составила в начале XXI в. 19,6%.

Нечто подобное, хотя и в меньшей степени, произошло и в 2000–2006 гг., когда в России началось увеличение рождаемости. Оно происходило в разной мере по регионам Центрального ФО. В большинстве (в 9 из 16) оно было в меньших размерах, чем в среднем по стране. В частности, в Воронежской и Курской областях прирост составил всего по 0,03, а в Тамбовской области вообще СКР остался на том же уровне. Общим для всех регионов явилось сравнительно небольшое сокращение их доли в общем числе рождений по России. Если в 1999 г. оно составляло 12,9%, то в 2006 г. — 12,2%, то есть меньше всего на 0,7 п.п. Гораздо значительнее сократилась доля этих регионов в общей численности населения страны: в 1999 г. она составляла 15,1%, а в 2006 г. — 14,3%. Фактором таких изменений была, скорее всего, миграционная компонента.

Другое отрицательное для России явление — сокращение СКР в восточных районах, в первую очередь на Дальнем Востоке, в большей мере, чем в среднем по стране. Если в Амурской области, Еврейской АО, а также на Камчатке СКР в 1999 г. был выше, чем в среднем по стране (1,217; 1,209; 1,179), то в остальных регионах Дальнего Востока (без Республики Саха (Якутия)) этот показатель был ниже: в Хабаровском крае — на 0,14 (1,031), в Приморском крае — на 0,088 (1,14), в Магаданской области — на 0,029 (1,23), на Сахалине — на 0,039 (1,21) и на Чукотке — на 0,026 (1,145). В 1999 г. доля Дальнего Востока (без Республики Саха (Якутия)) в числах рождаемости по России в целом по отношению к 1991 г. сократилась с 5% до 4,3%. Общая численность населения Дальнего Востока в 2002 г. составила 88,4% относительно 1989 г., то есть сократилась на 800 тыс. человек, тогда как по стране в целом она уменьшилась всего на 3 п.п. В свою очередь численность русских, проживавших на Дальнем Востоке в 1989 г., сократилась до 82,3% или на 1,1 млн человек. В 2002 г. доля русских Дальнего Востока составила 3,5% всех русских страны, тогда как в 1989 г. она была 5,2%.

Период 2000–2006 гг. стал более благоприятными для Дальнего Востока (за исключением Магаданской и Амурской областей, где прирост СКР был ниже среднего уровня — в обоих регионах по 0,11): в Приморском крае прирост СКР составил 0,21, Хабаровском крае — 0,25, в Сахалинской области — 0,26 и на Чукотке — 0,73. Происшедшее увеличение СКР в начале XXI в., хотя и незначительно, но сказалось на изменении доли Дальнего Востока в численности рождений по России в целом: доля региона с 4,2% в 1999 г. выросла до 4,3% в 2006 году. В то же время удельный вес Дальнего Востока в населении России с 4,1%

в 1999 г. сократился до 3,9% в 2006 году. Здесь, также как и в Центральном ФО, в сокращении численности населения региона участвовала миграция. Только в 2005 г. отрицательное для Дальнего Востока сальдо миграции составило 16,5 тыс. человек. Эти цифры приведены здесь, чтобы показать, что усилия и средства, которые тратились в дореволюционные и советские годы для заселения этого геополитически важнейшего региона России, в 1990-е гг. в значительной мере, и в нулевые годы XXI в. в меньшей степени, были утрачены, что не могло не отразиться на национальных интересах России.

Литература и Интернет-источники

1. **Рыбаковский, Л. Л.** Депопуляция в России, её этапы и их особенности / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 2. — С. 4–17. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-01; EDN: XWETJJ
2. **Рязанцев, С. В.** Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции / С. В. Рязанцев. — Ставрополь, 2001. — 542 с.
3. **Рыбаковский, О. Л.** Рождаемость населения России и демографические волны / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. — 2017. — Т. 20. — № 4. — С. 56–66. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-4-4; EDN: YSLFLE
4. **Рыбаковский, О. Л.** Демографическая динамика регионов России и её компоненты в 1959–2017 гг. / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — № 1. — С. 4–20; DOI: 10.26653/1561-7785-2019-22-1-01; EDN: MPTHVQ
5. **Архангельский, В. Н.** Воспроизводственный потенциал демографического развития России / В. Н. Архангельский, А. Е. Иванова, Т. А. Фадеева ; ред. Л. Л. Рыбаковский. — Москва : Экон-Информ, 2022. — 165 с.

Сведения об авторах:

Рыбаковский Леонид Леонидович, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1284781@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9702-2534; РИНЦ AuthorID: 71691.

Фадеева Тамара Андреевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: fadeevatoma@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9866-5913, РИНЦ AuthorID: 854710

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-111-124

FERTILITY OF THE POPULATION OF RUSSIAN REGIONS IN THE LATE 20TH AND EARLY 21ST CENTURIES: TRENDS, FEATURES AND CONSEQUENCES

Leonid L. Rybakovsky, Tamara A. Fadeeva*

*Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS
(6, bld.1, Fotievoy str., Moscow, Russia, 1119333)*

**E-mail: fadeevatoma@gmail.com*

For citation:

Rybakovsky L. L., Fadeeva T. A. Fertility of the population of Russian regions in the late 20th and early 21st centuries: trends, features and consequences. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 111-124. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-111-124 (in Russ.)

Abstract. *The collapse of the USSR and the transformation of many spheres of socio-economic life in one way or another influenced the demographic processes in Russia. But, unlike migration and mortality, the level and dynamics of fertility were significantly influenced by purely demographic factors — two demographic waves that arose as a result of the decline in fertility in 1942–1944, and as a result of the active demographic policy in the 1980s. In the 1990s there was a significant reduction in the main parameters determining both absolute and relative fertility rates, as well as age-specific fertility rates, which became the main causes of the decline in fertility in the 1990s. The article shows that the reduction of total fertility rates (TFR) was going with different intensity in different regions of Russia. Analysis of the changes shows that the more significant TFR was in 1990, the more it decreased by the end of the 1990s. Conversely, the lower the indicators in regions, the more insignificantly their values changed. It was found that in 1990 3/4 of all regions of the country had TFR values exceeding 1.8, then by 1999, as a result of the widespread reduction, their bulk moved to the minimum values. There is given a detailed analysis of the regional structure of TFR, shown a reduction of the indicators in the 1990s and their increase in the early 21st century, relationship of TFR rates with the size of reduction or increase. In the regions of the central part of Russia, there was a relatively greater reduction in TFR against the national average. This affected the number of births in the regions of indigenous Russia, and their share in the Russian population decreased. Another negative phenomenon was reduction of TFR in the Eastern regions of the country, especially in the Far East, which also could not but affect Russia's national interests.*

Keywords: *fertility, demographic wave, total fertility rate, mortality, age-specific fertility rates, demographic policy.*

References and Internet sources

1. Rybakovsky L. L., Kozhevnikova N. I. Depolyatsiya v Rossii, yeyo etapy i ikh osobennosti [Depopulation in Russia, its stages and specifics]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 4–17. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-01 (in Russ.)
2. Ryazantsev S. V. Vliyaniye migratsii na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Yevropy: sovremennyye tendentsii [The Impact of Migration on the Socio-Economic Development of Europe: Current Trends]. Stavropol. 2001. 542 p. (in Russ.)
3. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Rozhdaemost' naseleniya Rossii i demograficheskiye volny [Fertility in Russia and demographic waves]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017. Vol. 20. No. 4. P. 56–66. (in Russ.)

4. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Demograficheskaya dinamika regionov Rossii i yeyo komponenty v 1959–2017 gg. [Population dynamics of Russian regions and its components in 1959–2017]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. Vol. 22. No. 1. P. 4–20 DOI: 10.26653/1561-7785-2019-22-1-01 (in Russ.)
5. Arkhangelsky V. N., Ivanova A. E., Fadeeva T. A. Vosproizvodstvennyj potentsial demograficheskogo razvitiya Rossii. [*Reproductive Potential of Russia's Demographic Development*]. Moscow. Ekon-Inform. 2022. 165 p. (in Russ.)

Information about the authors:

Rybakovsky Leonid Leonidovich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 1284781@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9702-2534; Elibrary AuthorID: 71691.

Fadeeva Tamara Andreevna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: fadeevatoma@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9866-5913, Elibrary AuthorID: 854710.

Статья поступила в редакцию 29.12.2023, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-125-137
EDN: QOLQJW

РОЖДАЕМОСТЬ В ДВУХ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

Синицына Д. А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(191023, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30–32А)

E-mail: d.sinitzyna@yandex.ru

Для цитирования:

Синицына Д. А. Рождаемость в двух столичных городах России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 125-137. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-125-137; EDN: QOLQJW

Аннотация. В статье проводится сравнение особенностей рождаемости в Москве и Санкт-Петербурге за период с 2007 по 2022 годы. Стартовая точка была выбрана исходя из начала реального действия такой меры демографической политики как «материнский капитал», а конечная — исходя из доступных данных, опубликованных Росстатом. Особое внимание уделено обоснованию выбора объектов исследования. Для получения результатов в данной статье были использованы методы описательной статистики, вариационного анализа, оценки структурных сдвигов, а также применён графический метод. В результате исследования были получены результаты, которые показали ключевые сходства и различия в интенсивности и динамике рождаемости в Москве и Санкт-Петербурге. На примере изменения распространённости зарегистрированных браков подтверждён «эффект возвратности» молодёжи к традиционным ценностям, проявившийся в обоих столичных городах. Результаты данной статьи указывают на большую выраженность повышения среднего возраста матери при рождении первого ребёнка в городах-мегаполисах. Сделанные выводы могут стать основой для разработки стратегий и мероприятий в области планирования семьи, ориентированных на конкретные возрастные группы, с целью содействия ответственному родительству и поддержке благополучия матери и ребёнка. Полученные результаты имеют значение для краткосрочного демографического прогнозирования, планирования здравоохранения и решения социальных проблем, связанных с ростом населения и благополучием в крупных городских центрах.

Ключевые слова: демография, мегаполис, рождаемость, динамика, структурные сдвиги, эффект возвратности.

Введение

В демографическом развитии постсоветской России сохраняются два центра притяжения — Москва и Санкт-Петербург. Туда стекается российская молодёжь, туда стремятся внешние мигранты. Численность населения этих двух столичных городов составляет 13% в численности населения России, а в совокупности с агломерациями, которые включают в себя примерно 70–100-километровые ареалы [1], их доля близка к 1/5 населения России¹. В 1992–1994 г.г. Санкт-Петербург пережил кризисные годы — численность населения опускалась ниже 5 млн человек и сокращалась вследствие, как естественной убыли, так и низкого значения миграционного сальдо в 1990–1995 годах². Снижение численности жителей Санкт-Петербурга продолжалось до 2013 года. В развитии Москвы такого периода не было (численность постоянного населения в 1990 г. составляла 8880 тыс. человек, в 1994 г. — 9066 тыс. человек³). В 2013 г. было достигнуто равновесие процессов естественного роста, а затем и некоторый перевес рождаемости.

Далее рост численности населения Санкт-Петербурга и, особенно, Москвы усиливался. Санкт-Петербург в ноябре 2012 г. вновь стал городом с 5-миллионным населением (в первый раз этот показатель был достигнут в 1989 г.). Причём начиная с 2016 г., когда в России стали проявляться признаки нового демографического кризиса, роль двух крупнейших городов стала ещё более важной, поскольку они «задают тон» для всех крупных городов России. Именно в двух столицах формируются демографические тенденции, которые впоследствии прослеживаются во всем городском населении страны.

Приоритет рождаемости над смертностью, который признан в теории воспроиз-

водства населения, определил цель данной статьи: выявить особенности рождаемости в двух столичных городах, их сходство и различие с общероссийскими тенденциями. Достижение этой цели потребовало решения комплекса задач: выявление специфики структуры населения каждого города, динамики уровня рождаемости, изменений в возрасте матери при рождении первенца и последующих детей, структуры рождений по очерёдности, оценки прочности браков, наконец, влияние притока внешних мигрантов на рождаемость.

Проблема рождаемости в России и её регионах исследовалась многими учёными. В.В. Локозов рассмотрел демографические проблемы рождаемости в контексте комплекса социальных и демографических процессов в статье [2]. Большой вклад в данную проблематику внесла статья Н.М. Римашевской и В.Г. Доброхлеб [3], в которой изучен период действия «материнского капитала» как меры активной демографической политики, а также особое внимание обращено на показатели здоровья населения. С.В. Захаров в работе [4] подошёл к измерению рождаемости с исторических позиций. Этим же автором проведён сравнительный анализ рождаемости с позиций «концепции адаптации мигрантов» в работе [5]. И.И. Елисеева внесла большой вклад в изучение вопросов семьи и брака в книге [6], а также проанализировала особенности рождаемости в Санкт-Петербурге в работе [7] для выявления межрегиональных и межстрановых различий в тенденциях рождаемости. Тематику рождаемости в столичных мегаполисах России в период 1991–2013 г.г. рассматривала Е.И. Кубасова. В опубликованных работах [8–10] сделан вывод о сходстве возрастных коэффициентов рождаемости в Москве и Санкт-Петербурге, но не уделено внимания их различиям и структурным факторам.

К настоящему времени, сравнительный анализ рождаемости в период 2007–2022 г.г. в Москве и Санкт-Петербурге представляет интерес как с позиций формирования общих демографических трендов в России, так и с точки зрения выявления специфики возрастной рождаемости, очерёдности рождений, брачности и разводимости.

¹ Рассчитано по данным: Численность постоянного городского населения на 1 января 2022 года // Росстат: [сайт]. — <https://fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 06.08.2023).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. — Москва: Росстат, 2002. — С. 54, 64.

³ Рассчитано по данным: Численность постоянного населения на 1 января. 1990–1994. // Росстат: [сайт]. — <https://fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 06.08.2023).

Численность населения и материнские когорты Москвы и Санкт-Петербурга как основа числа рождений

Сравнивая показатели темпов прироста численности постоянного населения с 2007 по 2022 гг. в России в целом с городами Мо-

сковой и Санкт-Петербургом, можно отметить, что за этот период численность постоянного городского населения на 1 января увеличилась в Москве на 11,9%, а в Санкт-Петербурге на 13,4%, тогда как в России рост населения с учётом присоединения Крыма составил лишь 4,0% (табл. 1).

Таблица 1
Численность постоянного городского населения России на 1 января 2007 и 2022 годов

Table 1

Permanent urban population of Russia as of January 1, 2007 and 2022

Территория	Численность населения на 1 января, тыс. человек		Относительный прирост, %
	2007	2022*	
Российская Федерация	104731	108896	3,98
Москва	11091	12414	11,93
Санкт-Петербург	4747	5384	13,41

*По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. численность городского населения России составила 110075 тыс. человек, населения Москвы — 13010 тыс. человек, Санкт-Петербурга — 5601 тыс. человек.

Источник: составлено по данным Росстата. — URL: <https://fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения: 06.08.2023).

Также необходимо отметить, что численность населения «столиц» корректировалась за счёт текущей статистики и переписных поправок. За указанный период доля женщин в Москве увеличилась на 0,26 процентных пунктов (п.п.), а в Санкт-Петербурге эта доля сократилась на 0,55 п.п. Изменения незначительны, но являются разнонаправленными. На 2022 г. доля женщин фертильного возраста (15–49 лет) в численности женщин на 1 января составила в Москве и Санкт-Петербурге 44%, что указывает на сходство структуры женщин по возрасту в этих городах⁴.

Материнская когорта состоит из совокупности женщин, у которых в один и тот же период времени произошло определённое демографическое событие — рождение ребёнка, как в зарегистрированном браке, так и вне брака. По данным Росстата за 2022 г. численности материнских когорт в Москве и Санкт-Петербурге составляли 123 тыс.

и 50 тыс. человек, соответственно⁵. Доля материнских когорт в постоянной численности населения каждой столицы, как в Москве, так и в Санкт-Петербурге, близка к 1%. Так что в результате рождений численность постоянного населения за год прирастает почти на 1% как в Москве, так и в Санкт-Петербурге (среднегодовой прирост с начала 2007 г. по начало 2022 г. в Москве составлял 0,76%, в Санкт-Петербурге — 0,84%). Вероятность числа рождений одной женщиной взаимосвязана со средним возрастом матери при рождении детей. С годами наблюдается постепенное увеличение среднего возраста матери при рождении детей без учёта очерёдности в столичных городах. По данным Росстата за 2022 г., средний возраст матери при рождении детей имел близкие значения: 29,9 года в Санкт-Петербурге и 29,7 года в Москве (рис. 1).

Но делая вывод о сходстве тенденций нельзя упускать и различия. В динамике среднего возраста матери в Москве явно выделяется взрывной рост возраста матери

⁴ Рассчитано по данным: Численность постоянного населения — женщины по возрасту на 1 января. 2007–2022 // Росстат: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 06.08.2023).

⁵ Рассчитано по данным: Естественное движение населения Российской Федерации. 2022. Статистический бюллетень. — Москва: Росстат, 2022.

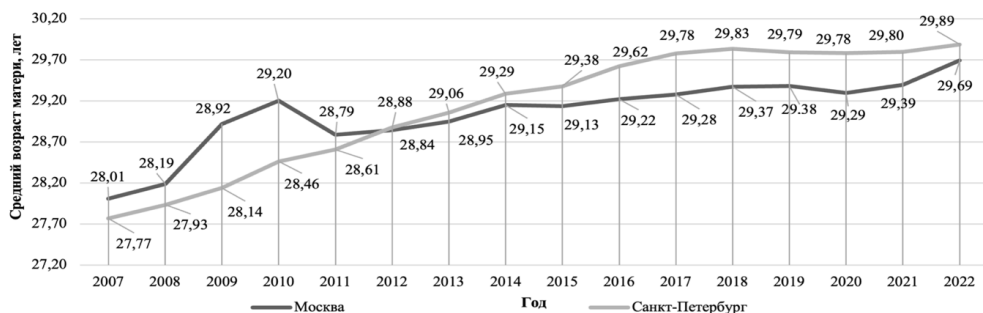

Рис. 1. Изменение среднего возраста матери при рождении ребёнка без учёта очерёдности рождений за 2007–2022 гг. в Москве и Санкт-Петербурге

Fig. 1. Graph of changes in the average age of mother at the birth of child without taking into account birth order from 2007 to 2022 in Moscow and St. Petersburg

Источник: Возрастные коэффициенты рождаемости. 2022 // Росстат: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 06.08.2023).

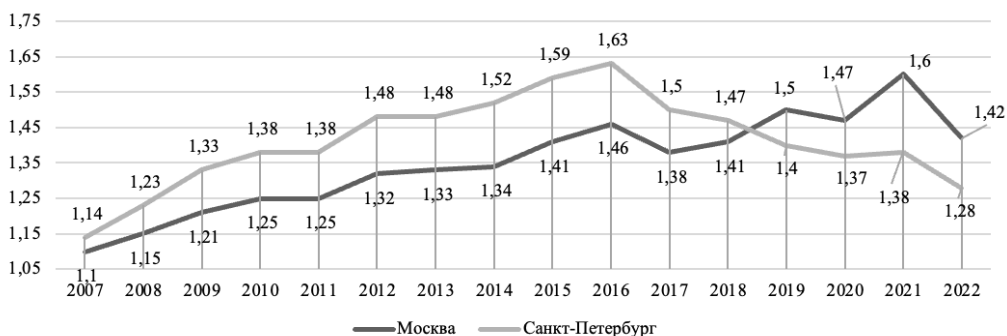

Рис. 2. Суммарный коэффициент рождаемости в 2007–2022 гг. в Москве и Санкт-Петербурге

Fig. 2. Total fertility rate from 2007–2022 in Moscow and St. Petersburg

Источник: Суммарный коэффициент рождаемости 2007–2022 // Росстат: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 09.08.2023).

в 2008–2010 гг. (+1,3 года). Население столицы активно пополнялось как внутренними, так и внешними мигрантами, большую долю которых составляли молодые женщины, не стремящиеся незамедлительно к деторождению. Повышение возраста рождения ребёнка в эти годы сочетается с низкими значениями коэффициента суммарной рождаемости в Москве (рис. 2).

Женщины стали откладывать деторождение: средний возраст матери взлетел на 2 с лишним года (по сравнению с поздним советским периодом, когда средний возраст матери был равен 25 годам) и стал снижаться только к 2011 году. В это время в Санкт-Петербурге также происходило по-

вышение среднего возраста матери при рождении первенца, но этот рост был плавным, с примерно равными годовыми темпами. Женщины Санкт-Петербурга продолжали переносить рождение ребёнка на все более зрелый возраст, тогда как у жительниц Москвы такое последовательное повышение возраста первого материнства началось с более низкого старта. В 2022 г. разрыв в среднем возрасте матери между двумя городами сохранился: в Санкт-Петербурге средний возраст матери на 0,2 года старше, чем в Москве, хотя в обоих городах очевидно происходит замедление повышения возраста рождения первого ребёнка и показатели сближаются. Данные выводы требуют

изучения распределения рождений по очередности и рассмотрения среднего возраста матери при рождении первого, второго,

третьего и более детей в Москве и Санкт-Петербурге по последним доступным данным (табл. 2).

Таблица 2

Показатели статистики рождений по очередности в Москве и Санкт-Петербурге, 2021 год

Table 2

Indicators of birth statistics by order in Moscow and St. Petersburg, 2021

Очередность рождения	Доля в общей численности родившихся, %	Средний возраст матери при рождении ребёнка, лет	Медианный возраст матери, лет	Вариация возраста матери, %	СКО, лет
Москва					
1-й ребёнок	42,2	27,4	29,5	49	13,5
2-й ребёнок	34,3	30,3	31,5	41	12,3
3-й ребёнок	15,0	32,4	33,5	38	12,2
4-й ребёнок	4,2	33,8	26,0	29	9,9
5-й и последующие	1,9	35,2	28,0	27	9,6
Санкт-Петербург					
1-й ребёнок	43,7	27,6	28,5	42	11,7
2-й ребёнок	35,8	30,9	31,5	36	11,2
3-й ребёнок	14,5	32,9	25,0	31	10,1
4-й ребёнок	3,9	34,4	27,0	26	9,1
5-й и последующие	1,5	35,8	29,5	21	7,5

Источник: рассчитано автором по данным: Число родившихся по возрасту матери и очередности — 2021 // Росстат: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 06.08.2023).

Показатель вариации возраста матери с очередностью рождений последовательно снижается в Москве и в ещё большей степени в Санкт-Петербурге. Средний разброс возраста матери при рождении 1-го и 2-го ребёнка составляет 11–12 лет. Причём, для первых двух рождений медианный возраст выше среднего возраста матери, что свидетельствует о наличии «тяжёлых хвостов» в правой части распределений по возрасту матери. Иной характер имеют возрастные распределения матерей, родивших 4-го или 5-го и последующих детей. В этих случаях медианный возраст ниже среднего, то есть многие женщины становятся многодетными матерями до достижения среднего возраста в этой группе матерей: вариация матерей по возрасту рождений 4-х, 5-х и последующих детей самая низкая (ниже 30%).

Распределение рождений по очередности в Санкт-Петербурге показало более высокие доли рождения первых и вторых де-

тей по сравнению с Москвой (рис. 3). Этот паттерн — отсроченное деторождение, учитывая, что средний возраст рождения первого ребёнка составил в Санкт-Петербурге в 2021 г. 27,6 года, а второго ребёнка 30,9 лет. Медианный возраст при рождении первого и второго ребёнка в Санкт-Петербурге составил 28,5 и 31,5 лет, соответственно, что выше возраста аналогичных групп женщин в Москве.

Как и в Санкт-Петербурге, в Москве наблюдается преобладание первенцев среди родившихся (рис. 4). По доступным данным о рождениях по возрасту матери и очередности рождений, доля первенцев в общем числе, родившихся за 2021 г. в Москве, составляла 42,2%, в Санкт-Петербурге — 43,7%, а в целом по России — 35,4%⁶. При этом в Москве нет выраженной тенденции

⁶ Рассчитано по данным: Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения (человек), 2021 год, Москва, Санкт-Петербург // Росстат: [сайт]. — <https://fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 06.08.2023).

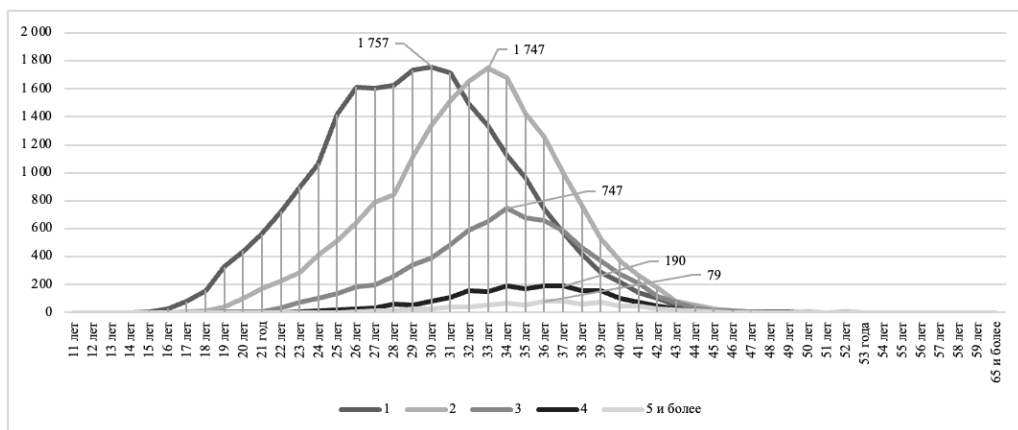

Рис. 3. Распределение родившихся в 2021 г. в Санкт-Петербурге по возрасту матери и очередности рождения

Fig. 3. Distribution of those born in 2021 in St. Petersburg by mother's age and birth order
 Источник: Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения (человек)» 2021 год, Москва, Санкт-Петербург // Росстат: [сайт]. — URL: <https://fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 06.08.2023).

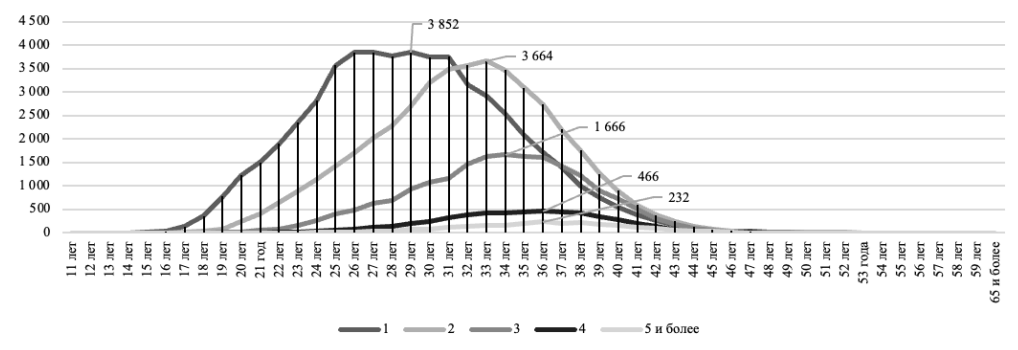

Рис. 4. Распределение родившихся в 2021 г. в Москве по возрасту матери и очередности рождения

Fig. 4. Distribution of those born in 2021 in Moscow by mother's age and birth order
 Источник: Число родившихся по возрасту матери и очередности рождения (человек)» 2021 год, Москва, Санкт-Петербург // Росстат: [сайт]. — URL: <https://fedstat.ru/indicator/59992> (дата обращения: 06.08.2023).

повышения возраста матерей при рождении первого ребёнка: вершина распределения матерей первенцев представляет собой плато с примерно постоянной интенсивностью рождений в возрасте матери от 24 до 32 лет, тогда как в Санкт-Петербурге интенсивность рождений у более молодых женщин уступает растущей интенсивности рождений женщинами более старших возрастов (29–30 лет), что видно на рис. 4.

Важнейшим показателем при изучении воспроизводства населения является суммарный коэффициент рождаемости (СКР), который характеризует среднее число детей, которых родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (15–49 лет) при сохранении в каждом возрасте матерей уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель. В обоих городах чётко вид-

на тенденция к росту СКР в течение 2007–2016 гг., то есть в первую половину изучаемого периода после введения программы «материнского капитала» в России [2]. Далее, в Санкт-Петербурге отмечается снижение СКР, но в Москве тенденция к росту продолжалась вплоть до 2021 г. (рис. 2). В городском населении России СКР имел пик в 2015–2016 гг., а затем стал снижаться, и к 2022 г. составил 1,36 ребёнка на одну женщину⁷. Характерно, что суммарный коэффициент рождаемости в Москве выше

⁷ Суммарный коэффициент рождаемости: 2007–2022 // Росстат: [сайт]. — <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 09.08.2023).

общероссийского значения для городского населения, тогда как в Санкт-Петербурге СКР — ниже.

Рассматривая структуру возрастных коэффициентов рождаемости в 2007 и 2022 гг. в Москве и Санкт-Петербурге (рис. 5), можно отметить сходство в распределении родившихся у матерей разных возрастных групп (в расчёте на 1000 женщин соответствующего возраста). Сравнение распределений подтверждает вывод о большей интенсивности рождений в Санкт-Петербурге женщинами в возрасте 30–34 года, нежели в Москве.

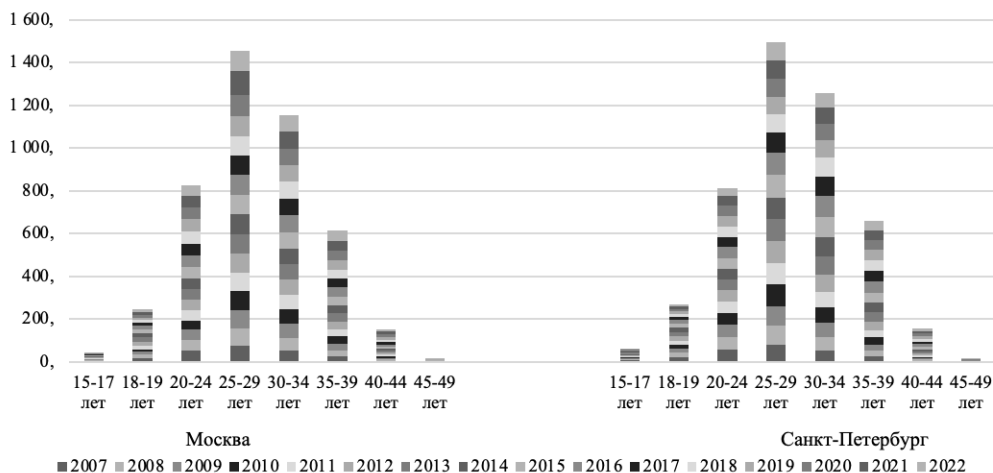

Рис. 5. Динамика возрастных коэффициентов рождаемости в 2007 и 2022 гг. в Москве и Санкт-Петербурге

Fig. 5. Dynamics of the age-specific fertility rate from 2007 to 2022 in Moscow and St. Petersburg
Источник: рассчитано на основе данных возрастных коэффициентов рождаемости 2007–2022 годов // Росстат: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30973> (дата обращения: 09.08.2023).

Для оценки адекватности данного вывода, воспользуемся индексным методом анализа, а именно индексами переменного состава, индексом фиксированного состава и индексом структурных сдвигов за период с 2007 и 2022 гг., рассчитанными для одного и другого города. Индекс переменного состава определяется по формуле (1):

$$I_{\text{ис}} = \frac{\sum F_1 * w_1}{\sum w_1} : \frac{\sum F_0 * w_0}{\sum w_0}, \quad (1)$$

где F — возрастной коэффициент рождаемости; w — доля женщин в составе соответствующей возрастной группы; 1 — отчетный период; 0 — базисный период. Индекс переменного состава показывает изменение рождаемости за счёт одновременного влияния как возрастного коэффициента рождаемости, так и структуры изучаемого явления (удельного веса женщин в различных половозрастных группах).

Для оценки раздельного влияния рождаемости и структуры изучаемого явления используются индекс фиксированного состава и индекс структурных сдвигов. Так, индекс фиксированного состава показывает влияние только возрастных коэффициентов рождаемости (2):

$$I_{\text{фс}} = \frac{\sum F_1 * w_1}{\sum w_1} : \frac{\sum F_0 * w_1}{\sum w_1}, \quad (2)$$

Индекс структурных сдвигов показывает влияние только структуры (доли женщин соответствующей возрастной группы) на изменение рождаемости в целом и определяется по формуле (3):

$$I_{\text{сс}} = \frac{\sum F_0 * w_1}{\sum w_1} : \frac{\sum F_0 * w_0}{\sum w_1}, \quad (3)$$

Рост рождаемости в Москве происходил за счёт роста интенсивности рождений во всех возрастных группах матерей, при этом возрастная структура матерей смещалась при понижении доли наиболее продуктивных групп. В Санкт-Петербурге структурный сдвиг в возрастной структуре женщин также играл негативную роль, но в гораздо меньшей степени. Интенсивность рождений в возрастных группах возросла, но меньше, чем в Москве (табл. 3).

Рассмотрение показателя доли рождений в зарегистрированном браке выявило положительную динамику в Санкт-Петербурге. Начав с 75,8% в 2007 г., доля рождений в зарегистрированном браке с годами неуклонно росла. Максимальное значение этого показателя было зафиксировано в 2016 г., когда оно достигло 82,9%, что указывает на значительный рост распространённо-

Таблица 3

Результаты расчёта индексов за 2007–2022 гг. по данным Москвы и Санкт-Петербурга

Table 3

Results of calculation of indices from 2007 to 2022 according to Moscow and St. Petersburg data

Индекс	Москва	Санкт-Петербург
	2007/2022 годы	
l _{пс}	1,2080	1,1046
l _{фс}	1,3752	1,2063
l _{сс}	0,8784	0,9157

Источник: рассчитано автором по данным: Возрастные коэффициенты рождаемости 2007–2022 годов // Росстат: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30973>; Численность постоянного населения по возрасту на 1 января 2007–2022 годов // Росстат: [сайт]. — URL: <https://fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения 18.08.2023).

сти деторождения в зарегистрированных брачных союзах. Но после пика в 2016 г. произошло снижение рождений в браке до 80,95% в 2022 г., хотя снижение остановилось на уровне выше исходного значения. Это подтверждает концепцию «возвратности» молодёжи к традиционным ценностям, обнаруженную Н. А. Нечаевой по данным обследований в Санкт-Петербурге [11]. В Москве также наблюдался заметный рост рождаемости в зарегистрированном браке: с 74,3% в 2007 г. до 81,4% в 2015 г. и стабилизация примерно на этом уровне по 2019 г.

(81,9%) с последующим снижением доли рождений в браке до 79,7% в 2022 году.

В целом, рассмотренная динамика свидетельствует о сохранении ценности традиционного официального брака и его значения для рождения детей [12]. Позитивные выводы об ответственности родителей можно сделать, рассматривая данные о регистрации рождённых вне официального брака. Всё чаще рождённые вне брака регистрируются не только матерью, но и отцом ребёнка. В Санкт-Петербурге в 2021 г. 6,4 тыс. детей из 10,2 тыс. детей, родивших-

ся вне официального брака, были зарегистрированы по совместному заявлению родителей, что составляет 63% случаев, то есть мужчины не снимают с себя ответственности за родившегося ребёнка. Не имея доступных данных по Москве, интерпретируем эту тенденцию как общую для обоих городов, опираясь на выявленное сходство тенденций в Москве и Санкт-Петербурге.

В первые годы после введения программы «материнский капитал» в 2007 г. наблюдался заметный всплеск брачности. С 2007 по 2011 гг. в Санкт-Петербурге общий коэффициент брачности увеличился на 1,6‰, а в Москве на 0,6‰, то есть относительный прирост составил, соответственно, 17% и 7%⁸. С 2011 по 2014 гг. значение этого показателя постепенно стабилизировалось, но оставалось более высоким по сравнению с предыдущими годами. Вероятно, программа «материнский капитал» оказала влияние на решение пар официально оформить свои отношения, создать семью. Заметим, что распространённость внебрачных деторождений подтверждает изменение социальных стереотипов — от осуждения внебрачных рождений к признанию их в качестве допустимой социальной нормы. Эта тенденция приводит к изменению структуры семьи и разнообразию семейных форм [13].

Общий коэффициент брачности, рассчитанный как количество браков, заключённых на 1000 человек населения за год, составил в 2022 г. 8,2‰ в Москве, 10,8‰ в Санкт-Петербурге и 7,3‰ по России в целом⁹. Так что в Санкт-Петербурге общий коэффициент брачности выше, чем в Москве и в среднем по России. По сравнению с коэффициентами брачности в 2007 г. (в Москве — 8,44‰, в Санкт-Петербурге — 9,75‰, в России — 8,89‰) можно отметить небольшое снижение показателя в Москве и России, тогда как в Санкт-Петербурге уровень

брачности повысился. Общий коэффициент разводимости, представляющий число разводов на 1000 человек населения за год, составил в 2022 г. 3,7‰ в Москве, 4,8‰ в Санкт-Петербурге, 4,7‰ по России. Так что в Санкт-Петербурге уровень разводимости был выше, чем в Москве, но немного ниже среднего по стране. В 2007 г. общий коэффициент разводимости также был ниже в Москве: в Москве — 4,3‰, в Санкт-Петербурге — 5,4‰, в России — 4,8‰. Сравнения 2007 и 2022 гг. по показателям брачности и разводимости, можно сказать, что в целом в мегаполисах проявляется тенденция к небольшому снижению уровня зарегистрированных браков. Но эту тенденцию нельзя в полной мере выявить по данным официальной статистики, которая не учитывает пары, предпочитающие «сожительство» (так называемый «гражданский брак»), которое распространено среди разных категорий населения, воспринимается как норма поведения среди молодежи, как стадия формирования своей собственной семьи [14]. Динамика показателей разводимости даёт основания для вывода об укреплении брачных союзов.

Выводы

Москва и Санкт-Петербург имеют сходства и различия в показателях рождаемости и её факторах. В 1990–1994 гг. Санкт-Петербург понёс серьёзный демографический ущерб, в то время как в Москве численность населения оставалась стабильной. Только к 2012 г. численность постоянного населения Санкт-Петербурга вновь выросла до 5 млн человек. В обоих городах наблюдалось увеличение среднего возраста матерей на момент рождения первенца и приближение медианы этого показателя к 30 годам, что характерно для крупных городов. В Санкт-Петербурге эта тенденция проявляется более отчётливо: интенсивность рождений в возрасте 30–34 года выше, чем в Москве. В мегаполисах потенциальные матери имеют больше возможностей для построения карьеры, получения высшего образования и стремятся обеспечить фи-

⁸ Рассчитано по данным: Число браков в расчёте на 1000 населения в год — 2021 // Росстат: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31266> (дата обращения: 09.08.2023).

⁹ Рассчитано по данным: Число браков в расчёте на 1000 населения в год за 2021 год // Росстат: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31266> (дата обращения: 09.08.2023).

нансовую безопасность для себя и будущего ребёнка, поэтому откладывают деторождение на более поздний срок.

Изучение распределения рождений по очерёдности показало, что медианный возраст при рождении детей по очерёдности в Санкт-Петербурге и Москве имеет однонаправленные изменения: медианный возраст немного превышает средний возраст матери при рождении первых и вторых детей, при рождении третьих детей медиана близка к средней; для последующих рождений медианный возраст становится ниже среднего под воздействием большого числа рождений в более молодых возрастах (по-видимому, это характерно для женщин — мигранток). И в Москве, и в Санкт-Петербурге, численность первенцев составляет основную часть всех рождений: в Москве в 2021 г. первенцы составили 42,2% от числа родившихся, в Санкт-Петербурге — 43,7%. Структура рождений последующих детей свидетельствует о снижении вариации возраста матерей с возрастанием очерёдности рождения ребёнка.

Суммарный коэффициент рождаемости остаётся более высоким в Москве, что объяснимо большей распространённостью рождений молодыми женщинами, а также миграционными потоками. За 2021 г. в Москву и Санкт-Петербург прибыло международных и межрегиональных мигрантов в трудоспособном возрасте 145 тыс. и 102 тыс. человек соответственно; из них 53,6% в Москве и 52,8% в Санкт-Петербурге

составили женщины трудоспособного возраста. В целом, сравнивая показатели отношения численности мигрантов к численности постоянного населения в 2021 г. можно отметить, что в Санкт-Петербурге миграционная компонента остаётся более высокой: в Москве суммарная доля межрегиональной и международной миграции в численности постоянного населения за 2021 г. составляла 1,65%, а в Санкт-Петербурге 2,50%¹⁰, с учетом переписных поправок. Более высокое значение СКР в Москве объясняется и более высоким уровнем жизни по сравнению с Санкт-Петербургом.

В статистике браков и разводов Санкт-Петербург отличается более высоким показателем брачности по сравнению как с Москвой, так и с Россией в целом, но также этот город имеет более высокий показатель разводимости по сравнению с Москвой и Россией. Показатель брачности всегда находится на более высоком уровне в мегаполисах по сравнению с показателем брачности по стране. Это является результатом большей сбалансированности и разнообразия брачного рынка в мегаполисах. Показатели разводимости снижались как в столичных городах, так и в России в целом с 2007 к 2022 г., что свидетельствует об укреплении брачных союзов.

¹⁰ Рассчитано по данным: Число прибывших — 2021 // Росстат: [сайт]. — <https://fedstat.ru/indicator/43514> и Численность постоянного населения на 1 января — 2021 // Росстат: [сайт]. — <https://fedstat.ru/indicator/31557>.

Литература и Интернет-источники

1. **Лачининский, С. С.** Пространственная структура и особенности развития поселений Санкт-Петербургской агломерации / С. С. Лачининский, И. С. Сорокин // Балтийский регион. — 2021. — Т. 13. — № 1. — С. 48–69. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-1-3; EDN: MBXNNP
2. **Локосов, В. В.** Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски / В. В. Локосов // Вестник Российской академии наук. — 2020. — Т. 90. — № 3. — С. 251–258. DOI: 10.31857/S086958732003010X; EDN: BOPSEX
3. **Римашевская, Н. М.** Основные направления совершенствования демографической и семейной политики в современной России / Н. М. Римашевская, В. Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2013. — № 1(59). — С. 30–41. EDN: QABSDB
4. **Захаров, С. В.** Рождаемость в России: современное состояние и различная оптика измерений ее уровня / С. В. Захаров // Аист на крыше. Демографический журнал. — 2016. — № 2(2). — С. 8–14. — EDN: YPUFEA

5. **Захаров, С. В.** Рождаемость в России и Эстонии: различия между русскими, проживающими в России и Эстонии, и коренными эстонцами / С. В. Захаров, А. Пуур, Л. Рахну [и др.] // *Общественные науки и современность*. — 2018. — № 4. — С. 89–114. DOI: 10.31857/S086904990000374-3; EDN: MAGGGT
6. **Елисеева, И. И.** Здравствуй, новый человек / И. И. Елисеева. — Москва : Мысль, 1987. — 140 с.
7. **Елисеева, И. И.** Рождаемость: локальные тенденции на фоне глобальных процессов / И. И. Елисеева // *Социология вчера, сегодня, завтра: V Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства (Санкт-Петербург, 22–24 марта 2011 г.)* / под ред. О. Б. Божкова. — Санкт-Петербург : Эйдос, 2012. — С. 285–300. EDN: UHZTMB
8. **Кубасова, Е. И.** Сравнительный анализ дифференциации рождаемости населения Москвы и Санкт-Петербурга / Е. И. Кубасова // *Актуальные проблемы учёта, анализа и аудита в социальной сфере: сборник научных работ студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава*. — Москва : Научный консультант, 2016. — С. 148–155. EDN: VXJLVJ
9. **Кубасова, Е. И.** Оценка уровня рождаемости населения Москвы и Санкт-Петербурга / Е. И. Кубасова // *Актуальные проблемы учёта, анализа, финансового контроля и статистики в социальной сфере: сборник Межвузовской конференции научных работ студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава по итогам научно-практической конференции (Москва, 7 апреля 2017 г.)* / под ред. В. А. Свободина, С. В. Шамшеева. — Москва : Научный консультант, 2017. — С. 148–156. EDN: YRUDSH
10. **Кубасова, Е. И.** Анализ основных тенденций рождаемости населения двух столиц / Е. И. Кубасова // *Актуальные проблемы учёта, анализа, финансового контроля и статистики в социальной сфере: сборник Межвузовской конференции научных работ студентов, аспирантов и профессорско-преподавательского состава по итогам научно-практической конференции (Москва, 7 апреля 2017 г.)* / под ред. В. А. Свободина, С. В. Шамшеева. — Москва : Научный консультант, 2017. — С. 48–55. EDN: YRUDLT
11. **Нечаева, Н. А.** Общие жизненные установки студенческой молодёжи: их роль в семейных и гендерных представлениях / Н. А. Нечаева // *Петербургская социология сегодня*. — 2018. — № 9. — С. 6–26. EDN: YMCQYH
12. **Архангельский, В. Н.** Возраст матери при рождении первого ребёнка: динамика, региональные различия, детерминация / В. Н. Архангельский, О. Н. Калачикова // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2020. — Т. 13. — № 5. — С. 200–217. DOI 10.15838/esc.2020.5.71.12; EDN: GGMDHG
13. **Авдеева, В. П.** Российская семья и благополучие детей / В. П. Авдеева, О. Н. Бурмыкина, К. С. Дивисенко [и др.]. — Санкт-Петербург : ФНИСЦ РАН, 2021. — 304 с. DOI: 10.19181/topogr.978-5-89697-360-7.2021; EDN: JOATPR
14. **Папа, О. М.** Сожительства как альтернатива браку / О. М. Папа // *Современные исследования социальных проблем*. — 2012. — № 2. — С. 20. EDN: PASQEL

Сведения об авторе:

Синицына Дарья Анатольевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия.

Контактная информация: e-mail: d.sinitzyina@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-9423-237X; РИНЦ AuthorID: 1209140.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-125-137

FERTILITY IN TWO CAPITAL CITIES OF RUSSIA

Daria A. Sinitsyna

Saint Petersburg State University of Economics
(30–32A, Kanal Griboedov emb., St. Petersburg, Russia, 191023)

E-mail: d.sinitsyna@yandex.ru

For citation:

Sinitsyna D. A. Fertility in two capital cities of Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 125-137. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-125-137 (in Russ.)

Abstract. *The article presents a comparative analysis of fertility trends in Moscow and St. Petersburg from 2007 to 2022. This time frame was selected to combine initiation of the «maternity capital» program and the latest data released by Rosstat. The rationale behind choosing these specific cities as the focal points of the research was thoroughly elaborated. There were used different analytical methodologies, including descriptive statistics, variation analysis, assessment of structural changes, and graphical representation. Key similarities and differences in fertility patterns between the two urban centers were carefully examined. The study substantiates a notable resurgence of traditional values, as evidenced by the shifts in registered marriage rates observed in both metropolises. The findings of the study show an increase in the average age of mothers at the birth of the first child in metropolitan settings. These findings may be used in formulation of targeted family planning policies and interventions aimed at bolstering responsible parenting practices and fostering the well-being of mothers and children. Moreover, these findings bear relevance for development of short-term population projections, healthcare planning initiatives, and strategies aimed at solving the social problems connected with the urban population growth and its concomitant effects on societal well-being.*

Keywords: *demography, metropolis, fertility, dynamics, structural shifts, recurrence effect.*

References and Internet sources

1. Lachininsky S. S., Sorokin I. S. Prostranstvennaya struktura i osobennosti razvitiya poseleniy Sankt-Peterburgskoy aglomeratsii [Spatial structure and development of settlements in the Saint Petersburg agglomeration]. *Baltiyskij Region*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 48–69. DOI: 10.5922/2079-8555-2021-1-3 (in Russ.)
2. Lokosov V. V. Demograficheskoye razvitiye Rossii: dinamika i sotsial'no-ekonomicheskiye riski [Population change in Russia: dynamics and socioeconomic risks]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2020. Vol. 90. No. 3. P. 251–258. DOI: 10.31857/S086958732003010X (in Russ.)
3. Rimashevskaya N. M., Dobrokhleb V. G. Osnovnyye napravleniya sovershenstvovaniya demograficheskoy i semeynoy politiki v sovremennoy Rossii [Main directions of improvement of the demographic and family-related policy in modern Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2013. No. 1(59). P. 30–41. (in Russ.)
4. Zakharov S. V. Rozhdayemost' v Rossii: sovremennoye sostoyaniye i razlichnaya optika izmereniy yeyo urovnya [Fertility in Russia: current state and various optics of measuring its level]. *Aist na kryshe. Demograficheskij zhurnal [Stork on the Roof. Demographic Journal]*. 2016. No. 2. P. 8–14. (in Russ.)
5. Zakharov S. V., Puur A., Rakhnu L., et al. Rozhdayemost' v Rossii i Estonii: razlichiya mezhdurusskimi, prozhivayushchimi v Rossii i Estonii, i korennymi estontsami [Fertility in Russia and Estonia: differences among Russians in Russia and Estonia and native Estonians]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]*. 2018. No. 4. P. 89–114. DOI: 10.31857/S086904990000374-3 (in Russ.)

6. Eliseeva I. I. *Zdravstvuy, novyy chelovek [Hello, New Person]*. Moscow. Mysl' [Thought]. 1987. 140 p. (in Russ.)
7. Eliseeva, I. I. Rozhdayemost': lokal'nyye tendentsii na fone global'nykh protsessov [Fertility: local trends against the backdrop of global processes]. *Sotsiologiya vchera, segodnya, zavtra. 5 Sotsiologicheskkiye chteniya pamyati Valeriya Borisovicha Golofasta [Sociology Yesterday, Today, Tomorrow. V Sociological readings in memory of Valery Borisovich Golofast]* (St. Petersburg, March 22–24, 2011). Ed. O. B. Bozhkova. 2012. St. Petersburg. Eidos. P. 285–300. (in Russ.)
8. Kubasova E. I. Sravnitel'nyy analiz differentsiatsii rozhdayemosti naseleniya Moskvy i Sankt-Peterburga [Comparative analysis of the differentiation in the birth rate of the population of Moscow and St. Petersburg]. *Aktual'nyye problemy uchota, analiza i audita v sotsial'noy sfere: sbornik nauchnykh rabot studentov, aspirantov i professorsko-prepodavatel'skogo sostava [Current Issues of Accounting, Analysis and Audit in the Social Sphere. Collection of scientific works of students, postgraduate students and faculty]*. Moscow. Nauchnyy konsul'tant [Scientific Consultant]. 2016. P. 148–155. (in Russ.)
9. Kubasova E. I. Otsenka urovnya rozhdayemosti naseleniya Moskvy i Sankt-Peterburga [Assessment of the birth rate of the population of Moscow and St. Petersburg]. *Aktual'nyye problemy uchota, analiza, finansovogo kontrolya i statistiki v sotsial'noy sfere: sbornik Mezhvuzovskoy konferentsii nauchnykh rabot studentov, aspirantov i professorsko-prepodavatel'skogo sostava po itogam nauchno-prakticheskoy konferentsii [Current Issues of Accounting, Analysis, Financial Control and Statistics in the Social Sphere. Proceedings of the interuniversity scientific and practical conference of students, postgraduate students and faculty]*. (Moscow, April 7, 2017). Eds. V. A. Svobodina, S. V. Shamsheeva. Moscow. Nauchnyy konsul'tant [Scientific Consultant]. 2017. P. 148–156. (in Russ.)
10. Kubasova E. I. Analiz osnovnykh tendentsiy rozhdayemosti naseleniya dvukh stolits [Analysis of the main trends in the birth rate of the population of two capitals]. *Aktual'nyye problemy uchota, analiza, finansovogo kontrolya i statistiki v sotsial'noy sfere: sbornik Mezhvuzovskoy konferentsii nauchnykh rabot studentov, aspirantov i professorsko-prepodavatel'skogo sostava po itogam nauchno-prakticheskoy konferentsii [Current Issues of Accounting, Analysis, Financial Control and Statistics in the Social Sphere. Proceedings of the interuniversity scientific and practical conference of students, postgraduate students and faculty]*. (Moscow, April 7, 2017). Eds. V. A. Svobodina, S. V. Shamsheeva. Moscow. Nauchnyy konsul'tant [Scientific Consultant]. 2017. P. 48–55. (in Russ.)
11. Nechaeva N. A. Obshchiye zhiznennyye ustanovki studentcheskoy molodozhi: ikh rol' v semeynykh i gendernykh predstavleniyakh [General life attitudes of student youth: their role in family and gender ideas]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya [Petersburg Sociology Today]*. 2018. No. 9. P. 6–26. (in Russ.)
12. Arkhangelsky V. N., Kalachikova O. N. Vozrast materi pri rozhdении pervogo rebonka: dinamika, regional'nyye razlichiya, determinatsiya [Maternal age at first birth: dynamics, regional differences, determination]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*. Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2020. Vol. 13. No. 5. P. 200–217. (in Russ.)
13. Avdeeva V. P., Burmykina O. N., Divisenko K. S., et. al. Rossiyskaya sem'ya i blagopoluchiye detey [Russian Family and Children's Well-Being]. St. Petersburg. FNISTs RAN [Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS]. 2021. 304 p. (in Russ.)
14. Papa O. M. Sozhitel'stva kak al'ternativa braku [Cohabitation as an alternative to marriage]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem [Modern Studies of Social Issues]*. 2012. No. 2. P. 20. (in Russ.)

Information about the author:

Sinitsyna Daria Anatolievna, Postgraduate student, Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Contact information: e-mail: d.sinitsyna@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-9423-237X; РИНЦ AuthorID: 1209140.

Статья поступила в редакцию 19.08.2023, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-138-148
EDN: JXGXQJ

ДИНАМИКА ЧАСТНЫХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В РОССИИ, В КОТОРЫХ ПРОЖИВАЛО ПО ОДНОМУ ЧЕЛОВЕКУ, В 2002–2020 ГОДАХ

Трегубов В. Н.

*Первый Московский государственный медицинский университет
имени И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)
(119991, Россия, Москва, ул. Трубецкая, 8, стр. 2)*

E-mail: tregubov_v_n@staff.sechenov.ru

Для цитирования:

Трегубов В. Н. Динамика частных домохозяйств в России, в которых проживало по одному человеку, в 2002–2020 годах // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 138-148. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-138-148; EDN: JXGXQJ

Аннотация. На фоне сложившейся сегодня в России демографической ситуации перед государством стоит задача по разработке и реализации мероприятий, направленных на повышение численности населения, способного обеспечить эффективное экономическое развитие нашей страны, обороноспособность, внутреннюю безопасность. С целью выявления динамики частных домохозяйств на территории федеральных округов Российской Федерации, в которых с 2002 по 2020 г. проживало по одному человеку, использовались аналитический, логический, статистический методы. Первичный материал о динамике численности населения и числа домохозяйств на территории РФ были взяты из опубликованных на официальном сайте Росстата данных Всероссийской переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг. В процессе исследования было установлено, что число частных домохозяйств, в которых проживало по одному человеку, увеличилось на 135,3% с 2002 по 2020 годы. Доля проживавшего в них населения трудоспособного возраста в 2020 г. составляла 57,4% (15850 тыс. человек). Значительная часть этих лиц обладает потенциалом для создания новых семей и рождения в них детей. В связи с чем этот резерв следует рассматривать как приоритетное направление в семейно-демографической политике государства. Основной формой работы с данным населением, особенно молодого возраста, является формирование уважительного отношения к семье и укрепление семейных ценностей. Этому будет способствовать 2024 г., объявленный в России «Годом семьи».

Ключевые слова: Россия, «Год семьи», демография, население, домохозяйство.

Введение

Демографический потенциал должен соответствовать задачам обеспечения эффективного экономического развития России, её обороноспособности, внутренней безопасности [1]. Учитывая данные обстоятельства, одним из главных приоритетов социально-демографической политики в нашей стране является рост численности населения [2]. Несмотря на принимаемые государством меры, ряд демографических характеристик в нашей стране необходимо оптимизировать [1; 3]. Как и в большинстве развитых стран мира, в России в последние годы наблюдается увеличение возраста граждан, вступающих в брак и рождающих первого ребёнка, а также доли женщин, живущих без детей или родивших и воспитывающих их без заключения официального брака. Это приводит к снижению суммарного коэффициента рождаемости, который уже не обеспечивает простого воспроизводства населения [2; 4]. Кроме того, при рождении женщины старше 30 лет первого ребёнка у неё могут возникать и медицинские проблемы [5].

Цель работы: выявление динамики частных домохозяйств на территории России, в которых с 2002 по 2020 гг. проживало по одному человеку. Для достижения цели исследования использовались аналитический, логический и статистический методы. Первичный материал о динамике численности населения и числа домохозяйств на территории федеральных округов РФ были взяты из опубликованных на официальном сайте Росстата данных Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 годов¹.

Результаты

Важным условием, влияющим на качество жизни людей, является их проживание в домохозяйствах, которые подразделяются на частные, коллективные и домохо-

зяйства бездомных. В соответствии с методологическими пояснениями Росстата под домохозяйством следует понимать группу людей, проживающих в одном жилом помещении или его части, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, полностью или частично объединяющих и расходующих свои средства. Эти люди могут быть связаны отношениями родства или отношениями, вытекающими из брака, или быть не родственниками, либо и теми, и другими. В табл. 1 представлена динамика численности населения, проживавшего в частных домохозяйствах, к которым относятся квартиры, индивидуальные дома, комнаты в общежитиях неквартирного типа, другие жилые помещения и помещения, приспособленные для жилья.

По сравнению с базисным показателем 2002 г. (142754,1 тыс. человек проживало в частных домохозяйствах), его численность в 2010 г. уменьшилась до 140960,1 тыс. человек (-1,3%), а в 2020 г. увеличилась до 146148,1 тыс. человек (+2,4%). Средний темп прироста за анализируемые периоды составил 1,2% данной категории населения. Численность населения коллективных домохозяйств, к которым относятся группы лиц, проживающих в учреждениях социального и медицинского назначения, местах лишения свободы, казармах, религиозных организациях и подобных, за анализируемый период уменьшилась с 2270,1 тыс. человек в 2002 г. до 1832,4 тыс. человек в 2010 г. (-19,3%) и до 1022,7 тыс. человек в 2020 г. (-55,0%). Средний темп убыли за два анализируемых периода составил 32,9% данной категории населения. Отрицательная динамика наблюдалась и среди домохозяйств бездомных с 142559 человек в 2002 г. до 64077 человек в 2010 г. (-55,1%) и до 11285 человек в 2020 г. (-92,1%). С каждым периодом домохозяйства бездомных сокращались в среднем на 71,9%.

Как следует из табл. 2 число частных домохозяйств в России с 2002 по 2020 г. имеет положительную динамику и по сравнению с базисным показателем 52711375 в 2002 г. увеличилось до 54560627 в 2010 г. (+3,5%)

¹ Росстат: данные Всероссийской переписи населения. – https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya (дата обращения: 09.02.2024). Перепись 2020 г. фактически была проведена в 2021 году.

Таблица 1

Динамика численности населения, проживавшего в различных типах домохозяйств с 2002 по 2020 гг. по данным переписей населения, тыс. человек

Table 1

Dynamics of the population living in various households from 2002 to 2020, persons

Численность населения, проживающего в домохозяйствах	Год переписи			Средний темп прироста/убыли за периоды между переписями населения, %
	2002	2010	2020	
Частных	142754,1	140960,1	146148,1	+1,2
Коллективных	2270,1	1832,4	1022,7	-32,9
Бездомных	142,6	64,1	11,3	-71,9
Всего	145166,7	142856,5	147182,1	+0,7

Источник: рассчитано автором по данным информационной базы Росстата.

Таблица 2

Динамика числа частных домохозяйств в РФ с 2002 по 2020 гг., тыс. единиц

Table 2

Dynamics of the number of private households in the federal districts of the Russian Federation from 2002 to 2020, abs. numbers

Территория	2002 г.	2010 г.	2020 г.	Средний темп прироста за периоды, %
Россия в целом	52711,4	54560,6	66061,4	+12,0
Центральный ФО	14451,0	15201,6	19117,8	+15,0
Северо-Западный ФО	5335,0	5538,2	6636,5	+11,5
Южный ФО	4876,0	5064,1	7267,7	+22,1
Северо-Кавказский ФО	2307,4	2541,8	3037,5	+14,7
Приволжский ФО	11419,6	11577,0	13061,4	+6,9
Уральский ФО	4596,0	4750,0	5714,7	+11,5
Сибирский ФО	7275,6	7417,1	7668,5	+2,7
Дальневосточный ФО	2450,8	2470,8	3557,3	+20,5

Источник: рассчитано автором по данным информационной базы Росстата.

и до 66061419 в 2020 г. (+25,3%). Средний темп прироста за анализируемые периоды частных домохозяйств по России составил 12,0%. Рост числа частных домохозяйств за анализируемый период наблюдался на территории всех федеральных округов (ФО). Максимальный средний темп прироста числа частных домохозяйств с 2002 по 2020 гг. был отмечен в Южном ФО — 22,1% (с 4876045 до 7267728), Дальневосточном ФО — 20,5% (с 2450820 до 3557256), Центральном ФО — 15,0% (с 14450987 до 19117780), Северо-Кавказском ФО — 14,7% (с 2307391 до 3037477), в меньшей степени в Северо-Западном ФО — 11,5%

(с 5334997 до 6636541), Уральском ФО — 11,5% (с 4595973 до 5714748), Приволжском ФО — 6,9% (с 11419563 до 13061419) и Сибирском ФО — 2,7% (с 7275599 до 7668470).

Анализ динамики числа частных домохозяйств с учётом численности проживавшего в них населения свидетельствует об увеличении их количества с 2002 по 2020 гг. с одним и двумя жильцами. Число частных домохозяйств с 3-мя и более проживающими за анализируемый период сокращалось. Так, число частных домохозяйств с одним жильцом в 2002 г. составляло 11741449, в 2010 г. — 14018754 (прирост 19,4%), в 2020 г. — 27629392 (отмечен мак-

симальный прирост по сравнению с 2002 г. на 135,3%). Средний темп прироста за анализируемые периоды частных домохозяйств с одним жильцом составил за анализируемый период 53,4%.

Подобная, но менее выраженная динамика, наблюдалась в частных домохозяйствах, в которых проживало по два человека: в 2002 г. их число составляло 14534669, в 2010 г. — 15563868 (прирост 7,1%), в 2020 г. — 16478612 (прирост по сравнению с 2002 г. 13,4%). Средний темп прироста за анализируемые периоды частных домохозяйств с двумя жильцами составил 6,5%. Число частных домохозяйств с тремя жильцами в 2002 г. составляло 12536743, в 2010 г. — 12284058 (убыль 2,0%), в 2020 г. — 10330685 (убыль по сравнению с 2002 г. 15,9%). Средний темп убыли за анализируемые периоды частных домохозяйств с тремя жильцами составил 9,2%. Число частных домохозяйств с четырьмя жильцами в 2002 г. составляло 8943575, в 2010 г. —

7907406 (убыль 11,6%), в 2020 г. — 6986598 (убыль по сравнению с 2002 г. 21,9%). Средний темп убыли за анализируемые периоды частных домохозяйств с четырьмя жильцами составил 11,6%. Число частных домохозяйств с пятью жильцами в 2002 г. составляло 3032437, в 2010 г. — 2914802 (убыль 3,9%), в 2020 г. — 2846749 (убыль по сравнению с 2002 г. 6,1%). Средний темп убыли за анализируемые периоды частных домохозяйств с пятью жильцами составил 3,1%. Число частных домохозяйств с шестью и более жильцами в 2002 г. составляло 1922502, в 2010 г. — 1871739 (убыль 2,6%), в 2020 г. — 1789383 (убыль по сравнению с 2002 г. 6,9%). Средний темп убыли за частных домохозяйств с шестью и более жильцами составил 3,5% (рис. 1).

Доля частных домохозяйств, в которых проживало по одному человеку на территории различных ФО существенно отличалась, но везде имела положительную динамику (рис. 2). Наиболее значительной она

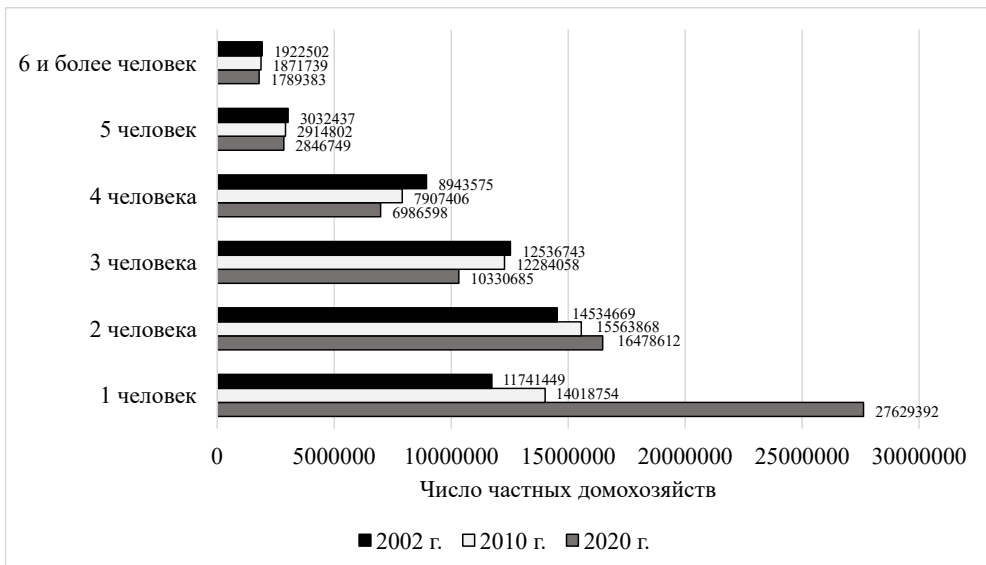

Рис. 1. Динамика числа частных домохозяйств в зависимости от количества проживающих в них граждан с 2002 по 2020 гг., абсолютные числа

Fig. 1. Dynamics of the number of private households depending on the number of persons living in them from 2002 to 2020, abs. numbers

Источник: график построен автором по данным информационной базы Росстата.

была в Центральном ФО, её рост за анализируемый период составил с 3667179 человек (25,4%) до 8920045 человек (46,7%), в Северо-Западном ФО — с 1302093 (24,4%) до 2975164 (44,8%), Уральском — с 1001122 (21,8%) до 2411480 (42,2%), Дальневосточном — с 538949 (22,0%) до 1462283 (41,1%) и Сибирском ФО — с 1478389 (20,3%) до 3121323 (40,7%). В меньшей степени данный рост наблюдался в ФО Приволжском — с 2470577 (21,6%) до 5120791 (39,2%), в Южном — с 956304 (19,6%) до 2821521 (38,8%) и Северо-Кавказском — с 326836 (14,2%) до 796785 (26,2%) соответственно. На территории всей РФ число частных домохозяйств,

в которых проживало по одному человеку, за анализируемый период увеличилось почти в 2 раза — с 11741449 (22,3%) в 2002 г. до 27629392 (41,8%) в 2020 году. Анализ условий проживания населения в частных домохозяйствах по одному человеку показал, что в 2020 г. в индивидуальных домах проживало 5535139 человек, в отдельных квартирах — 20270882 человека, в коммунальных квартирах — 353835 человек и только 1469536 человек (5,3%) проживало в общежитиях и других жилых помещениях, что указывает на улучшение в целом обеспечения населения жильём.

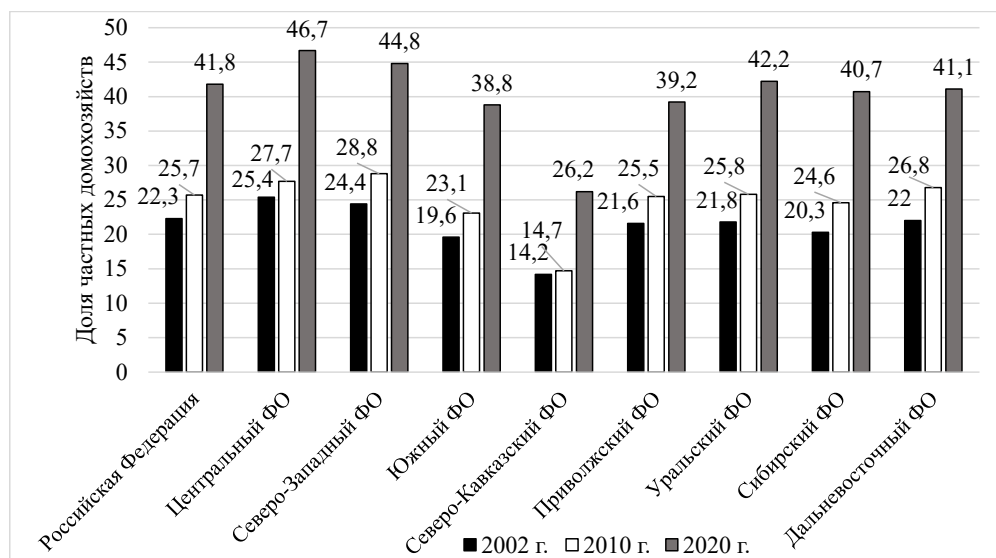

Рис. 2. Динамика доли частных домохозяйств, в которых проживало по одному человеку, с 2002 по 2020 гг., %

Fig. 2. Dynamics of the share of private households in which one person lived from 2002 to 2020, %
 Источник: график построен автором по данным информационной базы Росстата.

При анализе доли граждан с учётом их отношения к трудоспособному возрасту использовались данные Всероссийской переписи населения 2020 г. по укрупнённым возрастным группам: моложе трудоспособного возраста — 0–15 лет; трудоспособного возраста — мужчины 16–61,5 лет, женщины 16–56,5 лет; старше трудоспособного возраста — мужчины 61,5 лет и более, жен-

щины 56,5 лет и более. Как видно из рис. 3, до повышения пенсионного возраста в нашей стране доля граждан трудоспособного и старше трудоспособного возраста, проживавших в частных домохозяйствах по одному человеку на территории различных федеральных округов, отличалась менее чем на 10%. Минимальная величина доли лиц трудоспособного возраста в 2020 г. была

в Приволжском ФО — 52,8%, а максимальная в Дальневосточном ФО — 60,1%, соответственно доля лиц старше трудоспособного возраста в данных ФО составляла 47,1% и 39,8%. На территории всей России доля лиц трудоспособного возраста составляла — 57,4% и старше трудоспособно-

го возраста — 42,5%. Доля лиц моложе трудоспособного возраста, которые проживали в частных домохозяйствах по 1 человеку на территории России и различных ФО составляла около 0,1%, в связи с чем не была отражена на данном графике.

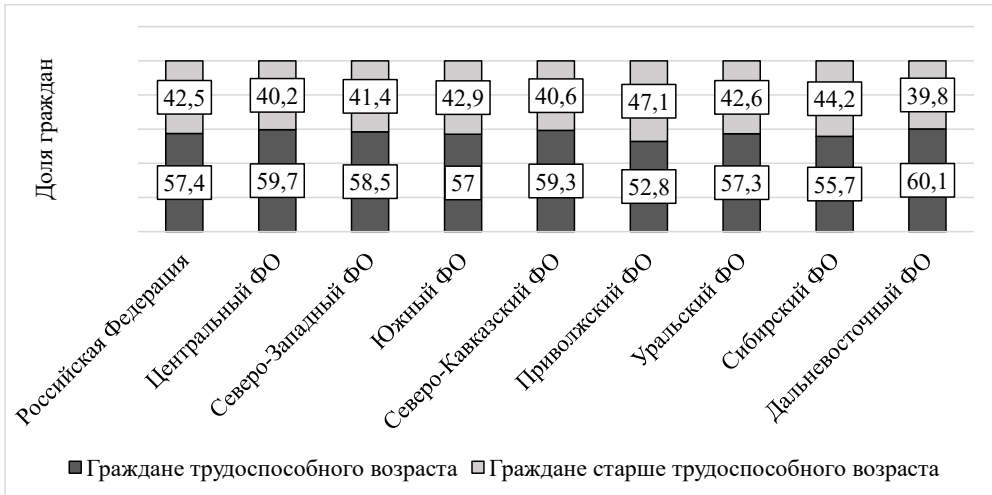

Рис. 3. Доля населения трудоспособного и старше трудоспособного возраста, проживавшего в частных домохозяйствах по одному человеку в 2020 г., %

Fig. 3. Proportion of the population of working age and over working age living in private households of one person in 2020, %

Источник: график построен автором по данным информационной базы Росстата.

Обсуждение

Выявленный в процессе исследования рост числа населения трудоспособного возраста, проживавшего по одному человеку в частных домохозяйствах, свидетельствует о наличии в России значительного резерва для создания новых семей и рождения в них детей. Данный потенциал повышения численности населения следует рассматривать как приоритетное направление в семейно-демографической политике государства [6; 7].

Семейно-демографическая политика в России отражена в таких нормативно-правовых актах, как: Конституция России; Указ Президента России от 23.01.2024 г. № 63 «О мерах социальной поддерж-

ки многодетных семей», Указ Президента России от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»; Указ Президента России от 21.07.2020 г. № 203 «О национальных целях развития России до 2030 года»; Указ Президента России от 9.10.2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»; Указ Президента России № 606 от 17.05.2012 г. «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»; Концепция семейной политики России, утверждённая распоряжением Правительства России от 25.08.2014 г. № 1618-р; Паспорт национального проекта «Демография» и других документах [8]. Указом президента России от 22 ноября 2023 г.

№ 875 в нашей стране 2024 год был объявлен «Годом семьи». В соответствии с данными документами в России создана государственная система социальной поддержки семей с детьми, которая является одним из важных инструментов по снижению рисков их бедности и улучшения материального положения [9]. Основными её направлениями являются: выплаты пособия по беременности и родам; выдача сертификата на материнский (семейный) капитал; единовременная выплата при рождении ребёнка, в том числе при усыновлении и установлении опекуна; различные пособия и выплаты по уходу за ребёнком. Многодетным семьям могут дополнительно предоставляться: меры поддержки в сфере трудовых отношений; досрочное назначение женщинам страховой пенсии по старости; возможность профессионального обучения родителей; земельный участок; бесплатное питание детей в школах; пособие на приобретение школьной и спортивной формы; компенсацию на оплату жилья и коммунальных услуг, бесплатный проезд для школьников на общественном транспорте; места в детском саду; налоговые и земельные льготы; бесплатные путёвки в оздоровительные лагеря и санатории для детей; право на бесплатное посещение музеев, выставок, парков культуры и отдыха. Следует отметить, что многие из этих пособий регламентированы региональным законодательством, в связи с чем их уровень в разных регионах России может отличаться. Несмотря на это данная социальная политика государства способствует снижению материального неравенства среди многодетных семей и является существенной помощью родителям при воспитании их детей [10].

В отличие от реализуемой в государстве системы социальной поддержки семей с детьми, которая, прежде всего, носит материальный характер, семейно-демографическая политика в отношении молодёжи и лиц трудоспособного возраста живущих по одному в частных домохозяйствах, должна ориентироваться на популяризацию среди них семейных отношений, заключение ими официальных браков, повышение

ответственности людей к семейной жизни, формирование у граждан необходимых личностных качеств и компетенций для семейного развития, поддержка у них семейно-ориентированного поведения [6].

Значимость мероприятий по формированию уважительного отношения к семье и укреплению семейных ценностей в современных условиях, особенно в молодёжной среде, становится наиболее актуальной на фоне роста тенденции индивидуализации людей, ведения ими уединённого и обособленного образа жизни. Благодаря современному уровню развития технологий человек в меньшей степени чем раньше испытывает потребность в помощи других людей, их внимании, обеспечении и т.д. Всё это способствует разобщению граждан, снижению рождаемости, старению населения и развитию такого явления как одиночество [11]. С уходом на пенсию у людей сокращается общение с коллегами, они начинают себя чувствовать оторванными от жизни, появляется чувство ненужности и др. [12]. Безусловно ряд пожилых и старых людей, которые сохранили своё здоровье и способность обслуживать себя самостоятельно стараются обходиться без посторонней помощи, демонстрируя окружающим и своим родственникам свою независимость до последней возможности [13]. Однако и у них, постепенно с возрастом, начинают возникать медико-социальные проблемы связанные, прежде всего, с ухудшением их здоровья, материальными и хозяйственно-бытовыми трудностями, отсутствием контактов с близкими людьми [14; 15]. В какой-то степени снизить чувство одиночества им помогает использование информационно-коммуникационных технологий, однако виртуальный мир не может в полной мере заменить живого общения с людьми [12]. В связи с чем в данных условиях самой распространённой формой социальной помощи пожилым людям и инвалидам становится надомное обслуживание, предусматривающее оказание данной категории населения социально-бытовых услуг, приготовление пищи, доставка продуктов питания, хозяйственных принад-

лежностей, лекарств, организация ремонта и уборки помещений [15].

* * *

Как следует из представленного в статье материала увеличение численности населения, проживавшего в частных домохозяйствах, и уменьшение жителей коллективных домохозяйств и бездомных лиц, свидетельствует об улучшении жилищных условий населения России и росте его экономиче-

ского благосостояния. При этом 27629,4 тыс. человек, проживавших в 2020 г. в частных домохозяйствах по одному человеку (среди которых 15850,1 тыс. или 57,4% — лиц трудоспособного возраста), являются потенциальным резервом по созданию новых семей и повышению рождаемости в нашей стране. Основной формой мотивации данной категории населения к заключению официальных браков является формирование у них уважительного отношения к семье и укрепление семейных ценностей.

Литература и Интернет-источники

1. **Рыбаковский, Л. Л.** Демографическое будущее России: прогнозы и реальность / Л. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 3. — С. 4–15. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.1; EDN: ILGXMB
2. **Филимонова, И. В.** Факторы влияния на решение о рождении ребёнка и количестве детей у женщин в России / И. В. Филимонова, А. В. Ивершинь, А. В. Комарова [и др.] // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 55–69. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.5; EDN: NLQTTN
3. **Хабриев, Р. У.** Прогноз рождаемости и заболеваемости населения субъектов Российской Федерации с позиции оценки репродуктивного потенциала / Р. У. Хабриев, Э. Н. Мингазова, В. Б. Зиатдинов [и др.] // Здоровоохранение Российской Федерации. — 2021. — Т. 65 — № 6. — С. 507–513. DOI: 10.47470/0044-197X-2021-65-6-507-513; EDN: ARAFVE
4. **Захаров, С. В.** История рождаемости в России: от поколения к поколению / С. В. Захаров // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10 — № 1. — С. 4–43. DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17259; EDN: STMVEB
5. **Бегимбекова, Л. М.** Особенности течения беременности и исходов родов у женщин различных возрастных групп / Л. М. Бегимбекова, Э. Н. Алиева, А. М. Оспанова // West Kazakhstan Medical Journal. — 2022. — № 2(64). — С. 73–79; EDN: WUTPGV
6. **Сайфуллин, Г. П.** Социальные практики семьеведения в развитии готовности молодёжи к браку и семейной жизни: востребованность и потенциал / Г. П. Сайфуллин // Общество: социология, психология, педагогика. — 2022. — № 2. — С. 60–66. DOI: 10.24158/spp.2022.2.8; EDN: IGMPBQ
7. **Серебрякова, А. А.** Традиционные семейные ценности в современном Российском обществе / А. А. Серебрякова // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 9(177). — С. 57–59. EDN: TONDAL
8. **Ростовская, Т. К.** Демографическое самочувствие регионов России: Национальный демографический доклад / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, А. Р. Абдульязнов [и др.] — Москва : Перспектива, 2022. — 220 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022; EDN: URJOYC
9. **Гришина, Е. Е.** Материальное положение и социальная поддержка семей с детьми в Ульяновской области / Е. Е. Гришина // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 1. — С. 39–52. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.4; EDN: AZMKZW
10. **Горбуль, Ю. А.** Государственная поддержка семей с детьми как ядро социальной функции государства / Ю. А. Горбуль, О. Ю. Ерёмина // Сибирский юридический вестник. — 2022. — № 1(96). — С. 3–8. EDN: VSEINN
11. **Бритова, В. Р.** Проблема социального одиночества в современном обществе (на примере Южной Кореи) / В. Р. Бритова // Евразийство и мир. — 2021. — № 1. — С. 45–49; EDN: VWCQZM

12. **Акутина, С. П.** Феномен одиночества граждан пожилого возраста: предмет обсуждения / С. П. Акутина, Е. В. Столярова // Социодинамика. — 2021. — № 7. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34881 (дата обращения: 09.02.2024). DOI: 10.25136/2409-7144.2021.7.34881; EDN: WKAWHW
13. **Глозман, Ж. М.** Особенности переживания и отношения к одиночеству на этапе геронтогенеза / Ж. М. Глозман, В. А. Наумова, А. В. Мазуркевич // Сибирский психологический журнал. — 2020. — № 75. — С. 75–96. DOI: 10.17223/17267080/75/5; EDN: LNGDSW
14. **Алламярова, Н. В.** Потребность в получении медико-социальной помощи на дому одиноким и одиноко-проживающим пожилых людей / Н. В. Алламярова // Проблемы стандартизации в здравоохранении. — 2015. — № 3–4. — С. 16–19; EDN: TTJTSP
15. **Бородина, О. Д.** Инновационные формы социального обслуживания инвалидов и граждан пожилого возраста на дому / О. Д. Бородина, В. В. Савченко // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2016. — № 2–2. — С. 321–324; EDN: VMCKZJ

Сведения об авторе:

Трегубов Валерий Николаевич, д.мед.н., проф., проф. Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tregubov_v_n@staff.sechenov.ru; ORCID: 0000-0003-4588-7226; РИНЦ AuthorID: 663886.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-138-148

DYNAMICS OF PRIVATE HOUSEHOLDS IN WHICH FROM 2002 TO 2020 LIVED ONE PERSON

Valeriy N. Tregubov

*I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University)
(8, build. 2 Trubetskaya str., Moscow, Russia, 119991)*

E-mail: tregubov_v_n@staff.sechenov.ru

For citation:

Tregubov V. N. Dynamics of private households in which from 2002 to 2020 lived one person. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 138-148. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-138-148 (in Russ.)

Abstract. *Against the backdrop of the current demographic situation in Russia today, the state faces the urgent task of developing and implementing measures aimed at increasing the population capable of ensuring defense capability, internal security and effective economic development of our country. In order to study the dynamics of private households in the federal districts of the Russian Federation, in which from 2002 to 2020 lived only one person, there were used analytical, logical, and statistical methods. The initial data on the dynamics of population and the number of households on the territory of the Russian Federation was taken from the data of the All-Russian Population Census of 2002, 2010 and 2020 published on the official website of Rosstat. The study found that the number of single-person private households increased by 135.3% from 2002 to 2020. The share of the working age population living in them in 2020 was 57.4% (15850101 people). A significant portion of these individuals have the potential to create new families and have children. Therefore, this reserve should be considered as a priority direction in the family and demographic policy of the state, since throughout the entire historical development of mankind, the family has been an invariable value*

and to this day retains special significance in society. The main form of work with this population, especially young people, is developing in them a respectful attitude towards family and strengthening family values. This will be facilitated by declaring 2024 the «Year of the Family» in Russia.

Keywords: Russia, «Year of the Family», demography, population, household.

References and Internet sources

1. Rybakovsky L. L. Demograficheskoye budushcheje Rossii: prognozy i real'nost' [Russia's demographic future: forecasts and reality]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 4–15. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.1 (in Russ.)
2. Filimonova I. V., Ivershin A. V., Komarova A. V., et al. Faktory vliyaniya na reshenije o rozhdenii rebyonka i kolichestve detej u zhenshchin v Rossii [Key factors influencing the decision to have a child and the number of children among women in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 55–69. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.5 (in Russ.)
3. Khabriev R. U., Mingazova E. N., Ziatdinov V. B., et al. Prognoz rozhdaemosti i zabolevaemosti naseleniya sub»ektov Rossiyskoy Federatsii s pozitsii otsenki reproduktivnogo potentsiala [Forecast of the birth rate and prevalence of the population of subjects of the Russian Federation from the position of assessment of their reproductive potential]. *Zdravoohraneniye Rossijskoy Federatsii [Health Care of the Russian Federation]*. 2021. Vol. 65. No. 6. P. 507–513. DOI: 10.47470/0044-197X-2021-65-6-507-513 (in Russ.)
4. Zakharov S. V. Istoriya rozhdaemosti v Rossii: ot pokoleniya k pokoleniyu [The history of fertility in Russia: from generation to generation]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 4–43. DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17259 (in Russ.)
5. Begimbekova L. M., Alieva E. N., Ospanova A. M. Osobennosti techeniya beremennosti i iskhodov rodov u zhenshchin razlichnykh vozrastnykh grupp [Features of pregnancy and birth outcomes in women of different age groups]. *West Kazakhstan Medical Journal*. 2022. No. 2(64). P. 73–79. (in Russ.)
6. Sayfullin G. P. Sotsial'nyje praktiki sem'jevedeniya v razvitii gotovnosti molodezhi k braku i semejnoy zhizni: vostrebovanost' i potentsial [Social practices of family studies in the development of youth readiness for marriage and family life: relevance and potential]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psihologiya, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]*. 2022. No. 2. P. 60–66. DOI: 10.24158/spp.2022.2.8 (in Russ.)
7. Serebryakova A. A. Traditsionnyje semejnyje tsennosti v sovremennom Rossijskom obshchestve [Traditional family values in modern Russian society]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika [Law and State: Theory and Practice]*. 2019. No. 9(177). P. 57–59. (in Russ.)
8. Rostovskaya T. K., Shabunova A. A., Abdulzyanov A. R., et al. Demograficheskoye samochuvstviye regionov Rossii: Natsional'nyj demograficheskij doklad – 2022. [Demographic Well-Being of Russian Regions: National Demographic Report – 2022]. FNISTs RAN [Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS]. Moscow. Perspektiva [Perspective]. 2022. 220 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-556-0.2022 (in Russ.)
9. Grishina E. E. Material'noje polozheniye i sotsial'naya podderzhka semej s det'mi v Ul'yanovskoy oblasti [Financial situation and social support received by families with children in Ulyanovsk oblast]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 39–52. DOI: 10.19181/population.2020.23.1.4 (in Russ.)
10. Gorbul Yu. A., Eremina O. Yu. Gosudarstvennaya podderzhka semej s det'mi kak yadro sotsial'noj funktsii gosudarstva [State support for families with children as the core of the social function of the state]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik [Siberian Law Herald]*. 2022. No. 1(96). P. 3–8. (in Russ.)
11. Britova V. R. Problema sotsial'nogo odinochestva v sovremennom obshchestve (na primere Yuzhnoj Korei) [Problem of social loneliness in modern society (the case of South Korea)]. *Evraziystvo i mir [Eurasianism and the World]*. 2021. No. 1. P. 45–49. (in Russ.)
12. Akutina S. P., Stolyarova E. V. Fenomen odinochestva grazhdan pozhilogo vozrasta: predmet obsuzhdeniya [The phenomenon of loneliness among senior citizens: subject of discussion]. *Sotsiodinamika [Sociodynamics]*. 2021. No. 7. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34881 (Accessed: 9 February 2024). DOI: 10.25136/2409-7144.2021.7.34881 (in Russ.)

13. Glzman Zh. M., Naumova V. A., Mazurkevich A. V. Osobennosti perezhivaniya i otnosheniya k odinchestvu na etape gerontogeneza [Loneliness and attitude towards it at the stage of gerontogenesis]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Psychology]*. 2020. No. 75. P. 75–96. DOI: 10.17223/17267080/75/5 (in Russ.)
14. Allamyarova N. V. Potrebnost' v poluchenii mediko-sotsial'noj pomoshchi na domu odinokim i odinoko-prozhivayushchim pozhilyh lyudej [Needs of health and social care for lonely and living alone elderly people]. *Problemy standartizatsii v zdravooхранenii [Health Care Standardization Problems]*. 2015. No. 3–4. P. 16–19. (in Russ.)
15. Borodina O. D., Savchenko V. V. Innovatsionnyje formy sotsial'nogo obsluzhivaniya invalidov i grazhdan pozhilogo vozrasta na domu [Innovative forms of social services for disabled people and elderly citizens at home]. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nykh issledovanij [International Journal of Applied and Basic Research]*. 2016. No. 2–2. P. 321–324. (in Russ.)

Information about the author:

Tregubov Valeriy Nikolaevich, Doctor of Medical Sciences, Professor, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tregubov_v_n@staff.sechenov.ru; ORCID: 0000-0003-4588-7226; Elibrary AuthorID: 663886.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

МИГРАЦИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-149-164
EDN: RBTPNA

ВЗАИМОСВЯЗЬ МИГРАЦИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ: АНАЛИЗ НА УРОВНЕ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

Воробьева О. Д. *, Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1)

*E-mail: 89166130069@mail.ru

Финансирование:

В статье использованы материалы исследования, проведённого при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-01549.

Для цитирования:

Воробьева О. Д., Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С. Взаимосвязь миграции и демографического старения населения регионов России: анализ на уровне возрастных групп // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 149-164. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-149-164; EDN: RBTPNA

Аннотация. Основной целью статьи является анализ процессов старения в миграционном контексте. Приводится краткий обзор основных направлений тематических исследований, раскрывающих взаимосвязи старения и миграции: влияние миграции трудоспособного населения и старения населения на рынок труда, демографическую и социальную нагрузку. Рассматриваются методы оценки влияния социально-демографических факторов на региональные особенности старения населения России. На данных Росстата (ЕМИСС) проведена проверка гипотез влияния двух эффектов миграции, замедляющих (компенсирующих) процесс демографического старения: 1) высокий миграционный прирост сдерживает темп старения, 2) интенсивная эмиграция пожилого населения способствует замедлению процесса демографического старения и позволяет регионам оставаться в группе наименее «старых». При этом первоначальная гипотеза о том, что регионы с миграционным приростом будут сохранять более молодой возрастной состав, — не подтвердилась. Напротив, наиболее высокий положительный миграционный прирост характерен для наиболее старых регионов. Это объясняется первичностью факторов воспроизводства населения (рождаемости и смертности) — именно они, а не миграция, определяют возрастной состав населения и его изменения в динамике (в отличие от темпа старения). Выявлены взаимосвязи между ожидаемой продолжительностью жизни и старением населения по регионам, изменение доли пожилых людей в зависимости от миграционного прироста, разработана типология регионов по темпам старения и миграционному приросту. Рассмотрена зависимость темпов старения населения по регионам от уровня отдельных макроэкономических показателей.

Ключевые слова: миграция населения, демографическое старение, возрастной состав населения регионов, компенсаторный эффект миграции населения.

© Воробьева О. Д., Топилин А. В., Ниорадзе Г. В., Хроленко Т. С., 2024.

Введение

Проблема старения населения как многоаспектная и долговременная тенденция требует все большего внимания со стороны государственных структур и научного сообщества. Многие научные исследования посвящены изучению общемировых тенденций и трендов развития этого процесса [1; 2]. В ряде работ отмечается, что тенденции старения населения прослеживаются на территории всей России, но оно происходит в первую очередь «снизу». В отдельных субъектах РФ наиболее остро стоит вопрос не старения, а сбережения здоровья народа [3]. В.Г.Доброхлеб предлагает шире использовать методологию сохранения и развития ресурсного потенциала старшего поколения, что позволит дифференцированно подходить к формированию стратегии активного долголетия с учётом возможностей и мотивации различных групп пожилых людей [4]. Отмечается международный опыт формирования серебряной индустрии и экономики, ориентированной на определённую категорию граждан старшего поколения [5].

Данная работа является продолжением исследования [6; 7], охарактеризовавшего взаимосвязь естественного и миграционного движений, но влияние миграционных процессов на изменение возрастного состава населения регионов рассмотрено не было. Вместе с тем анализ трансформации именно возрастного состава населения под влиянием миграционных процессов важен и редко предпринимался исследователями ранее. Причём это воздействие различно как для принимающих, так и для отдающих население регионов. Известно, что наиболее активный «миграционный» возраст находится в интервале от 16 до 35 лет [8], поэтому отъезд населения этой возрастной группы приводит к старению населения региона его отдающего, а прибытие — способствует омоложению возрастного состава населения принимающего региона. Однако под влиянием различных факторов социально-экономического, а также климатического, природного характера и ряда

других, активной, многочисленной группой населения, участвующего в территориальных перемещениях, становятся люди старших возрастных групп [9]. В этой связи целью исследования является рассмотрение взаимосвязей миграции населения в разрезе возрастных групп и демографического старения населения регионов.

Источником информации для исследования послужили данные ЕМИСС и данные о возрастном составе мигрантов по регионам РФ в за 2000–2021 гг., полученные из Росстата по запросу. Измерялась взаимосвязь миграции населения с показателями долей пожилых в возрастной структуре¹. Особый интерес представлял расчёт показателя темпа старения населения. Показатели миграционного движения населения (сальдо) были использованы в расчёте на 1 тыс. населения. Для более объективного анализа привлекались данные о естественном движении населения — суммарный коэффициент рождаемости² и коэффициент смертности³. В качестве показателей экономического развития регионов использовались следующие: уровень занятости населения⁴, уровень безработицы (по методологии МОТ)⁵, реальные располагаемые денежные доходы⁶, валовой региональный продукт в основных ценах⁷, численность населения с денежными доходами ниже величини-

¹ Численность постоянного населения — мужчин по возрасту на 1 января // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31548>; Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 14.05.2023).

² Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 14.05.2023).

³ Смертность от всех причин, случаев на 1000 населения // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43516> (дата обращения: 14.05.2023).

⁴ Уровень занятости // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/34027> (дата обращения: 26.05.2023).

⁵ Уровень безработицы (по методологии МОТ) // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43062> (дата обращения: 26.05.2023).

⁶ Реальные располагаемые денежные доходы // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43278> (дата обращения: 26.05.2023).

⁷ Валовой региональный продукт в основных ценах (ОКВЭД 2) // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61497> (дата обращения: 26.05.2023).

ны прожиточного минимума (в % от общей численности населения)⁸.

Реализация сценариев демографического развития с точки зрения старения населения

На предыдущем этапе исследования влияния процессов естественного и миграционного движения на динамику общего прироста численности населения регионов России, выявлено шесть сценариев сочетания воспроизводственных и миграционных процессов и проведена типология регионов РФ по реализации того или иного сценария в процессе демографического развития в динамике за 2000-2021 гг. (табл. 1).

Рассмотрим реализацию сценариев демографического развития с точки зрения старения населения. Для этого воспользуемся показателями, которые позволят определить меры центральной тенденции и меры изменчивости, отражающими долю пожилого населения (старше трудоспособного) в разрезе шести рассмотренных сценариев (табл. 2). Результаты показывают,

что наибольшая доля регионов с самым «старым» населением сосредоточена именно в группе «депрессивных» регионов, развивающихся по сценарию № 1 (сокращение общей численности населения под влиянием естественной убыли, не компенсированной миграционным приростом), и по сценарию № 3 (прирост общей численности населения в результате превышения миграционного прироста над естественной убылью населения). Схожая ситуация зафиксирована между рассматриваемыми показателями характерна также для наиболее депрессивного сценария № 5 (сокращение общей численности населения в результате естественной и миграционной убыли населения). При этом сценарий № 5 тоже характеризуется очень высокой изменчивостью (в отличие от № 1 и № 3). В результате общий вывод сводится к следующему: отрицательная корреляция между демографическим старением и позитивной демографической динамикой очевидна, однако не имеет критического значения. Иными словами, в большинстве случаев, рост численности населения региона препятствует росту доли пожилого населения в общей его численности.

⁸ Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения // ЕМИСС. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33460> (дата обращения: 26.05.2023).

Таблица 1

Основные сценарии изменения общей численности населения региона под влиянием естественного и миграционного прироста/убыли населения

Table 1

The main scenarios of changes in the total population of region due to natural and migratory population growth/loss

Сценарий	Естественный прирост/убыль	Миграционное сальдо (положительное/отрицательное)	Сумма (положительная, отрицательная)
1	Убыль	Положительное	Отрицательная
2	Прирост	Положительное	Положительная
3	Убыль	Положительное	Положительная
4	Прирост	Отрицательное	Отрицательная
5	Убыль	Отрицательное	Отрицательная
6	Прирост	Отрицательное	Положительная

Источники: данные ЕМИСС — URL: <https://fedstat.ru/>; данные о возрастном составе мигрантов по регионам РФ в динамике за 2000–2021 гг., полученные по запросу из Росстата.

Таблица 2

Меры центральной тенденции и изменчивости доли пожилых по регионам, развивающимся в соответствии со сценариями, %

Table 2

Measures of the central trend and variability of the share of older persons by regions developing according to scenarios. %

Показатель	Сценарий № 1	Сценарий № 2	Сценарий № 3	Сценарий № 4	Сценарий № 5	Сценарий № 6
Среднее	24,1	17,5	24,2	17,8	22,5	13,1
Медиана	24,2	18,5	24,3	19,0	23,0	11,7
Размах вариации	13,9	23,1	13,3	17,9	21,5	19,3
Стандартное отклонение	3,1	6,0	2,4	4,6	4,3	4,6
Максимум	30,7	27,7	28,5	24,2	31,3	23,6
Минимум	16,8	4,6	15,2	6,3	9,8	4,4

Источники: данные ЕМИСС — URL: <https://fedstat.ru/>; данные о возрастном составе мигрантов по регионам РФ в динамике за 2000–2021 гг., полученные по запросу из Росстата.

Как видно далее из рисунков минимальное значение доли пожилых людей в составе населения регионов встречается в тех из них, которые развиваются по самому благоприятному сценарию демографической динамики (№ 2). А максимальная доля лиц старшего возраста в составе населения, в тех регионах, которые развиваются по самому негативному сценарию (№ 5), а также в регионах с интенсивным естественным приростом, компенсирующим миграционную убыль (№ 6).

Миграционный прирост по возрастным группам

Однако какова связь миграции отдельных возрастных групп населения и демографического старения? Продолжим рассмотрение доли лиц в возрасте старше трудоспособного в составе населения, но теперь с учётом миграционного прироста на 1 тыс. населения. На данном этапе отберём 10 наиболее «старых» и 10 наименее «старых». Мы сознательно избегаем словосочетание «самые молодые регионы», поскольку это бы означало, что мы опираемся на показатель доли лиц моложе трудоспособного, однако для корректности сравнения мы используем один и тот же показатель — удельный вес старшего поколения

в максимальном и минимальном значениях. В связи с тем, что за исследуемый период (2000–2021 гг.) население в целом «постарело», то целесообразнее рассмотреть два отдельных периода: 2000–2010 гг., 2011–2021 гг. Для точности оценки снова обратимся к структурным средним показателям — медианным значениям изучаемого признака.

Рис. 1 показывает изменение миграционного движения в наиболее «старых» регионах: период 2000–2010 гг. характеризуется миграционным приростом почти всех возрастных групп (кроме старшего возраста и молодёжи 15–29 лет), тогда как в 2011–2021 гг. резко изменяется ситуация. На рис. 2, описывающем изучаемые процессы в наименее «старых» регионах, можно заметить, что средний для представленной группы регионов в 2000–2010 гг. практически нулевой прирост едва удалось отобразить визуально. Кроме того, наблюдается интенсивный отток старших возрастных групп. Таким образом, мы фиксируем один из эффектов миграции — в некоторых регионах процесс старения замедляется за счёт отъезда старшего поколения. К таким регионам в первую очередь относятся те, которые наименее благоприятны для проживания в пожилом возрасте (речь идёт не о конкретных регионах, а об усло-

виях, которые изменчивы, но их наличие или отсутствие влияет на благоприятность проживания в пожилом возрасте. В связи с этим перечисление конкретных регионов не представляется целесообразным). Всё

это позволяет сделать следующее обобщение: демографическое старение смягчается не только прибытием лиц моложе и трудоспособного возраста, но и отъездом лиц в возрасте старше трудоспособного.

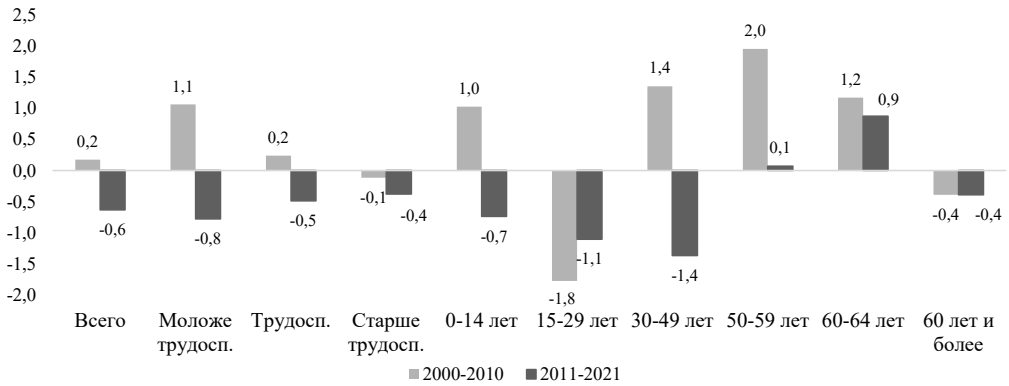

Рис. 1. Медианный миграционный прирост на 1 тыс. человек населения среди топ-10 наиболее «старых» регионов РФ по двум периодам

Fig. 1. Median net migration per thousand people among the top 10 «oldest» regions of the Russian Federation in two periods

Примечание: некоторые искажения вносят регионы, несколько раз попадавшие в категорию наиболее/наименее «старых» за рассматриваемые периоды.

Источники: данные ЕМИСС — URL: <https://fedstat.ru/>; данные о возрастном составе мигрантов по регионам РФ в динамике за 2000–2021 гг., полученные по запросу из Росстата.

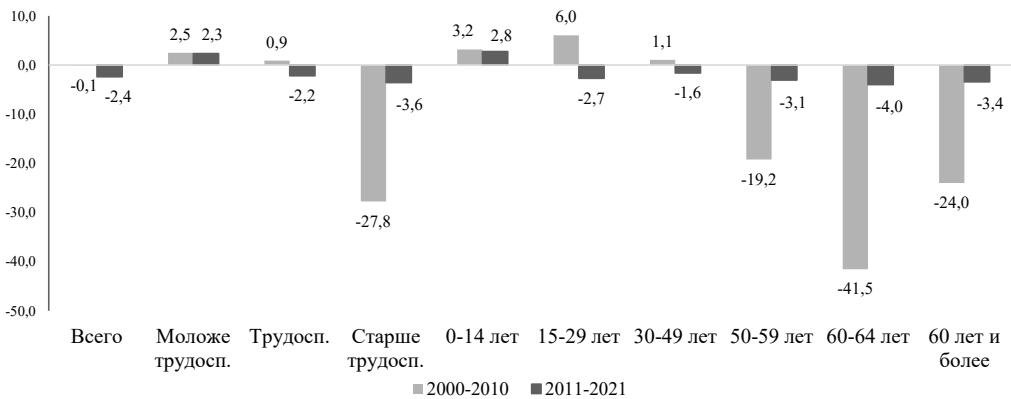

Рис. 2. Медианный миграционный прирост на 1 тыс. человек населения среди топ-10 наименее «старых» регионов РФ по двум периодам

Fig. 2. Median net migration per thousand people among the top 10 «leastold» regions of the Russian Federation in two periods

Примечание: некоторые искажения вносят регионы, несколько раз попадавшие в категорию наиболее/наименее «старых» за рассматриваемые периоды.

Источники: данные ЕМИСС — URL: <https://fedstat.ru/>; данные о возрастном составе мигрантов по регионам РФ в динамике за 2000–2021 гг., полученные по запросу из Росстата.

Резкие колебания миграционного прироста населения по отдельным возрастным группам, которые мы наблюдаем по данным официальной статистики, в течение двух периодов 2000–2010 и 2011–2021 гг. можно объяснить тем, что в первый период происходили существенные изменения в учёте миграционных потоков и категорий мигрантов. После принятия нового закона РФ о гражданстве, вступившего в силу 1 июня 2002 года, заметно снизился объем официально регистрируемых мигрантов в Россию. Сальдо международной миграции в 2003–2004 гг. сократилось по сравнению с 2000 г. в 5 и более раз. Уменьшились, хотя и не столь значительно, объёмы межрегиональной миграции — с 2,3 млн человек в 2000 г. до 1,9 млн в 2005 г., то есть на 17%. Следующие изменения произошли в 2007 г., когда в постоянное население стали включать иностранных граждан и лиц без гражданства, впервые получивших разрешение на временное проживание. В результате в 2007–2009 гг. миграционный прирост по сравнению с 2006 г. значительно увеличился. Ещё раз двукратное увеличение сальдо миграции произошло в 2011 г., достигнув 319 тыс. человек по сравнению с 158 тыс. в 2010 году. Все эти изменения миграционного учёта и корректировка миграционной политики существенно повлияли на масштабы и возрастной состав мигрантов. Можно также предположить, что определённое влияние на миграцию старшего поколения оказала мера по увеличению в 2019 г. возраста выхода на пенсию по старости и возможного изменения жизненных планов у части лиц предпенсионного возраста. Наконец, нельзя не учитывать воздействия на миграционные процессы COVID-19, что отразилось на сокращении масштабов миграции в 2020 г. с последующим компенсационным эффектом в 2021 году.

Однако, несмотря на статистические колебания, можно заметить, что уровень старения населения в регионах во многом зависит от интенсивности миграционной убыли (рис. 1 и 2). И наиболее, и наименее «старые» регионы характеризуются миграционной убылью (медианные значения), однако

в наиболее «старых» регионах убыль меньше (-0,77 против -2,34 на 1 тыс. человек). При этом отмечаются существенные отличия возрастной структуры населения, выезжающего из постоянного места жительства. Наименее «старые» регионы характеризуются более интенсивным оттоком населения старшего поколения в возрастной группе 60+ лет коэффициент миграционного прироста -0,4 против -3,4 на 1 тыс. человек в наименее старых регионах. Эта тенденция ярко выражена в период 2000–2010-х гг., а в последнее десятилетие — менее выражена. Влияние миграционного прироста населения трудоспособного и моложе трудоспособного возраста также присутствует, но оно гораздо менее заметно. Итого, в среднем за период 2000–2021 гг. регионами с самой высокой долей пожилого населения являлись области Тульская (28,1% лиц старше трудоспособного возраста), Рязанская (27,6%), Тамбовская (27,3%), Тверская (27,1%) и Псковская (26,9%). А к наименее «старым» относятся Ямало-Ненецкий АО (7,8%), республики Чеченская (8,8%), Ингушетия (9,6%), Тыва (10,0%) и Чукотский АО (10,2%).

В 10 регионах с наибольшим и 10 регионах с наименьшим миграционным приростом наблюдаются, на первый взгляд, парадоксальные изменения. В регионах с максимальным приростом в каждой из возрастных групп увеличивается доля лиц старше трудоспособного возраста (рис. 3). Например, в регионах с высоким показателем миграционного прироста молодежи медианная доля пожилых составляет 27%, а в регионах с низким показателем миграционного прироста молодежи доля пожилых — только 10%. Это доказывает, что основным драйвером старения является низкая рождаемость, которую не удаётся компенсировать миграционным приростом.

Типология регионов по темпам старения и миграционному приросту

Если процесс демографического старения — это увеличение доли пожилого населения в общей его численности, то важно рассмотреть, с какой скоростью происходит

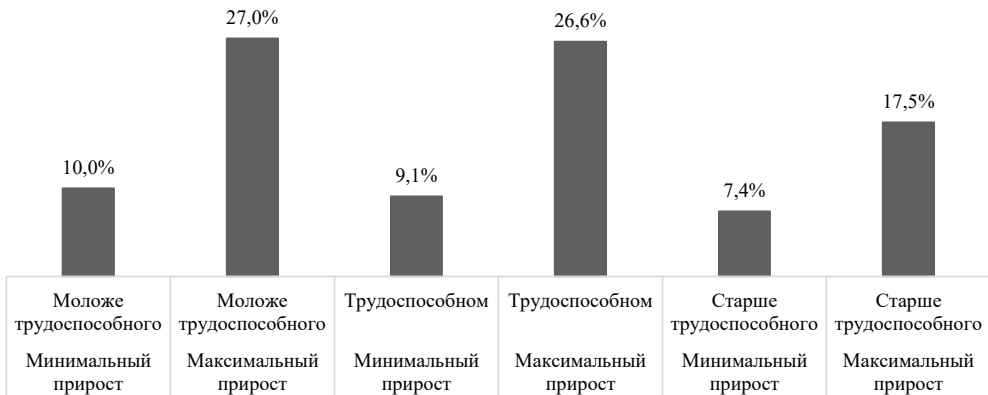

Рис. 3. Медианная доля лиц в возрасте старше трудоспособного в зависимости от миграционного прироста по возрастным группам (2000–2021 гг.)

Fig. 3. The median proportion of people over the age of able-bodied, depending on migration growth by age group (2000–2021)

Источники: данные ЕМИСС — URL: <https://fedstat.ru/>; данные о возрастном составе мигрантов по регионам РФ в динамике за 2000–2021 гг., полученные по запросу из Росстата.

это увеличение или темпы демографического старения, а также то, как темпы старения взаимосвязаны с динамикой миграционного прироста населения. Используемые показатели — среднегодовой темп прироста доли пожилых и общий миграционный прирост на 1 тыс. человек населения. Оба показателя усреднены в периоде 2000–2021 годов. По данным табл. 3 можно видеть, в какой степени миграция позволяет сдерживать демографическое старение. Так, в регионах с высоким миграционным приростом в 4 раза ниже темп старения, чем в регионах

с низким (0,6% против 2,3%). Однако возрастная структура показывает иное: в среднем доля пожилых в регионах с высоким миграционным приростом составляет 23% вместо 17% в тех регионах, где наблюдается низкий миграционный прирост.

Рассмотрим показатели, отражающие процессы воспроизводства населения в регионах, которые вошли в группу с наименьшим миграционным приростом и с наибольшим (табл. 4). Влияние воспроизводственных процессов в чистом виде на возрастную структуру населения, зависит

Таблица 3

Средние значения показателей по регионам с наибольшим и наименьшим общим миграционным приростом (2000–2021 гг.)

Table 3

Average values of indicators for the regions with the highest and lowest total net migration (2000–2021)

Показатель	Доля лиц старше трудоспособного возраста, %	Темп старения (прирост), %	Миграционный прирост на 1000 человек			
			Всего	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного
Среднее по регионам с самым высоким миграционным приростом	22,7	0,6	9,5	8,8	11,4	6,1
Среднее по регионам с самым низким миграционным приростом	17,3	2,3	-7,5	-4,7	-7,9	-11,3

Источники: данные ЕМИСС — URL: <https://fedstat.ru/>; данные о возрастном составе мигрантов по регионам РФ в динамике за 2000–2021 гг., полученные по запросу из Росстата.

от соотношения рождаемости и смертности населения. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) показывает, что в среднем рождаемость ниже в регионах с наивысшим миграционным приростом (1,49 против 1,75 в регионах с низким миграционным приростом). Что касается смертности, то и она ниже в регионах с наивысшим миграционным приростом (коэффициент смертности 12,93‰ против 13,29‰). Такое сочетание этих факторов усиливают демографическое старение. Следовательно, миграционно привлекательными регионами являются социально-экономически более

развитые, однако именно в них процессы естественного движения населения приводят к росту доли пожилого населения. Замедлению этого процесса может способствовать миграционный прирост с высокой долей молодого населения. Что же касается влияния миграции на рождаемость, то переселение в другую страну влияет на увеличение возраста демографического дебюта в связи с необходимостью адаптации в новой среде. В результате мигрантам свойственно корректировать (откладывать) реализацию репродуктивных установок, что не позволяет резко увеличить рождаемость.

Таблица 4

Список регионов с наибольшим и наименьшим общим усреднённым миграционным приростом и показатели естественного движения населения

Table 4

List of regions with the highest or lowest overall average net migration and vital indicators

Регионы с наибольшим общим миграционным приростом	СКР	Коэффициент смертности, ‰	Регионы с наименьшим общим миграционным приростом	СКР	Коэффициент смертности, ‰
Среднее по перечисленным регионам	1,49	12,93	Среднее по перечисленным регионам	1,75	13,29
Белгородская область	1,35	14,89	Архангельская область	1,54	15,0
Москва	1,25	11,14	Еврейская АО	1,66	15,54
Санкт-Петербург	1,3	13,72	Забайкальский край	1,79	14,17
Севастополь*	1,52	13,66	Курганская область	1,71	16,61
Калининградская область	1,42	14,68	Магаданская область	1,47	12,64
Краснодарский край	1,56	14,05	Мурманская область	1,42	12,36
Ленинградская область	1,13	16,48	Республика Калмыкия	1,71	10,7
Московская область	1,37	15,18	Республика Коми	1,60	13,35
Республика Ингушетия	2,12	3,9	Республика Тыва	2,78	11,52
Тюменская область (без АО)*	1,9	11,66	Чукотский АО	1,85	11,0

*некоторые субъекты РФ (Тюменская область без АО и город Севастополь) представлены меньшим количеством отчётных периодов (лет), что вносит определённые искажения.

Источники: данные ЕМИСС — URL: <https://fedstat.ru/>; данные о возрастном составе мигрантов по регионам РФ в динамике за 2000–2021 гг., полученные по запросу из Росстата.

Процессы демографического старения и миграционного прироста могут иметь несколько сочетаний. Рассмотрены 6 из них: 1) интенсивное старение благодаря низкому СКР и низкому миграционному приросту; 2) интенсивное старение преимущественно благодаря низкому СКР; 3) интенсивное старение преимущественно благодаря низкому миграционному при-

росту; 4) замедленное старение благодаря высокому СКР и высокому миграционному приросту; 5) замедленное старение преимущественно благодаря высокому СКР; 6) замедленное старение преимущественно благодаря высокому миграционному приросту. Первые три типа сочетания приводят к усилению старения, то есть к увеличению темпов роста демографического старе-

ния и увеличению доли лиц старшего возраста. В трех последних представленных типах процесс старения замедляется. На наш взгляд, наиболее явным образом взаимосвязь старения и миграции — точнее, её компенсаторный эффект — проявляется в последнем типе. Напротив, наименее тесное влияние миграции на старение происходит по типу 5. Рассмотрим более подробно эти два типа.

Для выявления регионов с максимальной взаимосвязью старения и миграции будем исходить из следующих условий: 1) СКР ниже медианного (чтобы отсесть регионы, которые тормозят старение за счёт низкой рождаемости, а не миграции) — из группы

исключатся регионы, имеющие СКР выше медианного значения: это типично для большинства регионов, характеризующихся старением «снизу»; 2) наивысший общий миграционный прирост за 2000–2021 гг. — отбираются 20 регионов с наибольшим общим миграционным приростом; 3) наименьший темп старения региона за 2000–2021 гг. — регионы ранжируются от наиболее медленно до наиболее быстро стареющих регионов. Из оставшихся отбираются 10 регионов с наименьшим темпом старения. Таким образом, выявляются регионы, где миграция наиболее явно повлияла на замедление старения, при этом нивелируя фактор рождаемости (табл. 5).

Таблица 5
Регионы, в которых наиболее высока роль миграционных процессов в замедлении темпов старения населения (усреднённые данные по 2000–2021 гг.)

Table 5

Regions where migration processes play the most important role in slowing the population aging rate (average data for 2000–2021)

Регион	Доля лиц старше трудоспособного возраста, %	Темп старения (прирост), в %	СКР	Миграционный прирост на 1000 человек			
				Всего	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного
Севастополь*	26,7	-1,54	1,52	27,86	29,99	33,09	15,38
Московская область	23,8	0,14	1,37	11,03	12,99	13,46	3,58
Воронежская область	26,7	0,49	1,3	2,93	2,88	3,51	1,71
Тульская область	28,1	0,54	1,27	0,88	0,64	1,28	0,2
Курская область	26,2	0,62	1,44	1,18	1,24	1,14	1,26
Рязанская область	27,6	0,63	1,37	1,2	1,12	1,28	1,06
Нижегородская область	25,4	0,63	1,37	1,04	0,69	1,3	0,62
Ставропольский край	22,1	0,68	1,42	0,88	1,48	0,47	1,54
Ярославская область	26,2	0,7	1,41	2,27	2,15	2,54	1,69
Санкт-Петербург	25,1	0,72	1,3	6,28	1,4	9,03	1,99

*некоторые субъекты РФ (в данном случае Севастополь) представлены меньшим количеством отчётных периодов (лет), что вносит определённые искажения.

Источники: данные ЕМИСС — URL: <https://fedstat.ru/>; данные о возрастном составе мигрантов по регионам РФ в динамике за 2000–2021 гг., полученные по запросу из Росстата.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что наиболее полно миграция компенсирует старение в регионах Центрального федерального округа (ФО), а также по одному в Северо-Кавказском ФО (Ставропольский край), Северо-Западном ФО (Санкт-Петербург), Южном ФО (Севастополь). Для более точной оценки влияния миграции на процесс старения сравним коэффициенты миграционного прироста молодых и старших возрастов. Чем данный коэффициент выше, тем демографическая ситуация более благополучная и наоборот. Так, в Московской области коэффициент миграционного прироста молодёжи превышает аналогичный коэффициент старшего поколения в 3,6 раза, в Тульской — в 3,2 раза, Воронежской — в 1,9 раза, Ярославской —

в 1,3 раза, в Рязанской и Нижегородской областях — в 1,1 раза. В целом по десяти регионам первой группы данный коэффициент составил 1,9 раза. Для выявления регионов с наименьшей корреляцией миграционного движения и старения населения используются те же показатели, что и для первой группы регионов, но с минимальными их значениями (табл. 6). Эти условия выполняются в регионах ФО Сибирского (Республика Тыва, Иркутская область), Южного (Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Дальневосточного (Забайкальский край, Республика Бурятия), Северо-Западного (Архангельская область без АО), Северо-Кавказского (Республика Северная Осетия-Алания), Приволжского (Кировская область), Уральского (Курганская область).

Таблица 6

Регионы, в которых миграционные процессы оказывают наименьшее влияние на замедление темпов старения населения (усреднённые данные по 2000–2021 гг.)

Table 6

Regions where migration processes have the least impact on slowing the population aging rate (average data for 2000–2021)

Регион	Доля лиц старше трудоспособного возраста, %	Темп старения (прирост), %	СКР	Миграционный прирост на 1 тыс. человек			
				Всего	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного
Архангельская область без АО*	26,8	0,13	1,64	-3,18	-3,61	-3,16	-2,93
Республика Северная Осетия-Алания	21,2	0,6	1,71	-3,82	-3,81	-4,76	-1,1
Республика Тыва	10,0	0,98	2,78	-5,11	-2,71	-5,94	-7,21
Республика Дагестан	11,7	1,12	1,88	-3,31	-3,05	-3,86	-1,18
Кабардино-Балкарская Республика	17,4	1,26	1,53	-3,31	-1,94	-4,08	-2,23
Кировская область	25,0	1,31	1,53	-2,62	-2,5	-3,53	-0,56
Забайкальский край	17,4	1,37	1,79	-5,22	-4,72	-5,7	-4,15
Республика Бурятия	17,1	1,41	1,9	-3,1	-2,09	-3,8	-1,77
Иркутская область	19,6	1,41	1,72	-2,22	-1,98	-2,45	-1,69
Курганская область	24,9	1,45	1,71	-5,43	-5,28	-7,13	-1,66

*некоторые субъекты РФ (в данном случае Архангельская область без АО) представлены меньшим количеством отчётных периодов (лет), что вносит определённые искажения.

Источники: данные ЕМИСС — URL: <https://fedstat.ru/>; данные о возрастном составе мигрантов по регионам РФ в динамике за 2000–2021 гг., полученные по запросу из Росстата.

Особенно критическое (или неблагоприятное) положение складывается в регионах, где коэффициент миграционной убыли молодёжи превышает коэффициент миграционной убыли старшего поколения: в Кировской области — в 4,46 раза, Республике Северная Осетия-Алания — в 3,46 раза, в Курганской области — в 3,18 раза, в Республике Дагестан — в 2,58 раза, в Архангельской области — в 1,23 раза, в Республике Бурятия — в 1,18 раза, в Иркутской области — в 1,17 раза, в Забайкальском крае — в 1,14 раза. В этих регионах отток населения захватывает все возрастные группы, но в наибольшей степени молодёжь. Такие тенден-

ции в миграции влияют на ухудшение половозрастного состава населения (демографическую пирамиду) в этих регионах, уменьшая её устойчивость в перспективе.

Сравнение средних значений каждой из групп регионов представлено в табл. 7. Данные показывают ожидаемые результаты: влияние естественного движения населения, как отмечалось ранее, безусловно, является более существенным фактором, нежели миграции. Усреднённые темпы старения оказываются существенно выше (в 3 раза) в регионах, где слабый миграционный прирост. В этом и проявляется компенсаторный эффект миграции, тормозящий старение.

Таблица 7

Сравнение групп регионов с противоположными эффектами влияния миграционных процессов на замедление темпов старения населения (усреднённые данные по 2000–2021 гг.)

Table 7

Comparison of groups of the regions with opposite effects of migration processes on slowing the population aging rate (average data for 2000–2021)

Тип региона	Сущность	Доля лиц старше трудоспособного возраста, %	Темп старения (прирост), в %	СКР	Миграционный прирост на 1000 человек			
					Всего	Моложе трудоспособного	Трудоспособный	Старше трудоспособного
Регионы с сильной взаимосвязью миграции и старения	сильный миграционный прирост тормозит старение	25,8	0,36	1,38	5,56	5,46	6,71	2,9
Регионы со слабой взаимосвязью миграции и старения	интенсивное воспроизводство населения тормозит старение	19,1	1,1	1,82	-3,73	-3,17	-4,44	-2,45

Источники: данные ЕМИСС — URL: <https://fedstat.ru/>; данные о возрастном составе мигрантов по регионам РФ в динамике за 2000–2021 гг., полученные по запросу из Росстата.

Возможно сделать ряд выводов. Во-первых, вторая группа регионов испытывает миграционную убыль, что выражается в отрицательных значениях миграционного прироста (-3,73 на 1 тыс. человек). Во-вторых, интенсивность миграционных приростов (в одной группе регионов) и убыли (в другой группе регионов) не одинакова. В целом это является следствием стабильно положительного миграционного сальдо в РФ. В-третьих, в возрастном разрезе наиболее суще-

ственным миграционный прирост фиксируется как в трудоспособном возрасте (ожидается), так и в возрасте моложе трудоспособного (при этом разрыв между ними не столь велик). Однако всё же основным драйвером общего миграционного прироста является, как известно, наиболее активный миграционный возраст 16–40 лет, о чём свидетельствует самое разительное отклонение — 11,15 (6,71 в регионах с сильной взаимосвязью старения и миграции и -4,44 в регионах со слабой).

Далее рассмотрим взаимосвязь регионов и старения с точки зрения экономического развития (табл. 8).
и старения с точки зрения экономического развития (табл. 8).

Таблица 8

Взаимосвязь старения, миграции и экономического развития* (усреднённые данные 2016–2020 гг.)

Table 8

The relationship between ageing, migration and economic development (average data for 2016–2020)

Регионы	Доля лиц старше трудоспособного, в %	Темп старения (прирост), в %	Уровень занятости, в %	Уровень безработицы, в %	Реальные располагаемые денежные доходы (значение показателя за год), в %	ВРП (в ценах 2016 г.), в млн руб.	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, в % от общей численности населения
С сильной взаимосвязью	28	0,14	65,55	4,24	99,19	1354,2	10,18
Со слабой взаимосвязью	22	0,79	61,64	8,06	98,66	390,7	18,62

*из-за недоступности тех или иных показателей в некоторые годы анализируется только тот период, где имеется информация по всем показателям — 2016–2020 гг. Уровень занятости — среди лиц в возрасте 15–72 лет. Уровень безработицы (по методологии МОТ) — среди лиц в возрасте 15–72 лет. Реальные располагаемые денежные доходы — к соответствующему периоду прошлого года. Валовый региональный продукт — всего по обследуемым видам экономической деятельности (постоянные цены 2016 года).

Источники: данные ЕМИСС — URL: <https://fedstat.ru/>; данные о возрастном составе мигрантов по регионам РФ в динамике за 2000–2021 гг., полученные по запросу из Росстата.

Регионы с сильным компенсаторным эффектом миграции находятся в значительно лучшем экономическом положении по всем показателям. В целом эти регионы наиболее «старые», что не препятствует, как видно, наиболее высокому уровню их экономического развития. Однако, учитывая известную закономерность, что мигранты стремятся в экономически более развитые регионы, возникает вопрос: способствуют ли мигранты дальнейшему экономическому развитию регионов-реципиентов или мигранты просто встраиваются в более интенсивно развивающуюся экономику? Для ответа на эти вопросы необходимо проведение специального дополнительного исследования. Пока это открытые дискуссионные вопросы.

Отметим, что и в первом, и во втором случае темпы старения населения регионов низкие — от 0,14% до 0,79%. Для сравне-

ния максимальный средний темп старения в 2016–2020 гг. — 5,1% (Ямало-Ненецкий АО), а минимальный — -1,05% (Тюменская область без АО), то есть в последнем случае население по усреднённым данным помолодело. Попадание в полярные ситуации соседствующих регионов (Тюменская область и Ямало-Ненецкий АО) лишний раз свидетельствует о неоднозначности демографической динамики РФ.

Основные результаты

1. Установлена прямая зависимость между миграционным приростом и долей пожилых в общей численности населения, и обратная зависимость между миграционным приростом и темпом старения. Компенсаторный эффект миграции для торжества (замещения) старения отражается на темпах старения, но не отражает-

ся на доле пожилых. Это связано с тем, что влияние факторов естественного движения первостепенно для формирования возрастной структуры, а миграция имеет второстепенное значение, хотя и очень заметное. Другая причина наличия максимального миграционного прироста в более «старых» регионах состоит в том, что в них имеется более развитая производственная и социальная инфраструктура, расширяющая возможности для трудоустройства, повышения образования, получения качественных социальных услуг.

2. Взаимосвязь миграции и старения многогранна. Миграционная убыль населения характерна как для наиболее, так и для наименее «старых» регионов. При этом, чем старше возрастной состав населения, тем ниже миграционная убыль. В регионах с наиболее молодым возрастным составом населения миграционная убыль наиболее высока. В регионах с высоким уровнем миграционного прироста (наиболее миграционно привлекательных) наблюдается высокий уровень старения населения, но низкий темп старения. В регионах с миграционной убылью, напротив, низкий уровень доли пожилого населения и высокий темп старения.

3. Разрыв в темпах старения между регионами с максимальным и минимальным миграционным приростом составляет 4 раза. Влияние процесса рождаемости

на возрастную структуру снижает данный разрыв до 3 раз.

4. Старение населения в регионах России согласуется главным образом не с миграционным приростом, а с интенсивностью миграционной убыли. Регионы с наиболее старым населением характеризуются низкой миграционной убылью, а с наименее старым населением — высокой миграционной убылью.

5. Особенно ярко заметен такой фактор замедления старения, как переселение, переезд населения старших возрастных групп. Данный процесс существенен для районов Крайнего Севера и прочих регионов, куда переселяются исключительно по трудовым мотивам, а по завершении трудовой деятельности возвращаются в более климатически комфортные регионы или эмигрируют в зарубежные страны.

6. Рост миграционной привлекательности регионов, следовательно, миграционного прироста в них, приведёт к снижению темпа старения, но в связи с низкой рождаемостью, будет сохраняться или возрастать доля пожилого населения. Во многих исследованиях процессы демографического старения населения рассматриваются именно как угроза демографическому и социально-экономическому развитию. Наше исследование показало, что рост доли пожилого населения в его составе сопряжён с социально-экономическим развитием.

Литература и Интернет-источники

1. **Капелюшников, Р. И.** Феномен старения населения: экономические эффекты / Р. И. Капелюшников // Экономическая политика. — 2019. — Т. 14. — № 2. — С. 8–63. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63; EDN: MIIJFN
2. **Доброхлеб, В. Г.** Демографические теории и региональный аспект старения населения / В. Г. Доброхлеб, В. Н. Барсуков // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 6. — С. 89–103. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.6; EDN: YMWXGQ
3. **Черешнев, В. А.** Выявление региональных особенностей старения // В. А. Черешнев, Е. В. Чистова // Экономический анализ. Теория и практика. — 2017. — Т. 16. — Вып. 12. — С. 2206–2223. DOI: 10.24891/ea.16.12.2206; EDN: ZXQUOL
4. **Доброхлеб В. Г.** Демографическое старение в России и новая социальная реальность / В. Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6; EDN: SCLQUP
5. **Зуева А. С.** Старение населения: угроза демографической безопасности или потенциал развития серебряной экономики / А. С. Зуева, Т. С. Хроленко // Вестник РУДН. Серия: государ-

- ственное и муниципальное управление. — 2019. — № 3. — С. 234–242. DOI: 10.22636/2312-8313-2019-6-3-234-242; EDN: UTZRZY
6. **Топилин, А. В.** Миграция населения и демографическое старение в некоторых странах мира и России за период 1960–2021 гг. / А. В. Топилин, Г. В. Ниорадзе, Т. С. Хроленко // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2022. — Т. 20. — С. 302–319. DOI: 10.47711/2076-318-2022-302-319; EDN: HIMPQG
 7. **Воробьева, О. Д.** Региональная дифференциация компенсаторного эффекта миграции населения в процессе демографического старения в России / О. Д. Воробьева, Г. В. Ниорадзе, А. Е. Рубина // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. — 2022. — № 3/4. — С. 5–17. EDN: TGBXZX
 8. **Rogers, A.** Model migration schedules. Research report RR-81-30 / A. Rogers, L. J. Castro. — Laxenburg, Austria: IIASA, 1981. — 153 p. — URL: <https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/1543/1/RR-81-030.pdf> (дата обращения: 11.12.2023).
 9. **Карачурина, Л. Б.** Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности / Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян // Демографическое обозрение. — 2016. — Т. 3. — № 4. — С. 47–65. EDN: YNVXQH

Сведения об авторах:

Воробьева Ольга Дмитриевна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1304-3715; РИНЦ AuthorID: 250138.

Топилин Анатолий Васильевич, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: topilinav@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4432-8943; РИНЦ AuthorID: 453113.

Ниорадзе Георгий Владимирович, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nioradzersuh@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3127-5966; РИНЦ AuthorID: 1117975.

Хроленко Татьяна Сергеевна, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tatkhrolenko96@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3049-3515; РИНЦ AuthorID: 1047899.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-149-164

THE RELATIONSHIP BETWEEN MIGRATION AND DEMOGRAPHIC AGING OF THE POPULATION OF THE RF REGIONS: ANALYSIS AT THE LEVEL OF AGE GROUPS

Olga D. Vorobyova*, **Anatoly V. Topilin**, **Georgy V. Nioradze**, **Tatiana S. Khrolenko**

*Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS
(6 Fotievoy str., cor. 1, Moscow, Russia, 119333)*

**E-mail: 89166130069@mail.ru*

Funding:

The article uses the materials of a study conducted with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 22–28–01549 «Trends and prospects of population aging and migration in the world and Russia».

For citation:

Vorobyova O. D., Topilin A. V., Nioradze G. V., Khrolenko T. S. The relationship between migration and demographic aging of the population of the RF regions: analysis at the level of age groups. *Narodonaselenie* [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 149-164. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-149-164 (in Russ.)

Abstract. *The main purpose of the article is to analyze the aging process in the migration context. It provides a brief overview of the main areas of case studies that reveal the relationship between aging and migration: the impact of migration of the working-age population and population aging on the labor market, demographic and social burden, etc. The article discusses methods for assessing the influence of socio-demographic factors on the regional characteristics of the Russian population aging. Using data from Rosstat, we tested the hypotheses of the influence of two migration effects that slow down (compensate) the process of demographic aging: 1) high migration growth slows down the rate of aging, 2) intensive emigration of the elderly population helps to slow down the process of demographic aging and allows regions to remain in the group of the least «old ones.» At the same time, the initial hypothesis that the regions with migration growth will maintain a younger age composition was not confirmed. On the contrary, the highest positive migration growth is characteristic of the oldest regions. This is explained by the primacy of population reproduction factors (fertility and mortality) — it is they, and not migration, that determine the age composition of the population and its changes in dynamics (as opposed to the rate of aging). The relationships between life expectancy and population aging by region, changes in the proportion of older people depending on migration growth have been identified, and a typology of regions has been developed based on the rate of aging and migration growth. The dependence of the rate of population aging by region on the level of separate macroeconomic indicators is considered.*

Keywords: *population migration, demographic aging, age composition of the population of regions, compensatory effect of population migration.*

References and Internet sources

1. Kapelyushnikov R. I. Fenomen stareniya naseleniya: ekonomicheskiye efekty [*The phenomenon of population aging: major economic effects*]. *Ekonomicheskaya politika* [*Economic Policy*]. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 8–63. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63 (in Russ.)
2. Dobrokhleb V. G., Barsukov V. N. Demograficheskiye teorii i regional'nyy aspekt stareniya naseleniya [*Demographic theories and the regional aspect of population ageing*]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*]. 2017. Vol. 10. No. 6. P. 89–103. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.6 (in Russ.)
3. Chereshev V. A., Chistova E. V. Vyyavleniye regional'nykh osobennostey stareniya [Determination of regional aspects of population aging in Russia]. *Ekonomicheskii analiz. Teoriya i praktika* [*Economic Analysis: Theory and Practice*]. 2017. Vol. 16. No. 12. P. 2216–2223. DOI: 10.24891/ea.16.12.2206 (in Russ.)
4. Dobrokhleb V. G. Demograficheskoye starenie v Rossii i novaya sotsial'naya real'nost' [Demographic aging in Russia and new social reality]. *Narodonaselenie* [*Population*]. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6 (in Russ.)
5. Zueva A. S., Khrolenko T. S. Starenie naseleniya: ugroza demograficheskoy bezopasnosti ili potentsial razvitiya serebryanoy ekonomiki [Population aging: demographic security threat or silver industry development potential]. *Vestnik RUDN. Seriya: gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye* [*RUDN Journal of Public Administration*]. 2019. No. 3. P. 234–242. DOI: 10.22636/2312-8313-2019-6-3-234-242 (in Russ.)
6. Topilin A. V., Nioradze G. V., Khrolenko T. S. Migratsiya naseleniya i demograficheskoye starenie v nekotorykh stranah mira i Rossii za period 1960–2021 gg. [Population migration and demographic aging in some countries of the world and Russia for the period 1960–2021]. *Nauchnyye trudy: Institut*

- narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN [*Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*]. 2022. Vol. 20. P. 302–319. DOI: 10.47711/2076-318-2022-302-319 (in Russ.)
7. Vorobyova O. D., Nioradze G. V., Rubina A. E. Regional'naya differentsiatsiya kompensatornogo effekta migratsii naseleniya v protsesse demograficheskogo stareniya v Rossii [Regional differentiation of compensatory effect of population migration in the process of demographic aging in Russia]. *Aktual'nyye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii [Actual Problems of Socio-Economic Development of Russia]*. 2022. No. 3/4. P. 5–17. (in Russ.)
 8. Rogers A., Castro L. J. *Model Migration Schedules*. Research report RR-81–30. Laxenburg, Austria. 1981. IIASA. 153 p. Available at: [https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/1543/1/RR-81–030.pdf](https://pure.iiasa.ac.at/id/eprint/1543/1/RR-81-030.pdf) (Accessed: 11 December 2023).
 9. Karachurina L. B., Mkrtchyan N. V. Mezhhregional'naya migratsiya v Rossii: vozrastnyye osobennosti [Interregional migration in Russia: age characteristics]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2016. Vol. 3. No. 4. P. 47–65. (in Russ.)

Information about the authors:

Vorobyova Olga Dmitrievna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1304-3715; Elibrary AuthorID: 250138.

Topilin Anatoly Vasilievich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: topilina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4432-8943; Elibrary AuthorID: 453113.

Nioradze Georgy Vladimirovich, Junior Researcher, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nioradzersuh@gmail.com; ORCID: 0000-0003-3127-5966; Elibrary AuthorID: 1117975.

Khrolenko Tatiana Sergeevna, Junior Researcher, Institute for Demographic Research of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tatkhrolenko96@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3049-3515; Elibrary AuthorID: 1047899.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-165-178
EDN: RRDZAW

МИГРАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В ЗАБАЙКАЛЬЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Ананьина Д. А.*, Кондакова Н. С.

Забайкальский государственный университет
(672000, Россия, Чита, ул. Бабушкина, 129)

*E-mail: ananina_1989@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Забайкальского государственного университета «Приоритет – 2030. Дальний Восток».

Для цитирования:

Ананьина Д. А., Кондакова Н. С. Миграционные тренды в Забайкалье: ретроспективный анализ // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 165-178. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-165-179; EDN: RRDZAW

Аннотация. Обширные территории Забайкалья традиционно характеризовались малой плотностью населения. Проблему «опустения» восточного форпоста российского государства пытались решить в разное время и разными способами. Изменение политического режима, влияние социально-экономических факторов способствовали трансформации форм стимулирования миграции из центральных регионов России, однако содержание и логика этого процесса варьировались. В рамках статьи осуществляется попытка осмысления миграционных трендов, свойственных Забайкалью в разные исторические периоды, а именно в имперский (с момента присоединения территорий Восточной Сибири к Российской империи), советский и постсоветский (по настоящему время). Феномен миграции рассматривается, как разнонаправленный процесс притока населения «с Запада», обусловленный, как правило, целенаправленной политикой государства и оттока населения, связанного с добровольной инициативой местных жителей, стремящихся покинуть территории Забайкалья ввиду неблагоприятных климатических условий, отдалённости от центра и других причин. Рассмотрены детерминанты миграционных потоков и спектр причин, влияющих на них. Рефлексируется стратегическое значение Забайкалья для российской государственности, трансформирующееся под воздействием смен политических режимов, идеологий, а также мировых глобализационных процессов. Анализируется тенденция, обнаруживаемая на разных этапах исторического процесса, характеризующаяся «разворотом на Восток» внешнеполитического курса российского государства, предполагавшего задействование территорий Забайкалья в международных, экономических, межкультурных процессах, что способствовало интенсификации миграционных потоков. На основании проведённого ретроспективного анализа рассмотрена современная миграционная ситуация в крае, определяющей чертой которой является «хроническая» убыль населения.

Ключевые слова: миграция, Восточная Сибирь, миграционные потоки, политическая депортация, переселенцы.

© Ананьина Д. А., Кондакова Н. С., 2024.

Введение

Территория Забайкалья традиционно является активным актором миграционных процессов, испытывающим на себе воздействие миграционных волн различной направленности и интенсивности. Эти миграционные волны возникали как следствие официального внутреннего и внешнего политического курса и соответствующих приоритетов государства на восточносибирском направлении. Актуальность заявленного исследования определяется концептуализацией многоаспектного феномена миграции в Забайкалье, осмысления ее в ключе миграционных трендов, выступающих в роли маркеров, фиксирующих тенденции, характерные для того или иного исторического этапа. Миграционное перемещение в Забайкалье демонстрирует тесную связь с политикой государства, направленной на освоение этих земель и проведение переселенческих кампаний [1, с. 17].

Помимо стратегии интеграции Забайкалья в общероссийскую систему хозяйствования, немаловажным аспектом оставалось укрепление границ, создание приграничных военизированных частей для отражения возможных угроз со стороны пограничных государств — Китая и Монголии. Эту проблему на первых порах также предполагалось решать посредством миграционного перемещения, причём не только крестьян, но и в немалой степени военных. Необходимость присутствия в регионе этой категории была обусловлена освоением и включением территорий Сибири в экономическую, геополитическую сферы, параллельно с этим осознавалась потребность в укреплении государственной границы. С начала освоения в середине XVII в. и до конца первой четверти XVIII в. военный контингент состоял из нерегулярных формирований сибирских казаков [2, с. 4]. Первое в истории Забайкалья регулярное вооруженное войско было сформировано к 1765 г., оно состояло из якутского полка и было дислоцировано в Селенгинске с целью отражения возможной агрессии со стороны Китая [3, с. 51]. Следующим этапом институционализации

армейских частей на территории Забайкалья стало создание в 1851 г. Забайкальского казачьего войска. В дальнейшем увеличения военного контингента опиралось на закон о всеобщей воинской повинности от 1874 г., который предусматривал призыв мужчин с 20 лет. Таким образом, с конца XIX в. пополнение армейских частей осуществлялось за счёт рекрутирования местного мужского населения. Удалённость от центра, экстремальные климатические условия, наличие на территории горно-рудных разработок создали условия для ссылки преступников. В этой связи Забайкалье рассматривалась ещё и как «исправительная территория», куда стекался неблагонадёжный контингент со всех концов Империи, а позже — и СССР. Современная миграционная повестка в Забайкальском крае в некоторой степени сохраняет черты политики прошлых столетий, однако прирост населения в нынешнее время осуществляется не за счёт переселенцев из центральных регионов страны, а за счёт мигрантов из стран Центральной Азии.

Таким образом, обозначенные аспекты — освоение, ссылки, рассматриваются в работе как миграционные тренды, реализуемые на разных этапах исторического процесса. Каждый из указанных трендов сопровождается соответствующими миграционными волнами. Анализ динамики миграционных процессов в длительной исторической ретроспективе способствует пониманию долгосрочных перспектив при сохраняющихся миграционных трендах, а также построению прогностических моделей изменения миграционной ситуации региона.

Материалы и методы

Материалы исследования составили статистические данные по населению Забайкалья в разные годы, статистике миграционных перемещений, источниковая база которых включает в себя данные переписи населения в Российской империи 1897 г., Всесоюзной переписи населения 1926 и 1939 гг., данные Росстата по переписям населения, материалы Забайкалкрайстата, отражаю-

щие миграционную ситуацию региона в настоящее время. Были использованы материалы сборника «Вопросы колонизации», привлечён обширный круг опубликованных источников, освещавших процесс освоения, заселения территорий Восточной Сибири и Забайкалья на разных исторических этапах. В рамках статьи осуществлён анализ миграционных процессов на территории Забайкалья, вызванных соответствующей трансформацией общероссийской социально-экономической, политической, идеолого-мировоззренческой, геополитической конъюнктуры.

Феноменологический подход, используемый в работе, позволяет определить сущность миграционных процессов, сопровождавших регион с момента его выделения в качестве государственного территориально-административного образования. Метод тренд-анализа способствует осмыслению ведущих тенденций внешнего миграционного перемещения на территории региона, на основании которых становится возможным его концептуализация и прогнозирование динамики мобильности населения.

Обсуждение

Исторические этапы переселения. Первый из рассмотренных миграционных трендов, охватывает несколько исторических этапов и несколько миграционных волн. Первая миграционная волна, знаменующая собой начало освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока, приходится на вторую половину XVI до конца XVII века. Она обуславливалась исследованием земель, лежащих за Байкалом, открытием Амура и выходом к Тихому океану. Огромный потенциал Восточной Сибири становится объектом активной политики имперских властей. Высказанный М. В. Ломоносовым тезис о том, что «Россия прирастает будет Сибирью» оказался созвучен стратегии освоения этих территорий. С этой целью Указом от 1799 г. было предписано поселить в Забайкалье 10 тыс. человек. Поселенческий контингент предполагалось формировать из отставных сол-

дат, крестьян и преступников. На деле оказалось, что основную массу поселенцев составляли беглые от помещиков крестьяне, которые в поисках свободных хлебопашных земель отправлялись в Сибирь¹. По результатам первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г., в Забайкальской области насчитывалось 676407 человек постоянного населения².

Следующим проектом по заселению и закреплению крестьянского населения на восточных рубежах империи стала переселенческая кампания, начавшаяся под эгидой аграрной реформы П. А. Столыпина 1906–1916 годов. Назревшая необходимость реформирования аграрного сектора подразумевала изменение статуса крестьянина. Дефицит земельного фонда в Центральной России, пригодного для сельскохозяйственных нужд, также выступил одним из аргументов к началу переселенческой кампании [4, с. 168]. За период с 1909 по 1914 гг. на образованные переселенческие участки переехала 1251 семья (3213 души мужского пола, или около 6424 человек). К ним надо добавить 1775 человек, водворившихся в эти же годы в старожильческих селах. Общая численность всех переселенцев в Забайкальской области к началу 1915 г., по данным местных отчётов, составляла около 9,5 тыс. человек [5, с. 18].

Миграционная волна, вызванная стихийным переселением крестьян в 1920-е гг., была продиктована неурожаем, голодом, нехваткой земельного фонда в европейской части России. Переселенческая политика, декларируемая государством в этот период, с одной стороны, нашла отражение в интенсификации самовольной миграции крестьян на восток, а с другой — имела эффект обратной миграции переселенцев, не сумевших закрепиться на новых территориях по тем или иным причинам. В ряду этих причин некоторые исследователи называют факт конфронтации вновь прибыв-

¹ Музгин Р. Д. Родная земля – Забайкалье. – Чита, 2003. – С. 17.

² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под редакцией Н. А. Тройницкого. – [Санкт-Петербург]: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1899–1905 – С. 3.

шего и старожильческого населения, борьба за наиболее плодородные земельные наделы. В. М. Рынков, В. А. Ильиных, исследуя состояние сельского хозяйства в Сибири в 1914–1924 гг., отмечают интенсификацию миграционного движения в этот период, что было связано с беспрецедентным голодом в Поволжье, от которого в Сибирь бежало 112 тыс. человек. При этом, как отмечают авторы, общее число вынужденных переселенцев было значительно выше. Авторы, ссылаясь на данные Сибревкома, указывают, что в 1921 г. в Сибирь въехало 313,7 тыс. беженцев; в то же время материалы Всесоюзной переписи 1926 г. говорят о 650 тыс. человек, прибывших в 1920–1924 гг. [6, с. 185].

Далее, в довоенные 1930-е гг. к факторам, обуславливающим переселение, добавляется репрессивная политика государства, направленная на борьбу с «частнособственническими инстинктами»; этот период вошёл в историю как «сплошная коллективизация». Под лозунгом ликвидации «кулачества как класса» происходило переселение кулаков, разделённых на три категории согласно степени их «контрреволюционной опасности», с конфискацией их имущества (раскулачиванием), в том числе, на территорию Восточной Сибири и Забайкалья [7, с. 8]. По состоянию на 1932 г. в Восточную Сибирь прибыло 9659 человек [8]. Вместе с тем процесс переселения осуществлялся не только за счёт внешнего притока «спецконтингента», но и за счёт внутреннего перемещения раскулаченных крестьян. Е. Н. Чернолуцкая в этой связи отмечает, что специфика выселения кулацких семейств состояла в том, что она осуществлялась также и внутри региона. Так, из Читинского округа планировалось выселить 855 хозяйств [9, с. 56]. Внутренняя миграция была также идеологически окрашена и преследовала цель ликвидации местной сельской буржуазии как капиталистического пережитка. В 1939 г. Восточная Сибирь приняла 3464 семьи или 18025 человек [10, с. 94]. Таким образом, по результатам Всесоюзной переписи 1939 г., население Забай-

кальской области составляло 1,5 млн человек [11, с. 21].

Во время Великой Отечественной войны переселенческие кампании, по сути, были приостановлены, однако миграция на восток продолжилась, приняв форму эвакуации населения западных регионов страны в тыл. Возобновление сельхозмиграции началось в конце 1940-х годов. В 1950-е гг. контур переселенческой политики государства постепенно трансформируется под влиянием необходимости ускорения темпов индустриализации. Активизации этого процесса способствовала уже сформировавшаяся тенденция к урбанизации и разрастанию сибирских городов, связанная с эвакуированными в военное время производствами, концентрирующими вокруг себя рабочее население. Параллельно с индустриализацией провозглашается кампания по освоению целинных земель Сибири, что подразумевало разворачивание широкомасштабного переселения населения [12, с. 41]. Следует отметить, что моральный подъём после победы в ВОВ, «оттепельная» атмосфера 1950–1960-х гг. явились факторами, благодаря которым планы руководства страны по модернизации всех отраслей народного хозяйства были с энтузиазмом встречены массами. На волне эмоционального подъёма произошла интенсификация миграции, в результате, которой Читинская область приняла 10,5 тыс. семей, а Восточное Забайкалье в целом пополнилось 33,6 тыс. человек [13, с. 222]. Таким образом, численность населения Забайкальской области в 1959 г. составила 1,7 млн человек. Однако, несмотря на существующую тенденцию к перемещению трудовых ресурсов на восток страны, которую определял внутривнутриполитический курс, имел место и отток, вызванный слабой приживаемостью переселенцев ввиду тяжёлых климатических условий [14, с. 30].

Процесс урбанизации 1960-х гг. обозначил изменение структуры миграционного передвижения, превалировать начинают несельскохозяйственные миграции ввиду активного развития промышленного сектора, а, следовательно, и роста доли городского

населения [11, с. 23]. Промышленность требовала всё больше энергоресурсов, назревающий дефицит которых обусловил активную миграционную политику в этот период [15, с. 22]. Данный процесс был свойственен всему периоду до 1980-х годов. В результате промышленных миграций, а также объявленных комсомольскихстроек, население Читинской области увеличилась с 1,053 млн человек в 1961 г. до 1,385 млн в 1989 г. [16]. Этот период знаменовал собой завершение плановых переселенческих кампаний, инициируемых государством с целью хозяйственного (аграрного, а позже промышленного) освоения восточных рубежей страны. С упразднением социалистического строя подобных широкомасштабных акций больше не предпринималось.

Становлением Забайкалья как «режимной территории» — второй тренд, рассматриваемый нами в рамках настоящего исследования. В Забайкалье в течение продолжительного времени ссылали уголовных и политических преступников как в имперское, так и в советское время. Вместе с тем принудительному переселению оказывались подвержены целые народы, воспринимаемые руководством страны как «потенциально опасные элементы», от которых «защищались» территории по причине исходящей от них гипотетической угрозы дестабилизации. Естественно, переселяемые «неблагонадёжные народы» резко отличались от других категорий ссыльных, прежде всего, отсутствием конкретных обвинительных приговоров, вина их состояла в этнической принадлежности. Подобные практики применялись не только в советское, но и в имперское время. Следует все же отметить, что в имперское время под категорию «неблагонадёжных» попадали «неславянские» народы, проживающие в приграничных территориях накануне Первой мировой войны, в советский же период такие высылки приобретают идеологическую окраску и становятся одной из форм борьбы с «внутренним вредителем» [17, с. 9]. И в советский, и в имперский периоды значение ссылки не ограничивалось карательной функцией, она также подразумевала извле-

чение экономической выгоды посредством включения сосланных в развитие местной экономики, а также обеспечивала заселение пустующих пространств Забайкалья.

Говоря об уголовной ссылке, как о практикуемой «Центром» меры по заселению «хронически недонаселённой» территории Восточной Сибири и Забайкалья, здесь трудно выделить миграционные волны, так как подобная мера наказания применялась довольно широко, то и приток осуждённых был относительно стабилен. Начало каторжному переселению в Забайкалье было положено в XVII веке. В.В. Ведерников, исследуя значение Нерчинской каторги, приводит следующие показатели численности ссыльнокаторжных: 1723 г. — 48 человек, 1768 г. — 1064, 1783 г. — 1129, 1800 г. — 1531, 1881 г. — 2120 человек [18, с. 34–36].

Немаловажной представляется категоризация осуждённых, позволяющая оценить состав ссыльных в имперский период. Е.А. Петухов выделяет следующую классификацию: 1) подследственные, 2) срочные осуждённые, 3) ссыльнокаторжные, делившиеся на три разряда и временно-заводских, 4) ссыльнопоселенцы, 5) водворяемо-рабочие, 6) сосланные на жительство, 7) административные (арестанты по распоряжению правительства, по суду и по приговору общества), 8) пересыльные, 9) добровольно следующих (члены семей осуждённых). Автор отмечает, что в данный период пенитенциарная система Забайкальской области принимала до тысячи арестантов в год [19, с. 22]. Оценивая количественные показатели ссыльных по состоянию на 1904 г., А.А. Иванов отмечает, что их число в Забайкальской области составляло 8330 душ обоёго пола [20, с. 196]. При этом автор делает закономерный вывод о непродуктивности «штрафной колонизации», указывая на большое количество издержек, объясняемых спецификой уголовного контингента, со свойственным ему разнообразием форм социальных девиаций.

Наиболее показательными, с точки зрения детерминистских связей между трансформацией как внутри-, так внешнеполитического курса страны и масштабными пере-

селенческими кампаниями определённых социальных категорий, являются так называемые политические ссылки. Самой знаменитой из таковых была ссылка участников восстания декабристов 1825 года. В процессе колонизации Забайкалья декабристы оказали не столько количественное, сколько качественное значение, они способствовали культурному освоению и рефлексии социокультурного пространства Восточной Сибири.

С началом XX в. резко возрастает доля политических ссыльных, количество которых составляло 10% от общей массы осужденных, что связано с социальной напряженностью и всплеском революционной активности в России этого периода [21, с. 71]. Эта тенденция продолжает сохраняться в 1920-х гг., вследствие Гражданской войны, когда объектом репрессий становились члены дореволюционных партий (меньшевики, эсеры, монархисты), остатки белых армий, духовенство, достигая своего апогея в 1930-е гг. во время «большого террора», когда в число «неблагонадёжных лиц» мог быть занесён кто угодно и почти по каким угодно (зачастую надуманным) поводам. По мнению А.К. Соколова, с начала 1930-х гг. на первое место выдвигается не уголовное, а политическое преследование, что свидетельствует об общей политической направленности пенитенциарной политики советского государства³.

После революционных преобразований 1917 г. и провозглашения Советской власти происходит институционализация пенитенциарной системы. Реформированию подлежал не только нормативно-правовой, хозяйственный регламент этих учреждений, предстояло также изменение их идеологического нарратива. Развенчивание карательной функции пенитенциарных учреждений царского периода шло параллельно с утверждением советской системы исправительно-трудовых лагерей с акцентацией на дисциплинарной, воспитательной функциях последних. Предполагалось, что «ненормативное» поведение граждан

подлежит трудовому перевоспитанию [22, с. 33]. Точкой отсчёта в создании системы исправительных учреждений можно считать 1929 г., когда Совет народных комиссаров СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключённых», с созданием сети исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) с целью освоения наименее доступных регионов страны и эксплуатации природных ресурсов [23, с. 102]. Результатом проведённых преобразований стало появление на территории Забайкалья ряда ИТЛ, среди которых следует отметить Балейский (Балейлаг, Тасеевское строительство), просуществовавший с 1947 по 1953 г., численность которого составила на 01.08.47–2285 человек, на 01.01.48–4142, на 01.01.49–4000, на 10.04.52–2556; на 15.04.53–2679 человек, в том числе 295 женщин, 106 осужденных за контрреволюционные преступления⁴. Борский ИТЛ (Борлаг), просуществовавший с 1949 по 1951 г., численностью на 03.51–2150; на 26.05.51–671 человек⁵. Букачачинский ИТЛ (Букачачлаг), просуществовавший с 1938 по 1942 г., численностью на 01.07.38–2964 человек, на 01.01.39–59453, на 01.01.40–7418; на 01.01.41–7418, на 01.07.41–5755; на 01.04.42–40594 человек. На 01.10.38 из 4164 заключённых – 620 осужденных за контрреволюционные преступления, 1092 – как социально опасные и социально вредные элементы, из них 187 женщин, 721 осужденный за контрреволюционные преступления⁶. Дарасунский ИТЛ, просуществовавший с 1948 по 1953 г.,⁷ Ключевский ИТЛ (Строительство Ключевского комбината, Ключевлаг), просуществовавший с 1947 по 1948 г., численностью на 01.08.47–1455 человек, на 11.11.47–3268 человек⁸. Нерчинский ИТЛ (Нерчинлаг), просуществовавший с 19.03.41 по 28.06.41 г., численностью на 15.06.41–636 человек. Нерчинский

⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / О-во «Мемориал», ГАРФ. Сост. М.Б. Смирнов. Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. – Москва: Звенья, 1998. – С. 158.

⁵ Там же, с. 175.

⁶ Там же, с. 177.

⁷ Там же, с. 211.

⁸ Там же, с. 294.

³ ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – Москва: Политическая энциклопедия, 2008. – С. 19–20.

ИТЛ, просуществовавший с 1950 по 1953 г., численностью на 12.02.53–532 человека⁹. Анализируя приведённые показатели можно отметить увеличение численности заключённых ИТЛ в период с 1937 по 1939 г., что можно объяснить пиком политических репрессий; на протяжении ВОВ с 1941 по 1945 гг. также наблюдается высокий показатель численности ИТЛ, свидетельствующий о том, что уголовное и политическое преследование граждан не прекращалось в военное время. Показательно и время окончания существования данных учреждений, к смерти И.В. Сталина в 1953 г. все они были закрыты.

Таким образом, создание и функционирование ИТЛ на протяжении 1930–1950-х гг. в Забайкалье обусловлено, с одной стороны, объявленным курсом руководства страны на повсеместную индустриализацию, а с другой, попыткой с помощью трудотерапии перевоспитать «чуждые и социально опасные элементы» в рамках которой к масштабным стройкам были привлечены заключённые. При этом эффективность в достижении заявленных целей принудительного труда до сих пор вызывает неоднозначные оценки в экспертной среде.

Результаты

Проведённый ретроспективный анализ миграционных трендов в Забайкалье демонстрирует, что попытки освоения этих территорий на протяжении имперского и советского периодов осуществлялись двумя способами — масштабными сельскохозяйственными переселенческими кампаниями, приобретающими на некоторых исторических этапах принудительный характер, и «штрафной колонизацией».

Интенсификация притока аграрных переселенцев в первой четверти XX в. обусловлена субъективными факторами, вызванными такими причинами, как нехватка земельного фонда в европейской части страны, голод в Поволжье в 1920-е гг., что вызвало волну самовольных миграций. К инициированным государством пересе-

леческим кампаниям относятся переселение аграрного населения в период Столыпинской реформы 1906–1916 гг., принудительное переселение раскулаченного населения в 1930-е годы. В 1940–1950-е гг. к традиционной сельскохозяйственной миграции добавляется индустриальная, что связано с расширением эвакуированного в военное время промышленного производства. Со второй половины 1950-х гг. на волне «хрущёвской» либерализации изменяется подход к освоению целинных земель Забайкалья и Восточной Сибири — драйвером массовых миграций становится атмосфера оптимизма, вызвавшая небывалый масштаб добровольных переселений, результатом которой стал рекордный рост численности населения.

Оценивая эффективность переселенческих кампаний и «штрафной колонизации» имперского, а позже советского периодов, очевидно, что освоение Забайкалья и Восточной Сибири в виде создания здесь комфортной среды и социальной инфраструктуры, которые бы выступили условием социально-экономического развития этих территорий в долгосрочной перспективе, не было достигнуто. Более того, положенный в советское время принцип форсированного освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в ущерб развитию социальной сферы во многом лёг в основу сырьевой политики нынешнего времени, результатом которой становится стремительный отток населения в 2000–2010-х годах, продолжающийся до сих пор.

При анализе динамики миграционных процессов в последнее время, отчётливо прослеживается тенденция к стабильному оттоку населения, усиливающаяся в отдельные годы. Фактор, обуславливающий устойчивую, наблюдаемую из года в год убыль, на наш взгляд, связан со спецификой распределения населения по возрастным группам. В период 2001–2022 гг. доля трудоспособного населения в общей численности составляла 56–64%¹⁰. Учитывая, что миграционные намерения доминируют преимуще-

⁹ Там же, с. 330.

¹⁰ Забайкалкрайстат. Распределение населения по возрастным группам. — URL: <https://75.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/> (дата обращения: 04.04.2024).

Рис. 1. Миграционная убыль населения Забайкальского края в 2001–2023 гг., человек

Fig. 1. Migration loss in the population of Trans-Baikal Territory in 2001–2023, persons

Источник: Забайкалкрайстат. Общие итоги миграции населения. — URL: <https://75.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 03.02.2024).

ственно среди людей в молодых трудоспособных возрастах, имеющих финансовую возможность для переезда и перспективы трудоустройства на новом месте, то закономерно предположить, что поток мигрантов из Забайкалья вызван как раз «навесом» трудоспособного населения [24, с. 51]. При этом в ряду причин, выталкивающих людей в миграцию — узкий рынок труда, относительно невысокие зарплаты, дорогое жильё и коммунальные услуги.

Второй фактор вызван скорее внешними причинами, связанными с общей социально-экономической ситуацией в стране и мире. Так, например, мировой экономической кризис 2008 г., сопровождавшийся падением мировых цен на нефть, и, как следствие, ростом инфляции и безработицы в стране, отразился на снижении темпов миграции из Забайкалья, минимальный показатель которой был продемонстрирован в 2009 г. — 2617 человек. Беспрецедентный рост миграционной убыли зафиксирован в 2011 г. (9280 человек), что связано, на наш взгляд, с преодолением последствий кризиса 2008–2009 годов. В этот период, отмечают эксперты, наблюдалось снижение цен на продовольствие, благодаря которому темпы инфляции были минимальными (6,1%) за весь период

2000-х гг. [25, с. 14]. С 2011 г. темпы миграции оставались высокими до 2020 г., за 9 лет среднее значение миграционной убыли составило 7414 человек в год. Резкое снижение миграционного оттока наблюдается в 2020 г. (4090 человек), что связано с пандемией COVID-19, существенно ограничившей мобильность населения, однако уже в 2021 г. количество выбывших из Забайкалья увеличивается на 1400 человек. Очередное снижение миграционного оттока отмечается в 2023 г. — на общем фоне нарастающей неопределённости множатся риски и угрозы, сопровождающие миграцию в европейскую часть России (диверсии, теракты), в связи с чем удалённость Забайкалья в новых условиях воспринимается жителями как преимущество: в массовом сознании нарратив «забытой богом периферии» сменяется более позитивным восприятием Забайкалья в качестве «безопасного региона».

Заключение

Рассмотренные в рамках настоящей статьи миграционные тренды, характеризующие процесс заселения обширных пространств Забайкалья на разных исторических этапах, инициировались государством и имели своей целью сначала освоение,

а позже закрепление на этих территориях постоянного населения. Миграционные волны, результатом которых становилось увеличение численности населения, связаны с целенаправленной, подчас принудительной политикой «Центра», реализуемой посредством переселенческих кампаний и «штрафной колонизаций» в имперский и советский периоды. Стимулом к добровольному перемещению была, как правило, неблагоприятная ситуация в центральных регионах страны, обусловленная разными причинами, например, помещичьим гнётом в XVII–XIX вв., голодом в первой четверти XX века. Позитивным примером добровольной миграции стали «комсомольские стройки» 1950–1960-х гг., которые реализовывались в рамках «ударного развития всех отраслей народного хозяйства». Именно в этот период наблюдался беспрецедентный рост численности населения, составившие рекордные для Забайкалья 1,7 млн человек в 1959 году. В более поздние советские периоды численность населения региона оставалась относительно стабильной, что объясняется наличием промышленных предприятий, обеспечивающих занятость людей, развивающимся жилищным строительством и подобным. При этом равномерное, «однотипное» развитие территорий страны не способствовало возникновению существенных диспропорций, которые появились в период «дикого» капитализма с 1990-х годов. Заложенные в этот период предпосылки к диспропорциональному развитию страны по линии Запад — Восток, во многом определили направление миграционного оттока из Забайкалья двух последних десятилетий.

Начиная с развала СССР в 1991 г. и до настоящего времени численность населения Забайкальского края неуклонно снижалась, достигнув минимального в истории современной России показателя в 2023 г. — 992202 человека¹¹. На сегодняшний день сохраняется тенденция к миграциям коренного населения региона в более бла-

гоприятные с точки зрения социально-экономических и климатических условий части страны. С целью компенсации этого негативного тренда регион пополняется мигрантами из центральноазиатских республик, однако эта мера не способна решить ни проблему снижения численности населения края, ни проблему обеднения человеческого капитала. До сих пор не разработано внятной концепции по сдерживанию год от года увеличивающегося оттока квалифицированных кадров. Внедрение в 2019 г. «Дальневосточной ипотеки» ввиду роста цен на рынке недвижимости и слабых темпов строительства не оказала сдерживающего миграционную убыль населения эффекта. Действующая с 2016 г. программа «Дальневосточный гектар» также не дала значимого результата.

Таким образом, при условии сохранения обозначенного тренда, дальнейшее миграционное движение населения продолжит осуществляться в рамках «центро-периферийной модели», выражающейся в стягивании краевым центром Читой населения из районов, а из краевого центра — в более крупные города и агломерации страны. Промежуточным итогом указанного процесса можно считать полное или частичное исчезновение некоторых населённых пунктов в Забайкалье. Краевой информационный портал «Заб.ру» приводит со ссылкой на региональное Минтруда показатель в 21 населённый пункт, в которых полностью отсутствует население по состоянию на 2021 год¹². Очевидно, что в краткосрочной перспективе переломить этот демографический тренд не представляется возможным, требуется системная, последовательная политика государства, которая не даст быстрых результатов ввиду инерционности процессов, связанных с деградацией и запустением сельских территорий.

Тем не менее, инвестирование в модернизацию социальной инфраструктуры перспективных с точки зрения пространственного развития территорий края может способствовать сдерживанию миграционного

¹¹ Предварительная оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/PrPopul2023_Site.xlsx (дата обращения: 12.12.2023).

¹² В Забайкалье более 20 сёл остались без населения. — URL: <https://zab.ru/news/157232> (дата обращения: 03.02.2024).

оттока. Требуется также модернизация энергетической отрасли, основная проблема которой является энергодефицит, и, как следствие, удорожание энергоресурсов. Энергодефицит негативно отражается как на развитии бизнеса в Забайкалье, делая его нерентабельным, так и на жизни населения в связи с ростом цен на жилищно-коммунальные услуги. Помимо объявленной в 2022 г. газификации края, необходимо внедрять альтернативные источники энергии, в частности, ветровые и солнечные станции, использующие климатические преимущества края (ветер, солнечная погода большую часть года).

Наконец, ведущим фактором сдерживания миграционной убыли населения может стать общее развитие экономики. Ресурсоориентированный подход, доминирующий до настоящего времени, продемонстриро-

вал свою ограниченность и не решает задач развития Забайкалья в долгосрочной перспективе. В этой связи, необходима целенаправленная политика федеральных и региональных властей по диверсификации экономики, усложнению цепочек добавленной стоимости, развитию не только добывающих, но и обрабатывающих отраслей промышленности, привлечению большего числа эффективного менеджмента в стратегические отрасли хозяйства. Новый подход к пересмотру места, которое занимают восточные окраины страны в ценностной системе координат государства, предполагает преодоление «колониального» взгляда на Сибирь и Дальний Восток, сформировавшегося с XVII в., и требует переориентации на долгосрочное планирование развития региона в будущем.

Литература и Интернет-источники

1. **Воробьева, О. Д.** Миграционная политика России: история и современность / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский. — Москва : Экон-информ, 2016. — 192 с. EDN: LOFEOR
2. **Дмитриев, А. В.** Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / А. В. Дмитриев. — Новосибирск, 2018. — 42 с.
3. **Дмитриев, А. В.** Реорганизация частей русской регулярной армии в Забайкалье в первой половине 1760-х гг. / А. В. Дмитриев // Вестник Томского гос. ун-та. История. — 2018. — № 51. — С. 37–44. DOI: 10.17223/19988613/51/5; EDN: YULXPG
4. **Шевченко, В. Н.** К вопросу о переселенческой политике на первом этапе столыпинской аграрной реформы (1906–1910 гг.) / В. Н. Шевченко // Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2017. — № 2. — С. 162–171. EDN: ZSMWTD
5. **Павлова, В. С.** Переселение крестьян в Забайкальскую область: автореф. ... дис. канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / В. С. Павлова. — Улан-Удэ, 2009. — 24 с.
6. **Рынков, В. М.** Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. / В. М. Рынков, В. А. Ильиных. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2013. — 244 с. EDN: TGJWBR
7. **Ивницкий, Н. А.** Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.) / Н. А. Ивницкий. — Москва: Ин-т российской истории РАН, Университет Торонто (Канада). 2000. — 350 с.
8. **Земсков, В. Н.** «Кулацкая ссылка» в 30-е годы / В. Н. Земсков. — Москва: Социологические исследования. — 1991. — № 10. — С. 3–21.
9. **Чернолуцкая, Е. Н.** Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. / Е. Н. Чернолуцкая. — Владивосток : Дальнаука, 2011. — 512 с. EDN: QPUNEV
10. **Алёкминская, Г. М.** Сельскохозяйственные переселения в Восточное Забайкалье в 1930-х гг. / Г. М. Алёкминская // Гысырлар авазы — эхо веков. — 2015. — № 3/4. — С. 94–99. EDN: WDJZPF
11. **Бутухеев, В. А.** Индустриальное развитие Забайкалья (1960–1991 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / В. А. Бутухеев. — Улан-Удэ, 2008. — 27 с.
12. **Занданова, Л. В.** Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов. / Л. В. Занданова // Известия ИрГУ. — 2007. — № 1. — С. 27–45. EDN: MSTBRR

13. **Занданова, Л. В.** Реализация планов развития сельского хозяйства Сибири и переселенческое движение во второй половине 1950-х гг. / Л. В. Занданова. — Социально-экономический и гуманитарный журнал. — 2019. — № 1. — С. 217–232. EDN: RUXUGT
14. **Славина, Л. Н.** Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / Л. Н. Славина. — Новосибирск, 2010. — 46 с.
15. **Крушанова, Л. А.** Государственная миграционная политика СССР на Дальнем Востоке в 1945–1960-е годы.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / Л. А. Крушанова. — Владивосток, 2007. — 28 с.
16. **Королёва, Т. М.** Демографические процессы в Восточной Сибири в период 1960 г.-1980-х гг. / Т. М. Королёва // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. — 2015. — № 2. — С. 95–110. EDN: UBRZHI
17. **Бахтурина, А. Ю.** Выселение подданных Германии и Австро-Венгрии из Прибалтийских губерний в 1914 г. / А. Ю. Бахтурина // Новый исторический вестник. — 2020. — № 3(65). — С. 6–23. EDN: YKMMJP
18. **Ведерников, В. В.** Нерчинская уголовная каторга в системе серебряноцинкового производства Восточного Забайкалья (XVIII–XIX вв.) / В. В. Ведерникова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2011. — № 2(50). — С. 32–38. EDN: NYIQQH
19. **Петухов, Е. А.** История пенитенциарной системы Забайкальской области: 80-е годы XIX в. — февраль 1917 года.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук по специальности 07.00.02 / Е. А. Петухов. — Улан-Удэ, 2004. — 32 с.
20. Сибирская ссылка: Сборник статей / отв. ред. А. А. Иванов. — Иркутск : Отгиск, 2011. — 720 с. EDN: RUUNLX
21. **Иванов, А. А.** «Дайте мне волю — я научу вас свободу любить»: политические ссылки в Сибири в 1914–1917 гг. / А. А. Иванов, П. А. Новиков // Известия Лаборатории древних технологий. — 2014. — № 1(10). — С. 69–84. EDN: VRBZKF
22. **Федосеев, В. И.** Становление советской пенитенциарной системы: о некоторых аспектах правового регулирования (1917–1934 гг.) / В. И. Федосеев // Вестник Самарского юридического института. — 2012. — № 1. — С. 33–39. EDN: QCFVDH
23. **Хилл, Ф.** Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. Пер. с англ. / Ф. Хилл, К. Гэдди. — Москва : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. — 328 с.
24. **Карачурина, Л.** Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности / Л. Карачурина, Н. Мкртчян // Демографическое обозрение. — 2016. — Т. 3. — № 4. — С. 47–65. EDN: YNVXQH
25. **Райская, Н.** Экономическое развитие России в 2011–2013 гг. / Н. Райская, Я. Сергиенко, А. Френкель // Вестник Института экономики РАН. — 2012. — № 6. — С. 7–18. EDN: PLQZJN

Сведения об авторах:

Ананьина Дарья Александровна, к.филос.н., доцент кафедры социальной работы, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия.

Контактная информация: e-mail: ananina_1989@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3509-7036; РИНЦ AuthorID: 1007800.

Кондакова Наталья Сергеевна, к.филос.н., доцент кафедры философии, Забайкальский государственный университет, Чита, Россия.

Контактная информация: e-mail: ntlz@list.ru; РИНЦ AuthorID: 662930.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-165-178

MIGRATION TRENDS IN TRANSBAIKALIA: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

Darya A. Ananina*, Natalia S. Kondakova

Transbaikal State University
(129 Babushkina street, Chita, Russia, 672000)

*E-mail: ananina_1989@mail.ru

Funding:

The study was carried out with the support of the program for development of the Transbaikal State University «Priority – 2030. Far East».

For citation:

Ananina D. A., Kondakova N. S. Migration trends in Transbaikalia: a retrospective analysis. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 165-178. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-165-178 (in Russ.)

Abstract. *The vast territories of Transbaikalia have been traditionally characterized by a low population density. More than one generation of rulers tried to solve the problem of depopulation of the eastern outpost of the Russian state at different times and in different ways. The change in the political regime, the influence of socio-economic factors in different periods contributed to transformation of the forms of stimulating migration from the central regions of Russia, however, the content and logic of this process varied in line with the stabilization of the demographic situation on the eastern borders of the country. Within the framework of the article, an attempt is made to comprehend the migration trends characteristic of Transbaikalia in different historical periods, namely, in the imperial (from the annexation of the territories of Eastern Siberia to the Russian Empire), Soviet and post-Soviet (up to the present). The determinants of migration flows, the range of reasons for them are considered. There is reflected the strategic importance of Transbaikalia for the Russian statehood, which is transformed over time under the influence of changes in political regimes, ideological superstructures, as well as world integration and globalization processes. The authors analyze the trend, found at different stages of the historical process, characterized by a «turn to the East» of the foreign policy of the Russian state, providing for involvement of the territories of Transbaikalia in international economic, intercultural processes, that contributed to intensification of the migration flows.*

Keywords: migration, Eastern Siberia, migratory flows, political deportation, resettlers.

References and Internet sources

1. Vorobyova O. D., Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost' [Migration Policy of Russia: History and Modernity]. Moscow. Ekon-inform. 2016. 192 p. (in Russ.)
2. Dmitriev A. V. Russkaya reguljarnaya armiya v Sibiri (1725–1796 gg.) [The Russian Regular Army in Siberia (1725–1796)]. Author's abstract. of Cand. diss. Novosibirsk. 2018. 42 p. (in Russ.)
3. Dmitriev A. V. Reorganizatsiya chastey russkoy reguljarnoy armii v Zabaykal'ye v pervoy polovine 1760-kh gg [The reorganization of Russian regular army troops in Transbaikalia in the 1st half of the 1760s]. Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Istoriya [Tomsk State University Journal. History]. 2018. No. 51. P. 37–44. (in Russ.)
4. Shevchenko V. N. K voprosu o pereselencheskoy politike na pervom etape stolypinskoj agrarnoj reformy (1906–1910 gg.) [To the question of resettlement policy at the first stage of Stolypin agrarian reform (1906–1910)]. Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal [The Social and Economic and Humanitarian Magazine]. 2017. No. 2. P. 162–171. (in Russ.)

5. Pavlova V. S. Pereseleniye krest'yan v Zabaykal'skuyu oblast' [*Resettlement of Peasants to the Trans-Baikal Region*]. Author's abstract of Cand. diss. Ulan-Ude. 2009. 24 p. (in Russ.)
6. Rynkov V. M., Ilyinykh V. A. Desyatiletie potryaseniya: sel'skoye khozyaystvo Sibiri v 1914–1924 gg [*A Decade of Upheavals: Agriculture in Siberia in 1914–1924*]. Novosibirsk. Institut istorii SO RAN [Institute of History of the Siberian Branch RAS]. 2013. 244 p. (in Russ.)
7. Ivnitky N. A. Repressivnaya politika sovetской vlasti v derevne (1928–1933 gg.) [*The Repressive Policy of the Soviet Government in the Countryside (1928–1933)*]. In: Rossiyskoy istorii RAN, Universitet Toronto (Kanada) [Institute of Russian History RAS, University of Toronto (Canada)]. Moscow. 2000. 350 p. (in Russ.)
8. Zemskov V. N. «Kulatskaya ssylka» v 30-ye gody [«Kulak deportation» in the 30s]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [*Sociological Studies*]. 1991. No. 10. P. 3–21. (in Russ.)
9. Chernolutskaya E. N. Prinuditel'nyye migratsii na sovetском Dal'nem Vostoke v 1920–1950-ye gg [*Forced migrations in the Soviet Far East in the 1920s–1950s*]. Vladivostok. 2011. 512 p. (in Russ.)
10. Alyokminskaya G. M. Sel'skokhozyaystvennyye pereseleniya v Vostochnoye Zabaykal'ye v 1930-kh gg [*Agricultural resettlements to East Transbaikalia in the 1930s*]. Gysyrlar avazy — ekho vekov [*Ghysyrlar Avaza — Echo of Centuries*]. 2015. No. 3/4. P. 94–99. (in Russ.)
11. Butukheev V. A. Industrial'noye razvitiye Zabaykal'ya (1960–1991 gg.) [*Industrial Development of Transbaikalia (1960–1991)*]. Author's abstract of Cand. diss. Ulan-Ude. 2008. 27 p. (in Russ.)
12. Zandanova L. V. Osnovnyye etapy skladyvaniya sovetской pereselencheskoy politiki i formirovaniya perselencheskikh organov [The main stages of the formation of the Soviet resettlement policy and the formation of resettlement bodies]. Izvestiya IrGU [*The Bulletin of Irkutsk State University*]. 2007. No. 1. P. 27–45. (in Russ.)
13. Zandanova L. V. Realizatsiya planov razvitiya sel'skogo khozyaystva Sibiri i pereselencheskoye dvizheniye vo vtoroy polovine 1950-kh gg [The implementation of Siberian agricultural development plans and resettlement movement in the second half of the 1950s]. Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal [*Social and Economic and Humanitarian Magazine*]. 2019. No. 1. P. 217–232. (in Russ.)
14. Slavina L. N. Sel'skoye naseleniye Vostochnoy Sibiri (1960–1980-ye gg.) [*Rural Population of Eastern Siberia (1960–1980s)*]. Author's abstract of Cand. diss. Novosibirsk, 2010. 46 p. (in Russ.)
15. Krushanova L. A. Gosudarstvennaya migratsionnaya politika SSSR na Dal'nem Vostoke v 1945–1960-ye gody [*The State Migration Policy of the USSR in the Far East in the 1945–1960s*]. Author's abstract of Cand. diss. Vladivostok. 2007. 28 p. (in Russ.)
16. Koroleva T. M. Demograficheskiye protsessy v Vostochnoy Sibiri v period 1960 g.–1980-kh gg [Demographic processes in Eastern Siberia in the period 1960–1980s]. Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovaniye, yazyk [*Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*]. 2015. No. 2. P. 95–110. (in Russ.)
17. Bakhturina A. Yu. Vyseleniye poddannykh Germanii i Avstro-Vengrii iz Pribaltiyskikh guberniy v 1914 g. [The eviction of German and Austro-Hungarian subjects from the Baltic provinces of the Russian Empire in 1914]. Novyy istoricheskiy vestnik [*New Historical Bulletin*]. 2020. No. 3(65). P. 6–23. (in Russ.)
18. Vedernikov V. V. Nerchinskaya ugolovnaya katonga v sisteme serebrosvintsovogo proizvodstva Vostochnogo Zabaykal'ya (18–19 vv.) [The Nerchinsk criminal penal servitude in the system of silver and lead production of Eastern Transbaikalia (18th–19th centuries)]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [*Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*]. 2011. No. 2(50). P. 32–38. (in Russ.)
19. Petukhov E. A. Istoriya penitentsiarnoy sistemy Zabaykal'skoy oblasti: 80-ye gody 19 v. — fevral' 1917 goda. [*History of the Penitentiary System of the Trans-Baikal Region: the 80s of the 19th Century — February 1917*]. Author's abstract of Cand. diss. Ulan-Ude. 2004. 32 p. (in Russ.)
20. Sibirskaya ssylka [*Siberian Exile*]. Ed. A. A. Ivanov. Irkutsk. Ottisk [Print]. 2011. 720 p. (in Russ.)
21. Ivanov A. A., Novikov P. A. «Dayte mne volyu — ya nauchu vas svobodu lyubit'»: politicheskiye ssyl'nyye v Sibiri v 1914–1917 gg [«If you give me a will I teach you how to love freedom»: political

- exiles in Siberia in 1914–1917]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]*. 2014. No. 1(10). P. 69–84. (in Russ.)
22. Fedoseev V. I. Stanovleniye sovetskoy penitentsiarnoy sistemy: o nekotorykh aspektakh pravovogo regulirovaniya (1917–1934 gg.) [The formation of the Soviet penitentiary system: on some aspects of legal regulation (1917–1934)]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute]*. 2012. No. 1. P. 33–39. (in Russ.)
 23. Hill F., Gaddy K. Sibirskoe breyma: proshchety sovetskogo planirovaniya i budushcheye Rossii. [Siberian Burden: Miscalculations of Soviet Planning and the Future of Russia. Russian translation of Hill F., Gaddy K. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia out in the Cold*]. Scientific and Educational Forum on International Relations. Moscow. 2007. 328 p. (in Russ.)
 24. Karachurina L., Mkrtychyan N. Mezhregional'naya migratsiya v Rossii: vozrastnyye osobennosti [Interregional migration in Russia: age characteristics]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2016. Vol. 3. No. 4. P. 47–65. (in Russ.)
 25. Raiskaya N., Sergienko Ya., Frenkel A. Ekonomicheskoye razvitiye Rossii v 2011–2013 gg [Economic development of Russia in 2011–2013]. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]*. 2012. No. 6. P. 7–18. (in Russ.)

Information about the authors:

Ananina Darya Alexandrovna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Transbaikalian State University, Chita, Russia.

Contact information: e-mail: ananina_1989@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3509-7036; Elibrary AuthorID: 1007800.

Kondakova Natalia Sergeevna, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Transbaikalian State University, Chita, Russia.

Contact information: e-mail: ntlz@list.ru; ORCID: 0000-0002-7477-2279; Elibrary AuthorID: 662930.

Статья поступила в редакцию 06.02.2024, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-179-193
EDN: SEETKU

ЭФФЕКТ ГРАНИЦЫ В ОЦЕНКЕ ВЛИЯНИЯ ИММИГРАЦИИ НА НАРКОПРЕСТУПНОСТЬ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Дорошенко С. В. *, Санаева О. В.

Институт экономики Уральского отделения РАН
(620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29)

*E-mail: doroshenkos@mail.ru

Финансирование:

Исследование проводится в рамках темы плана НИР Института экономики Уральского отделения РАН на 2024–2026 гг. «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Для цитирования:

Дорошенко С. В., Санаева О. В. Эффект границы в оценке влияния иммиграции на наркопреступность в регионах России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 2. – С. 179-193. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-179-193; EDN: SEETKU

Аннотация. Предмет исследования — демографические и социально-экономические факторы, влияющие на наркопреступления в российских регионах. Цель заключается в эконометрической оценке воздействия различных видов иммиграции, а также некоторых других факторов на наркопреступность в регионах России с учётом их приграничного статуса. Выдвинуты три гипотезы: 1) рост иммиграции увеличивает уровень наркопреступлений в регионах России; 2) статус приграничности регионов является фактором роста числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков; 3) эффект влияния иммиграции в приграничных регионах на уровень наркопреступлений выше, чем в неприграничных регионах. Для анализа использованы панельные данные 2009–2020 гг. по 83 субъектам РФ. Для устранения проблемы поперечной зависимости данных использован пересчёт стандартных ошибок методом Дрисколла-Крэя. Зависимой переменной выступает доля зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, от общего числа всего зарегистрированных преступлений в регионе. Используется три показателя иммиграции: внутрорегиональная, межрегиональная и международная. Контрольные переменные отражают экономическое развитие, уровень безработицы по возрастным категориям и разводимость. Включены бинарная переменная статуса приграничности региона и перекрёстная переменная как произведение бинарной переменной на иммиграцию. Результаты анализа позволяют принять все выдвинутые гипотезы. Доказано, что увеличение международной иммиграции в среднем приводит к росту наркопреступности в регионах России на 0,03%. Одновременно установлено, что межрегиональная иммиграция оказывает в целом по регионам большее влияние на наркопреступления (рост на 0,05%). Включение в регрессию перекрёстной переменной позволило обнаружить эффект границы для каждого вида иммиграции и установить, что в приграничных регионах влияние иммиграции сильнее увеличивает долю таких преступлений. Подтверждено, что разводы и безработица среди молодого населения усугубляют ситуацию с наркопреступностью. Результаты могут быть полезны при разработке системы мер противодействия наркопреступлениям в различных регионах, включая миграционную политику.

Ключевые слова: преступления, незаконный оборот наркотиков, приграничные регионы, социально-демографические и экономические факторы, регрессионный анализ.

Мотивация исследования

По прогнозам ООН к 2030 г. число наркоманов в мире вырастет примерно на 11%. Неутешительно, но рынок продажи незаконных веществ восстановился одним из первых после пандемии COVID-19¹. Эксперты констатируют, что в России сохраняется напряженная наркоситуация, что «российский наркорынок регулярно пополняется новыми потенциально опасными психоактивными веществами, вызывающими у человека состояние опьянения, опасное для его жизни и здоровья» [1]. Так, по данным правоохранительных органов, в 2020 г. произошёл стремительный рост использования синтетических наркотических средств. Относительно уровня 2019 г. количество обнаруженных подпольных лабораторий возросло на 20%, а рост объёмов наркотических веществ на территории страны составил около шести раз².

Отмечается и негативное влияние цифровизации: лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотиков, относят «к числу наиболее структурированных и динамично развивающихся сегментов криминального транснационального бизнеса» [2], как следствие, сегодня в этой сфере масштабно используются новые интернет-технологии. Кроме того, незаконный оборот наркотиков является почвой для других преступлений [3], а также самоубийств. Особо тревожна ситуация с несовершеннолетними: сегодня каждый третий наркоман в России — это подросток³. По данным Госнаркоконтроля РФ за период 2018–2022 гг. в стране в 2,5 раза возросло число инцидентов с гибелью несовершеннолетних из-за употребления наркотиков. Так, за 10 месяцев 2022 г. чис-

ленность соучастий в наркопреступлениях детей и подростков выросла на 56% по сравнению с аналогичным периодом 2017 года⁴. Все это негативно сказывается на достижениях национальных целей развития России. В силу этих обстоятельств, «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации», утверждённой указом Президента России от 2 июля 2021 г. № 400⁵, незаконный оборот наркотиков отнесен к числу основных угроз национальной безопасности, и противодействие ему является важнейшей задачей государственной политики.

Доля преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, под которыми понимается незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка, сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов⁶, в общем числе преступлений заметно различается по российским регионам. Так, по нашим расчётам, на основе данных 2022 г. доля наркопреступлений от общего числа преступлений в регионах варьируется от 2,3 до 17,5%. Прослеживается тенденция снижения показателя, поскольку в 2009 г. интервал составлял 3,6–20,5%. Размах доли наркопреступлений сократился с 16,9 до 15,2% в период 2009–2022 гг., однако среднее значение доли наркопреступлений по регионам в 2022 г. выше уровня 2009 г. (8,8% против 8,3%).

Более тревожная ситуация сложилась в приграничных регионах России. На рис. 1 представлено сравнение значений доли наркопреступлений в приграничных и неприграничных субъектах РФ. Отметим, что выбор регионов основан на данных Пограничной службы ФСБ России на 2021 г., где к приграничным регионам отнесены 50 субъектов. Изменения 2022 г. пока в исследовании не учтены.

¹ Статистика наркомании в России за 2021 и 2022 гг. — URL: <https://nonarko.info/statistika-narkomanii-v-rossii-za-2021-god/> (дата обращения: 10.09.2023).

² Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2021 год. — URL: https://unis.unvienna.org/pdf/2022/INCB/INCB_2021_Report_R.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

³ Каждый третий наркозависимый в России — подросток: как уберечь детей от наркотиков. — URL: <https://ndn.info/publikatsii/275357-kazhdyy-tretij-narkozavisimyj-v-rossii-podrostok-kak-uberech-detej-ot-narkotikov/> (дата обращения: 13.09.2023).

⁴ В России выросло число наркопреступлений среди несовершеннолетних за десять месяцев 2022 года. — URL: <https://www.kp.ru/online/news/5048998/> (дата обращения 20.09.2023).

⁵ Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Официальный сайт Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 09.03.2023).

⁶ Портал правовой статистики. — URL: http://crimestat.ru/indicator_passport (дата обращения: 10.03.2023).

Рис. 1. Среднее значение доли наркопреступлений от общего числа преступлений в регионах России

Fig. 1. Average value of the share of drug crimes from the total number of crimes in the regions of Russia

Источник: составлено авторами на основе: Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура РФ. — URL: http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения: 09.08.2023).

Данные на рис. 1 демонстрируют, что в приграничных регионах России уровень наркопреступлений сохраняется более высоким в сравнении с неприграничными. Среднее значение доли наркопреступлений в приграничных регионах на 2022 г. составляло 9,9%, в неприграничных — 8,5%. В число лидирующих по показателю доли наркопреступлений (выше 10%) входят как неприграничные регионы (Рязанская область (14,6%), Ханты-Мансийский АО — Югра (12,5%), Тамбовская область (11,4%), Республика Татарстан (10,5%), Удмуртская Республика (10,3%)), так и приграничные (последних, по нашим расчётам, гораздо больше): республики Ингушетия (17,5%), Северная Осетия — Алания (17,4%), Кабардино-Балкарская (16,5%), Чеченская (15,6%), Дагестан (15,5%), Карачаево-Черкесская (13,3%), Ямало-Ненецкий АО (12,5%), Еврейская АО (11,9%), Тюменская область (11,6%), Челябинская область (11,6%), Приморский край (11,3%), Омская область (11,3%), Республика Крым (11,2%), Магаданская область (10,6%), Алтайский край (10,5%), Санкт-Петербург (10,4%).

Одной из причин повышенных показателей наркопреступлений в приграничных регионах считаются особенности их демографического развития, в частности, миграция населения. Однако влияние этих

факторов ещё недостаточно оценено, хотя актуальность таких исследований очевидна. Цель нашего исследования заключается в эконометрической оценке влияния различных видов иммиграции, а также некоторых других социально-демографических факторов на наркопреступность в регионах России с учётом их приграничного статуса.

Факторы наркопреступлений в исследованиях

Социально-экономические и демографические проблемы отечественные и зарубежные исследователи отмечают в качестве основных детерминант роста наркопреступности. Одним из наиболее значимых факторов считается миграция. Миграция не сопровождается притоком высококвалифицированных специалистов на территорию. Например, по данным МВД России за 2022 г. разрешений на работу высококвалифицированным рабочим выдано лишь 33% среди общего количества⁷. Быстрый заработок от наркоторговли, не требующий профессиональных знаний и опыта, для части мигрантов может оказаться привле-

⁷ МВД России. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074904/> (дата обращения: 04.02.2023).

кательным. Поэтому миграция рассматривается как одна из важных причин роста наркопреступлений.

Р. Станфилд выявил, что в регионах с большим количеством мигрантов наблюдается более высокий уровень преступлений, связанных с наркотиками. Но процент наркопреступлений, совершенных мигрантами, не всегда выше, чем среди коренных жителей [4]. На примере данных США установлено, что количество осужденных коренных жителей из-за наркотических веществ в 2,5 раза выше количества арестов среди иммигрантов [5].

В России удельный вес преступлений мигрантов, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в первом квартале 2022 г. составил 17% [6]. В первую очередь влияния миграции проявляется в приграничных регионах и регионах, находящихся на пути наркотрафика [7; 8]. Основная проблема кроется в низкоэффективной процедуре проверки граждан стран ближнего зарубежья по причине достаточности использования при пересечении границы России лишь национальных гражданских паспортов [9] и нелегальной миграции. Таким образом, облегченный безвизовый режим для населения дружественных стран может усугублять проблему распространения наркотиков в России [10]. Также авторами отмечается формирование устойчивых преступных этнических группировок на территории России, что, в свою очередь, может создавать удобный проверенный путь наркотическим веществам вглубь страны, тем самым снижая эффект влияния наличия границы на наркопреступность [10]. Помимо этого, рост нелегальной миграции может нивелировать влияние официальной миграции на наркопреступления.

При анализе ситуации с наркопреступностью в России авторы чаще всего используют статистический подход, описывая основные тенденции показателей регионов или федеральных округов [11; 12; 7], а также рассматривают проблему со стороны юридических аспектов [13]. Интерес российские эксперты проявляют к Дальневосточному федеральному округу, характеризующему-

ся и высоким уровнем преступлений, связанных с оборотом наркотических средств, и большим притоком иностранных мигрантов [10; 14]. В поле зрения попадают и другие приграничные регионы, где также отмечался рост наркопреступлений [15]. Эконометрические исследования по региональным данным России, изучающие влияние различных предикторов на наркопреступления, не обнаружены.

Важным фактором преступности является экономическое благосостояние региона и граждан. Ухудшение уровня жизни, экономический кризис, действительно, могут приводить к увеличению количества действий криминальной направленности [16–20]. Стоит отметить, что регионы, имеющие низкий уровень ВРП, в большей степени подвержены росту наркопреступности по сравнению с развитыми регионами [21]. Отдельно выделяется безработица, которая считается одним из главных факторов различных преступлений, в том числе и связанных с незаконным оборотом наркотических средств [22; 23]. Безработица, помимо ухудшения благосостояния, может повлечь за собой дезадаптацию личности, послужить причиной употребления наркотических средств. Общий уровень безработицы не всегда может в полной мере улавливать эффект влияния на преступность [24]. Поэтому в исследованиях используют дифференциацию безработицы, например, по возрастным группам или уровню образования, что позволяет выявить различное влияние [25]. Помимо этого, может играть роль и продолжительность периода безработицы. Например, было обнаружено, что безработица на начальных этапах (до 30-ти дней) приводит к росту преступности в большей степени, чем затяжная безработица населения [26].

Фактором, сдерживающим наркопреступность, выступает институт семьи [27]. Формирование здоровых жизненных ориентиров, семейных ценностей в детском возрасте препятствует девиантному поведению в подростковом возрасте и дальнейшей жизни [28; 29]. Поэтому количество разводов авторы выделяют одним из пре-

дикторов наркопреступности [27]. В работе Е. В. Васкэ и О. М. Лебедева представлена характеристика лиц, понёсших наказание из-за наркотических веществ. Лишь около четверти от всех осужденных (23%) состояли на тот момент в браке [30]. Ценность семьи снижается в современном обществе, всё большее количество подростков считает разводы нормой [31]. По данным Росстата, в России в 2020 г. количество разводов среди семей увеличилось на 39% относительно уровня 2015 г. — соотношение (на 1000 браков) составляет 733 и 527 в 2020 и 2015 гг. соответственно⁸. Развод родителей из-за ощущения недопонимания, ненужности сможет провоцировать проявление криминальных наклонностей у ребёнка, особенно подростка, в том числе связанных с наркотиками [32; 33].

На основе анализа литературы были выдвинуты следующие гипотезы: 1) рост иммиграции увеличивает уровень наркопреступлений в регионах России; 2) статус приграничности регионов является фактором роста числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств; 3) эффект влияния иммиграции в приграничных регионах на уровень наркопреступлений выше, чем в неприграничных регионах.

Данные и методология

Информационной базой исследования послужили данные Росстат, ЕМИСС и портала правовой статистики МВД РФ. Для анализа использованы панельные данные 2009–2020 гг. по 83 субъектам России. В выборку не вошли Республика Крым, г. Севастополь и новые регионы по причине отсутствия данных за рассматриваемый период. Выбор указанного временного интервала обусловлен, во-первых, доступностью значений зависимой переменной только с 2009 г.; во-вторых, отсутствием на момент проведения расчётов в ЕМИСС данных по ВРП на душу населения после 2020 года.

⁸ Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели — 2021. Население / Соотношение браков и разводов. — URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 25.03.2023).

Зависимой переменной в модели выступает доля зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, от общего числа всего зарегистрированных преступлений в регионе.

В модели используется три показателя иммиграции населения: внутрирегиональная, межрегиональная и международная иммиграция. Детализация объясняющих переменных позволит определить силу влияния каждого вида иммиграции на уровень наркопреступлений в регионах России. В качестве дополнительного фактора используется бинарная переменная — является ли регион приграничным или нет.

Контрольные переменные отражают экономическое развитие региона (ВРП на душу населения), уровень безработицы и сохранение семейных ценностей (коэффициент разводимости). В исследовании использован не общий уровень безработицы, а в разбивке по возрастным категориям. Считаем, что безработица среди молодых возрастных когорт окажет большее влияние на зависимую переменную, нежели когорты среднего возраста, потому что именно среди молодого населения чаще совершаются преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических веществ. Все переменные представлены в табл. 1. Описательная статистика переменных, используемых в анализе, представлена в табл. 2.

В результате теста Песарана в выборке была обнаружена проблема поперечной зависимости данных, свойственная региональным выборкам, для решения которой использован пересчёт стандартных ошибок методом Дрисколла-Крэя. На основе размера выборки оптимальным было выбрано количество лагов равное двум. Уравнение регрессии оценено методом МНК, позволяющим оценить влияние неизменяющейся во времени переменной приграничности. При использовании модели фиксированных эффектов оценка данной переменной была бы невозможна.

По причине того, что переменные миграции взаимосвязаны между собой, построены отдельные регрессии для каждой переменной иммиграции населения (мо-

Таблица 1

Описание используемых в анализе переменных

Table 1

Description of variables used in the analysis

Обозначение	Зависимая переменная
Y narko	Удельный вес зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в общем количестве зарегистрированных преступлений в регионе, %
Объясняющие переменные	
migrat city	Процент прибывших в пределах региона от общего числа прибывших в регион, % (внутрирегиональная иммиграция)
migrat region	Процент прибывших из других регионов от общего числа прибывших в регион, % (межрегиональная иммиграция)
migrat country	Процент прибывших из зарубежья от общего числа прибывших в регион, % (международная иммиграция)
d border	Бинарная переменная (1 – приграничный регион, 0 – нет)
Контрольные переменные	
divorce	Коэффициент разводимости – число разводов на 1000 человек населения
unem 19	Удельный вес безработных в возрасте 15–19 лет, %
unem 29	Удельный вес безработных в возрасте 20–29 лет, %
unem 39	Удельный вес безработных в возрасте 30–39 лет, %
unem 49	Удельный вес безработных в возрасте 40–49 лет, %
unem 59	Удельный вес безработных в возрасте 50–59 лет, %
unem 69	Удельный вес безработных в возрасте 60–69 лет, %
GRP	ВРП на душу населения в ценах базового года, руб.
Fe time	Фиксированный эффект времени, бинарные переменные для каждого года

Источник: составлено авторами на основе данных Росстата.

Таблица 2

Описательная статистика переменных

Table 2

Descriptive statistics of variables

Переменная	Число наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение	Мин	Мак
Y narko	996	9,486	3,874	2,168	26,486
migrat city	996	49,677	15,247	0	87
migrat region	996	39,01	13,029	11,7	90,6
migrat country	996	11,313	7,632	0,1	41
divorce	996	4,482	1,091	0,3	8,3
unem 19	996	5,351	3,694	0	31,5
unem 29	996	33,55	6,918	0,1	66,5
unem 39	996	23,756	5,794	0,1	51,7
unem 49	996	19,702	4,489	0,1	44,7
unem 59	996	15,72	4,802	0,1	41,4
unem 69	996	2,674	2,39	0	23,3
lnGRP	996	12,896	0,668	10,837	16,057
d border	996	0,506	0,5	0	1

Источник: составлено авторами с помощью Stata.

дели 1–3). Для исключения проблемы мультиколлинеарности переменная безработицы среди группы населения 60–69 лет была исключена из регрессий. Во всех моделях были включены фиксированные перемен-

ные времени 2009–2019 гг. (Fe time). Один год был исключён также для предотвращения проблемы мультиколлинеарности переменных. Полученные результаты представлены в табл. 3.

Оценка регрессий МНК со стандартными ошибками Дрисколла-Краэя

Таблица 3

Estimating OLS Regressions with Driscoll-Kraay Standard Errors

Table 3

Переменная	Модели					
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
migrat_country	0,029** [0,010]			0,081*** [0,018]		
migrat_region		0,054*** [0,006]			0,059*** [0,008]	
migrat_city			-0,048*** [0,006]			0,033*** [0,005]
divorse	1,551*** [0,163]	1,382*** [0,132]	1,479*** [0,124]	1,434*** [0,173]	1,431*** [0,112]	1,393*** [0,166]
unem_59	-0,033 [0,040]	-0,036 [0,038]	-0,054 [0,033]	-0,082 [0,055]	-0,019 [0,043]	-0,036 [0,043]
unem_49	-0,079** [0,029]	-0,078** [0,030]	-0,090** [0,029]	-0,096*** [0,025]	-0,067* [0,032]	-0,076** [0,028]
unem_39	-0,007 [0,034]	-0,020 [0,033]	-0,019 [0,037]	-0,006 [0,040]	0,001 [0,032]	-0,012 [0,035]
unem_29	0,085*** [0,021]	0,062** [0,026]	0,051** [0,020]	0,089*** [0,021]	0,084*** [0,024]	0,106*** [0,327]
unem_19	0,035*** [0,011]	0,027** [0,010]	0,033** [0,014]	0,039*** [0,010]	0,030*** [0,09]	0,029*** [0,009]
lnGRP	-0,794** [0,263]	-0,369** [0,186]	-0,363* [0,154]	-0,528** [0,211]	-0,141** [0,054]	-0,169* [0,068]
d_border	2,218*** [0,166]	2,097*** [0,321]	2,106*** [0,320]	-	-	-
_cons	13,142*** [4,231]	16,598*** [3,232]	21,320*** [2,309]	22,151*** [1,976]	14,004*** [4,094]	15,013*** [4,289]
Fe time	Да	Да	Да	Да	Да	Да
R-sq	0,36	0,37	0,38	0,32	0,38	0,38
N	996	996	996	996	996	996

Примечание: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$. В квадратных скобках указаны стандартные ошибки коэффициентов регрессии.

Источник: составлено авторами с помощью Stata.

Помимо включения в регрессии переменной, отражающей статус приграничности региона, была использована перекрёстная переменная — бинарная переменная приграничности, умноженная на переменные иммиграции (модели 4–6). Это позволило получить оценку влияния эффекта границы с учётом вида иммиграции населения на наркопреступность в регионах России.

Обсуждение результатов

Рассмотрим результаты моделей 1–3. Как и ожидалось, международная иммиграция увеличивает уровень наркопреступлений в регионах России. Эффект значим на 1% уровне, и увеличение переменной на 1% приводит к росту наркопреступлений на 0,03%. Эффект от межрегиональной иммиграции также значим на 1% уровне, он немного выше предыдущего и составляет 0,05%. Переменная внутрирегиональной иммиграции также значима на 1% уровне, но имеет обратное влияние на уровень наркопреступлений в регионах. Причина отрицательного знака коэффициента может заключаться в природе зависимой переменной. В нашей работе уровень наркопреступлений является долей наркопреступлений от общего числа преступлений в регионе. Следовательно, отрицательный знак коэффициента переменной может свидетельствовать о том, что внутрирегиональная иммиграция снижает долю наркопреступлений при увеличении доли других преступлений в среднем по регионам. Очевидно, что на рост наркопреступлений в регионах России оказывает влияние межрегиональная и международная иммиграция населения. Статус приграничного региона увеличивает уровень наркопреступлений. Эффект значим на 1% уровне во всех моделях (1–3). Для приграничных регионов процент наркопреступлений в среднем выше на 2–2,2% относительно неприграничных регионов.

Количество разводов также выступает значимым предиктором наркопреступлений. Коэффициент при переменной поло-

жителен во всех моделях (1–3). Увеличение разводов приводит к росту наркопреступлений в среднем на 1,3–1,5% в регионах России. Стоит отметить, что тут допустима и обратная зависимость переменных — разводы возможны по причине наркозависимости супруга, которая часто выступает триггером наркопреступления.

Переменные безработицы проявили различное влияние в моделях в зависимости от возрастной группы. Увеличение уровня безработицы среди групп 15–19 и 20–29 лет способствует росту преступлений, связанных с наркотиками. Переменная безработицы среди 20–29 лет значима во всех трех моделях, ее увеличение на 1% приводит к росту наркопреступлений в регионах в среднем на 0,05–0,08%. Меньшее влияние у переменной безработицы среди 15–19 лет, увеличение которой на 1% приводит к росту доли наркопреступлений на 0,027–0,033% в регионе. Переменные безработицы среди 30–39 и 50–59 лет оказались незначимыми в моделях. Полученные результаты логичны и подтверждены формирующимися тенденциями — именно молодое население в большей степени замешено в преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Неожиданный эффект был обнаружен у переменной безработицы среди 40–49 лет. Коэффициент значим, но с отрицательным знаком. Следовательно, по нашим результатам увеличение безработицы среди указанной группы населения снижает уровень наркопреступлений в регионах в среднем на 0,08–0,09%. Допускаем, что отрицательный знак может свидетельствовать о том, что безработица среди населения 40–49 лет снижает долю наркопреступлений, тем самым увеличивая долю других преступлений в регионе. Этот вывод находит своё косвенное подтверждение, потому что на возрастную когорту лиц 30–49 лет приходится около половины от общего числа преступлений [34].

Коэффициенты при переменной ВРП значимы во всех моделях (1–3) и имеют отрицательный знак. Таким образом, увеличение ВРП на 1% приводит к снижению наркопреступлений в среднем на 0,04–0,08%

в регионе, что подтверждает сдерживающий эффект экономического благосостояния региона на преступность.

В моделях 4–6 переменные ведут себя устойчиво. Коэффициенты и значимость переменных сохраняются при включении перекрёстной переменной государственной границы с соответствующим видом иммиграции населения. Изменения заметны в интересующих нас коэффициентах иммиграции населения, которые приобрели положительный знак, в том числе и у перекрёстной переменной внутрирегиональной иммиграции. Наибольший эффект границы заметен при международной миграции, коэффициент составляет 0,08% (модель 4). Меньший эффект границы наблюдается при межрегиональной иммиграции и составляет 0,06% (модель 5). Самое низкое значение — в модели внутрирегиональной иммиграции (модель 6), эффект равен 0,03%. Таким образом, для каждого вида иммиграции эффект границы положителен. Рост иммиграции населения в приграничных регионах увеличивает уровень наркопреступлений в них. Этот результат можно оценить, как дополнительный сигнал для соответствующих структур, связанных и с миграционными процессами, и с контролем уровня наркопреступности.

Заключение

Результаты анализа позволяют принять все три выдвинутые гипотезы. Доказано, что увеличение международной иммиграции в среднем приводит к росту наркопреступности в регионах России на 0,03%. Это актуализирует усиление пограничного контроля и проведение более жёсткой мигра-

ционной политики. Особенно, если учесть, как показали результаты оценки, что в приграничных регионах доля наркопреступлений в среднем на 2–2,2% больше, чем в неприграничных. Одновременно установлено, что межрегиональная иммиграция оказывает в целом по регионам большее влияние на наркопреступления (рост на 0,05%). Это уже вопросы эффективности внутренней социально-экономической политики страны и её регионов.

Было обнаружено, что безработица среди молодого населения (в среднем на 0,05–0,08%) и особенно разводы (в среднем на 1,3–1,5%) усугубляют ситуацию с наркопреступностью в субъектах РФ. Поэтому особое внимание следует уделять повышению занятости среди населения до 30 лет, а также формированию и закреплению семейных ценностных ориентиров. Дополнительно подтверждено влияние на наркопреступления темпов экономического роста — однопроцентное повышение ВВП в среднем на 0,04–0,08% снижает наркопреступность.

И наконец, включение в регрессии перекрёстной переменной позволило обнаружить эффект границы для каждого вида иммиграции и установить, что в приграничных регионах влияние миграционных потоков сильнее увеличивает долю наркопреступлений — в среднем на 0,03–0,08% по сравнению с неприграничными субъектами. Наибольший эффект границы возникает при международной иммиграции. На этом фоне еще раз хочется подчеркнуть необходимость повышения эффективности мер миграционной политики, уделив внимание в том числе и довъездной проверке мигрантов из других государств, целей пребывания в нашей стране, а также их окружения и связей.

Литература и Интернет-источники

1. **Шиян, В. И.** Состояние и тенденции преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков / В. И. Шиян // Наркоконтроль. — 2018. — № 2. — С. 3–7, с. 6. DOI: 10.18572/2072-4160-2018-2-3-7; EDN: XRHGFF
2. **Сидоренко, Э. Л.** Наркотики и криптовалюта: мировые криминологические тренды / Э. Л. Сидоренко // Наркоконтроль. — 2018. — № 2. — С. 8–13. DOI: 10.18572/2072-4160-2018-2-8-13; EDN: XRHGFN
3. **Шестак, В. А.** Взаимосвязь между наркоманией и преступностью: основные модели и мировая практика / В. А. Шестак, Е. А. Постоева // Наркоконтроль. — 2022. — № 2. — С. 38–42. DOI: 10.18572/2072-4160-2022-2-38-42; EDN: PDOVMV
4. **Stansfield, R.** Reevaluating the Effect of Recent Immigration on Crime: Estimating the Impact of Change in Discrete Migration Flows to the United Kingdom Following EU Accession / R. Stansfield // Crime & Delinquency. — 2016. — Vol. 62. — No. 11. — P. 1426–1447. DOI: 10.1177/0011128714542500
5. **Light, M. T.** Comparing crime rates between undocumented immigrants, legal immigrants, and native-born US citizens in Texas / M. T. Light, J. He, J. P. Robey // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2020. — Vol. 117. — No. 51. — P. 32340–32347. DOI: 10.1073/pnas.2014704117
6. **Гаджимурадов, Ш. А.** Современная оценка состояния миграционной преступности / Ш. А. Гаджимурадов // Вестник Московского университета МВД России. — 2023. — № 1. — С. 73–79. DOI: 10.24412/2073-0454-2023-1-73-79; EDN: UHTWPX
7. **Тепляшин, П. В.** Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции / П. В. Тепляшин // Lex russica. — 2017. — № 10(131). — С. 147–157. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.131.10.147-157; EDN: ZQMUUB
8. **Щербич, Л. А.** Некоторые аспекты преступности мигрантов в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области) / Л. А. Щербич, Е. С. Кетенчиева // Право и практика. — 2019. — № 4. — С. 118–122. EDN: SCSHJU
9. **Новикова, Е. П.** Современное состояние наркопреступности в России / Е. П. Новикова // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Воронеж, 26 мая 2016 г.). — Воронеж : Воронежский институт ФСИН России, 2016. — С. 316–317. EDN: XFQXVB
10. **Ким, Е. П.** Проблемы демографии и миграции как детерминанты развития наркопреступности в Дальневосточном федеральном округе / Е. П. Ким, Т. А. Федоренко // Всероссийский криминологический журнал. — 2013. — № 2. — С. 7–21. EDN: QBFBLF
11. **Кетенчиева, Е. С.** О преступлениях мигрантов в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / Е. С. Кетенчиева // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 4(51). — С. 62–63. EDN: APCSJP
12. **Аушев, Д. Г.** Статистика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в России / Д. Г. Аушев // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник материалов XXVI Международной научно-практической конференции (Пенза, 5 февраля 2020 г.). — Пенза : Наука и Просвещение, 2020. — С. 62–65. EDN: EOZXBV
13. **Богданов, А. В.** Борьба с наркоманией и ее влияние на национальную безопасность России / А. В. Богданов, Е. Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 11. — С. 46–50. EDN: VIDAAR
14. **Кулакова, В. А.** Преступность мигрантов в современной России: понятие, состояние и тенденции развития / В. А. Кулакова, Т. Б. Чердакова // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: сборник материалов III международной научно-практической конференции (Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 15–20 мая 2013 года) / отв. ред. Д. В. Бузаров. — Благовещенск, 2013. — С. 292–296. EDN: RMBXEE
15. **Шиян, В. И.** Состояние наркоситуации в Республике Карелия / В. И. Шиян // Наркоконтроль. — 2019. — № 4. — С. 37–41. DOI: 10.18572/2072-4160-2019-4-37-41; EDN: GHLNNZ

16. **Храмцова, Т. Г.** Экономическая преступность в России: оценка состояния и влияния факторов / Т. Г. Храмцова, О. О. Храмцова // Транспортное дело России. — 2021. — № 1. — С. 12–16. EDN: OSEOVV
17. **Готчина, Л. В.** Криминологическая характеристика российской наркопреступности: структура, динамика и прогноз / Л. В. Готчина // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11. — № 4. — С. 767–775. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).767-775; EDN: ZXFUXX
18. **Андрюенко, Ю. В.** В поисках объяснения роста преступности в России в переходный период: криминометрический подход / Ю. В. Андрюенко // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2001. — Т. 5. — № 2. — С. 194–220. EDN: SLUWMK
19. **Achim, M. V.** The impact of the development of society on economic and financial crime. Case study for European Union member states / M. V. Achim // Risks. — 2021. — Vol. 9. — No. 5. — P. 97. DOI: 10.3390/risks9050097
20. **Imran, M.** Does poverty lead to crime? Evidence from the United States of America / M. Imran, M. Hosen, M. A. Chowdhury // International Journal of Social Economics. — 2018. — Vol. 45. — No. 10. — P. 1424–1438. DOI: 10.1108/IJSE-04-2017-0167
21. **Куклин, А. А.** Влияние незаконного распространения наркотиков на социально-экономическую ситуацию в регионе / А. А. Куклин, А. Н. Клевакин // Уровень жизни населения регионов России. — 2019. — № 3. — С. 52–63. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10072; EDN: VHRGIM
22. **Лелеков, В. А.** Экономические факторы и преступность / В. А. Лелеков, Е. В. Кошелева // Вестник Воронежского института ФСИН России. — 2019. — № 3. — С. 181–185. EDN: XCKWSG
23. **Невирко, Д. Д.** Особенности влияния социальных практик на развитие наркоситуации в российском обществе / Д. Д. Невирко // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2016. — № 3(25). — С. 6–11. EDN: WLXPNP
24. **Lin, M-J.** Does democracy increase crime? The evidence from international data / M-J. Lin // Journal of Comparative Economics. — 2007. — Vol. 35. — No. 3. — P. 467–483. DOI: 10.1016/j.jce.2007.06.001
25. **Altindag, D. T.** Crime and unemployment: Evidence from Europe / D. T. Altindag // International review of Law and Economics. — 2012. — Vol. 32. — No. 1. — P. 145–157.
26. **Aaltonen, M.** Examining the generality of the unemployment–crime association / M. Aaltonen, J. M. Macdonald, P. Martikainen, J. Kivivuori // Criminology. — 2013. — Vol. 51. — No. 3. — P. 561–594.
27. **Chapman, A.** Opioid misuse and family structure: Changes and continuities in the role of marriage and children over two decades / A. Chapman, A. M. Verdery, S. M. Monnat // Drug and alcohol dependence. — 2021. — Vol. 222. — P. 108668. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2021.108668
28. **Евдошенко, О. В.** Девиантное поведение подростков как социальная проблема современного общества / О. В. Евдошенко // Вестник науки и образования. — 2019. — № 15(69). — С. 112–115. EDN: PNXRBO
29. **Kroese, J.** Growing up in single-parent families and the criminal involvement of adolescents: a systematic review / J. Kroese, W. Bernasco, A. C. Liefbroer, J. Rouwendal // Psychology, Crime & Law. — 2021. — Vol. 27. — No. 1. — P. 61–75. DOI: 10.1080/1068316X.2020.1774589
30. **Васкэ, Е. В.** Психологические и криминологические особенности личности подсудимого при рассмотрении судами уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ / Е. В. Васкэ, О. М. Лебедев // Законность и правопорядок. — 2019. — № 2. — С. 42–46. EDN: WHELHL
31. **Зайнеева, В. Р.** К вопросу о состоянии общества как факторе влияния на преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями / В. Р. Зайнеева // Юридический факт. — 2019. — № 80. — С. 17–19. EDN: HGPGHQ
32. **John, W.** Single parenting and its effects on the development of children in Nigeria / W. John, H. G. Shimfe // The International Journal of Social Sciences and Humanities Invention. — 2020. — Vol. 7. — No. 03. — P. 5891–5902. DOI: 10.18535/ijsshi/v7i04.02

33. **Заречнев, Д. О.** К вопросу о социально-психологических детерминантах преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств / Д. О. Заречнев // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. — 2007. — № 12. — С. 98–102. EDN: HFHCZF
34. **Щербакова, Е. М.** Преступность в России, 2021 год / Е. М. Щербакова // Демоскоп Weekly. — 2022. — № 943–944. — С. 1–30. EDN: ZPMMLF

Сведения об авторах:

Дорошенко Светлана Викторовна, д.э.н., доцент, зав. сектором, Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: doroshenkos@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8282-6062; РИНЦ AuthorID: 77509.

Санаева Ольга Владимировна, младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия,

Контактная информация: e-mail: olg.sanaev@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9826-9547; РИНЦ AuthorID: 1135849.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-179-193

BORDER EFFECT IN ASSESSING THE IMMIGRATION IMPACT ON DRUG CRIME IN RUSSIAN REGIONS

Sveylana V. Doroshenko*, Olga V. Sanaeva

*Institute of Economics of the Ural Branch RAS
(29 Moskovskaya str., Ekaterinburg, Russia, 620014)*

**E-mail: doroshenkos@mail.ru*

Funding:

The study is conducted under the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch RAS for 2024–2026. «Mechanisms for regulation of the economic behavior of population in the conditions of structural changes».

For citation:

Doroshenko S. V., Sanaeva O. V. Border effect in assessing the immigration impact on drug crime in Russian regions. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 179-193. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-179-193 (in Russ.)

Abstract. *The subject of the study is demographic and socio-economic factors influencing drug crimes in Russian regions. The goal is to econometrically assess the impact of various types of immigration, as well as some other factors, on drug crime in Russian regions, taking into account their border status. We tested three hypotheses: H1) increasing immigration rises the level of drug crimes in Russian regions; H2) the border status of regions is a factor increasing the number of crimes connected with drug trafficking; H3) the effect of immigration in border regions on the level of drug crimes is higher than in non-border regions. We used panel data from 2009–2020 for 83 regions of the Russian Federation. To eliminate the problem of cross-sectional dependence of the data, standard errors were recalculated using the Driscoll-Kraay method. The dependent variable is the share of registered crimes related to drug trafficking in the total number of registered crimes in the region. Three immigration indicators are used: intraregional, interregional and international. Control variables reflect economic development, age-specific unemployment rates, and divorce rates. Included are a binary variable for the region's border status, and a cross-sectional variable as the product of the binary variable and immigration.*

The results of the analysis allow us to accept all our hypotheses. We have found that an increase in international immigration on average leads to an increase in drug crime in Russian regions by 0.03%. However, it has been established that interregional immigration has a greater impact on drug crimes across regions on the whole (an increase of 0.05%). Inclusion of a cross-sectional variable in the regressions made it possible to detect the border effect for each type of immigration and establish that in border regions the influence of immigration increases the share of such crimes more strongly. It has been confirmed that divorces and unemployment among the young population aggravate the situation with drug crime. The obtained results may be useful in developing a system of measures to combat drug crimes in various regions, including migration policy.

Keywords: crimes, drug trafficking, border regions, socio-demographic and economic factors, regression analysis.

References and Internet sources

1. Shiyan V.I. Sostoyaniye i tendentsii prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkotikov [State and trends of crimes in illicit narcotic drugs trafficking]. *Narkokontrol' [Drug Control]*. 2018. No. 2. P. 3–7. DOI:10.18572/2072-4160-2018-2-3-7 (in Russ.)
2. Sidorenko E.L. Narkotiki i kriptovalyuta: mirovye kriminologicheskije trendy [Drugs and cryptocurrency: world trends in criminology]. *Narkokontrol' [Drug Control]*. 2018. No. 2. P. 8–13. DOI:10.18572/2072-4160-2018-2-8-13 (in Russ.)
3. Shestak V. A., Postoeva E. A. Vzaimosvyaz' mezhdru narkomaniej i prestupnost'yu: osnovnyje modeli i mirovaya praktika [The interrelation between drug abuse and crime: The main models and the world practice]. *Narkokontrol' [Drug Control]*. 2022. No. 2. P. 38–42. DOI: 10.18572/2072-4160-2022-2-38-42 (in Russ.)
4. Stansfield R. Reevaluating the effect of recent immigration on crime: Estimating the impact of change in discrete migration flows to the United Kingdom following EU accession. *Crime & Delinquency*. 2016. No. 11. P. 1426–1447. DOI:10.1177/0011287114542500
5. Light M. T., He J., Robey J. P. Comparing crime rates between undocumented immigrants, legal immigrants, and native-born US citizens in Texas. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2020. Vol. 117. No. 51. P. 32340–32347. DOI: 10.1073/pnas.2014704117
6. Gadzhimuradov Sh. A. Sovremennaya otsenka sostoyaniya migratsionnoj prestupnosti [Modern assessment of the state of migration crime]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2023. No. 1. P. 73–79. (in Russ.)
7. Teplyashin P. V. Sostoyaniye narkoprestupnosti v Rossijskoj Federatsii: osnovnyje kriminologicheskije pokazateli i tendentsii [The situation with drug crimes in the Russian Federation: the basic criminological markers and trends]. *Lex russica*. 2017. No. 10(131). P. 147–157. DOI:10.17803/1729-5920.2017.131.10.147-157 (in Russ.)
8. Shcherbich L. A., Ketenchieva E. S. Nekotoryje aspekty prestupnosti migrantov v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv (na primere g. Sankt-Peterburga i Leningradskoj oblasti) [Some aspects of migrant crime in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances (on the example of St. Petersburg and the Leningrad region)]. *Pravo i praktika [Law and Practice]*. 2019. No. 4. P. 118–122. (in Russ.)
9. Novikova E. P. Sovremennoje sostoyaniye narkoprestupnosti v Rossii [The current state of drug crime in Russia]. Aktual'nyye problemy deyat'nosti podrazdeleniy UIS [Actual Problems of the Penal System Units Activities]. Proceedings of the All-Russian research and practice conference (Voronezh, 26 May 2016). Voronezhskij institut FSIN Rossii [Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service]. Voronezh. 2016. P. 316–317. (in Russ.)
10. Kim E. P., Fedorenko T. A. Problemy demografii i migratsii kak determinanty razvitiya narkoprestupnosti v Dal'nevostochnom federal'nom okruge [Demography and migration problems as determinants of drug abuse crime development in the Far East Federal Region]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2013. No. 2. P. 7–21. (in Russ.)
11. Ketenchieva E. S. O prestupleniyakh migrantov v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh

- sredstv i psikhotropnykh veshchestv [On the crimes in the field of illicit trafficking of drugs and psychotropic substances by migrants]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow]. 2018. No. 4(51). P. 62–63. (in Russ.)
12. Aushev D.G. Statistika prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv v Rossii [Statistics of crimes in the sphere of illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances in Russia]. *Sovremennaya yurisprudentsiya: aktual'nyje voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Modern Jurisprudence: Topical Issues, Achievements and Innovations]. Proceedings of XXVI international research and practice conference (Penza, 5 February 2020). Penza. Nauka i Prosveshchenije [Science and Enlightenment]. 2020. P. 62–65. (in Russ.)
 13. Bogdanov A. V., Khazov E. N. Bor'ba s narkomaniej i jejo vliyanije na natsional'nyuy bezopasnost' Rossii [Combating drug addiction and its impact on the national security of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2015. No. 11. P. 46–50. (in Russ.)
 14. Kulakova V. A., Cherdakova T. B. Prestupnost' migrantov v sovremennoj Rossii: ponyatiye, sostoyaniye i tendentsii razvitiya [Migrant crime in modern Russia: concept, state and development trends]. *Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: History and Prospects for Cooperation]. Proceedings of III international research and practice conference (Blagoveshchensk-Heihe-Harbin, 15–20 May 2013). Ed. D. V. Buyarov. 2013. P. 292–296. (in Russ.)
 15. Shiyani V. I. Sostoyaniye narkosituatsii v Respublike Kareliya [The state of the drug abuse situation in the Republic of Karelia]. *Narkokontrol'* [Drug Control]. 2019. No. 4. P. 37–41. DOI:10.18572/2072-4160-2019-4-37-41 (in Russ.)
 16. Khramtsova T. G., Khramtsova O. O. Ekonomicheskaya prestupnost' v Rossii: otsenka sostoyaniya i vliyaniya faktorov [Economic crime in Russia: assessment of the state and influence of factors]. *Transportnoje delo Rossii* [Transport Business of Russia]. 2021. No. 1. P. 12–16 (in Russ.)
 17. Gotchina L. V. Kriminologicheskaya kharakteristika rossijskoj narkoprestupnosti: struktura, dinamika i prognoz [Criminological characteristics of Russian drug-related crimes: structure, dynamics and forecast]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* [Russian Journal of Criminology]. 2017. No. 4(11). P. 767–775. (in Russ.)
 18. Andrienko Yu. V. V poiskakh ob'yasneniya rosta prestupnosti v Rossii v perekhodnyj period: kriminometricheskij podhod [Understanding crime growth in Russia during transition: a criminometric approach]. *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [HSE Economic Journal]. 2001. No. 2(5). P. 194–220. (in Russ.)
 19. Achim M. V. The impact of the development of society on economic and financial crime. Case study for European Union member states. *Risks*. 2021. Vol. 9. No. 5. P. 97. DOI: 10.3390/risks9050097
 20. Imran M., Hosen M., Chowdhury M. A. Does poverty lead to crime? Evidence from the United States of America. *International Journal of Social Economics*. 2018. Vol. 45. No. 10. P. 1424–1438. DOI: 10.1108/IJSE-04-2017-0167
 21. Kuklin A. A., Klevakin A. N. Vliyanie nezakonnogo rasprostraneniya narkotikov na sotsial'no-ekonomicheskuyu situatsiyu v regione [Influence of illegal distribution of drugs on the socioeconomic situation in the region]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2019. No. 3. P. 52–63. DOI:10.24411/1999-9836-2019-10072 (in Russ.)
 22. Lelekov V. A., Kosheleva E. V. Ekonomicheskije faktory i prestupnost' [Economic factors and crime]. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii* [Proceedings of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service]. 2019. No. 3. P. 181–185. (in Russ.)
 23. Nevirko D. D. Osobennosti vliyaniya sotsial'nykh praktik na razvitije narkosituatsii v rossijskom obshchestve [Features of influence of social practices on development of the drug situation in the Russian society]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2016. No. 3(25). P. 6–11. (in Russ.)
 24. Lin M.-J. Does democracy increase crime? The evidence from international data. *Journal of Comparative Economics*. 2007. Vol. 35. No. 3. P. 467–483 DOI: 10.1016/j.jce.2007.06.001
 25. Altindag D. T. Crime and unemployment: Evidence from Europe. *International Review of Law and Economics*. 2012. Vol. 32. No 1. P. 145–157.

26. Aaltonen M., Macdonald J. M., Martikainen P., Kivivuori J. Examining the generality of the unemployment–crime association. *Criminology*. 2013. Vol. 51. No. 3. P. 561–594.
27. Chapman A., Verdery A. M., Monnat S. M. Opioid misuse and family structure: Changes and continuities in the role of marriage and children over two decades. *Drug and Alcohol Dependence*. 2021. Vol. 222. P. 108668. DOI: 10.1016/j.drugalcdep.2021.108668
28. Evdoshenko O. V. Deviantnoje povedenije podrostkov kak sotsial'naya problema sovremenogo obshchestva [Deviant behavior of teenagers as a social problem of modern society]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [*Bulletin of Science and Education*]. 2019. No. 15(69). P. 112–115. (in Russ.)
29. Kroese J., Bernasco W., Liefbroer A. C., Rouwendal J. Growing up in single-parent families and the criminal involvement of adolescents: a systematic review. *Psychology, Crime & Law*. 2021. Vol. 27. No. 1. P. 61–75. DOI: 10.1080/1068316X.2020.1774589
30. Vaske E. V., Lebedev O. M. Psikhologicheskije i kriminologicheskije osobennosti lichnosti podsudimogo pri rassmotrenii sudami ugolovnykh del v sfere nezakonno go oborota narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv [Psychological and criminological characteristics of the personality of defendant when courts consider criminal cases in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances]. *Zakonnost' i pravoporyadok* [*Legality and Legal Order*]. 2019. No. 2. P. 42–46. (in Russ.)
31. Zaineeva V. R. K voprosu o sostoyanii obshchestva kak faktore vliyaniya na prestupnost' nesovershennoletnikh s psikhicheskimi anomalijami [To the question of the state of society as a factor influence on juvenile delinquency with mental anomalies]. *Yuridicheskij fakt* [*Legal Fact*]. 2019. No. 80. P. 17–19. (in Russ.)
32. John W., Shimfe H. G. Single parenting and its effects on the development of children in Nigeria. *The International Journal of Social Sciences and Humanities Invention*. 2020. Vol. 7. No. 3. P. 5891–5902. DOI:10.18535/ijsshi/v7i04.02
33. Zarechnev D. O. K voprosu o sotsial'no-psikhologicheskikh determinantakh prestuplenij, svyazannykh s вовлечением nesovershennoletnikh v nezakonnyj oborot narkoticheskikh sredstv [On the issue of socio-psychological determinants of crimes associated with involvement of minors in illegal drug trafficking]. *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [*Bulletin of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*]. 2007. No. 12. P. 98–102. (in Russ.)
34. Shcherbakova E. M. Prestupnost' v Rossii 2021 [Crime in Russia, 2021]. *Demoskop Weekly* [*Demoscope Weekly*]. 2022. No. 943–944. P. 1–30. (in Russ.)

Information about the authors:

Doroshenko Svetlana Viktorovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Sector, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: doroshenkos@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8282-6062; Elibrary AuthorID: 77509.

Sanaeva Olga Vladimirovna, Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: olg.sanaev@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9826-9547; Elibrary AuthorID: 1135849.

Статья поступила в реакцию 21.11.2023, утверждена 06.05.2024., опубликована 30.06.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-194-200
EDN: VAWKFM

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ – VII РИМАСHEВСКИЕ ЧТЕНИЯ «СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»

26 марта 2024 г. в Институте социально-экономических проблем народонаселения им. Н.М.Римашевской (ИСЭПН) ФНИСЦ РАН состоялась ежегодная Международная научно-практическая конференция «Римашевские чтения «Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни», ставшая седьмой с начала её проведения. Организаторами выступили ИСЭПН ФНИСЦ РАН и Отделение общественных наук РАН.

С приветственным словом к участникам обратился директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корреспондент РАН Вячеслав Вениаминович Локосов, который подчеркнул, что институт изучал и сейчас занимается проблемами сбережения населения страны с точки зрения главных детерминант: здоровья, занятости, уровня и качества жизни. Пленарное заседание отрывали доклады корифеев российской науки — д.э.н., проф., директора Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева Юрия Владимировича Яковца и академика РАН, зав. кафедрой экономической теории и политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Абега Гезевича Аганбегяна.

В докладе «Большая семья — фундамент цивилизации и стержень социодемографической стратегии России и мира» Ю.В.Яковец отметил, что демография является одной из важнейших составных частей системы наук об обществе, основой социальной политики государств и цивилизаций. Демография начала складываться в античную эпоху в трудах Конфуция, Платона и Аристотеля и сформирова-

лась как самостоятельная отрасль научного знания в середине XIX в. во Франции. Основы демографии и социальной политики в России заложены в трудах М.В.Ломоносова, А.Шторха и получили развитие в трудах Д.И.Менделеева, Б.Ц.Урланиса, А.В.Чаянова, Л.И.Абалкина, С.П.Капицы и Н.М.Римашевской. Н.М.Римашевская является основателем российской научной школы социодемографии на основе синтеза экономики, демографии, социологии и математического моделирования, основала ИСЭПН РАН и опубликовала циклы работ по проблемам социо-демографического развития и динамики семьи в СССР и России. С начала XXI в. формируется научная школа цивилизационной социодемографии как науки о закономерностях, тенденциях и перспективах социального и демографического развития глобальной и локальной цивилизации в трудах Ю.В.Яковца, В.Г.Доброхлеб и Т.Ю.Яковец.

Большая семья является традиционной ценностью российской цивилизации на различных исторических этапах её развития, основой передачи следующим поколениям цивилизационного наследия и разнообразия. С конца XX века в России нарастают признаки кризиса семьи в рамках общего цивилизационного кризиса. Ю.В.Яковец предложил принять резолюцию, в которой отмечалось, что участники конференции приветствуют меры, принимаемые в России по созданию сильной демографической политики, поддержке материнства и рождаемости, созданию материнского капитала, поддержке многодетных семей и укрепления роли семьи.

Докладчик отметил, что целесообразно рекомендовать комитету Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей выступить с инициативой по подготовке совместно с учёными проекта базового закона «О семье и государственной семейной политике», с тем чтобы отразить основные положения закона в будущей новой редакции Конституции РФ; создать при комитете научно-экспертный совет по вопросам семьи для разработки концепций и экспертизы законопроектов в области социодемографии.

Академик РАН А. Г. Аганбегян в своём выступлении «Прогноз демографических показателей России на перспективу до 2030–2035 гг.» обозначил преемственность проводимых исследований в институте при жизни Н. М. Римашевской и сегодня. Значительное внимание докладчик уделил анализу прогнозов Росстата до 2046 г. и дал собственный прогноз на среднесрочную перспективу по демографической динамике России. Выступление А. Г. Аганбегяна особо ценно своим целостным методологическим анализом демографических проблем и перспектив развития страны.

В докладе «Динамика брачности и семейная политика в России: вызовы нашего времени» В. Г. Доброхлеб, д.э.н., проф., г.н.с. ИСЭПН и ИДИ ФНИСЦ РАН, отметила, что для России характерен высокий уровень брачности, а особенностями брачного состояния населения на макроуровне являются более высокий уровень брачности мужчин, значительный уровень вдовства женщин и рост разведённых и разошедшихся, особенно в женских когортах населения. Послание Президента России Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. является новым этапом формирования семейной политики страны. Автор подчеркнула, что, несмотря на неблагоприятные исторические события и социально-демографические перемены в современном обществе, ценность семьи относится к важнейшим для человека в течение всей жизни. В доказательство этих выводов В. Г. Доброхлеб привела результаты опроса о семейных ценностях, проведённого ВЦИОМ в 2024 году. Так, «для 87%

респондентов создание семьи — не только ценность, но и жизненная цель. С возрастом ценность семьи растёт: среди людей в возрасте 18–34 лет от 70–77% ответили, что одной из важнейших ценностей является создание семьи. В возрасте 60+ семья — важнейшая ценность для подавляющего числа опрошенных (94%). Каждые 4 из 5 опрошенных указали, что «как бы не менялся мир, традиционная семья всегда будет современной (82%)». В заключении автор обозначила важность нового национального проекта «Семья», в качестве примера работы, направленной на повышение качества жизни семей с детьми, на поддержку рождаемости.

Тема брачности в современной России была продолжена д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Финуниверситета), научным сотрудником НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы (НИИ-ОЗММ ДЗМ) О. А. Александровой в докладе «Брачные и репродуктивные установки молодёжи в обществах риска и потребления». Исследователь противопоставляет общепринятые представления о современной молодёжи, связанные с увеличением возраста вступления в брак, откладыванием рождения первого ребёнка, ориентацией на малое число детей, высокими показателями числа разводов и аборт, а также упреки молодёжи в избыточной озабоченности материальными вещами и инфантилизме, результатам опроса студентов Финуниверситета (N= 395), согласно которым молодёжь ставит «семью» на одно из первых мест. Автор отмечает, что молодёжь, действительно, настроена откладывать заключение брака и рождение первого ребёнка на более поздние сроки, однако, причины этого не в снижении ценности семьи и родительства, и не в инфантилизме, а в стремлении молодых людей ответственно подойти к вопросу создания семьи, сопряжённом с возможностью надёжно обеспечить детей и супруга (супругу). О. А. Алек-

сандрова отметила, что, в отличие от предыдущих поколений, живших в сравнительно стабильных условиях, «нынешняя молодёжь живёт в «обществе риска» и, одновременно, в «обществе потребления» с высоким уровнем избыточного неравенства и, как следствие, «завышенными стандартами потребления, несоразмерными доходам большинства».

В докладе «Социально-экономические аспекты благополучия человека» д.э.н., доцент, директор Вологодского научного центра РАН А.А. Шабунова справедливо заметила, что проблематика категории «благополучие» становится все более популярной и востребованной в исследовательском поле российских учёных, количество работ по данной теме выросло с 2010 г. в 7 раз. В выступлении анализировались такие аспекты, как оценка объективного благополучия с помощью статистических показателей, экономические и демографические показатели, динамика индикаторов благополучия народонаселения. Автор видит несколько путей народосбережения: повышение рождаемости, грамотная миграционная политика, сохранение и развитие малых городов и сельских территорий, создание высокопроизводительных рабочих мест, повышение социальной ответственности бизнеса.

В докладе д.соц.н., проф. социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.Б. Синельникова «Воспроизводство модели многодетной семьи в следующем поколении по мужской и женской линии» предлагаются к рассмотрению результаты опроса, проведённого в 2018–2019 гг. кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ (при участии автора) путем одновременного опроса обоих супругов и охватившего почти две с половиной тысячи респондентов. «Среди состоящих в первом законном браке мужчин 46–60 лет, чьи родители имели одного или двух детей, лишь у 9% есть трое и более детей от данного брака, а среди их ровесников, которые являются выходцами из многодетных семей (с 3 и более детьми) — 24%. Среди женщин того же возраста и брачно-

го статуса, происходящих из малодетных семей (с 1–2 детьми), многодетными являются тоже только 9%, а среди тех, которые выросли в многодетных семьях — 16%». Межпоколенная преемственность проявляется и в других аспектах создания и сохранения семьи. Анализируя результаты исследования, автор пришёл к следующим выводам: состав родительской семьи нередко, но не всегда, воспроизводится в следующем поколении; вероятность стать многодетными отцами и матерями зависит не только от числа детей в родительских семьях, но и от многих других факторов, таких как готовность к изменениям в своей жизни, а также к преодолению трудностей, связанных с этими изменениями; вопреки распространённому представлению, решение о рождении детей и формирования многодетных семей зависит от отцов не меньше, чем от матерей; следует предоставить родителям возможность самим лучше обеспечивать свои семьи, полагаться прежде всего на свои собственные силы, а не рассчитывать на получение материальной помощи от государства.

В совместной работе «Механизм принятия решений о семейном бюджете: макро- и микроэкономический ракурс на фоне старения населения и цифровой трансформации» д.э.н., доцент, зав. кафедрой организационного поведения и управления персоналом Томского государственного университета О.П. Недоспасова (Томск, Россия) и зав. кафедрой международного бизнеса Педагогического университета Ниндэ Кэфэн Юань, (Ниндэ, Китай) рассматривается логика формирования механизма принятия домохозяйствами бюджетных решений в историческом аспекте, начиная с периода первой промышленной революции и далее до наших дней. Современный этап изменений обусловлен влиянием цифровой трансформации экономики и общества, а также происходит под влиянием глобального демографического старения. Авторы отмечают ещё одну интересную особенность — неоднородность бюджетных решений домохозяйств под влиянием «цифрового разрыва».

В докладе «Оценка интеллектуального потенциала медицинских организаций в российских реалиях» к.т.н., доцента, в.н.с. Лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН, научного сотрудника НИИОЗММ ДЗМ, доцента кафедры математики, физики и медицинской информатики Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова С. В. Крошила рассмотрена модернизация и обновление оборудования, которые позволяют решать главную задачу улучшения качества медицинского обслуживания. Автор отмечает, что «стремительное проникновение ИТ и новых технических решений в медицине требуют наличие и изучения компетенций сотрудников. Активное переоснащение медицинских организаций и изменение регламента работы сотрудников первичного и вторичного звеньев здравоохранения меняют необходимый уровень интеллектуального капитала медицинских работников и требуют новых подходов к оценке интеллектуального потенциала медицинской организации».

Секция 1 «Междисциплинарная дискуссия «Большая семья — фундамент цивилизации и стержень социодемографической стратегии России и мира», прошла при участии Международного института Питирима Сорокина — Николая Кондратьева и Ялтинского цивилизационного клуба. Модераторами секции выступили: В. Г. Доброхлеб, Е. И. Медведева (д.э.н., доцент, в.н.с. лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН, н.с. Отдела организации здравоохранения НИИОЗММ ДЗМ), С. В. Крошин.

Ряд проблем функционирования современной семьи показали д.соц.н., проф. Тихоокеанского государственного университета И. А. Гареева (Хабаровск) и студентка этого университета А. А. Брехунец (Хабаровск) в докладе «Новые вызовы и тенденции функционирования современной семьи». Авторы видят угрозу целостности и стабильности современной семьи в интернете и социальных сетях: «Онлайн-зависимость и воздействие нежелательного контента негативно сказываются на семей-

ной динамике и отношениях. К интернет-зависимости склонны не только дети, но и взрослые. Это может привести к ухудшению отношений в семье, нарушению структуры семьи и её целостности». Исследователи предложили предпринять ряд мер для решения этой проблемы.

В выступлении «Роль религии и семьи в жизни россиян» аспирантка, м.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН Т. А. Игнатова предложила обратить внимание на такие аспекты кризиса современной семьи, как процессы секуляризации и ослабление института религии, индивидуализации института брака. Отмечено, что несмотря на то, что религия важна для менее чем половины граждан, значительная часть из них живёт согласно религиозным традициям: «Традиционные семейные ценности, поддерживаемые основными религиями в России (важность семьи, брака, детей) в целом укоренились и считаются безусловно важными для большинства населения».

В работе «Нормативные представления о внутрисемейных трансфертах в отношении пожилых членов семьи» к.соц.н., в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН В. М. Карпова на базе эмпирического исследования доказала потребность пожилых, прежде всего, в психологической помощи (в проявлении заботы, общении). И в этом процессе важную роль играет семья. Отмечено, что «в целом среди респондентов старшей возрастной группы (60+) суммарный процент ответов о необходимой помощи ниже для всех категорий. Можно предположить, что для пожилых людей связь с детьми и внуками, супругом и друзьями важнее, чем конкретная инструментальная помощь». «В целом профиль ожидаемой помощи от детей очень близок к профилю помощи от супруга (с некоторым смещением от решения бытовых задач к материальной поддержке)». Это обстоятельство приводит к нарастанию эффекта «сэндвич-поколения» — в связи с ростом продолжительности жизни и среднего возраста рождения детей у людей среднего возраста формируется двойная ответственность: и за ещё маленьких детей, и за уже постаревших родителей.

В выступлении «Семья в системе ценностей россиян» к.соц.н., с.н.с. лаборатории гендерных проблем ИСЭПН ФНИСЦ РАН Е.В.Ковалевская, опираясь на данные социологических опросов, проведённых в последние несколько лет, представила некоторые тенденции и изменения, происходящие в системе ценностей в таких аспектах жизнедеятельности, как семья и гендерные взаимоотношения. По результатам проведённого ВЦИОМ в 2024 г. опроса, «крепкая семья была и остается наиболее важной ценностью для 67% россиян, как и по итогам предыдущего социологического опроса, который проводился ВЦИОМ в октябре 2023 года. Крепкую семью считали важной для себя ценностью большинство российских граждан, независимо от пола, возраста, уровня образования, места проживания и материального положения». Также данные опросов, проведённых в последние годы, показали, что ценностные модели в обществе изменились в сторону индивидуализации, достижения личного успеха, который измеряется преимущественно материальными ценностями, что оказывает влияние при формировании соответствующей системы ценностей у молодёжи.

В выступлении «Старшее поколение: коммуникации в семье и вне семьи» д.э.н., г.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН И.Б.Назарова, основываясь на данных Росстата (комплексное наблюдение условий жизни населения), показала своё видение проблемы коммуникации основного носителя традиционных ценностей в обществе — старшего поколения. Пожилые люди являются важной составляющей человеческого потенциала современного общества, передавая опыт молодому поколению, но пожилые люди в свою очередь нуждаются в поддержке со стороны государства, общества, семьи. И.Б.Назарова предложила некоторые формы поддержки пожилого населения со стороны государства, в рамках специальных мероприятий государственной помощи, позволяющей им продлить активную и социально-значимую жизнь, и в рамках круга близких людей, в семье.

С одной из форм материальной поддержки семей с детьми — семейной ипотекой, знакомит доклад «Финансовая поддержка семей с детьми» д.э.н., проф., зав. лабораторией исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН А.В.Ярашевой. Семейная ипотека возникла в 2018 г. как программа жилищного кредитования, в её рамках семьи могут оформить кредит по сниженной ставке. Автор отмечает, что «данная программа в 2023 г. стала самой популярной среди кредитных проектов с господдержкой и сохраняет свою востребованность в 2024 г.» и для повышения эффективности действия этой программы необходимы дополнительные стимулы. Одним из таких стимулов исследователь считает пример деятельности компании «ДОМ.РФ», в которой предложили «снижать ставки при покупке жилья большей площади, т.к. высокая стоимость квадратных метров вынуждает семьи покупать студии и однокомнатные квартиры, что препятствует увеличению количества детей при планировании своих репродуктивных стратегий». Ещё одной значимой финансовой мерой поддержки могло бы стать сокращение ставки по ипотеке пропорционально количеству детей в семье.

Модераторами секции 2 «Социальные и демографические вызовы современной России» были З.А.Хоткина, к.э.н., доцент, в.н.с. лаборатории гендерных проблем ИСЭПН ФНИСЦ РАН и О.А.Ефанова, к.ф.н., доцент, в.н.с. лаборатории гендерных проблем ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

В выступлении «Социализация экономического политики как фактор улучшения качества жизни и повышения уровня жизни населения» д.э.н., проф., г.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН С.В.Дохолян подчеркнул, что человеческое развитие является основой социализации экономики страны. Автор выделил основные причины, препятствующие успешному развитию человеческого капитала в России: возрастающая дифференциация доходов населения; относительно небольшой средний класс в России, который является социальной основой экономического развития; снижающаяся доступ-

ность и качество социальных услуг (в сфере здравоохранения и образования) в условиях неблагоприятной структуры российского общества. С.В. Дохоляном предложены возможные пути повышения уровня социализации российской экономики, определены цели долгосрочной социально-экономической политики в России, такие как, «повышение уровня жизни населения, снижение социального неравенства, рост доли среднего класса, повышение доступности и качества социальных услуг, увеличение государственных расходов на душу населения, формирование механизма диалога с гражданским обществом, создание социально ответственного бизнеса».

В выступлении к.э.н., зав. лабораторией миграционных исследований ИСЭПН ФНИСЦ РАН Е.С. Красинца «О внешней трудовой миграции в развитии российской экономики» рассматривались современные тренды и противоречивые стороны трудовой миграции в Россию. Автор анализирует проблемы привлечения и использования иностранного труда в России и предлагает создать преференции для одних категорий мигрантов и ограничения для других, стимулировать приезд в страну тех, «кто нужен и может сравнительно легко адаптироваться к российским условиям жизни и интегрироваться в отечественную экономику». Подчёркивается необходимость формирования и развития государственных и частных адаптационных центров для мигрантов, а также разработки организационно-правовых механизмов, обеспечивающих допуск на российский рынок труда иностранных работников на основе учёта интересов коренного населения страны и принципа приоритетного использования в отечественной экономике национальных кадров. Особое внимание исследователь уделил актуализации направлений деятельности в сфере регулирования использования трудовых мигрантов в национальной экономике.

Д.э.н., проф. Первого МГМУ им. И.М. Сеченова Министерства здравоохранения РФ Л.В. Кривко (Москва) в докладе «Современный гендерный аспект сохранения ценно-

сти заботы» проанализировала результаты социологического исследования, проведённого среди российских женщин в возрасте от 18 до 70 лет, которые позволяют ответить на вопрос «об опасности коммодификации заботы как фактора усиления социального неравенства, появления индустрий заботы о здоровье, теле, домашних животных». Автор дала однозначный, хотя и предварительный ответ — в российском обществе сохраняется и воспроизводится неформальный институт заботы об окружающих среди современных российских женщин разного возраста.

Оценке организации работ в стране по достижению целей устойчивого развития ООН (ЦУР) было посвящено выступление «Проблемы и риски устойчивого развития регионов» к.э.н., сотрудника Рязанского государственного радиотехнического университета имени В.Ф. Уткина В.Н. Дронова (Рязань) и к.э.н., учёного секретаря ИСЭПН ФНИСЦ РАН О.Н. Махровой (Москва). Авторы показали, что достижение обозначенных целей позволит повлиять на такие проблемы глобального характера, как изменение климата, сохранить экосистемы Земли, а также водные ресурсы и атмосферу. Авторами были выделены некоторые особенности нашей страны при реализации ЦУР. Так, «Российская Федерация включает в себя регионы, которые отличаются по состоянию экономики, располагают разными ресурсами, имеют различное климатическое и географическое расположение, уровни развития человеческого капитала, различную транспортную доступность и т.д.». Отмечая этот факт, исследователи дают свои предложения по организации работ в стране в целях достижения ЦУР.

Отголоскам пандемии COVID-19 был посвящён доклад к.псх.н., доцента, с.н.с. Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН Т.В. Милаевой (Сыктывкар) «Копинговое поведение людей с алкогольной зависимостью после пандемии COVID-19». Социальная нестабильность в условиях пандемии COVID-19 и её последствий предьяв-

ляют повышенные требования к адаптивным возможностям человека, ставят перед ним задачу преодоления трудностей. Чтобы ослабить состояние тревожности и неопределённости часть людей начинает употреблять повышенные дозы алкоголя, что приводит к увеличению количества людей с алкогольной зависимостью. Согласно опросу, проведённому ВЦИОМ, в России в первые месяцы эпидемии отмечался пик тревожности, что вызвало рост продаж и потребления алкоголя. Предположение, что с ослаблением пандемии уровень тревожности населения уменьшится, не оправдалось, так как началась Специальная военная операция (СВО), что вновь привело к его всплеску. Алкоголизация населения, в том числе женщин и молодёжи, остаётся серьёзной социальной проблемой, а изучение копинг-стратегий зависимых людей может помочь усовершенствованию программ профилактики алкогольной зависимости и формированию поведения, позволяющего справиться с влечением к алкоголю.

В выступлении «Спорт как фактор реабилитации для людей с ограниченными возможностями» к.соц.н., доцент, с.н.с. Отдела социологии социальной сферы Института социологии Национальной академии наук Беларуси Н.С. Рысюкевич (Минск, Белоруссия) отмечено, что любая форма инвалидности влечёт ограничение контактов со здоровыми людьми, снижение двигательной активности, ухудшение психофизического состояния человека, потерю социальных ролей. Социальная реабилитация людей с ограниченными возможностями — одна из наиболее сложных задач современной системы социального обслуживания. При многих видах инвалидности спорт является практически единственной возможностью удовлетворения такой важной потребности человека, как потребность в самоактуализации, поскольку профессиональная, общественно-политическая и другие виды деятельности зачастую оказываются недоступны. Привлечение инвалидов к занятиям спортом — это не только способ восстановления двигательной активности, но и восстановление их контакта с окружа-

ющим миром. Наилучшим видом спортивной активности являются паралимпийские игры. Люди с ограниченными возможностями могут преодолеть какие-либо психологические и физические барьеры, познакомиться с людьми из разных уголков мира, и даже стать примером для подражания.

Подводя итоги, хотелось бы поблагодарить участников VII Римашевских чтений и её организаторов, тех, кто подготовил доклады и участвовал в прениях, представил тезисы или статьи, которые будут опубликованы по итогам этой конференции. А также всех учёных, не остающихся равнодушными к актуальным проблемам современного общества. Надеемся на новую встречу на VIII Римашевских чтениях в следующем году!

Материал подготовили:

Доброхлеб В. Г.,

д.э.н., проф., главный научный сотрудник,
Институт социально-экономических
проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН;
главный научный сотрудник,
Институт демографических
исследований ФНИСЦ РАН;

Милованова И. О.,

к.соц.н., старший научный сотрудник,
Институт социально-экономических
проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-201-206
EDN: WDPSBL

XIII МЕЖДУНАРОДНАЯ ГРУШИНСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ, ПАРАДОКСЫ ДОВЕРИЯ И ПОИСКИ ИСТОЧНИКОВ РАЗВИТИЯ

Едва оправившись от глобальной неопределённости, порождённой пандемией, российское общество оказалось в новой реальности, сформированной событиями, начавшимися в феврале 2022 года. Возникает вопрос, какие способы адаптации будут использоваться россиянами на этот раз. Будет ли это привычное замыкание в своей «ракушке», сокращение горизонтов планирования, сужение радиуса доверия, усиление ориентации на пресловутый «авось» (феномен, возникший, по мнению В. Ключевского, как реакция «великороссов» на непредсказуемость природы и внешних угроз). Или же появятся какие-то новые социальные механизмы, позволяющие обществу не только приспосабливаться, но и развиваться? Именно этот вопрос обсуждался на секции «Российское общество в условиях неопределённости: проблемы адаптации, парадоксы доверия и поиски источников развития», состоявшейся в рамках XIII Международной Грушинской социологической конференции 25 мая 2023 года. Мероприятие было организовано ИСЭПН ФНИСЦ РАН совместно с Департаментом социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Финуниверситет).

В докладе «Вызовы доверию в трансформирующемся мире: цивилизационный разлом или окно возможностей для развития?» А. Г. Тюриков, д.соц.н., проф., руководитель Департамента социологии Финуниверситета подчеркнул, что в эпоху неопределённости и рисков именно доверие позволяет прогнозировать поведение других, вырабатывать собственную реакцию. Исследования показывают, что повышение межличностного доверия с нынешних показателей до уровня Швеции, привело бы

к значительному росту экономического потенциала России. Были представлены промежуточные результаты двухлетнего исследования социальных механизмов формирования доверия, предусматривавшего две волны экспертных опросов с участием более 50 экспертов, а также контент-анализ международной базы научных публикаций, посвящённых изучению доверия. Последний показал, что интенсивнее всего этим занимаются страны мирового «центра» (по И. Валлерстайну), заметно меньше — страны «полупериферии» (Россия, Турция и другие) и практически не занимаются страны СНГ и Африки. Причём, если в странах «ядра» основное внимание уделяется доверию в контексте семьи, религии, деловых отношений, то в странах «полупериферии» — доверию к политическим институтам и силовым структурам. Экспертный опрос выявил пять основных причин дефицита доверия в основных сферах жизнедеятельности. В частности, в экономике среди лидеров: геополитическая напряжённость, неопределённость будущего, санкции. Заметным стало снижение доверия экспертов к финансовым институтам: 5 лет назад оно было очень высоким, прежде всего, за счёт платформенной цифровизации, теперь же наблюдается недоверие, по сути, к управлению деньгами. Во время первого замера ключевым фактором, снижающим доверие, была пандемия; сейчас его значение ослабло, но доверие к науке, здравоохранению, власти ещё не восстановилось. Постоянным важным фактором является коррупция, а в 2022 г. к этим факторам добавилась турбулентность, связанная со Специальной военной операцией (СВО). По мнению экспертов, способствовать снижению неопре-

делённости и формированию доверия в обществе могут, прежде всего, неофициальная система информирования населения, ценности семьи, взаимодействие с цифровыми платформами и профессиональными сообществами. Так, например, своей семье доверяют 70% граждан, но готовы доверять — при определённых условиях — 90%; соседям — 40%, готовы — до 70%; любому человеку доверяют 25%, готовы — более 40%.

О. А. Александрова, д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, представила доклад «Ценность или бремя: как доверие институтам социального государства влияет на их будущее». Становление молодых поколений россиян проходило на фоне двух фундаментальных трендов: складывания авантюристического капитализма (по М. Веберу) и трансформации социального государства в рамках неолиберальной парадигмы, согласно которой расходы бюджета на социальные цели должны быть минимизированы, а социальные блага переведены в разряд услуг и коммерциализированы. Следствием этого становится дискредитация и девальвация в глазах молодёжи таких важных институтов социального государства, как распределительная (солидарная) система пенсионного обеспечения и государственное здравоохранение. Эти тезисы докладчик проиллюстрировала на примере двух исследований, включавших массовые опросы столичной молодёжи. Первое исследование показало, что молодёжь хорошо представляет, что такое «достойная старость», но видит, что полной противоположностью этому является жизнь абсолютного большинства российских пенсионеров, и главная причина — в нехватке у них средств, что представляется молодёжи несправедливым. В своей старости 92% респондентов планируют жить на сбережения, но не уверены, что сумеют их накопить и сохранить. На государственную пенсию молодёжь практически не рассчитывает, поскольку видит опыт старших поколений, а также в силу вовлечённости в неформальную занятость, что связано, в том числе, с неверием в заботу государства. Недоверие к институту государственной пенсии

приводит молодёжь к выводу о желательности освобождения от участия в солидарной пенсионной системе. Второе исследование показывает, что коммерциализация здравоохранения ведёт к злоупотреблению доверием пациентов, выражающемуся, прежде всего, в навязывании платных услуг, с чем сталкивались более половины опрошенной молодёжи или их родные и знакомые. Причём общий индекс злоупотребления доверием выше в государственных учреждениях, нежели в частных. Такое поведение медработников молодёжь объясняет корыстными побуждениями, обусловленными низкими зарплатами, дороговизной жизни, наличием кредитов, а также страхом перед начальством, которое требует вынуждать пациентов обращаться за платными услугами. В итоге, портрет врачей, занятых в государственных учреждениях (разочаровавшиеся в профессии, уставшие, невнимательные), оказывается заметно хуже, чем работающих в частных клиниках. То же касается самих государственных учреждений, где невозможно в разумные сроки попасть на приём и где пациент сталкивается с неприветливым и недостаточно квалифицированным персоналом. Это выталкивает молодёжь в частные клиники, куда ей приходится часто обращаться, притом, что плата весьма ощутима. Дискредитация государственного пенсионного обеспечения и здравоохранения ведёт к девальвации этих институтов в глазах молодёжи. Возникает риск, что, не находя опоры в новых поколениях, эти институты будут и дальше деградировать или даже подвергнутся угрозе упразднения, что оставит общество без страховочных сетей и, кроме того, будет вести к дальнейшей дезинтеграции социума.

Д. М. Логинов, к.э.н., с.н.с. центра социального анализа и прогнозирования РАН-ХиГС в докладе «Адаптационные практики российского населения в условиях новых рисков и трансформаций начала 2020-х годов» представил результаты социологических исследований с 2020 г., когда у россиян начался новый адаптационный цикл. Изменения в жизненных условиях вынуждали менять привычные практики потребления.

Произошла в значительной степени вынужденная активизация онлайн-потребления. Исследования показали, что, хотя максимальную включённость в онлайн-технологии демонстрирует молодёжь, среди самой старшей возрастной когорты до половины используют эти технологии для приобретения товаров и услуг. Растёт использование этих технологий и во всех типах населённых пунктов — даже в малых городах и сёлах уровень включённости в онлайн-потребление составляет десятки процентов, а услуг — более половины. В то же время на протяжении 2022 г. население массово отмечало дефицит и временную недоступность каких-то товаров: треть не смогла оперативно приобрести лекарства, около четверти — другие непродовольственные товары. Адаптационными практиками в 2022 г. стали: покупка товаров впрок (20% запасали продукты питания; 15% — лекарства, более 10% — другие товары) и экономия: около двух третей сэкономили на товарах и бытовых услугах и около половины — на досуге. Менее обеспеченные экономили более активно, но и относительно состоятельные тоже массово экономили: порядка половины — на товарах и бытовых услугах и около трети — на проведении досуга и рекреационных практиках. В большей степени экономии осуществляли представители молодых и средних возрастных групп; семьи с несовершеннолетними детьми сэкономили больше, чем бездетные. При этом большинство россиян в целом удовлетворены тем, как проводят свободное время, однако полностью удовлетворены лишь около трети респондентов, причём это касается всех демографических групп. Более четверти (в наибольшей мере — молодёжь) отказались от ряда предпочтительных форм проведения досуга. Актуальна и адаптационная практика в виде помощи от окружения: регулярно значимую для себя помощь получают около 10% россиян, чаще — женщины всех возрастов. Помощь приходит от родственников или друзей, но не от государства или общественных организаций — от них помощи респонденты не ждут. Что касается доверия, то в границах «ближнего

круга» есть заметная положительная динамика (но у большинства ничего не изменилось), отрицательная — лишь у 6% россиян; а вот за пределами «ближнего круга» ситуация — обратная: отрицательная динамика — у 20% опрошенных, и улучшений почти ни у кого не отмечается.

Ю. В. Бурдастова, к.э.н., выпускающий редактор агентства экономической информации «Прайм», с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН выступила с докладом «Финансовое поведение населения в условиях кризиса», основанным на анализе статистики за последние три десятилетия. С начала 1990-х гг. россияне пережили много кризисов, и сегодня в «Стратегии экономической безопасности России до 2030 года» основными вызовами называются истощение ресурсной базы топливно-сырьевых отраслей, усиление дифференциации по доходам, слабая инновационная активность. Действительно, в любой период в структуре расходов населения преобладает потребление, а в кризисные периоды оно растёт (формирование запасов, вложение средств в товары длительного пользования, недвижимость): если в обычное время — это 60–70%, то в кризис — 80%. Идёт и постепенный рост расходов на обязательные платежи. Типичным для кризисов является и рост объёма наличности, а до 2022 г. — её вложений в иностранную валюту. То есть, несмотря на разную природу кризисов, стратегии финансового поведения в эти периоды похожи. Кроме того, в силу частоты кризисы становятся для населения обыденностью, отсюда — отсутствие как фатальных, так и оптимистических настроений, и, например, с 2009 г. вариант ответа «не хорошее и не плохое» на вопрос о том, какое сейчас время для того, чтобы делать сбережения, стал доминирующим. Хотя материальное положение основной части населения остаётся сложным, граждане начинают ощущать кризис только тогда, когда возникает угроза их заработку или возможности потреблять привычным образом. Есть привыкание к мысли, что кризисы происходят часто, и представления, что кризис быстро заканчивается. В этом есть

и плюсы, и минусы — это нужно учитывать государству.

Т.А.Гужавина, к.филос.н., доцент, зав. лабораторией экономико-социологических исследований Вологодского научного центра РАН выступила с докладом «Доверие и недоверие как основание для выбора поведенческой стратегии в условиях неопределённости». Доверие тесно связано с социальным капиталом. Проведённое исследование показало, что инициаторы тех или иных практик демонстрируют более высокий уровень доверия и уверенности в возможности решения своих и чужих проблем. Причина — в возможности обратиться за помощью к более широкому кругу людей, а доверие выступает условием включённости в различные социальные сети и контакты — с соседями, другими людьми по поводу решения каких-то повседневных проблем. В пандемию COVID-19 в 2020 г. опрос показал расширение круга доверия за счёт соседей, коллег, врачей, и в 2021 г. доверие не снизилось, то есть произошло закрепление. Социальные контакты играют очень большую роль в жизни человека: чем больше социальный капитал, тем скорее будет получена помощь и поддержка. На примере экологического поведения видно, что те, кто в большей степени демонстрирует доверие, скорее готовы поучаствовать в тех или иных природоохранных акциях. В то же время, проблема состоит в том, что 80% населения нигде не участвуют и не готовы это делать.

Д.И.Марков, м.н.с. Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финуниверситета обозначил тему выступления как «Про волка речь — а он навстречь: что думают молодые люди о своём будущем и будущем россиян». События, начавшиеся в 2022 г., оказали существенное влияние на массовое сознание, в том числе и молодёжи. В рамках исследования экономической культуры молодёжи первый замер был проведён в 2022 г. до начала Специальной военной операции (СВО), второй — через год. Семантический дифференциал, использовавшийся для вы-

явления представлений молодёжи о будущем, показал, что за год ничего не изменилось: жизнь в России через 10–15 лет и в долгосрочной перспективе представляется ей далеко не самой богатой, хорошей, спокойной и безопасной. Когда же речь идёт о более конкретных вещах, например, развитии через 10–15 лет отраслей экономики, то ответы с интервалом в год значительно отличаются: при сохранении традиционно высоких позиций у добычи полезных ископаемых, заметно поднялись сельское хозяйство, наукоёмкое промышленное производство, IT-технологии. Но парадокс: рост ожиданий подъёма указанных отраслей сочетается с отсутствием ожиданий успехов в развитии образования и фундаментальной науки. Другое изменение: если в начале 2022 г. половина респондентов считала, что экономика должна быть самодостаточной, а другая половина — что надо вписываться в мировое разделение труда, то в 2023 г. уже абсолютное большинство считает, что российская экономика должна быть самодостаточной, но при этом делать ставку надо не только на диверсификацию экономики, но и на ТЭК. Такая динамика представлений может обуславливаться как воздействием информационной повестки, так и определённым энтузиазмом в связи с менее, чем ожидалось, негативным эффектом от санкций. Уровень доверия к данным Росстата и официальным СМИ за год незначительно увеличился (существенно выше уровень доверия к информации Росстата у молодёжи с высокими потребительскими возможностями), но остаётся низким, и с возрастом молодёжь демонстрирует большой скепсис к этим источникам информации. Абсолютное большинство респондентов полагает, что самые тяжёлые времена либо сейчас, либо ещё впереди. Факторный анализ показал, что молодёжь не исключаются, и даже в той или иной степени ожидают три группы рисков. Первая группа — риски, касающиеся роста цен на продовольствие и снижения курса рубля; вторая — роста безработицы, преступности, снижения размера зарплат и социальных пособий; третья — риски запрета хождения

иностранный валюты, отключение зарубежного сегмента интернета, закрытие границ. За год молодёжь несколько приободрилась: по всем позициям произошло некоторое снижение уровня негативных ожиданий. Корреляции обнаружены с полом (девушки беспокоятся больше юношей), уровнем доверия официальным СМИ (те, кто доверяет, меньше беспокоятся, исключение — ожидания в отношении третьей группы рисков), потребительскими возможностями (более обеспеченные более спокойны). Горизонт планирования относительно большой (нередко на годы вперёд), но и здесь обеспеченные чувствуют себя увереннее. Миграционные настроения: до начала СВО большинство хотело эмигрировать, спустя год — не хочет покидать страну. В целом, по всей совокупности данных, можно говорить о тактической, но не стратегической адаптации ожиданий.

С. В. Крошили, к.т.н., доцент, с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН совместно с Е. И. Медведевой, д.э.н., доцентом, в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН представили доклад «Тренды потребительского доверия в современных реалиях». Несмотря на предыдущие многочисленные кризисы, потребление в России росло с темпом в 10–15%. Но важна структура потребления: с 2005 по 2021 гг., согласно данным Росстата, положительный тренд наблюдался во всём, за исключением пандемийных 2020 и 2021 гг., когда снизилось потребление, прежде всего, непродовольственных товаров. В домохозяйствах с двумя и тремя детьми до 40% расходов идут на питание, если же к ним прибавить расходы на услуги ЖКХ, то в среднем получится 70–80% расходов. При этом считается, если такие расходы составляют свыше 80% — это уже нищета. К изменению потребительских трендов привела пандемия COVID-19, вызвавшая рост расходов на интернет, а также смена поколений: если на начало 2020 г. численность «поколения Z» составляла 40%, то сейчас — около 60%. Более половины покупок делается в интернете: одна пятая всех покупок приходится на Москву, одна десятая — на Московскую область, 7% — на Санкт-Петербург. В основном покупают

электронику и бытовую технику (22%), мебель (18%), одежду (14%). Заметен рост покупающих в интернете среди тех, кто старше 65 лет (прирост почти на 50%), то есть многие из тех, кто вынужденно ушёл в сегмент онлайн-покупок, оттуда уже не вернулись. На уход после начала СВО ряда брендов (в сфере транспорта — 25%, развлечений — 19%, одежды — 18%) потребители реагировали по-разному: некоторые спокойно («не купим это, купим другое»), но для большинства именно бренд является стимулом к покупке, отсюда рост покупок, прежде всего, бытовой техники и электроники, затем одежды и обуви, и далее автомобилей. Кроме того, наблюдался рост покупки лекарств. Меньше всего люди переживали по поводу продуктов питания, полагая, что их проще заместить. При посещении ТРЦ люди стали внимательнее относиться к покупкам, теперь цель «просто погулять» преобладает над целью купить что-то конкретное. Если раньше бренд был важен для 24% респондентов, то сейчас — для 7%, но при условии качества товара. Доминирующим способом оплаты покупок стала карта. Экспертный опрос с интервалом в год зафиксировал: потребление становится более рациональным, развивается осознанное и умное потребление, сохраняется, особенности для молодёжи, приоритет впечатлений, уменьшается «поклонение» бренду. Государство сделало много, чтобы население не ощутило кризиса, а население подстроилось и изменило свою парадигму потребления.

А. А. Мехова, к.филос.н., доцент, зав. кафедрой социологии и социальных технологий Череповецкого государственного университета, посвятила своё выступление теме социального партнёрства, подчеркнув, что оно предполагает ещё и сочувственное отношение. Доверие же связано с уверенностью в искренности и надёжности партнёра — «подхватит ли он того, кто поверит, что можно падать спиной на его руки». Сегодня все нуждаются в поддержке: государство — в поддержке населения и бизнеса, бизнес — в поддержке государства, но, в первую очередь, в поддержке нужда-

ются люди. С 2014 г. по инициативе «Северстали» реализуется большой социологический проект в пяти городах присутствия компании, в том числе, в Вологодской, Белгородской и Мурманской областях. Опросы и фокус-группы показали, что везде много тревоги добавила частичная мобилизация, поскольку она воспринимается как личная проблема. Серьёзный разлом после её начала произошёл там, где кого-то призвали, а остальные живут по-прежнему — эта психологическая неустроенность требует поддержки и разъяснения. На этом фоне в социальном партнёрстве и в формировании доверия очень востребованы гуманистические практики и те, кто их реализует (например, череповецкие НКО «Дорога к дому», «Мамы Череповца рекомендуют», «Союз женщин»). Люди с большей охотой готовы и довериться (рассказать о своих тревогах и бедах), и перечислять средства им, нежели официальным структурам. В части последнего: готовых оказать поддержку примерно половина из опрошенных, но акцент ими делается на горизонтальной поддержке — непосредственно людям, а не институту. Что касается бизнеса, то хотя компания «Северсталь» — самая пострадавшая от санкций, тем не менее, люди верят, что она продолжит социальные проекты. Своего рода нейролингвистическое программирование: несмотря на санкции, компания продолжает благоустройство городской среды, и людям становится спокойнее: значит, будет будущее, молодёжь не уедет из города — и доверие к крупному бизнесу растёт. То же касается местной власти: если основная неопределённость, риски, страхи идут от федеральной повестки, то местная власть становится «утешителем», лично участвуя в ритуальных мероприятиях, беря на себя их оплату и организацию. То есть, условием развития социального партнёрства и доверия является обязательное включение в формальные практики человеческого гуманистического начала.

Последней на секции выступила Д. А. Кунижева, зав. научно-социологической лабораторией Финуниверситета с докладом «Финансовая субъектность как источник

преодоления неопределённости на финансовом рынке». С учётом неопределённости возрастает интерес к прогнозированию поведения, поиску ответов на вопросы, что определяет финансовое поведение, какой тип человека способствует развитию финансового рынка, преодолению возникшей на нем напряжённости. Помочь найти ответы может концепция финансовой субъектности. В ходе исследования были проанализированы подходы к этому понятию, разработана и апробирована методика её измерения. Полученные результаты говорят о том, что при исследовании финансового поведения нужно обращать внимание не только на количественные показатели, но и на смыслы, которыми руководствуются люди.

Материал подготовили:

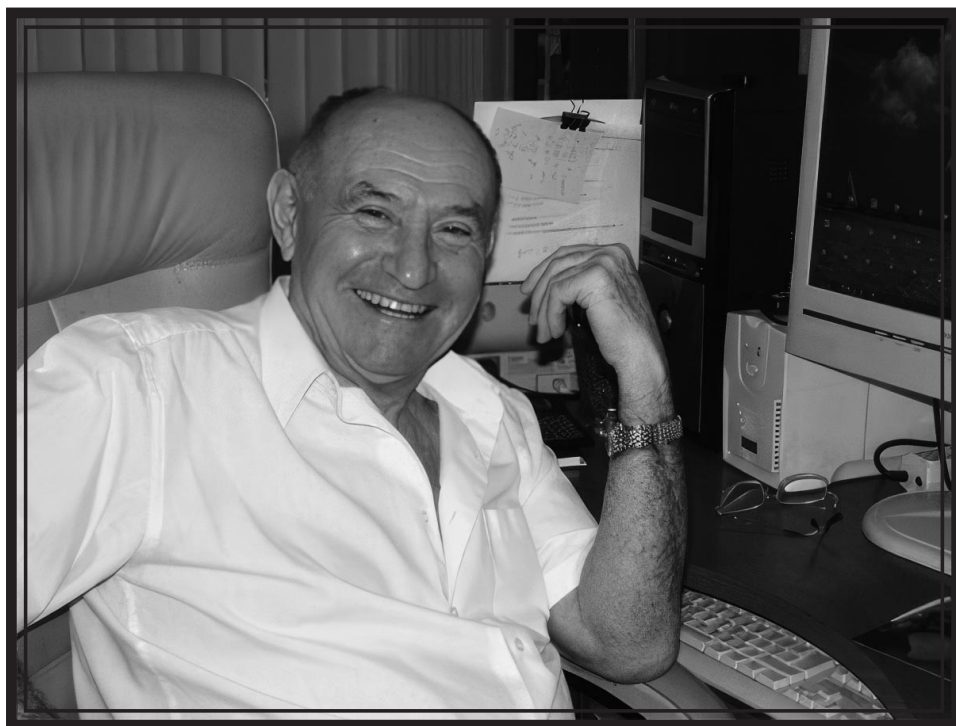
Александрова О. А.,

д.э.н., зам. директора по научной работе,
Институт социально-экономических
проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН,
проф. Финансового университета
при Правительстве РФ;

Ярашева А. В.,

д.э.н., проф., зав. лабораторией,
Институт социально-экономических
проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН.

УШЁЛ ИЗ ЖИЗНИ ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ РЫБАКОВСКИЙ

21.04.1931–10.06.2024

10 июня 2024 года в Москве на 94-м году жизни скончался доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН Леонид Леонидович Рыбаковский. Л. Л. Рыбаковский в 1953 году окончил Куйбышевский плановый институт. С 1959 года работал в Академии наук СССР, с 1974 года — в Институте социологических исследований, с 1991 года — в ИСПИ РАН, ИСЭПН РАН, затем в ИДИ ФНИСЦ РАН. Член коллегии Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, член координационного совета по социальной стратегии при председателе Совета Федерации, член научно-экспертного совета Федеральной миграционной службы. Под его руководством была разработана Концепция демографического развития России на период до 2015 года, одобренная Правительством в 2002 году.

Леонид Леонидович — человек уникальной профессиональной эрудиции и энергии, творческого мышления и чувства юмора, инициатор многочисленных научных идей и трудов. Внёс вклад в теорию миграции населения, предложил этнодемографический метод оценки людских потерь. Автор более 200 научных трудов (в том числе 10 авторских монографий). Автор десятков статей в журналах «Народонаселение», «Социологические исследования», «Политическое образование», «Вестник статистики», «Социальное партнёрство», «Этнопанорама», «Российская Федерация», «Социальная и демографическая политика», «Международная экономика». Автор статей в социологических и демографической энциклопедиях, справочниках по экономике труда и социальной политике. Многие годы являлся членом редакционной коллегии журнала «Народонаселение».

Дирекция и коллектив ИСЭПН ФНИСЦ РАН выражают глубокие соболезнования семье и близким Леонида Леонидовича.

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно представляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объём материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилии автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводится после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, PИHC AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «-»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. *Bednost' v bogatoj Rossii* [Poverty in rich Russia]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. *Potrebnosti i dohod sem'i* [Family Needs and Income]. Moscow. *Ekonomika* [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I. L. *Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnoveniyem gorodskoy zhiloy zastroyki*. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangelsk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косоугольного креста (\times) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90°, 20 °C, 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»: 79183
ISSN 1561-7785